

30421
А.50

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. Г. АЛИЕВ

**СОЮЗЫ
СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА
В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

МАХАЧКАЛА — 1999

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

62130

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. Г. АЛИЕВ

СОЮЗЫ
СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА
В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(Экономика, земельные и социальные отношения,
структура власти)

*Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор А. Р. ШИХСАИДОВ*

МАХАЧКАЛА — 1999

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С. Ш. ГАДЖИЕВА
доктор исторических наук, профессор М. Р. ГАСАНОВ

Рекомендована к изданию решением Ученого совета Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагфилла АН СССР от 12 октября 1988 г., протокол № 13.

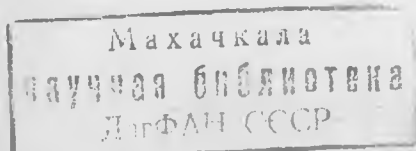
Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). — Махачкала: Издательство типографии Дагестанского научного центра РАН, 1999. — 339 с.

162130

Монография является первым в отечественной историографии обобщающим исследованием, посвященным социально-экономическому развитию и структуре административно-политического управления союзов сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в., известных в исторической литературе как «вольные» общества.

На основе широкого использования архивных и литературных источников, а также большого историко-этнографического материала, с учетом достижений отечественной исторической науки рассматриваются такие узловые вопросы истории союзов сельских общин, как причины и время их образования, хозяйственная деятельность населения, формы земельной собственности и землепользования, социальное развитие общества, структура административно-политического управления.

Книга рассчитана на специалистов — научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов и на широкий круг читателей, интересующихся историей народов Дагестана.

© Алиев Б. Г., 1999 год.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование социально-экономического развития и структуры государственно-политической системы, путей и особенностей перехода к классовому обществу различных народов нашей страны является одной из важнейших задач отечественной исторической науки. Эти вопросы всегда в центре внимания отечественных ученых, в том числе и дагестановедов. Однако еще имеется ряд проблем и вопросов, без всестороннего изучения которых трудно проследить исторически конкретные формы социально-экономического развития Дагестана в целом, его отдельных регионов и политических структур в разные периоды истории. Одной из таких проблем является социально-экономическая и политическая история союзов сельских общин Дагестана, выступавших как своеобразные территориально-политические структуры, на примере которых ярко прослеживается проявление локально-исторического процесса общественного развития, изучение чего также является одной из важнейших задач отечественной исторической науки.

Неразработанность этой проблемы серьезно отразилась на обобщающих трудах по истории народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, в которых обойдены вопросы генезиса и особенностей социально-экономического и политического развития союзов сельских общин. Поскольку же сельские общины и их союзы имелись не только в Дагестане, но и у других народов Кавказа («братства» или «племя» — «тлеух» у адыгов, «тукхумы» у чеченцев и ингушей, «демократические» общества у осетин и т. д.), а также других стран и в их социально-экономическом развитии было много схожего, общего, изучение этой проблемы выходит за рамки Дагестана и приобретает не только общекавказское, но и более широкое значение. Решение этой проблемы имеет и общетеоретическое значение в виду роли сельской общины и их союзов в феодализационном процессе.

Необходимость изучения проблемы союзов сельских общин в целом и ряда конкретных недостаточно исследованных ее аспектов объясняется и тем огромным интересом, который проявляют в современных условиях народы Дагестана к своему прошлому.

Занимая почти половину территории Дагестана, на которой проживало две трети его населения, и играя важную роль в экономической и политической жизни Страны гор, союзы сельских общин, естественно, не могли быть обойдены при изучении истории Дагестана. В разработку многих аспектов этой проблемы значительный вклад внесли С. В. Юшков, И. П. Петрушевский, М. В. Саидова, П. А. Брюханов, Р. М. Магомедов, Х.-М. О. Хашаев, В. Г. Гаджиев, Р. Г. Маршаев, А. Р. Шихсандов, Х. Х. Рамазанов, Л. И. Лавров, Б. Г. Алиев, М. А. Агларов, Д. М. Магомедов, М. Р. Гасанов, Ш. М. Мансуров, Ю. Ю. Карпов, Б. Р. Рагимова, А. Г. Мансурова. Ряд вопросов общественно-экономического развития и административно-политического устройства союзов сельских общин затронут также в работах Г. Г. Османова, Г. Д. Даниялова, М. О. Османова, С. Х. Асиятилова, Ш. М. Ахмедова, М.-С. К. Умаханова, А. М. Магомедова и других исследователей. И все же до сих пор эта проблема является актуальной. Многие аспекты проблемы такие, как: время и причины образования союзов сельских общин, роль частного землевладения и частной собственности вообще в развитии неравенства, выделении общинной верхушки и развитии классовых отношений, особенности развития различных союзов сельских общин, связанных с влиянием или наличием в них феодальных сословий, степень и формы зависимости союзов и отдельных общин от феодальных владений, формы зависимости и эксплуатации узденства внутри союзов, наличие различных социальных слоев, крупного феодального землевладения, особенности структуры административно-политического управления и т.д. еще остаются неизученными, слабоизученными или спорными. И главное — все еще существуют и высказываются различные оценки уровня социально-экономического развития союзов сельских общин. Имеется немало умозрительных, необоснованных и предвзятых утверждений, арханизирующих, подобно представителям дворянско-буржуазной историографии, общественный строй союзов сельских общин, в связи с чем арханизируется общественный строй Дагестана в целом.

Суждения о различных моделях общественного устройства союзов сельских общин, преднамеренная или бессознательная арханизация уровня их развития на основе предвзятого мнения к ним и поверхностного изучения источников, выпячивания формальных сторон их внутренней жизни, акцентирование внимания только на отдельных фактах, цитатах и высказываниях из имеющейся ли-

тературы и мнений других ученых, как нам кажется, вносит все большую путаницу в вопрос об особенностях социально-экономического и политического развития союзов сельских общин. В работе «Статистика и социология» В. И. Ленин, выступая против «выхватывания отдельных фактов», формулирует одно из важнейших требований, предъявляемых к любому исследованию: «...надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стрепня для оправдания, может быть, грязного дела».¹

В отечественной историографии пока нет и обобщающих монографических работ, в которых рассматривалась бы проблема социально-экономического и политического развития союзов сельских общин не только в целом, но и по регионам или народам Дагестана. Имеются лишь работы, которые посвящены отдельным союзам или их группам.* В них изучаются многие узловые вопросы социально-экономического и политического развития союзов сельских общин. Но при всей необходимости, важности и значимости этих работ они не позволяют выявить основные черты общественного развития союзов сельских общин, т.е. локальных конкретно-исторических форм развития, показать, что было общего в их развитии и какие специфические особенности были характерны для того или иного союза или же группы союзов в зависимости от конкретных социально-исторических, естественно-географических, экономических и иных факторов, их место в системе феодального общества Дагестана. Между тем не учитывать этого нельзя, так как не все союзы сельских общин находились в одинаковом политическом положении, располагались в различных регионах, естественно-географических зонах и т.д., что, естественно, и предопределило различную степень феодальных в сущности общественно-экономических отношений различных союзов сельских общин. В этом именно сказывалось различное воздействие как исторических, так и естественно-географических факторов, что особенно проявлялось в условиях гор. Как пишет С. А. Маретина, «многие исторические и социальные процессы в условиях гор развиваются

* Анализ имеющихся работ по союзам сельских общин дается в историографической части работы.

особым образом, отличным в ряде признаков от стержневого пути, характерного для большинства народов мира».²

Сказанное выше и предопределило выбор темы нашего исследования. Оно является первой обобщающей монографической работой, посвященной союзам сельских общин Дагестана в целом, первой попыткой всесторонне изучить основные вопросы социально-экономической и политической истории союзов сельских общин на основе тщательного анализа всех известных и доступных автору источников и литературы, более глубокого изучения адатно-правовых норм, использования и анализа выявленных за последние годы письменных арабоязычных источников и историко-этнографического материала, а также с учетом достижений отечественной исторической науки. Поэтому, естественно, уже в силу одного этого работа не может претендовать на полноту всех поднятых в ней вопросов.

В работе впервые поднят ряд вопросов, которые не нашли до сих пор должного освещения, без чего нельзя понять природу союзов сельских общин, как специфических политических структур, нельзя понять локальную конкретно-историческую форму развития в них классовых отношений, сущности общественного развития в целом. Это прежде всего время, причины, основы, пути и формы образования союзов сельских общин и их объединений (федераций) как своеобразных территориальных и общественно-политических структур; хозяйственно-экономическая деятельность населения; особенности форм землевладения и землепользования; социальный состав общества и связанное с этим экономическое и социально-правовое (фактическое и юридическое) положение различных слоев населения; формы зависимости общин и союзов от соседних феодальных владений; особенности зависимых отношений и форм эксплуатации внутри союзов и их федераций; структура тухума и джамаата; особенности административно-политического управления союзов сельских общин и их объединений.

Думается, что, хотя, как отмечалось выше, не все из этих вопросов решены в одинаковой мере, даже одна постановка их даст возможность другим исследователям поразмыслить над ними, дополнить и углубить их.

Изучение поднятых в работе вопросов сопряжено с определенными трудностями не только в связи с малочисленностью или полным отсутствием по ряду из них письменных источников, но и с тем, что в целом проблема в теоретическом и сравнительно-историческом плане остается недостаточно исследованной.

Выбор для исследования XVIII — первой половины XIX в. объясняется тем, что это отдельный хронологический период или цельный этап истории Дагестана, завершившийся полным присоеди-

нением его к России. /Следует также отметить, что, хотя в первой половине XIX в. союзы сельских общин и были присоединены к России, кардинальные изменения в их общественно-политической организации происходят в основном во второй половине XIX в., что также оправдывает выбор для исследования указанного хронологического периода. Кроме того, по этому периоду имеются значительно более подробные и достоверные сведения, чем по другим предшествующим периодам, что прежде всего связано с большим интересом, который проявился со стороны ученых, военных и гражданских деятелей, путешественников к Дагестану, в том числе к союзам сельских общин. К изучаемому периоду в основном относятся и адаты жителей союзов сельских общин.

Методологической основой работы являются прежде всего строгий научный историзм и исторический детерминизм, предполагающие изучение любого явления в конкретных исторических условиях, принцип сравнительно-исторического исследования, признающего многовариантность всемирно-исторического процесса, взаимос обусловленность событий истории, их последовательность и причинно-следственная внутренняя и внешняя связь. Причем в основе применения историко-сравнительного метода в нашей работе в основном лежат сравнения с окружающими феодальными владениями Дагестана, что дает возможность проследить как уровень развития общественных отношений союзов сельских общин, типологически признаваемых исследователями феодальными, так и ступени развития этих отношений, т.е. определить их стадиальность. Поэтому большая роль в работе отводится и историко-типологическому методу. В то же время малочисленность или полное отсутствие письменных источников по ряду вопросов, недостаточная изученность проблемы в теоретическом и сравнительно-историческом плане, вызвали необходимость применения в работе и метода научной ретроспекции, когда для раскрытия ряда вопросов проблемы обращаемся к анализу и сопоставлению данных более позднего времени.

Развал СССР, переход к рыночным отношениям, так называемая деидеологизация и «демократизация» общества привели к своего рода методологической неопределенности в российской историографии. В этих условиях стало модным в ученом мире игнорировать, не замечать произведения основоположников марксизма-ленинизма, которые раньше служили, где нужно и не нужно, методологической и теоретической основой исторических исследований. Ныне принято такие работы считать идеологизированными. Теперь исследователи не говорят о классовом подходе, делают упор на так называемые общечеловеческие и цивилизационные подходы к истории, будто раньше и ныне общество не де-

лится на противоположные, антагонистические классы, занимающие разное экономическое и политическое положение в обществе.

Между тем, очевидно, что в наше неординарное время в исторических исследованиях невозможно обойтись без трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Для исторических исследований, в особенности периода феодализма и капитализма, содержащиеся в работах К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич», «К критике политической экономии», «Конспект книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», «Капитал»; Ф. Энгельса «Марка», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Франкский период»; В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Аграрный вопрос и «критика Маркса» и др. положения, являются надежным методологическим и теоретическим ориентиром.

Особенно большое значение для изучения социально-экономического развития и административно-политического устройства союзов сельских общин имеют высказывания классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, формах общины, общинной собственности и путях перехода ее в частную собственность, классах, зависимых и рентных отношениях, формах хозяйства, значении ремесла и торговли в развитии общества и, что особенно важно, путях и особенностях становления и развития классовых отношений, т. е. типологическом многообразии форм проявления общих формационных закономерностей в зависимости от исторических, политических, географических и иных факторов.

Принципиальные исходные положения по теории и типам общины и ее роли в развитии общества содержатся в работах отечественных ученых М. О. Косвена, Л. Б. Алаева, Е. С. Голубцовой, Г. И. Анохина, С. А. Маретиной, Ю. И. Семенова, А. Д. Давыдова, В. П. Невской, В. П. Данилова, Л. В. Даниловой, М. А. Агларова, А. Р. Магомедова и др. В работе использованы современные достижения отечественной исторической науки в области изучения докапиталистических обществ (работы И. П. Петрушевского, Б. Ф. Поршнева, Е. М. Жукова, А. И. Неусыхина, Ю. В. Бромлея, К. З. Ашрафян, В. К. Гарданова, Ю. В. Качановского, А. П. Новосельцева, А. Я. Гуревича, И. Я. Фроянова, А. Д. Папазяна, Г. А. Меликишвили, А. И. Робакидзе, Г. А. Гасвиани и др.), а также опыт, накопленный по социально-экономической истории Дагестана дооктябрьского периода такими исследователями как: С. В. Юшков, Р. М. Магомедов, Х.-М. О. Хашаев, Г. Г. Османов, В. Г. Гаджиев, Р. Г. Маршаев, С. Ш. Гаджиева,

А. Р. Шихсаидов, Х. Х. Рамазанов, Л. И. Лавров, М. О. Османов, Г. Д. Даниялов, М. М. Ихиллов, Ш. М. Ахмедов, М. Р. Гасанов, М.-С. К. Умаханов, Д. М. Магомедов, Ю. Ю. Карпов, Ш. М. Мансуров, А. Г. Мансурова, Н. А. Магомедов, Е. И. Иноземцева, Б. Р. Рагимова и др.

Книга является итогом более чем 25-летней работы автора над изучением различных союзов сельских общин и отдельных аспектов проблемы в целом. Разновременно отдельные вопросы и части работы, а также книга в целом обсуждались на заседаниях отдела истории досоветского периода и Ученого совета Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Автор признателен прежде всего сотрудникам отдела, где выполнялась, обсуждалась и была рекомендована к изданию работа: главному научному сотруднику, доктору исторических наук, профессору С. Ш. Гаджиевой, ведущему научному сотруднику, доктору исторических наук, профессору М.-С. К. Умаханову, старшему научному сотруднику, кандидату исторических наук Д. М. Магомедову, научному сотруднику, кандидату исторических наук Е. И. Иноземцевой и Р. С. Шихсаидовой; автор выражает огромную благодарность зав. отделом восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН, доктору исторических наук, профессору А. Р. Шихсаидову, зав. отделом этнографии Института ИАЭ ДНЦ РАН, доктору исторических наук М. О. Османову, зав. отделом новой и новейшей истории Института ИАЭ ДНЦ РАН, доктору исторических наук, профессору Г. Ш. Каймазову, зав. кафедрой истории Дагестана Даггоспедуниверситета, доктору исторических наук, профессору М. Р. Гасанову и другим товарищам за деловые и дружеские советы во время работы над темой и ценные замечания при обсуждении работы, чем оказали большую помощь в устранении имеющихся недостатков и окончательной подготовке ее к изданию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350—351.

² Маретина С. А. Роль географического фактора в общественном развитии горных народов Индии // Роль географического фактора в развитии докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 199.

ГЛАВА I

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ, ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Исторнография проблемы социально-экономического и политического развития союзов сельских общин Дагестана делится на два основных периода — дооктябрьский и советский, внутри которых, в свою очередь, имеются свои этапы, связанные с усилением интереса к истории народов Кавказа и Дагестана — в частности. Акцентируя внимание на этих основных периодах, в то же время в работе выделяются по значимости те или иные этапы, которые связаны с усилением интереса к изучаемой проблеме.

а) Обзор литературы дооктябрьского периода

Интерес к союзам сельских общин Дагестана в дооктябрьский период стал проявляться с XVIII в. с усилением внимания России к Дагестану и Кавказу в целом со времени похода Петра I в Прикаспий. Именно поэтому, начиная с первой трети XVIII в., появляется ряд работ, где затрагиваются и союзы сельских общин Дагестана.

Первым автором, который характеризовал союзы сельских общин Дагестана, был участник похода Петра I в Прикаспий И.-Г. Гербер. Как и феодальные владения Дагестана, он называет их территориями («territorium»)¹. В русском тексте работы союзы сельских общин, как и другие структуры, названы «уездами», что по смыслу соответствует территориям. Это части «провинций»², на которые И.-Г. Гербер делил Дагестан. В то же время в разделах «доходы» И.-Г. Гербер характеризует жителей союзов сельских общин как людей вольных³. Тем самым он подчеркивает отличие союзов сельских общин от феодальных владений, хотя, конечно, не отметить, что И. Гербер, в силу своей классовой ограниченности, слабой теоретической подготовленности не мог раскрыть специфику социально-экономического развития многочисленных народов Дагестана⁴.

Внимание к Дагестану особенно усиливается с конца XVIII в., когда «начинается период научного кавказоведения в противоположность предыдущему периоду, который можно назвать периодом накопления сырого материала и первичной его обработки»⁵. Как писал М. О. Косвен, это было «начало организованного и систематического изучения Кавказа и его народов», представленное «в особенности организованными русской Академией наук экспедициями отдельных ученых, в частности Гмелина и Гюльденштедта»⁶.

Акад. И. А. Гюльденштедт в составе экспедиции Российской Академии наук в 1770—1773 гг. был на Кавказе, в том числе в Дагестане и собрал богатый исторический и лингвистический материал. В работе, изданной посмертно, И. А. Гюльденштедт уделяет большое место союзам сельских общин Дагестана. Он называет их «округами»⁷. Термин «округ» равнозначен здесь термину «district», которым названы союзы сельских общин им в немецком издании книги, что соответствует низшей административно-территориальной единице в России в XVIII в⁸.

Авторы этого периода не говорят о союзах сельских общин Дагестана как о «вольных» обществах или народах. Исключение составляет участник Персидского похода 1796 г. Д. И. Тихонов, который называет Урахинский союз «владением вольных народов»⁹.

В конце XVIII — нач. XIX в. в связи с притоком в Дагестан новых исследователей издается ряд работ, где дается в какой-то мере и характеристика социально-экономического и административно-политического устройства союзов сельских общин. Конечно, как и прежде, работы этого периода были посвящены Дагестану в целом. Причем и в них главное внимание уделялось военно-политической истории, и авторы их, как правило, ограничивались либо краткой характеристикой общественного строя Дагестана в целом, либо рассмотрением отдельных его вопросов. При этом в какой-то мере и затрагивались союзы сельских общин. Но начиная с XIX в. появился и ряд работ, в которых уже в большой мере уделяется внимание им. В работах этого периода было положено начало характеристики союзов как республик, федеративных республик, вольных обществ¹⁰.

Наиболее полно мнение о демократической форме управления, республиканском устройстве союзов сельских общин Дагестана было высказано С. М. Броневским. В работе, написанной в 1810 г.¹¹, одни союзы он называет республиками, другие — федеративными республиками, третьи — федеративными обществами, четвертые — просто обществами¹². Он писал, что в союзах сельских

общин не было феодального сословия («дворян»), если не причислить к ним «старшин, управлявших наследственно»¹³, отмечал многочисленность «видов, союзов и притязаний, составляющих политику Горских народов»¹⁴, наличие у них «более единодушия... более устройства внутри, и более единства во внешних действиях, нежели в феодальных правительствах»¹⁵. «...не менее известны им, — писал он, — ...союзы, договоры, подарки, посредничества, ручательства, залого»¹⁶.)

Хотя С. М. Броневский преувеличивал остатки патриархально-родовой демократии в союзах сельских общин, значение его работы в том, что здесь сделана первая попытка в дореволюционной историографии дать общую характеристику их общественно-государственного строя.

Со времени выхода книги С. М. Броневского в кавказоведческой литературе для оценки общественного строя союзов сельских общин Дагестана, как и других горцев Кавказа, стало распространенным употребление в различных вариантах и формулировках терминов «вольное общество», «республика», «республиканское управление», «демократическое управление», «федеративная республика»¹⁷.

В этот период появляется ряд работ обобщающего характера с широким охватом местностей и народов Кавказа, в том числе и союзов сельских общин. Одной из них был труд П. Зубова¹⁸, 3-я часть которого посвящена Дагестану. В разделе «Лезгистан» перечислены Джаро-Белокавказские общества, аварские союзы, «вольные общества Ахты, Рутуль, Сергинское и Даргинское»¹⁹. В разделе «Дагестан» автор говорит о роли Акуша-Дарго в политической жизни Дагестана, его взаимоотношениях с шамхальством, управлении, численности населения, путях сообщений и т. д. При этом ошибочно в его составе перечислено Дженгутаевское владение, как одна из его частей. Неправ автор и в определении границ Акуша-Дарго²⁰.

Ряд вопросов истории союзов сельских общин затронут в работе О. Евецкого²¹. Одни из них, перечисленные в составе «лезгинских племен», названы им «вольными», а Рутульский, Сюргинский и Кубачинский — небольшими демократическими республиками²². В работе также затронуты отдельные вопросы хозяйства и местного управления.

В 40-е годы XIX в. появился ряд работ, в которых также говорится о союзах сельских общин, а в отдельных из них дается и оценка их общественного и политического устройства.

В компилятивной статье о кубачинцах акад. Френ писал, что они «имеют свое правление, которое нам представляют то демократическим, то аристократическим»²³.

Отдельные вопросы истории союзов сельских общин затронуты в работе Н. Данилевского²⁴, которая вместе с тем содержит много ошибок и небылиц, вызвавших критику сразу же по ее изданию²⁵. Автор перечисляет в составе Акуша-Дарго села, которые входили в другие владения и союзы, отрицает наличие в последних управления²⁶ и т. д.

В 40-е годы вышли и работы А. А. Неверовского. В одной из них²⁷ содержится обстоятельное для своего времени описание Дагестана, в том числе союзов сельских общин. Имеется здесь и карта, где дается и перечень союзов сельских общин, названных «вольными обществами», жители которых «составляют один класс людей, зависимых собственно от самих себя, без подразделения на дворян или князей»²⁸. А. А. Неверовский отрицал наличие управления в союзах сельских общин, сравнивал горцев с «народами полудикими», у которых «первым законом было право сильного»²⁹.

В другой работе А. А. Неверовского отмечается независимость «вольных обществ», решительно не признающих ничьей власти над собой»³⁰.

Во второй половине XIX в. делается попытка более глубокого изучения общественного строя горцев. Особенностью работ этого периода было то, что в них указана форма, «в которой выражался или воплощался... демократический строй»: с одной стороны, «родовая группа» — тухум, с другой — община (джамаат)³¹. В оценке общественного строя союзов сельских общин преобладает мнение о господстве в них родового или общинно-родового строя, а в литературе этого времени повторяются термины «род» или «родовой союз»³².

Отдельные исследователи этого периода также предвзято пренебрежительно пишут о горцах. Так, И. Н. Березин вообще отрицал наличие истории у горцев³³. Форма правления в союзах сельских общин им названа «властью народной»³⁴.

Нелестно отзывался о жителях союзов сельских общин Я. Костенецкий, называя их варварскими народами³⁵, которые «не имеют ни ханов, ни князей, а живут патриархальными общинами, управляемыми старейшинами», а союзы сельских общин «представляют собой едва ли не первую степень политического устройства народов»³⁶.

Из работ 50-х годов особо следует указать на труды А. Берже³⁷. Наиболее значительной по охвату разнообразных вопросов и оценке общественного строя жителей союзов сельских общин является работа, посвященная в основном аварским обществам. Но и А. Берже не пошел дальше своих предшественников в оценке

уровня их общественного развития. Он утверждал, что жители союзов «сохранили в общественном устройстве преимущественно первобытные формы», у них «не существует различиясловия»³⁸.

Особенностью работ последующих десятилетий является то, что в них в большей мере указаны формы проявления «родового строя». Так, А. В. Комаров писал, что тухум — «род», «родня», «тесный родственный союз»³⁹.

В своих «Записках» Н. Н. Муравьев-Карский останавливается на ряде союзов сельских общин⁴⁰. Он писал, что андийские деревни «не имеют владельцев, управляются миром, составляя подобие республики. Но, где более заметно сего рода управление, то в союзных деревнях Гергебилских и Ундукульских». Койсубуду он называет оборонительным союзом, а союзы Акуша-Дарго — уездами⁴¹.

Ф. Щербина в 1886 г. издал статью, где также тухум отождествлен с родом и утверждается о господстве у горцев родовой организации. «Родовой быт царя повсеместно между горскими племенами, — писал он, — родовая община служила наиболее типичною формою этого быта»⁴², родовое начало играло вообще самую выдающуюся роль в жизни горца⁴³. Ф. Щербина говорил о господстве общинного землевладения, отсутствии частной собственности, которую якобы во многих местах насадили русские. Во всем жизненном укладе горца он видел только примитивность⁴⁴. Ф. Щербина не мог писать по-другому, так как работа его основана на трудах предшественников, стоявших на таких же позициях.

Видный и разносторонний кавказовед Е. Г. Вейденбаум аварские союзы называл независимыми или вольными обществами под управлением выборных старшин, а лезгинские — независимыми обществами. Он писал также о составе, управлении и т. д. других союзов⁴⁵. В целом Е. Г. Вейденбаум писал, что союзы «не имели сословий и не знали личной зависимости», считал тухум родом, «со всеми свойствами этой форме быта учреждениями: судом по обычаю, кровомщением» и т. д., а союзы сельских общин — «союзами родов»⁴⁶.

В другой работе Е. Г. Вейденбаум называет союзы сельских общин мелкими республиками, которые «не признавали единоличной власти и управлялись родовыми или выборными старшинами под контролем всего общества»⁴⁷.

Наиболее видное место среди работ дореволюционных исследователей занимают труды крупнейшего исследователя Кавказа М. М. Ковалевского. Собрав большой фактический материал по истории, этнографии и обычному праву горцев Дагестана, в том

числе и жителей союзов сельских общин, М. М. Ковалевский обобщил его в своем капитальном двухтомном труде⁴⁸, в котором впервые делается попытка всесторонне исследовать их общественное устройство. Однако М. М. Ковалевский также ошибочно считал тухум «родовой организацией», составляющей основу общественного быта дагестанских горцев»⁴⁹. По его мнению, словом «тухум» выражают понятие рода, как общее правило: и в Табасаране, и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском, и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью⁵⁰. Он писал о «родовом характере дагестанских поселений»⁵¹, что «роды и нераздельные семьи одни являлись субъектом имущественных прав»⁵².

Однако не только в XIX в., но и ранее, дагестанский тухум не был классическим родом, так как не было здесь ни экономической, ни политической основы рода. В Дагестане давно господствовал территориальный принцип расселения, что признавал и сам М. М. Ковалевский, писавший, что в сельских обществах «бок о бок живут члены разных тухумов»⁵³, что в XIX в. «общин родовых, т. е. таких, в которых бы все население принадлежало к одной и той же кровной группе... в Дагестане не встречаем»⁵⁴.

Как и другие дореволюционные исследователи, М. М. Ковалевский, по словам В. К. Гарданова, преувеличивал «реальное значение патриархально-родового уклада в общественном строе» народов Кавказа, «и, увлекшись изучением пережитков архаических общественных форм», склонен был «не замечать того, что они скрывали за собой по существу уже феодальные отношения»⁵⁵.

Мнения о господстве в союзах сельских общин родового строя придерживались и авторы работ начала XX в.⁵⁶

Дореволюционная местная историография представлена только работами А.-К. Бакиханова⁵⁷, Г.-Э. Алкадари⁵⁸ и Г.-М. Амирова⁵⁹. В работах первых двух авторов, написанных в основном на основе первоисточников, затронут ряд вопросов истории горцев: политическое положение, отношение к феодальным владениям, административное управление, роль духовенства и т. д. В работе Г.-М. Амирова дается подробное описание отдельных обычаев и обрядов урахинцев, ряд интересных сведений по земельным отношениям и т. д.

По союзам сельских общин имеются работы и на иностранных, в основном на английском, немецком и французском, языках. Среди них интерес представляют труды Г. Эллиса, Г. Валя, Я. Рейнхейса, Ю. Клапрота, Ф. Боденштедта, Р. Эркерт⁶⁰ и др. Одни из них носят компилятивный характер, другие написаны на основе собранных на местах сведений и материалов и в целом охватывают те же вопросы истории горцев, что и работы отечественных

дореволюционных авторов. Характерным и для указанных авторов является архаизация общественного строя союзов сельских общин.

Из работ на иностранных языках особо следует указать труды Я. Рейнеггса, Ю. Клапрота и Ф. Боденштедта, в которых охвачен большой круг вопросов истории горцев. Первый из них неоднократно был на Кавказе, в том числе в Дагестане, и в своей работе затрагивает различные вопросы истории койсубулинцев, кубачинцев, кайтагов, андийцев, Акуша-Дарго и т. д.

Большой круг вопросов истории союзов сельских общин поднят в работах Ю. Клапрота. Акуша-Дарго и Кубачи он называет республиками, а жителей гор — «независимыми лезгинскими племенами». Ю. Клапрот пишет о составе союзов, численности населения, хозяйстве, политическом устройстве, взаимоотношениях с феодальными владениями.

В работе Ф. Боденштедта говорится о Дидо, Салатавин, Гумбете, Койсубулу, Сюрга, Акуша-Дарго, Самурских и Джаро-Белоканских союзах. Восхищаясь трудолюбием горцев, искусством обработки земли, он в то же время писал, что они стояли на низшей ступени развития.

Как видим, в дореволюционной историографии архаизировался общественный строй союзов сельских общин, что являлось результатом анализа лишь внешних форм быта горцев, плодом тенденциозных взглядов царских чиновников, официальных историков, экономистов, юристов, их преувеличенной оценки пережитков прошлого. Как писал проф. М. О. Косвен, «от представления о подлинном состоянии и характере родовых форм и отношений, существовавших у народов Кавказа в ту эпоху, русские наблюдатели того времени были довольно далеки, что глубокий распад родового строя, наличие в общественных отношениях даже самых отсталых народов Кавказа глубокого социального расслоения, проникновения уже в ту пору даже в самые глухие ущелья кавказских гор классовых отношений, — все это осталось недоступным методологически и идеологически не вооруженному взору наблюдателей той эпохи»⁶¹. Дореволюционные исследователи не замечали классовых противоречий в союзах сельских общин, видимость свободы и демократизма принимали за действительность⁶². Они не учитывали также конкретные исторические и естественно-географические условия, которые наложили свой отпечаток на характер и своеобразие социальных отношений, и проводили параллели с развитыми феодальными государствами. Между тем совершенно ясно, что только в результате учета местных специфических условий и особенностей можно определить и характер социального строя. Указывая на это обстоятельство, К. Маркс писал, что

«один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁶³.

Кроме того, не будучи непосредственно на местах происходивших событий, авторы многих работ искажали действительное состояние вещей. Но не учитывать и не использовать работы дореволюционных авторов нельзя, хотя они и требуют к себе особо критического подхода. К использованию достижений прошлого как исторического источника призывают и многие крупные ученые, в том числе классики марксизма-ленинизма, указывающие раскрывать «при этом свойственные... искажения, претензии на бесклассовость и другие пороки»⁶⁴. В работе «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельс писал, что «наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»⁶⁵. Исходя из всего сказанного мы и используем широко в своем исследовании труды дореволюционных отечественных и зарубежных авторов.

б) Союзы сельских общин в трудах отечественных исследователей советского периода

Подлинно научное освещение истории народов Дагестана, их политических образований дали лишь отечественные исследователи советского периода. На основе изучения и анализа архивных и имеющихся литературных источников они проделали большую работу по исследованию общественного строя Дагестана в целом и особенностей развития союзов сельских общин. Однако и советские исследователи не сразу пришли к правильной оценке уровня общественного развития горцев. Так, в работе «Дагестан» Н. Самурский проводил идею господства в Дагестане родового строя, родовой общины даже в послереволюционное время⁶⁶. То же самое писал П. Кушнер (Кнышев)⁶⁷. По мнению М. Плисецкого, союзы сельских общин являлись тухумами, «которые управлялись на родовых началах кадиями и выборными старшинами»⁶⁸.

Исходя из удаленности того или иного района от Каспийского моря, проф. С. В. Юшков установил шесть различных ступеней или стадий развития феодализма в Дагестане⁶⁹. Он писал, что в тех частях Дагестана, «которые удалены от побережья, расположены на главном Кавказском хребте и его высоких отро-

Махачкала

научная библиотека
ДагФАН СССР

17

гах... господствовали родоплеменные отношения»⁷⁰. По мнению С. В. Юшкова, здесь существовали только отдельные племена-общины, состоявшие иногда из нескольких общин, в которых чрезвычайно сильны были родовые организации — тухумы. Союзы сельских общин он считал более сложными общественными организациями, возникавшими в местностях более близких к побережью и плоскости, «где в большей степени проявился процесс разложения доклассового общества и где, следовательно, в большей степени наблюдаются признаки зарождения феодализма». В процессе разложения союзов сельских общин С. В. Юшков видит «определенную дальнейшую стадию разложения доклассового общества и определенную ступень к возникновению феодализма», что проявлялось, по его мнению, в разложении тухумных организаций, потере тухумами своего поземельно-экономического значения, переходе пастбищ и лесов в распоряжение общин, а пахотных участков — отдельных хозяйств⁷¹.

Ошибочность утверждений С. В. Юшкова, что в XIX в. в высокогорном Дагестане не было союзов сельских общин, а существовали отдельные племена-общины, и, что здесь только наблюдаются признаки зарождения феодализма очевидна.

А. Иванов также писал о пестроте общественной структуры дагестанских народов и объяснял это разнообразием условий производства и факторами исторического порядка⁷². Общественный строй аварских обществ, писал он, «характеризовался господством патриархально-родовых начал», а Средний Дагестан ко времени присоединения к России находился «на стадии перехода от патриархально-родовых отношений к феодальным», что «процесс феодализации здесь только начинался» на базе рабовладения. Еще более отсталыми видит А. Иванов общества Южного Дагестана, где, по его словам, «патриархально-родовые устои выступают еще более ярко»⁷³. Не будучи знакомым с конкретным материалом, он утверждал, что здесь «суверенным собственником земли являлся магал, т. е. союз сельских общин», который якобы «распределял земельные угодья между общинами, а последние в свою очередь наделяли участками своих членов»⁷⁴.

О том, что в XIX в. в союзах сельских общин «общинно-родовые отношения были ведущими», писала в 1947 г. М. В. Саидова⁷⁵. Тухум она отождествляла с родом⁷⁶. Остановившись на отдельных союзах, она пишет, что только в конце XIX в. даргинские общины «представляли собой последний этап переходного периода от архаической формации»⁷⁷. Ошибочно и мнение М. В. Саидовой, что «табуны» являлись общинами, состоящими из отдельных семей⁷⁸, в то время, как известно, этим термином, как и терминами «хГуреба» и «буГла», означали союзы сельских общин.

Другой советский исследователь П. А. Брюханов, не соглашаясь с мнением об отсутствии государственного строя в союзах сельских общин, писал, что «...демократические вольные общества справедливо назывались республиканскими, а некоторые из них — даже федеративными союзами вольных обществ»⁷⁹. Республиками он называет Анди и Цудахар, а Акуша-Дарго «федеративным объединением, хотя с наследственным кадем»⁸⁰.

Важным этапом в разработке истории союзов сельских общин были 50—60-е годы. На 1-й научной сессии Института ИЯЛ Даг-филиала АН СССР (1954 г.) обсуждался доклад Х.-М. О. Хашаева об общественно-политическом строе Дагестана в XIX в., где он назвал «вольные» общества объединениями нескольких сельских общин⁸¹, «которые не являются ни независимыми, ни демократическими, ни родоплеменными организациями, в которых господствуют отношения первобытно-общинного строя и отсутствуют классы и классовая борьба. Напротив, они представляют собой территориальные объединения с наличием господства и подчинения, значительными пережитками патриархально-родового быта...»⁸². Эту же мысль он высказал в другой работе, где на основе анализа большого фактического материала показал феодальный характер общественных отношений в союзах сельских общин⁸³.

Мнение Х.-М. О. Хашаева было первой попыткой пересмотреть существовавшие до 50-х годов утверждения о господстве в союзах сельских общин общинно-родового строя и, естественно, оно не сразу нашло последователей. Более того, оно ставилось под сомнение, и их авторы выступали с прежних позиций⁸⁴. Но в дальнейшем это мнение было поддержано и продолжено в исследованиях 60—80-х годов.

Большой вклад в изучение союзов сельских общин внес Р. М. Магомедов. В монографии, изданной в 1957 г.⁸⁵, наряду с феодальными владениями, им изучаются и союзы сельских общин аварцев и даргинцев. Он пишет, что союзы сельских общин «это не племя и не союз племен», а особая политическая организация сельских общин — джамаатов⁸⁶. При оценке уровня их общественного строя Р. М. Магомедов подходит дифференцированно и говорит, что они находились не на одинаковой ступени развития⁸⁷. По уровню развития аварские союзы он делит на две группы: «на полупатриархальные и на полуфеодальные»⁸⁸. В Аварии, пишет он, «были вольные общества, вышедшие из состояния дофеодального застоя, были и такие вольные общества, где отношения строились в значительной степени, опираясь на остатки патриархальных отношений»⁸⁹. В целом союзы сельских общин Аварии Р. М. Магомедов характеризует как политическую над-

стройку, представляющую «собой переходную форму, сочетавшую в себе новые феодальные стороны со старыми патриархально-общинными институтами»⁹⁰.

Признавая переходное состояние и даргинских «союзов», «от старого строя к раннефеодальному строю», Р. М. Магомедов говорит о разных условиях развития в них классовых отношений. Он пишет: «В то время, как в одной группе даргинских вольных обществ (Акуша, Цудахар, Урахи) происходил переход к раннефеодальному строю, в Сюргинском, Мекегинском, Мугинском, Усишинском вольных обществах еще крепко держались полупатриархальные отношения»⁹¹.

В другой работе Р. М. Магомедов характеризует общественные отношения даргинских союзов лишь как «зарождающиеся феодальные отношения»⁹². Это же мнение высказано им и в отношении всех союзов сельских общин в указанной выше монографии⁹³, хотя в заключении работы пишет, что «одна часть дагестанских вольных обществ жила в условиях разлагавшейся сельской общины, а другая... в условиях раннефеодального строя»⁹⁴.

Большое внимание союзам сельских общин уделяется в работах проф. В. Г. Гаджиева. Еще в 1955 г. он писал, что «вольные» общества и их союзы «не являлись родоплеменными», это «сельские общины, объединенные по территориальному признаку»⁹⁵.

В монографиях, одна из которых посвящена роли России в истории Дагестана⁹⁶, а другая историографическому анализу сочинения И.-Г. Гербера⁹⁷, В. Г. Гаджиев поднял широкий круг вопросов по истории союзов сельских общин. В первой из них он также пишет, что «вольные общества не являлись родоплеменными»⁹⁸. Во второй работе освещаются различные вопросы социально-экономической и политической истории союзов сельских общин и дается характеристика уровня их общественного строя⁹⁹.

Ряд вопросов истории союзов сельских общин изучен В. Г. Гаджиевым в статье, специально посвященной им. Считая и здесь термин «вольное общество» неточным, он пишет, что им «в исторической литературе именовались относительно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг более крупного селения»¹⁰⁰.

В 1956 г. вышла работа И. Р. Нахшунова¹⁰¹, где союзам сельских общин посвящен небольшой параграф. В нем в общих чертах говорится о занятии населения, земельных и социальных отношениях, зависимости союзов от феодальных владений и т. д. Давая оценку уровня общественного развития союзов сельских общин, И. Р. Нахшунов пишет, что «здесь еще задолго до присоединения

Дагестана к России возникли и развивались характерные для ранней стадии феодализма социально-экономические отношения, не освободившиеся полностью от патриархально-родовой оболочки»¹⁰².

В статье, посвященной Ахтыпаринскому союзу, Р. Г. Маршаев пишет, что термин «вольное» общество не приемлем для определения уровня развития населения этого союза в XVIII—начале XIX в., так как он не соответствует социально-экономической и политической структуре общества. По его мнению, союз не был «вольной, демократической, родоплеменной организацией, объединяющей равноправных членов. В нем еще задолго до XVIII века шел процесс имущественного расслоения»¹⁰³. Особенностью общественного строя Ахты-пара Р. Г. Маршаев видит в том, что классовые отношения в ней «были более опутаны патриархально-родовыми пережитками, чем в окружающих феодальных ханствах Дагестана»¹⁰⁴.

Аналогичное мнение в отношении всех союзов сельских общин дается в «Очерках истории Дагестана»¹⁰⁵, хотя здесь утверждается, что в составе сельской общины сохранялись родовые группы: тухум, тайпа, кьибил, эвлет, джинс, ковк, удзи-урши, стойко сохранились родовые порядки¹⁰⁶.

Неравномерность развития социальных отношений в разных районах Дагестана Е. Н. Кушева объясняет неравномерностью в развитии производительных сил. Но «основной линией процесса, ясно выступающей по источникам XVI—XVII, да и более ранних веков, — пишет она, — было складывание классовых феодальных производственных отношений, своеобразных, осложненных патриархально-родовыми пережитками; в высокогорных частях Дагестана этот процесс задерживался, и для XVI—XVII вв. можно говорить лишь о начальных его признаках»¹⁰⁷.

Союзы сельских общин Южного Дагестана изучаются в книге Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова¹⁰⁸, где приведен интересный материал по социально-политическому положению различных групп населения и административно-политической структуре союзов. В работе показано отсутствие равноправия сел союзов сельских общин, господство среди них главных сел, верхушки тухумов и должностных лиц, выступавших по отношению к другим селам в роли коллективного феодала¹⁰⁹. На основе всего этого в книге делается вывод, что «союзы сельских обществ не являлись родо-племенными организациями, а были объединениями территориально-политическими. В этих союзах были различные формы зависимости», что господствующими здесь «были раннефеодальные отношения со значительными пережитками патриархально-родового строя»¹¹⁰.

Определенным вкладом в изучение союзов сельских общин явились соответствующие разделы коллективной работы «История Дагестана» (т. 1—2). В первом томе «Истории» дано краткое описание земельно-правовых отношений, управления, состава союзов, форм зависимости, борьбы союзов против феодальных владений¹¹¹. Вместе с тем здесь имеется и ряд ошибочных утверждений как, например, что Акуша-Дарго образовалось только в середине XVII в., названное союзом сельских общин, а не их объединением (федерацией), допущены неточности о составе ряда союзов¹¹².

Во втором томе «Истории Дагестана» затронуты лишь отдельные отрасли хозяйства, земельные отношения и органы управления союзов после присоединения Дагестана к России¹¹³.

К сожалению, ни в первом, ни во втором томах «Истории» нет четкой характеристики общественного строя союзов сельских общин, хотя и проводится мысль, что они не являлись родоплеменными организациями и их общественный строй характеризовался развивающимися классовыми отношениями.

Интенсивное изучение отдельных союзов сельских общин разворачивается со второй половины 60-х годов. Занимался в эти годы изучением даргинских союзов и автор настоящей работы¹¹⁴. Федерация верхнедаргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго была посвящена кандидатская диссертация, где изучается комплекс вопросов, связанный с его образованием, экономическим и социально-политическим развитием, структурой административного управления, взаимоотношениями с феодальными владениями и другими союзами сельских общин Дагестана и т.д. В работе делается вывод, что Акуша-Дарго находилось на стадии развивающихся феодальных отношений, своеобразии которых являлось наличие особенностей, характерных для теократической формы политического управления¹¹⁵.

В 1972 г. была издана монография, посвященная союзу Каба-Дарго¹¹⁶, где делается вывод, что здесь «развивались феодальные отношения» и что «все развитие Каба-Дарго вело к дальнейшему разложению общинных, развитию, расширению и укреплению феодальных производственных отношений»¹¹⁷.

Автором изучены и другие даргинские союзы: Сюрга, Гапш, Ганк, Муйра и т.д. В статье, посвященной Сюргинскому союзу, делается вывод, что «в целом общественные отношения сюргинцев можно охарактеризовать как патриархально-феодальные»¹¹⁸.

В историко-этнографическом плане изучены союзы андийской группы народностей М. А. Агларовым. В главе кандидатской диссертации, посвященной историческому очерку, приведен материал

по политической истории андийцев, хозяйству, системе террасного земледелия, говорится о падении общинно-родовой собственности на пахотную землю и разложении архаической общины, характеризуется система политического управления андийских союзов. На основе изучения хозяйства, аграрных отношений, общественных институтов М. А. Агларов пишет, что «социально-экономический и общественный строй в вольных обществах, вероятно, нужно считать своеобразным проявлением феодальной общественно-экономической формации»¹¹⁹.

Отдельные вопросы истории даргинских союзов изучены М. О. Османовым. Как и ряд его предшественников, он при оценке уровня общественного строя различных регионов подходит дифференцированно. М. О. Османов пишет, что в горной части Даргинии, т.е. союзах сельских общин «феодальные отношения были менее развиты и сильно переплетены с патриархально-общинными пережитками». При этом подчеркивается преобладание и здесь феодальных отношений¹²⁰.

М. М. Ихилев в работе, посвященной народностям лезгинской языковой группы, пишет, что союзы сельских общин еще «задолго до присоединения к России... фактически уже не были родовыми общинами, а представляли собою территориальные объединения сельских общин»¹²¹. Он отмечает большую развитость союзов нижнего течения Самура, считая феодальные отношения у лезгин в верховьях реки Самур, рутулов, агулов, цахуров менее развитыми¹²².

Различный уровень развития разных районов Аварии «в силу географических особенностей и исторических обстоятельств» признается в «Материальной культуре аварцев»¹²³. В книге делается предположение, что в «высокогорной Аварии распад родовых и зарождение феодальных отношений начался позднее, чем в центральных районах, из-за изолированности местности от внешнего мира и разобщенности между собой, процесс разложения патриархально-родового строя и переходный период затянулся дольше»¹²⁴.

В статье, посвященной союзам сельских общин, В. П. Дзагурова характеризует их как особый тип политических образований, форму собственности сравнивает с античной, делает аналогии с «демократическими» племенами адыгов, хевсурами, тушинами и кантонами Швейцарии¹²⁵.

Ряд вопросов истории союзов сельских общин затрагивается в работах М.-С. К. Умаханова¹²⁶. Он пишет, что в союзах сельских общин феодальные отношения были более завуалированы внешним равенством, прикрыты патриархально-родовыми пережитками¹²⁷.

В 1975 г. вышла статья¹²⁸, а в 1978 г. книга¹²⁹ Л. И. Лаврова, где Докуз-пара, Ахты-пара и Цунта названы «независимыми союзами» «со слабо выраженной классовой структурой», а Акуша-Дарго и Рутул отнесены к разряду небольших независимых политических объединений «сельских общин, возглавляемых представителями сельской знати»¹³⁰. Вместе с тем он писал, что это не означало господства в них первобытных отношений, их изолированности от окружающего мира. Напротив, указывал он, их экономика и быт складывались в условиях многовекового контакта с соседними народами, имевшими развитую социально-экономическую организацию, многие из них в прошлом подчинялись своим или соседним феодалам, а затем при разных обстоятельствах освободились от их власти и учредили у себя демократические порядки¹³¹.

Л. И. Лавров писал о параллельном существовании на сравнительно небольшой территории резко отличных типов социально-политической организации и называл это своеобразием, т. е. одной из тех редких ситуаций, когда различие в уровне производственных отношений уживается с общностью технических навыков в производстве и многих элементов надстройки¹³².

На основе приведенного материала Л. И. Лавров пришел к выводу, «что существовавшие в «вольных обществах» порядки были не пережитком первобытнообщинных отношений, а результатом замедленного процесса классовобразования после освобождения крестьян от власти аристократов»¹³³.

Изучением союзов сельских общин Западного Дагестана занимался Д. М. Магомедов. В кандидатской диссертации¹³⁴ и в статье, посвященной союзам сельских общин Западного Дагестана¹³⁵, он пишет о неравномерности социального развития их и наличии трех видов общин: общины (Дидо, Антль-Ратль), где медленно происходило разложение общинных отношений, но к исследуемому периоду уже произошла нумерационная дифференциация, приведшая затем к «социальной градации общества»; общины (Ункратль и частично Технуцал), где проникли представители феодальных фамилий, происходит разложение сельской общины и зарождение феодальных отношений; общины пограничные с Аварским ханством, попавшие в зависимость от него, где также происходит разложение сельской общины и становление феодальных отношений¹³⁶.

Ряд вопросов (образование, состав, хозяйство, социальный состав населения, управление и т. д.) истории табасаранских союзов освещается в работах М. Р. Гасанова¹³⁷. Он пишет, что союзы «не были «вольными» демократическими «республиками», а представляли из себя «своеобразные феодальные образования»¹³⁸.

В 1981 г. сектор истории досоветского периода Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР издал тематический сборник, посвященный союзам сельских общин, где авторы статей (В. Г. Гаджиев, Д. М. Магомедов, Б. Г. Алиев, М.-С. К. Умаханов и др.), ряд из которых упоминался выше, в целом доказывают феодальный характер их общественного развития.

Интерес к союзам сельских общин не прекращается и в последние годы. В 1984 г. была защищена кандидатская диссертация Ю. Ю. Карповым¹³⁹, где автор пишет, что в одних союзах сельских общин (Акуша-Дарго, Ахты-пара, Гидатль и некоторые другие) в общих чертах уже сложились отношения, характерные для раннеклассового общества феодального типа, с присущей ему сословной стратификацией населения, в то время как в большинстве «дагестанских, а также вайнахских и североосетинских «вольных» обществах эти отношения находились еще в стадии становления и формирования. Причем новые классовые отношения чаще всего прикрывались патриархальной оболочкой, проявлявшейся в частности в форме неравенства между тухумами, тайпами и фамилиями»¹⁴⁰.

Изучению экономического положения, социального строя и административного управления Салатавского союза посвящена кандидатская диссертация Ш. М. Мансурова, которая затем была издана в качестве отдельной монографии¹⁴¹. В ней, опровергая мнение дореволюционных авторов, преувеличивавших роль и место родовых отношений в дагестанских общинах, автор делает вывод, что «в Салатавском союзе сельских общин процесс общественного и социального расслоения был довольно четко выраженным и далеко зашедшим явлением»¹⁴².

Изучением тех же вопросов относительно Цудахарского союза сельских общин занималась А. Г. Мансурова, чему была посвящена ее кандидатская диссертация¹⁴³, защищенная в 1995 г. и изданная в том же году с некоторыми изменениями под названием «Цудахария»¹⁴⁴.

В 80-е годы был издан ряд работ, посвященных общине горного Дагестана. В 1984 г. была опубликована статья А. Р. Магомедова¹⁴⁵, где автор, определяя место горской общины, говорит о типологической близости ее к античной общине¹⁴⁶. Тухум характеризуется как объединение, происходившее из семейной общины и основанное на родственных связях, которое «неизменно встречается только в условиях классового общества»¹⁴⁷. Союзы сельских общин автор считает результатом «позднейших политических факторов», а большинство из них, пишет он, «носит «вторичный» характер: образование их вероятнее всего шло параллельно с образованием сельских соседских общин (т. е. в XII—XV вв.)»¹⁴⁸.

Сельской общине Нагорного Дагестана XVII—нач. XIX в. посвящена и докторская диссертация М. А. Агларова, явившаяся результатом его многолетних изысканий¹⁴⁹. Это весьма оригинальная работа, где основное внимание уделяется историко-этнографическому изучению сельской общины XVII—нач. XIX в. главным образом аваро-андо-дидойских народностей. В работе поднят широкий круг вопросов: хозяйственно-экономическая основа общины, социально-экономический строй, самоуправление сельской общины и этнические процессы в условиях полиструктурной политической системы. Исследование отличается наличием интересных наблюдений, оригинальных и в целом аргументированных высказываний и положений. Общину Нагорного Дагестана М. А. Агларов типологически также относит к античной форме. К изучению хозяйственной основы общины он подходит не с точки зрения характера и уровня развития хозяйства, а с позиции его организации, являющейся, по его словам, «ключом к проблеме социальной организации и самой общины»¹⁵⁰. Интересны освещение территориального устройства общины, изучение семьи, тухума, форм управления, наблюдения причин устойчивости тухума, что связывается с характером его как «социума семейного типа», «социальной организации в социально-политическом делении общества», самой важной функцией и причиной существования которого было обеспечение привилегии на управление¹⁵¹.

Все это, безусловно, представляет большой интерес, хотя и не со всеми положениями автора можно согласиться.

Изучению общины самурских лезгин посвятила свою кандидатскую диссертацию Б. Р. Рагимова¹⁵², где в историко-этнографическом плане рассматриваются особенности хозяйственного уклада, земельные отношения, принципы организации союзов сельских общин, структура и сословно-классовая дифференциация внутри них, органы самоуправления и судопроизводство.

В 90-е годы был издан ряд историко-этнографических работ по отдельным народам аваро-андо-цезской языковой группы, в которых их авторы останавливаются и на таких вопросах как хозяйство, земельные и социальные отношения, система управления и т. д.¹⁵³ В целом в этих работах правильно решаются вопросы социально-экономического развития аваро-андо-цезских народов, входивших в отдельные союзы сельских общин и их федерации.

Особую позицию по вопросу социально-экономического развития союзов сельских общин Дагестана заняли грузинские ученые. Еще в конце 60-х годов отдельные из них сделали попытку возродить «родовую теорию»¹⁵⁴, которая затем была продолжена в последующих исследованиях. В докторской диссертации В. Н. Гамрекели писал, что союзы сельских общин находились «на

включительной стадии развития общинного строя и накануне установления откровенно феодальных отношений»¹⁵⁵.

Новую точку зрения на характер средневековых горских обществ Кавказа, в том числе и Дагестана, выдвинул Г. А. Меликишвили. Говоря об основных этапах развития классового общества (раннеклассового, развитого классового и позднеклассового), так называемый «горский феодализм» относит к раннеклассовой стадии развития¹⁵⁶.

В другой работе Г. А. Меликишвили пишет о типологической близости «восточного» и «горского феодализма», хотя, по его мнению, второй «выглядит во многом менее развитым чем первый»¹⁵⁷. Здесь же он пишет, что горские общества Кавказа являются одним из типов раннеклассовых обществ, уровень социально-экономического развития которых не соответствует раннему этапу развития западно-европейского феодализма. В то же время он предлагает рассматривать их как «дофеодальные» или «протофеодальные», отнесенные им к «самобытно, автономно функционирующим системам»¹⁵⁸. Здесь явно усматриваются противоречия, так как термин «дофеодальный» не соответствует термину «раннефеодальный». Они не равнозначны. Термин же «протофеодальный» сам по себе не новый. Еще в 60-е годы проф. А. И. Неусыхин выделял в раннем средневековье «протофеодальный» период, когда еще не сложилось явно выраженной классовой структуры общества, но уже возникло государство, считая, что такой период, не имея уже признаков первобытного строя, не являлся еще классово-феодальным, т. е. не может быть отнесен ни к какой общественной формации¹⁵⁹. Это мнение, как известно, вызвало возражения со стороны исследователей¹⁶⁰, хотя нашлись и его сторонники. Но в целом оно остается спорным и не решенным в исторической литературе.

Кажется и сам Г. А. Меликишвили понимает недостаточную аргументированность своих положений для выяснения полной картины социально-экономического строя горских народов. «Конечно, — пишет он, — каждое из горских раннеклассовых обществ требует отдельного рассматривания — пути развития этих обществ вовсе не всегда были одинаковыми, различия между ними порой были довольно существенными. Лишь таким путем можно в дальнейшем достичь более широких обобщений и установить, какое место следует определить этим обществам в типологической классификации раннеклассовых обществ»¹⁶¹.

По мнению З. В. Анчабадзе и А. И. Робакидзе, горские народы Кавказа до и в период присоединения к России стояли на различных ступенях раннефеодальных (патриархально-феодальных) от-

ношений, которые они делят на три ступени или стадии—низшую, среднюю и высшую. Союзы сельских общин XVIII — первой половины XIX в. они характеризуют как общество, стоявшее на низшей ступени раннефеодальных отношений¹⁶². Из последних работ А. И. Робакидзе видно, что он не сторонник теории родового строя. В одной из статей он пишет, что у горцев Кавказа феодальные отношения «вырастали не непосредственно из обломков родового строя, а на базе более высокой ступени общественного развития, которую обычно считают переходной от первобытнообщинной к классовой»¹⁶³.

Архаизирует общественные отношения союзов сельских общин и М. М. Блиев. Он утверждает, что союзы сельских общин находились «на дофеодальной стадии развития»¹⁶⁴. Вместе с тем он считает, что они не были застывшими обществами, что в них происходил процесс феодализации, являвшийся «ведущей тенденцией в общественной жизни горцев»¹⁶⁵. По его мнению, союзы сельских общин были следствием этого процесса, когда происходит расщепление общинников, распад кровнородственной общины. В то же время он считает их очагами военной экспансии¹⁶⁶.

В рассуждениях и утверждениях М. М. Блиева много общего с суждениями В. Н. Гамрекели и они, как нам кажется, являются следствием предвзятых мнений, неточных цитирований и ошибочного истолкования фактов и суждений других исследователей. Указанные авторы не знакомы с тем фактическим материалом, который собран за последние годы, со всеми работами дагестанских ученых по союзам сельских общин. Между тем в научных исследованиях надо использовать все имеющиеся факты, «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»¹⁶⁷. Незнание достаточного количества фактов, как раз и приводит к ошибочным выводам.

Таковы основные работы, в которых в той или иной мере изучаются вопросы социально-экономической и политической истории союзов сельских общин Дагестана. Они свидетельствуют о большом интересе как дореволюционных, так и советских исследователей к изучаемой проблеме.

Главный недостаток дореволюционной историографии — отсутствие сколько-нибудь цельной работы по истории союзов сельских общин. Последние затрагивались лишь в общих работах, посвященных либо Дагестану в целом, либо тем или иным вопросам социально-экономической и политической истории народов Дагестана, в связи с чем их авторы и останавливались на отдельных вопросах истории союзов сельских общин.

Особенностью историографии дооктябрьского периода являлась архаизация в целом уровня общественного строя союзов сельских общин, что вытекало из их поверхностного изучения, без анализа существовавших земельных отношений, действительного экономического, социально-политического и правового положения различных слоев населения, которое рассматривалось как однородная масса свободных узденей-общинников, без учета зависимости слабых союзов от сильных, с одной стороны, и от соседних феодальных владений, — с другой, влияния последних на процесс общественного развития союзов сельских общин, далеко зашедших внутренних процессов разложения архаических отношений, а также из идеализации, увеличения в целом народоприваства, действительного значения и роли других пережиточно сохранившихся институтов архаического прошлого.

В советской историографии в целом правильно решен вопрос об уровне общественных отношений в союзах сельских общин. В работах большинства советских ученых союзы сельских общин рассматриваются как своеобразные формы территориальных, общественно-политических и хозяйственных организаций, где господствующими были феодальные отношения, спутанные патриархально-родовыми пережитками, хотя ряд исследователей, писавших до 50-х годов и в последние два десятилетия, рассматривает их как более архаические образования, находившиеся на стадии родового строя, либо на стадии перехода к феодальным (раннефеодальным) отношениям. Отличием работ советских ученых, в особенности посвященных отдельным союзам сельских общин, является также использование в них большого фактического материала по различным вопросам их социально-экономической и политической истории, таких как образование отдельных из них, хозяйственная деятельность населения, роль в экономической жизни той или иной отрасли занятий, формы земельной собственности, социальная структура общества, административно-политическое устройство и т. д.

Недостатком в целом работ советских ученых является порою декларативный характер, недостаточная аргументированность конкретным фактическим материалом утверждений или в целом правильного мнения о феодальном характере общественных отношений в союзах сельских общин, отсутствие четкой классификации их в зависимости от ступени развития в них классовых (феодальных) отношений, недостаточный анализ существовавших форм земельной собственности и землепользования, показа или раскрытия путей и особенностей возникновения феодальной земельной собственности в различных союзах, с одной стороны, и сосредоточение больших земельных угодий в руках местной феодальной

и феодализирующей знати, — с другой, наличие в одних из них феодальных сословий, в других наследственной знати и привилегированных тухумов, пользовавшихся большими правами, наличие различных форм зависимости и эксплуатации и т. д. Остались вне поля зрения советских ученых вопросы, связанные с основными социально-экономическими и политическими факторами образования союзов сельских общин в целом, пути и особенности их дальнейшего исторического развития, без чего невозможно раскрыть причины их стадийной неоднородности в изучаемый период.

Выяснению указанных и ряда других недостаточно изученных или дискуссионных вопросов истории союзов сельских общин, о которых говорилось во введении работы, и уделяется основное внимание автором в данной монографии для всестороннего освещения проблемы в целом. И в этом, безусловно, большую помощь нам окажут работы предшественников, труд, вложенный ими, в особенности в последние десятилетия, в изучение ряда союзов сельских общин и отдельных аспектов их социально-экономического и политического развития. Без использования работ предшественников невозможно изучение нашей проблемы, ибо, говоря словами К. Маркса, всякий научный труд, как труд всеобщий «обуславливается частью коопирацией современников, частью использования труда предшественников»¹⁶⁸.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Для написания работы использован широкий круг источников. Основными из них являются русские источники XVIII—XIX вв. Наиболее достоверные и более или менее подробные сведения о союзах сельских общин содержатся в работах участников военных походов и научных экспедиций, военных деятелей и чиновников русской администрации в Дагестане и на Кавказе в целом. Разнообразен характер этих работ. Это научные работы, основанные на официальных сведениях, документах и материалах, собранных авторами на местах, записки о народах, союзах и обществах Дагестана, дневники, обзоры и описания различных событий, рапорты, донесения, приказы, справки, воспоминания, предписания, отношения, соглашения, письма и т. д., хранящиеся в центральных и местных архивах страны и стран СНГ.

Больше всего указанных источников сосредоточено в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах ВУА, 52, 205, 400, 414, 416 и 482, где содержатся ценные материалы по истории союзов сельских общин XVIII—XIX вв. — сведения о составе, численности и занятиях населения, их соци-

альном делении, административном управлении, взаимоотношениях с феодальными владениями и с Россией и т. д.

В работе использован ряд материалов из Архива внешней политики Российской империи (АВПР) Министерства иностранных дел РФ, Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА СПб), Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИА РГ), хранящиеся в Рукописном фонде Института истории археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Особенно ценный документальный материал содержится в фонде «Кавказской археографической комиссии» ЦГИА РГ, касающийся структуры тухума и джамаата, административно-политического управления союзов сельских общин.

Разнообразный документальный материал по союзам сельских общин хранится в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). Особенно много материала по изучаемой проблеме в фондах 2, 21, 33, 73, 80, 90, 105, 126, 147, 150, где сосредоточены в основном сведения о земельных отношениях. Это акты и рапорты землемеров, статистические сведения и ведомости о количестве частной и общественной земли, дела по земельным спорам между обществами, доклады и записки сословно-поземельной комиссии и ее членов по разбору поземельных прав и по земельному устройству различных обществ, отчеты начальников округов, протоколы судебных заседаний по земельным спорам, прошения и жалобы жителей различных сел и обществ о сословно-поземельных правах и переписка сословно-поземельной комиссии по ним и т. д. В делах указанных фондов имеется и немало сведений по занятию населения, административному устройству и т. д.

Большое количество источников из разных фондов архивов страны по многим вопросам истории союзов сельских общин содержится в публикациях. С 1866 по 1904 г. вышло 12 томов «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК)¹⁶⁹, где издавались документы из архива Главного управления наместника Кавказа. В Актах напечатано множество документов, в которых содержатся сведения по различным вопросам истории союзов сельских общин.

Особенно ценен для нашего исследования сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.»¹⁷⁰. Здесь помещено большое количество документов, составленных непосредственными наблюдателями, экскурсии и более основательные работы по истории, военно-географические описания, экономические и статистические ведомости и т. д., в которых много сведений и по союзам сельских общин. Основная часть доку-

ментов сборника извлечена из РГВИА, и они для нашей работы представляют наибольший интерес, так как имеющиеся в них сведения по составу союзов, хозяйственной деятельности населения, административно-политической структуре более или менее полны, разносторонни и непосредственно относятся к изучаемому периоду.

В 1959 г. был издан сборник документов, посвященный движению горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.¹⁷¹, где помещены не публиковавшиеся ранее документы, извлеченные из фондов РГВИА, ЦГИА РГ, ЦГА Северной Осетии, ЦГА Кабардино-Балкарии, Республиканского краеведческого музея Дагестана, РФ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Это официальная переписка, рапорты, донесения, предписания, различного рода отчеты и обзоры, переписка кавказского командования с местными феодалами, в которых содержатся сведения по занятию населения союзов, торгово-экономическим связям, земельным отношениям, управлению, отношению к политике России в Дагестане, о роли их в политической жизни Дагестана, числе хозяйств и населения и т. д.

В 1965 г. вышел сборник памятников обычного права Дагестана XVII—XIX вв.¹⁷², где публикуются материалы, извлеченные из фондов ЦГИА РГ, Музея этнографии Грузии, РФ ИИЯЛ ДФ АН СССР и из частных коллекций. Помимо адатов, о которых будет сказано ниже, в материалах сборника имеются сведения о структуре тухума и джамаата, общинном и союзном управлении, об административно-должностных лицах ряда союзов.

В 1968 г. издан сборник материалов и документов, составленный А. С. Омаровым¹⁷³, где впервые публикуются адаты ряда обществ, соглашения между жителями отдельных сел и между обществами, а также ряд актов по земельным сделкам, характеризующие имущественное и социальное положение отдельных представителей союзов сельских общин.

Ценный материал по земельным отношениям, хозяйству, общественному строю, происхождению феодальных фамилий союзов сельских общин помещен в изданном в 1969 г. сборнике архивных материалов¹⁷⁴, где содержатся документы, извлеченные из РГВИА, РГИА СПб, ЦГИА Грузии, ЦГА РД, ЦГА Северной Осетии, РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

Для изучения проблемы большое значение имеют местные источники — записи по различным вопросам истории союзов сельских общин на полях арабских книг и отдельных листках. Особое значение среди них имеют поземельные акты, которые в своем большинстве фиксируют различные земельные сделки и отражают не только правовые нормы, господствовавшие в сфере крестьянского землевладения, но и выявляют экономические процессы, как

мобилизация крестьянских земель, перераспределение собственности, рост поземельного неравенства и т. д. Имеется несколько видов крестьянских документов. Это прежде всего частные акты: купчие, раздельные, дарственные, наследственные, меновые, арендные. Многие из них характеризуют экономическое положение узденства союзов сельских общин. Эти документы имеют большое значение для освещения вопроса о характере мюлькового землевладения, показа, что купля-продажа земли была распространенной сделкой, факта сосредоточения в руках отдельных узденей больших земельных владений, развития в союзах арендных отношений, наличия в собственности местных богатеев и другого всевозможного имущества.

Важным источником являются и акты записей вакуфных завещаний, которые содержат материалы по истории отдельных узденских владений до перехода их в собственность мечетей.

В целом можно сказать, что крестьянские документы позволяют осветить разные стороны поземельных отношений в среде узденства. Крестьянские документы — это источник права на землю.

Большой интерес представляют различные договоры между сельскими обществами и их жителями по вопросам землепользования, проведения различных сельскохозяйственных работ, пастьбы скота, о взаимоотношениях с другими обществами и феодалами и т. д.

Ценным источником по исследуемой теме являются материалы обычного права (адаты). Нормы адата «дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX в. включительно. По адатам можно судить об уровне развития сельских общин, вольных обществ, социальной структуре и политической организации общества»¹⁷⁵. Нельзя не согласиться и с известным кавказоведом В. К. Гардановым, который отмечал: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII — начала XIX вв.»¹⁷⁶

В 1868 г. вышла работа А. В. Комарова¹⁷⁷, где объединены и систематизированы адаты различных народов Дагестана, в том числе и союзов сельских общин. В приложении к статье дана запись одного из ценнейших документов XVII в. «Постановления Кайтахского умия Рустем-хана».

В 1873 г. были изданы адаты даргинских обществ¹⁷⁸, которые представляют обширный, основательный и разносторонний сбор-

ник¹⁷⁹, содержащий уголовное право, разделенное на общее право и частные адаты 7 союзов, входивших в Даргинский округ.

В 1875 г. были опубликованы адаты южно-дагестанских обществ¹⁸⁰, куда вошли адаты Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского округов.

Известный юрист Ф. И. Леонтович в 1882—1883 гг. издал «Адаты кавказских горцев»¹⁸¹. К сожалению, не вышел 3-й выпуск книги, где намечалось опубликовать и адаты Дагестана. Но и без них издание это дает много интересного и важного материала. В предисловии к первому выпуску говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев.

В публикации «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»¹⁸² помимо адатов, изданных в 1873 и 1875 гг., включены адаты Андийского, Гунибского и Казикумухского округов.

Советские ученые продолжили работу по сбору и изданию адатов народов Дагестана. В 1957 г. были изданы гидатлинские адаты¹⁸³, предположительно датируемые XV—нач. XVI в. Хотя сборник выходит за рамки изучаемого нами времени, являясь памятником права предшествующего периода, тем не менее, это большой ценности источник, в котором были не только определены нормы общественной жизни, регламентировано поведение, регулировались взаимоотношения в общине, охранялась собственность, но и нашел отражение ряд вопросов социально-экономических отношений (социальные и поземельные отношения, административное управление), помогающие раскрытию аналогичных вопросов исследуемого периода.

В 1964 г. была издана книга проф. Р. М. Магомедова «Памятник истории и письменности даргинцев XVII века»¹⁸⁴, где помещен на русском и даргинском языках «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго». Это памятник как феодального, так и народного права. В нем отражен распад кайтаго-даргинского общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, с одной стороны, и с другой — на общинников и общинную знать, защищаются как интересы правящего класса, так и основной массы населения Кайтаг-Дарго—узденства. В целом это ценный источник для раскрытия ряда вопросов социальной истории, общинной жизни, взаимоотношений общин с феодалами и т. д.

Ряд адатов союзов сельских общин помещен в сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.». Среди них адаты Андалальского, Келебского, Цекубского, Тиндальского и Хваршинского обществ, Технуцала, каратинцев, ункратлинцев, чамалинцев, андийцев, гумбетовцев. Это наиболее полный список адатов аварских союзов, отражающих важ-

нейшие вопросы их социально-экономической жизни и административно-политического устройства.

Адаты, большинство из которых публикуется впервые, помещены и в сборнике материалов и документов «Из истории права народов Дагестана». Среди них прежде всего следует указать на «Материалы по обычному праву даргинцев», записанные и подготовленные к изданию крупным знатоком общественного быта горцев, юристом и этнографом Б. К. Далгат. Ценность этих материалов «не только в том, что они были записаны и подготовлены к изданию профессионально высокообразованным и эрудированным специалистом: в отличие от большинства сборников материалов обычного права Дагестана важное место в рукописи Б. К. Далгат занимают данные, характеризующие гражданско-правовой быт даргинцев, главным образом, семейные отношения, в том числе имущественные и право наследования»¹⁸⁵.

Для темы исследования важно также, впервые изданное в сборнике, «Собрание адатов селений Аварского округа», где имеются адаты Каратинского, Ахвахского, Багулальского союзов и ряда сельских общин. Сборник содержит и адаты бежтинцев, Кайтага, Табасарана, Казикумухского округа и отдельных сел, извлеченные из различных архивов, научных библиотек и РФ ИИЯЛ.

Адаты союзов сельских общин в основном были записаны и изданы в редакции второй половины XIX в. Тем не менее они могут пролить свет и на более ранние хронологические периоды, так как в них фиксируются отношения, имевшие место еще до их записи. Известно, что адаты складывались на протяжении столетий, переходили из поколения в поколение в устной традиции, и не подвергались особым изменениям в течение длительного времени. Поэтому в записях обычного права поздней редакции, говоря словами А. Я. Гуревича, «можно обнаружить правовую традицию, восходящую к более раннему периоду»¹⁸⁶. Нельзя не согласиться с Ф. И. Леонтовичем, который писал, что в обычном праве кавказских горцев «сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»¹⁸⁷. Поэтому в условиях Дагестана, где развитие социальных институтов протекало относительно, а порою и чрезвычайно замедленными темпами, юридическое оформление прав или обязанностей, тех или иных социальных явлений еще больше отставало от темпов социально-экономического развития. Из этого следует, что в нормах обычного права, записанных и изданных в XIX в., нашло отражение не только то, что было при их фиксации, но и то, что было раньше. Исходя из

этого мы можем и имеем право пользоваться нормами обычного права, изданными или записанными во второй половине XIX в., для изучения более ранних периодов.

В адатах дагестанских народов зафиксировано классовое деление общества, взаимоотношения между различными классами, повинности зависимых сословий в пользу своих владельцев, формы землевладения и землепользования, право наследования и семейные отношения, взаимоотношения общины и крестьянина, структура общины, административное устройство общины и их союзов, рассматриваются вопросы уголовного права.

Все это в условиях недостаточности или отсутствия по многим вопросам истории союзов сельских общин письменных памятников придает адатам, как «народным законодательным памятникам», роль ценных источников, дающих незаменимый материал для характеристики социально-экономических отношений.

Недостатком адатов является то, что записи их с научной точки зрения не могут полностью удовлетворить ученых, так как основной упор в них делается на вопросы уголовного и семейного права.

3 ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Значительный материал по союзам сельских общин содержится в кавказоведческих работах ученых, путешественников и представителей кавказской военной и гражданской администрации. Выше мы уже останавливались на суждениях дореволюционных авторов по вопросу общественного развития горцев и на других вопросах, поднятых в их работах. Здесь же их работы мы рассматриваем с точки зрения источников*, ибо дореволюционные кавказоведческие изыскания, как справедливо отмечено в исторической литературе, «скорее относятся к первоисточникам, нежели к собственно историографическим сочинениям»¹⁸⁸, так как авторы их были очевидцами или участниками происходивших в Дагестане событий и дают достоверные сведения по союзам сельских общин. Причем, это значительная группа источников по интересующей нас проблеме.

В первую очередь к этому виду источников относятся известия о союзах сельских общин, содержащиеся в работах осведомленных авторов — военных, ученых, путешественников XVIII в., как И.-Г. Гербера, И. Лерха, И. А. Гюльденштедта, Я. Рейнегса и др.

* Ввиду того, что работы этих авторов приведены в историографическом обзоре, мы решили не давать их здесь повторно, кроме тех случаев, когда они цитируются.

Сведения их касаются истории, географии, земельных отношений, занятия населения, состава союзов, административного управления, их взаимоотношений с феодальными владениями и с Россией и т. д.

Особенно ценна работа И.-Г. Гербера, которая содержит материал по территории и населению союзов сельских общин, занятиям, податям и повинностям, вооружении и т. д. «Обширность затрагиваемых в книге вопросов, насыщенность различными сведениями, в ряде случаев являющимися единственными дошедшими до нас данными, создали труду И. Гербера широкую известность. Без преувеличения можно сказать, что ни один исследователь досоветской истории народов северо-восточного Кавказа не обходится без этого источника»¹⁸⁹.

В работе И. А. Гюльденштедта также имеются сведения о территории и границах союзов сельских общин, их составе и численности населения, отраслях хозяйственной деятельности, языках, взаимоотношениях и т. д. Эти сведения были собраны в 70-е годы XVIII в., когда И. А. Гюльденштедт был в Кизляре, Костеке и Эндирее, почему и увеличивается их значимость для нас.

Сведения по ряду вопросов социально-экономической истории союзов сельских общин конца XVIII — начала XIX в. имеются в работах авторов XIX в. Это прежде всего труд С. М. Броневского, анализ которого дан выше. Здесь мы отметим, что работа С. М. Броневского, написанная на основе литературных, архивных, а также лично им собранных материалов, является ценным источником, содержащим как общие исторические и географические сведения о народах Дагестана, в том числе союзов сельских общин, так и по многим вопросам их социально-экономического развития: о составе и территории отдельных союзов, хозяйстве, административном управлении, воинских силах и т. д.

Ряд сведений по истории союзов сельских общин первой трети XIX в. содержится в работах П. Зубова и О. Евецкого, написанных также на основе литературных и официальных материалов.

Большой интерес для исследуемой темы представляют работы А. Берже, изданные в сборнике «Кавказский календарь» за 1856, 1857 и 1858 годы. Они написаны на основе различных материалов, в том числе архивных и рукописных и содержат разнообразные сведения по истории союзов сельских общин, как: состав, население, хозяйственная деятельность, административное управление и др.

Сведения официальных материалов о составе союзов, их количестве, численности населения, хозяйстве, управлении, воинских силах имеются в статьях Н. А. Окольного и Г. А.-Д.¹⁹⁰

Интересные сведения содержатся в «Записках» А. П. Ермолова, касающиеся в основном населения, хозяйства, управления, главным образом, Акуша-Дарго. Особенно ценны сведения о социальной неоднородности населения Акуша-Дарго, наличии здесь «знатнейших фамилий», верховенстве духовенства и т. д.¹⁹¹

Сведения по союзам сельских общин содержат также ряд работ, изданных в конце 60—80 годов. Так, в работах А. В. Комарова имеются сведения по народонаселению, составе союзов, их названиях, административно-политическом управлении, названиях и функциях власти должностных лиц¹⁹² и т. д. В капитальном труде Н. Ф. Дубровина¹⁹³ также имеется много сведений о союзах сельских общин, связанных с народонаселением, хозяйством, управлением и т. д.

В «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского имеются сведения о союзах Анди, Койсубулу, Акуша-Дарго, Карах, Кубачи.

Большой интерес как исторический источник представляет трехтомный труд П. Г. Буткова¹⁹⁴, где использованы не только архивные документы, материалы дипломатического и военно-исторического содержания, но и много выдержек из трудов путешественников по Кавказу. Работа содержит сведения о составе ряда союзов, их политическом управлении, взаимоотношениях с феодальными владениями и т. д.

Ценные материалы по союзам сельских общин содержат труды М. М. Ковалевского, среди которых особо следует отметить двухтомную капитальную работу «Закон и обычай на Кавказе», где использовано много первоисточников. Имеющийся в ней конкретный материал о тухумах и джамаатах, происхождении их названий, родственных связях, земельных отношениях, функциях власти административных лиц, судопроизводстве, роли институтов патриархально-родового строя и т. д. во многом помогает в изучении социально-экономического развития и административно-политического управления союзов сельских общин.

4. МАТЕРИАЛЫ ЭПИГРАФИКИ, ТОПОНИМИКИ, ЭТНОГРАФИИ

Для изучения поставленной проблемы определенное значение имеет материал эпиграфики, в основном собранный Л. И. Лавровым¹⁹⁵ и А. Р. Шихсановым¹⁹⁶. В ряде памятников эпиграфики нашли отражение классовые отношения, различные события политической истории союзов сельских общин, сведения об отдельных личностях и т. д.

Весьма ценным источником по истории союзов сельских общин является материал топонимики. Особое значение топонимика имеет в изучении земельных отношений. Сохранившиеся названия

земельных участков часто связаны с именами определенных лиц, что является свидетельством нахождения их в частной собственности. По названиям бывших вакуфных земель часто представляется возможность установить лиц, пожертвовавших их в пользу мечети и время акта передачи земли мечети. По материалу топонимики возможно также судить об экономическом положении различных социальных групп, дроблении и подвижности земельных участков. В нем имеются сведения по истории сел и тухумов, расселении их по кварталам и т. д. В целом материал топонимики дополняет имеющиеся сведения письменных источников и нередко является единственным источником по ряду вопросов истории союзов сельских общин.

Большое значение в изучении проблемы имеет историко-этнографический материал. Как справедливо писал А. Кауфман, «сами документы очень часто только становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»¹⁹⁷. Особенно это касается тех периодов, по которым мало или недостаточно письменных источников. «Устная история, — писал акад. Е. М. Жуков, — имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в устных преданиях, переходящих из поколения в поколение».¹⁹⁸ Особое значение историко-этнографический материал имеет для изучения периода феодализма. Как пишет Х. П. Стродс, «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней»¹⁹⁹. В свете сказанного трудно согласиться с теми, кто считает, что анализ этнографических источников — это дело только одних этнографов. Эти источники представляют большой интерес и для историков. Причем, историко-этнографический материал в условиях малочисленности, а порою и отсутствия исторически конкретных письменных источников по ряду вопросов проблемы, имеет решающее значение. Поэтому вряд ли можно согласиться с существующим мнением, что устные исторические источники относятся к «материалу второго сорта».

В ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущества перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р. М. Магомедов пишет: «...Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм...». В них «отражены наиболее характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т. п.), являющихся драгоценным материалом для исто-

рической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общинные формы и отношения»²⁰⁰.

Бесценно значение историко-этнографического материала при изучении хозяйства, форм земельной собственности и землепользования, характера и типа общины, структуры тухума и джамаата и т.д. Именно поэтому в работе широко использован полевой историко-этнографический материал, собранный автором в течение 25 лет на территории бывших союзов сельских общин.

Полевые этнографические источники используются в комбинации с письменными источниками, они дополняют последние и помогают нам в проверке их данных.

Таков круг источников, на основе которых написана работа. В целом, надо сказать, что имеющиеся источники не раскрывают всех вопросов социально-экономического и административно-политического устройства союзов сельских общин. При всей разновидности источников, они отрывочны и недостаточны особенно для изучения социального развития союзов сельских общин. В этих условиях и решение ряда вопросов, поднятых в работе, естественно, не может быть доведено до конца, отдельные из них могут быть приняты как постановочные, а выводы по ним — как научные гипотезы.

¹ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 262.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 75, 77, 81, 101, 111, 113.

³ Там же. С. 76, 77, 81, 101, 112, 113.

⁴ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 263.

⁵ Зевакин Е. О. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. // КСИЭ, 1946. № 1. С. 84.

⁶ Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. № 1. С. 289.

⁷ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 103, 120—124, 127—129, 131, 134.

⁸ G ü l d e n s t ä d t I. A. Reisen durch Russland, und im Caucasischen Gebirge. — St. Pbg., 1787. Bd. 1; 1791. Bd. 2.

⁹ Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 127.

¹⁰ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215, 220,

226; Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 240; Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 248; ЦГИА РГ. Ф. 8. Д. 237. Л. 74.

¹¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2-х ч. М., 1823.

¹² Там же. Ч. 1. С. 40.

¹³ Там же. С. 47—48.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Там же. С. 53.

¹⁷ ЦГИА РГ. Ф. 263. Оп. 2. Д. 4. Л. 113—129; Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала. 1981. С. 4; Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 288; Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 309; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 211.

¹⁸ Зубов П. Картина кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях: В 4-х ч. СПб., 1835.

¹⁹ Там же. Ч. 3. С. 192, 196, 198, 209.

²⁰ Там же. С. 252.

²¹ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края на исходе XVIII в. и сравнение оною с нынешним. СПб., 1835.

²² Там же. С. 230.

²³ Френ. О народе Кавказском Кубачи // ЖМНП, 1840. № 8. С. 93.

²⁴ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем его положении. М., 1846.

²⁵ Кавказ, 1847. № 14.

²⁶ Данилевский Н. Указ. соч. С. 151, 184.

²⁷ Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Там же. С. 50, 51.

³⁰ Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 33.

³¹ Косвен М. О. Материалы по истории... С. 373.

³² Там же. С. 374.

³³ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. С. 22.

³⁴ Там же. С. 92.

- ³⁵ Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С. 24.
- ³⁶ Там же. С. 3.
- ³⁷ Берже А. Прикаспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856; Его же. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857; Его же. Материалы для описания нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858.
- ³⁸ Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана. С. 112.
- ³⁹ Комаров А. В. Алаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 79.
- ⁴⁰ Муравьев-Карский Н. Н. Записки, 1822 и 1823 годы // Русский архив, 1888. № 7. С. 312—352.
- ⁴¹ Там же. С. 334—335.
- ⁴² Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный архив. СПб., 1886. № 1. С. 131.
- ⁴³ Там же. С. 150.
- ⁴⁴ Там же. С. 131, 138—142, 158.
- ⁴⁵ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 100, 107, 109—115.
- ⁴⁶ Там же. С. 118.
- ⁴⁷ Вейденбаум Е. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 282.
- ⁴⁸ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1—2.
- ⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 159.
- ⁵⁰ Там же. С. 146—147.
- ⁵¹ Там же. С. 131, 146.
- ⁵² Там же. С. 162. Родовому устройству Дагестана посвящена отдельная глава работы. См.: там же. С. 137—164.
- ⁵³ Там же. Т. 2. С. 159.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. С. 13.
- ⁵⁶ Гидулянов П. В. Сословно-земельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение, 1901. № 1; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: В 2-х т. Тифлис, 1907.
- ⁵⁷ Бакиханов А.-К. Гюлистан—Ирам. Баку, 1926.
- ⁵⁸ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.
- ⁵⁹ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана: из дневника гимназиста // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.
- ⁶⁰ Ellis G. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. — London, 1788. — P. 14, 40—42; Wahl G. Altes und neues Vorder und Mittel — Asien, oder pragmatisch-geographische, physische und statistische Schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. — Leipzig,

1795. — S. 462; Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. — Gotha: St. Pbg., 1796. — S. 99—103; Klapproth J. Beschreibung des russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. — Berlin, 1814; его же. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. — Weimar, 1814. — S. 137—138; его же. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. — Paris: Leipzig, 1827. — P. 60—61, 92, 148; Bodensstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. — Berlin, 1855. — S. 317; Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. — Leipzig, 1887. — S. 189, 206—211.

- ⁶¹ Косвен М. О. Указ. соч. С. 374.
- ⁶² Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 236.
- ⁶³ Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 354.
- ⁶⁴ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 290.
- ⁶⁵ Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 568.
- ⁶⁶ Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.: Л., 1925. С. 6, 7, 10, 44.
- ⁶⁷ Кушнер (Кнышев). П. Первобытное и родовое общество. М., 1925. С. 277.
- ⁶⁸ Плисецкий М. Горцы Дагестана. М., 1929. С. 3.
- ⁶⁹ Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический). С. 66—70.
- ⁷⁰ Там же. С. 66.
- ⁷¹ Там же. С. 67.
- ⁷² Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940. № 2. С. 69.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. С. 68.
- ⁷⁵ Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. С. 52—53.
- ⁷⁶ Там же. С. 53.
- ⁷⁷ Там же. С. 103, 110, 111.
- ⁷⁸ Там же. С. 105.
- ⁷⁹ Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в 1-й четверти XIX века // Сборник трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь, 1947. Вып. 1. С. 168.
- ⁸⁰ Там же. С. 165.
- ⁸¹ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке: Материалы к сессии. Махачкала, 1954. С. 6.

- 82 Там же. С. 78.
- 83 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 158, 172, 194, 237—242.
- 84 Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. док. и матер. Тбилиси, 1953. С. 111; Бушуев С. К. О кавказском юридикализме // Вопросы истории, 1956. № 12. С. 73—74.
- 85 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957.
- 86 Там же. С. 63.
- 87 Там же. С. 83.
- 88 Там же. С. 48.
- 89 Там же. С. 57.
- 90 Там же. С. 84.
- 91 Там же. С. 141—142.
- 92 Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961. С. 235.
- 93 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 270.
- 94 Там же. С. 397.
- 95 Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России и его историческое прогрессивное значение: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 91.
- 96 Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.
- 97 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
- 98 Гаджиев В. Г. Роль России... С. 39.
- 99 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 147, 161—176, 197, 203.
- 100 Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 25.
- 101 Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
- 102 Там же. С. 16—17.
- 103 Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 121.
- 104 Там же.
- 105 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 198.
- 106 Там же. С. 109.
- 107 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 41—42.
- 108 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 159—166.
- 109 Там же. С. 164.

110 Там же. С. 166.

111 История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 236, 242, 254—255, 328—333.

112 Там же. С. 249, 328.

113 История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. 2. С. 71—78.

114 Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв.: Опыт монографического исследования социально-политической истории: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966; Его же. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 12 (серия историческая); Его же. Социальные отношения в Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16 (серия историческая); Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М. С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

115 Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. ... С. 264—270.

116 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала, 1972.

117 Там же. С. 183.

118 Алиев Б. Г. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин в XVIII—XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 62.

119 Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—начале XX вв.: Историко-этнографические очерки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 12.

120 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 17.

121 Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 94.

122 Там же. С. 105.

123 Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 113.

124 Там же.

125 Дзагурова В. П. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 82, 88.

126 Умаханов М.-С. К. К вопросу о социальной борьбе в союзах сельских обществ Дагестана в XVII веке // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2 (досоветский период). С. 198—228; Его же. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ в XVII—XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 63—82.

127 Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 55.

128 Лавров Л. И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 6—18.

129 Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

130 Лавров Л. И. Указ. соч. С. 7; 13—14.

131 Там же. С. 7; 14.

- 132 Там же.
- 133 Там же. С. 8; 15.
- 134 Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. С. 13.
- 135 Магомедов Д. М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 40.
- 136 Там же. С. 43.
- 137 Гасанов М. Р. История аулов Табасарана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138; Его же. Социально-экономическое развитие аулов юго-западного Табасарана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 169; Его же. Социально-экономическое развитие аулов кадийства Табасаранского // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.; Его же. Социально-экономическое развитие Табасарана (аулы майсумства Табасаранского) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 202; Его же. Из истории Табасарана. XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1978; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
- 138 Гасанов М. Р. Из истории... С. 69.
- 139 Карпов Ю. Ю. «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII—первой половине XIX веков. К вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- 140 Там же. С. 7.
- 141 Мансуров Ш. М. Салатавия: Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII—перв. пол. XIX в. Махачкала: Юпитер, 1995.
- 142 Мансуров Ш. М. Социально-экономическое и политическое положение Салатавского союза сельских общин в конце XVIII—первой половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1986. С. 15—16.
- 143 Мансурова А. Г. Социально-экономическое положение Цудахарского союза сельских общин в конце XVIII—первой половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1995.
- 144 Мансурова А. Г. Цудахария. Махачкала, 1995.
- 145 Магомедов А. Р. Горская средневековая община: к методологии изучения // ИСКНЦ ВШ. Общественные науки. Р/на Дону, 1984. № 4. С. 29—34.
- 146 Там же. С. 30.
- 147 Там же. С. 32.
- 148 Там же. С. 34.
- 149 Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—нач. XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1986. (В 1988 г. под тем же названием работа издана в качестве отдельной монографии в Москве в изд-ве Наука).
- 150 Там же. С. 13.
- 151 Там же. С. 20, 21.
- 152 Рагимова Б. Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1987.
- 153 Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Ботлихцы. XIX—нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993; Мусаева М. К. Хваршины. XIX—начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы. XIX—начало XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997; Алимова Б. М., Лугуев С. А. Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование XIX—нач. XX века. Махачкала, 1997; Алимова Б. М. Кайтаги. XIX—начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.
- 154 Гамрекелли В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.
- 155 Гамрекелли В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 38.
- 156 Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке: Опыт стадиально-типологической классификации классовых обществ // НАА, 1972. № 4. С. 63.
- 157 Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских классовых обществ // История СССР. М., 1975. № 6. С. 52.
- 158 Там же.
- 159 Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 76—87.
- 160 Никифоров В. И. Восток и всемирная история. 2-е изд. М.: Наука, 1977.
- 161 Меликишвили Г. А. Указ. соч. С. 52.
- 162 Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1973. XVIII. С. 123.
- 163 Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография, 1978. № 2. С. 24.
- 164 Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР, 1983. № 2. С. 65.
- 165 Там же.
- 166 Там же.
- 167 Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.
- 168 Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 116.
- 169 АКАК: В 12 т. Тифлис, 1866—1904.
- 170 История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: Архивные

материалы / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1958.

171 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.: Сбор. докум. / Сост. В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

172 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.

173 Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968.

174 Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1969.

175 Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960. С. 2.

176 Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX вв. // Советская этнография, 1960. № 5. С. 12.

177 Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

178 Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1—128.

179 Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской литературе // КЭС. М.: Л., 1958. II. С. 244.

180 Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 1—75.

181 Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882—1883. Вып. 1—2.

182 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Под ред. И. Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899.

183 Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.

184 Магомедов Р. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

185 Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 11.

186 Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967. С. 9.

187 Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. 2. С. 9.

188 Гаджиев В. Г. Изучение истории феодализма в Дагестане // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная научная конференция: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 14.

189 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 3.

190 Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 5. № 1. С. 107—172; Г. А.-Д. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 9. № 16. С. 475—518.

191 Ермолов А. П. Записки (1816—1827 гг.). М., 1864. Ч. 2. С. 96, 99, 100.

192 Комаров А. В. Указ. соч. С. 79; Его же. Списки населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе // ИКОРГО. Тифлис, 1869. Т. 1; Его же. Народнонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Тифлис, 1873. 7.

193 Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

194 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3-х ч. СПб., 1869.

195 Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. В 3-х ч. Ч. 1. Надписи X—XVIII вв. М., 1966; Ч. 2. Надписи XVIII—XIX вв. М., 1968; Ч. 3. Надписи X—XX вв. М., 1980.

196 Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи (XI—XVII вв.) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13; Его же. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.

197 Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904. С. 54.

198 Жуков Е. И. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 224.

199 Стродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей. 1976. М.: Наука, 1977. С. 42.

200 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана: Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. С. 10.

ГЛАВА II

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

Во многих работах отечественных авторов дооктябрьского и советского периодов, посвященных социально-экономической и политической истории Дагестана, затрагиваются и вопросы, связанные с образованием союзов сельских общин. Однако это либо отдельные фразы, либо недостаточно аргументированные мнения по образованию того или иного союза. Исключением составляют лишь некоторые работы исследователей советского периода. Интерес представляют мнения М. В. Саидовой, Р. М. Магомедова, А. Р. Шихсаидова, Л. И. Лаврова, Г. Д. Даниялова, С. Х. Асиятлова, М. Р. Гасанова, Д. М. Магомедова и ряда других ученых. В их работах делается попытка проследить причины и время образования союзов сельских общин как отдельных народов, так и Дагестана в целом. Вместе с тем пока нет специальных работ, посвященных этому вопросу. Сказанное делает необходимым обобщить весь имеющийся материал по данному вопросу, чем и объясняется выделение его отдельной главой. От правильного решения этого вопроса: установления причин и времени образования союзов сельских общин, их первоначального состава, занимаемой территории, населения, его этнического состава, положения в системе феодального окружения, выделение в них политических центров и т. д. во многом зависит и действительно научное изучение проблемы социально-экономического и политического развития союзов сельских общин в целом. Без изучения комплекса этих вопросов нельзя понять природу союзов сельских общин, их социально-экономическую сущность, место в системе общественного строя Дагестана. Как подчеркивал В. И. Ленин, «Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Трудности изучения интересующего вопроса связаны с отсутствием подобного рода работ и узостью источниковой базы. Имеются лишь отдельные источники, причем только по некоторым союзам. К сожалению, и исторических легенд и преданий по вопросу образования союзов сельских общин сохранилось не много. Поэтому мы ограничиваемся анализом уже известных сведений и историко-этнографического материала, собранного нами в результате экспедиционных работ 1962—1968 гг.

Разумеется, мы далеки от мысли, что нам удалось решить все аспекты вопроса, что наши выводы могут быть окончательными. Целью автора является на основе имеющихся сведений вскрыть причины и условия, установить время образования союзов сельских общин, уточнить их состав в тот или иной исторический период, показать изменения, происходившие в их составе, время и причины образования объединений (федераций) союзов сельских общин.

1. РЕШАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН. ПУТИ И ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Союзы сельских общин — это особый тип территориально-этнических, общественно-политических и хозяйственных структур, появление которых было обусловлено рядом причин и прежде всего изменениями, происшедшими в социально-экономическом и политическом развитии общин. Они были расположены в основном в западном, центральном и южном Дагестане, занимая территорию с разнообразными природными условиями, оказавшими наряду с факторами исторического порядка влияние на их общественное развитие. Это в основном высокогорная и горная часть Дагестана, прорезанная глубокими ущельями и заселенная аварцами и народностями аваро-андо-цезской языковой группы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, каратинцы, ахвахцы, тиндалы, цезы, хваршины, бежтинцы), лезгинами и народностями лезгинской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры, агулы) и даргинцами (акушинцы, цудахарцы, сюргинцы, урахинцы, кайтаги, кубачинцы и др.).

По вопросу образования союзов сельских общин среди ученых нет единого мнения. Одни считают, что они образовались «издавна», другие — в раннем средневековье или в средневековье, третьи — в первые века второго тысячелетия н. э., четвертые — в XV—XVIII вв.

Как нам представляется, образование союзов сельских общин — это не одновременный акт, а процесс, начавшийся с уста-

овлением прочных связей между общинами и еще не завершившийся с первоначальным объединением в союз нескольких сел. Союз мог изменяться как в количественном отношении, входящих в его состав общин, так и в своем положении в системе других союзов и феодальных владений Дагестана. Но это не значит, что процесс образования союзов сельских общин был бесконечным, продолжавшимся вплоть до XIX в. Безусловно, изменения в составе союзов происходили даже в XVIII—XIX вв. Но это уже не процесс возникновения, а процесс развития союзов сельских общин, связанный с изменениями, происходившими в их социально-экономическом и политическом развитии. Конечно, как нам представляется, был в истории какой-то период, когда происходило возникновение основной массы союзов сельских общин и этот процесс протекал наиболее интенсивно.

Как известно, территория Дагестана была заселена издревле. Здесь проживали различные племена и роды. В эпоху бронзы в результате роста производительных сил начинается процесс разложения патриархально-родовых отношений. Глубокие изменения в общественной жизни племен Дагестана в результате бурного развития производительных сил происходит в эпоху железного века. Именно в этот период «наблюдается интенсивный распад первобытно-общинного строя»². Происходит объединение родственных племен в союзы племен. На даргинском языке союз племен известен под названием хлуреба, на аварском — бо, что значит войско, ополчение и говорит об их возникновении в эпоху «военной демократии»³, «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»⁴. В этот период происходит «усиление имущественного и социального неравенства, выделение и обособление из основной массы населения дружинников и племенной знати, их обогащение», которые «создали предпосылки для появления наследственной власти, каковая несомненно и возникла несколько позже, в эпоху создания албанской государственности»⁵. Кавказская Албания — это древнейшее политическое образование, с историческими судьбами которого теснейшим образом переплетаются исторические судьбы племен, населявших Дагестан в последние века до н. э. — первые века н. э.

В середине V в. н. э. Кавказская Албания распалась, что привело к образованию на территории современного Дагестана государственных объединений Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Зирихгеран, Кайтаг (Хайдак), Гумик, «царства гушнов» и др. Общая тенденция развития их «выражалась в стремлении к созданию более или менее крупных государственных единиц, в рамках которых и сложились в основном народности Дагестана»⁶. Это были

в основном феодальные образования, включавшие этнически однородное население. В то же время границы их были намного шире границ политических образований позднего средневековья, что является свидетельством вхождения в их состав и территорий, на которых образовались союзы сельских общин.

По мнению М. В. Саитовой, одновременно с процессом образования государственных объединений происходило и образование союзов общин, как противодействие первым. Она пишет, что процесс объединения отдельных селений-общин в общества и обществ в союзы шел, по-видимому, по двум направлениям и был вызван как внутренним развитием общины, так и борьбой их друг с другом и с феодальным окружением⁷.

Существует также мнение, что процессу образования союзов сельских общин предшествовало или с ним было связано образование крупных населенных пунктов. Это естественный процесс исторического развития, который, разумеется, протекал не одновременно на всей территории Дагестана. Становление сельской территориальной общины, как следствие разложения патриархально-родовых отношений, происходило раньше и прежде всего на территории, которая вошла в состав раннефеодальных государств⁸. Но этот процесс происходит и во многих селах, которые по поздним сведениям известны как члены союзов сельских общин. Это говорит о том, что в раннем средневековье эти села находились на том же уровне общественного развития, что и раннефеодальные государства.

Можно говорить о наличии уже в раннем средневековье таких территориальных сел как Ихрек, Рутул, Шиназ, Курах, Рича, Ахты, Уркарах, Дибгаш, Чишили и т. д., которые затем были известны либо как центры союзов сельских общин, либо как их члены. В Ихреке обнаружена надпись, которая свидетельствует о существовании его уже в X в.⁹ Рутул существовал еще в VIII в. н. э.¹⁰ В хронике «История Абу-Муслима» приводится большой список дагестанских сел, которые якобы получили в управление сыновья и потомки Абу-Муслима. Среди этих сел Микрах, Курах, Рича, Мака, Хучни, Ахты, Кумух, Шиназ, Цудахар и др.¹¹ Эти села в основном находились в составе раннефеодальных государств и для них были характерны те же отношения, которые были в первых. В этих обществах из привилегированной прослойки формируется класс феодалов. Уже к концу первого тысячелетия господствующий класс сформировался и противостоял рядовым общинникам. В письменных источниках феодалы этих обществ выступают под терминами амиры, талхъаны, батрики, раисы и т. д. Так, согласно «Тарих ал-Баб», к концу раннего сред-

невековья в Уркарах существует социальная прослойка раисов¹². Согласно хронике «Ахты-наме», еще в VII в. амиры находились в Рутуле¹³. По данным XII в. Рутулом управлял некий Абду-с-Самад¹⁴. Селение Рича управлялось неким Сабаджом, по приказу которого здесь воздвигаются оборонительные сооружения¹⁵. Впоследствии правители Рича носили титул амира, что говорит о дальнейшем упрочении и стабилизации власти местных правителей¹⁶. Тпигом управлял феодал, против которого восстали местные жители, после чего он приказал построить крепость¹⁷. Владельцем крепости в сел. Ахты был Д-й-р б. С-й-б¹⁸. В Цудахаре, согласно преданиям, управлял хан (талхъан). Талхъаны находились в прошлом в Бутри, Усиша, Мекеги и других даргинских селах. Феодалные правители в сел. Муги назывались амирами. Владельцами крепостей и «городов» в Аварии также были феодалы, известные как «ханы» и «шахи». Как освобождаются эти общества от власти феодалов, как образуются союзы сельских общин — это следующая задача, стоящая перед нами, для решения которой необходимо вернуться к раннефеодальным государствам, в составе которых находились указанные села как центры, вокруг которых и группировались другие села.

Начнем с южного Дагестана, где нас интересуют Лакз и Табасаран. Лакз, как можно судить почти по всем источникам, располагался на территории, занимаемой сейчас народами лезгинской группы языков (лезгины, агулы, цахуры, рутулы), в бассейне Самура, Курахчая и Чирахчая. В начале XI в. в результате децентрализации Лакз делится на Западный и Восточный. Со временем дробление идет еще дальше. «Ни в XIII в., ни в XIV в. (возможно, и в X—XII вв.), ни в последующие века на территории, занятой представителями лезгинской группы языков, — пишет А. Р. Шихсаидов, — не существовало единого государства, а имелся ряд мелких политических образований»¹⁹. Это — выделение как результат децентрализации из единого в VI—IX вв. раннефеодального государства отдельных уделов и союзов, известных здесь как магалы. Лезгинские племена, расселенные вдоль рек Курахчая и Чирахчая, пишет Р. М. Магомедов, в IX—XII вв. «подразделялись по магалам. В магал входило несколько сельских общин»²⁰.

О существовании на бывшей территории Лакза отдельных политических единиц с центрами, известными по более поздним источникам как центры союзов сельских общин, говорят и эпиграфические данные. Так, надпись 1432 г. из Цахура²¹ говорит о существовании Рутула и Цахура как самостоятельных политических единиц. Надписи из Гельхена Курахского района и сел. Шиназ Рутульского района содержат известия о сожжении селения Ахты жителями Кумуха и Рутула в 943/1536 г.²², исходя из чего

А. Р. Шихсаидов делает вывод, что к «числу перечисленных политических единиц можно отнести также селение Ахты с прилегающими к нему несколькими населенными пунктами»²³. Еще раньше (XII—XIII вв.) как самостоятельный политический центр выделяется Тпиг, «который объединял вокруг себя или же подчинял ближайшие агульские аулы»²⁴.

Большой интерес представляют сведения о Курахе. Надпись на стеле, стоящей перед входом в бывшую соборную мечеть 757/1356 г., детально зафиксировала границы общества Курах²⁵. На указанной в надписи территории в настоящее время расположено более 10 селений. Как пишет Л. И. Лавров, «размеры территории курахских земель XIV в. были шире возможных размеров сельской общины. В надписи говорится о землях, принадлежащих не тому или иному феодалу, а сел. Курах, т. е. курахской сельской общине. Это дает повод предположить, что перед нами не феодалное владение, а то, что в исторической литературе... обычно называют «вольным обществом»²⁶. Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые²⁷.

В качестве отдельного политического объединения выделяется и Кюре. Изучив надписи из сел. Шиназ и Гельхен, где говорится о разрушении селения Курах и Кюры Шейхшахом в 917/1511 г., А. Р. Шихсаидов приходит к выводу, что в начале XVI в. Ширваншах Ибрагим II (1502—1524) разрушил лезгинское селение Курах, а также Кюре. В последнем случае имеется в виду, по всей вероятности, не один населенный пункт, а группа их — «общество» Кюре. Этим только и можно объяснить отсутствие в тексте обычного «карийа» («селение») перед словом Кура (Кюре)²⁸. Об этом же свидетельствует сообщение турецкого путешественника и географа Эвлия Челеби, писавшего, что они выехав из Дербента, «через 12 часов прибыли в город Кура, находящийся на границе Дагестана... Здесь насчитывается около 10000 человек населения», что говорит о том, «что речь идет о левом берегу реки Самур, известном по источникам XIX—XX вв. под названием Кюре»²⁹. Под названием «Кюреле» Кюре известно было Мухаммеду-Рафи, автору хроники «Тарих-и Дагестан». По предположению А. Р. Шихсаидова, в грамоте шамхала в 1597 г. на имя царя Федора Ивановича о «Куренской рати» «речь шла о Кюре, о войске из жителей Кюринских селений».

Обобщая все это, А. Р. Шихсаидов пишет: «В итоге мы можем отнести все приведенные выше сообщения к одной территории, а именно Кюре, охватывающей современные Магарамкентский, Курахский, Касумкентский и частично Хивский районы»³⁰. Таков путь роста и дальнейшего развития маленького союза сельских

общин во главе с Курахом по пути формирования феодального владения (Курахское ханство)³¹.

Итак, на основе имеющихся источников прослеживается становление союзов сельских общин народов лезгинской группы языков начиная с раннесредневекового периода вплоть до XV в. По этим источникам видно, что «на протяжении XIII—XV вв. на территории южного Дагестана существовал ряд политических объединений или союзов сельских общин во главе с такими населенными пунктами, как Ахты, Рутул, Кюре, Цахур, Хив, Курах, Тпиг»³². Кроме того, «существовали также многочисленные менее крупные единицы, отдельные населенные пункты, не входившие в какое-либо объединение и представлявшие самостоятельные сельские общины со своими органами управления»³³. В условиях феодального окружения и более крупных союзов эти общины иногда «объединялись в чисто политических целях, и наиболее сильные селения становились во главе союза». К такого рода объединениям общин относились союзы во главе с агульским селением Рича и рутульским селением Хнов, вошедшим впоследствии в состав Рутульского магала³⁴.

Однако процесс образования указанных политических и территориальных объединений народов лезгинской группы языков не завершился образованием союзов сельских общин в тех границах и в том составе, которые были первоначально. Дальнейшее социально-экономическое развитие и политическая обстановка вызвали изменения в их среде. Одни союзы сходили с политической арены, другие увеличивались, расширяли свои границы и состав за счет присоединения новых сел, третьи — образовывались вновь за счет политической децентрализации, результатом чего из уже существующих союзов отпочковывались усилившиеся общества, которые объединяли вокруг себя другие села. Так, Ахты распадается на еще более мелкие союзы (Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара), в то время как Цахур, Курах, Рутул «более быстрыми темпами пошли по пути объединения соседних земель» и «оформились как феодальные владения»³⁵.

На территории табасаранцев с IV в. находилось политическое объединение Табасаран. Вплоть до XII в. Табасаран фигурирует в источниках как самостоятельное царство, а впоследствии как феодальное владение — майсумство. Это территория, лежащая южнее Кайтага и граничившая на востоке с Дербентским владением, на юге с лезгинами, на западе — с Агулом. В раннем средневековье Табасаран занимал территорию, лежащую между Лакзом и Дербентом.

Образование территориально-тухумных и территориальных сел и союзов сельских общин у табасаранцев происходило в тот же

период, что и у других народов лезгинской группы языков. Изучая союзы сельских общин Табасарана, М. Р. Гасанов отмечает, что образование их является следствием дальнейшего развития феодальных производительных сил и производственных отношений. Им высказано несколько разнохарактерных мнений, требующих увязки с определенными периодами истории. Это и то, что союзы сельских общин выделились «в результате распада майсумства Табасаранского или владения кадия»³⁶, или, что они «могли возникнуть и в более ранний период, но находились в составе майсумства»³⁷ и что они «прежде входили в состав политических образований как самостоятельные, но зависимые от майсума или как территориальные единицы»³⁸. Последнее было связано, как и в других феодальных владениях Дагестана³⁹, с децентрализацией, имевшей место в Табасаране в начале второго тысячелетия н. э., о чем говорят сведения автора XII в. ал-Гарнати о 24 рустаках Табасарана, «в каждом из которых находится сарханг наподобие амиру»⁴⁰. Исходя из этих сведений М. Р. Гасанов вслед за А. Р. Шихсаидовым делает вывод о распаде «единого политического образования на более мелкие самостоятельные единицы, в том числе и союзы сельских обществ»⁴¹. Рустаки, о которых речь идет в источнике, не отдельные населенные пункты, а группа селений, волость⁴², т. е. мелкие княжества, трансформированные со временем в результате их ослабления в связи с походами монголо-татарских войск и Тимура в союзы сельских общин.

О наличии в Табасаране в XI—XII вв. союзов сельских общин говорит и Р. М. Магомедов. Он пишет, что здесь население «группировалось по магалам Керрах, Хирах, Чуркул, Кухрик. Во главе магалов стояли предводители союзов сельских общин, а для управления духовных дел сюда во время владычества арабов был послан кадий»⁴³.

О причинах образования союзов сельских общин Табасарана в источнике сказано: «Объединяющие условия местности, выгоды хозяйственные и интересы обороны, как и везде в Дагестане, вызвали в Табасаране образование союзов из нескольких селений или магалов»⁴⁴.

В связи с этим небезынтересно привести мнение Ш. М. Ахмедова. Он писал, что теоретически образование союзов сельских общин происходило следующим образом: дальнейший рост населения в патриархально-родовых общинах привел к тому, что освоенная территория пахотных участков не удовлетворяет все растущие потребности общинников и поэтому она выталкивает из своей среды обособившиеся отдельные семьи, которые неподалеку основывают новые общины. Причем, хотя эти новые общины

получили определенную территорию под пахоту и другие общественные угодья из владений «старой общины», последняя сохранила за собой ряд участков в качестве общей альменды, которая осталась и в позднее время.

Такая «старая община» могла служить основой, вокруг которой группировались другие деревни, выделившиеся из нее позднее и пользовавшиеся общими неподеленными угодьями.

Таким образом, заключает Ш. М. Ахмедов, основой всех «вольных обществ» Дагестана являются неподеленные угодья, вокруг которых сгруппировался ряд бывших родственных сел⁴⁵.

Но в связи с этим возникает вопрос, почему общая альменда не явилась основой возникновения союзов сельских общин повсеместно? Ведь первоначально везде была общая альменда и происходили те же процессы расселения населения патриархально-родовых общин.

Значит, были еще другие причины, было то, что являлось особенностью для тех общин, которые объединились в союзы, для тех территорий, где образовались эти своеобразные политические объединения. Этими причинами, помимо экономических, были причины политические, а также причины, связанные с опасностью внешнего завоевания, необходимости защиты независимости. Как пишет акад. Е. М. Жуков, «одно из самых частых проявлений воздействия внешних факторов на ход развития определенной социально-экономической формации в том или ином регионе, — это войны, завоевания»⁴⁶.

Немаловажное значение в образовании союзов сельских общин, говоря словами акад. Е. М. Жукова, имели и «существующие в исходный момент сравнительно-второстепенные особенности хозяйственной и политической организации, быта и культуры», которые в некоторых случаях были «способны не только сохранять, но даже возрастать с течением времени в такой мере, что обуславливают возникновение особого типа в рамках данной формации»⁴⁷.

Без учета всего этого нельзя понять ни историю образования союзов сельских общин, ни их природу, как своеобразных территориальных (или территориально-этнических), военно-политических и хозяйственных структур, занимавших большую половину территории Дагестана. Поэтому мы не разделяем мнения тех исследователей, которые объясняют образование союзов сельских общин односторонне, исходя лишь из одного фактора — или внутренним социально-экономическим развитием общин, или только опасностью внешнего завоевания. Такие утверждения были характерны почти для всех дореволюционных авторов. Придерживаются их и некоторые исследователи советского периода⁴⁸.

Нельзя согласиться и с теми авторами, которые утверждают

о позднем (XV—XVIII вв.) возникновении союзов сельских общин повсеместно. Необоснованно утверждение С. Ц. Умарова, что «в период с конца XVII до середины XVIII в. ... в Даргинии и Лезгинистане, а также в ряде районов Аварии... княжеское управление было свергнуто, его место заняло самоуправление так называемых «вольных обществ»⁴⁹. Нам кажется, что автор этого мнения не вполне ясно представляет положение, которое было в союзах сельских общин, да и в Дагестане в целом в XVII—XVIII вв.

Позднее возникновение отдельных союзов сельских общин, конечно, имело место. Но это касается конкретных союзов, конкретной территории, где по тем или иным причинам отдельные общества получили возможность освободиться от власти феодала и примкнуть к уже существующим союзам или же объединиться самим и образовать новый союз. Относить же этот процесс к XVII—XVIII вв. для всей Даргинии, Лезгинистана и части Аварии нельзя. Что же касается причин образования союзов сельских общин, то действительно — это результат распада феодальных образований и освобождения общин из-под власти феодалов. И вхождение их в состав феодальных владений — явление характерное для всех народов Дагестана.

Образование союзов сельских общин даргинцев и аварцев, как исторический процесс дальнейшего социально-экономического и политического развития племен и племенных союзов, также начинается в послеалбанский период, когда и на их этнических территориях происходит формирование раннефеодальных государственных образований.

Как указывалось выше, существует мнение, что даргинские племена делились на хлуреба (войско, ополчение) и это название сохранилось с периода военной демократии, когда вооруженный народ составлял войско⁵⁰. В раннем средневековье, преодолевая переходный период, связанный с военной демократией, даргинские племена начали создавать свои политические объединения. Выделились даргинские земли Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Буркун-Дарго, Хамур-Дарго и Сюрга⁵¹. Были известны государственные образования Зрихгеран, Хайзан или Хамзин (Хайдак), Карах (ал-Карах) и Шандан. Это результат дальнейшего социально-экономического и политического развития даргинских племен, консолидации племенных союзов, единения их в более крупные и сильные политические объединения. Каждое из указанных государственных образований объединяло определенные племенные группы даргинцев. Верхнедаргинцы (земли Акуша-Дарго), восточные даргинцы (земли Каба-Дарго)⁵² и сюргинцы (Сюрга, Сирга) вошли в состав Шандана; земли Кайтаг-Дарго и Хамур-Дарго — в состав Хамзина (Хайдака); Кубачи вместе с окружающими

селами составлял Зирихгеран; земли, вошедшие затем в состав Верхнего Кайтага (Муйра, Гапш) во главе с Уркарахом, составляли Карах (ал-Карах, Ул-Карах).

С историей Шандана тесно связана история государственного образования Филан⁵³. Анализируя сочинение Абу-Хамида ал-Гарнати⁵⁴ и исходя из отсутствия Филана среди других владений Дагестана в «Истории Ширвана и Дербента», А. Р. Шихсаидов пишет, что со временем Филан был включен в состав Шандана⁵⁵. Упоминание в готской рукописи сочинения ал-Гарнати вместо «закалан» (Цудахар), на что также обратил внимание А. Р. Шихсаидов⁵⁶, «гуркилан»⁵⁷ («гуркилинский язык»), который «как нельзя лучше согласуется с названием общества, зафиксированного П. К. Усларом как «Хуркила хлуреба», и... «Хюркилинским языком»⁵⁸, говорит о вхождении в Филан (Шандан) Каба-Дарго во главе с сел. Урахи (Хурахъи). Но почему-то А. Р. Шихсаидов не развил эту мысль о «гуркилане», а пишет, что оба термина «относятся к одной и той же территории, занимаемой ныне носителями акушинского и цудахарского диалектов даргинского языка, т. е. современных Левашинского и Акушинского районов, составляющих в прошлом основу федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго»⁵⁹.

Последнее известие о Шандане относится к 1041-42 г., когда против него из Дербента был совершен «исламский» поход. Возможно, что именно после этого похода Шандан, потерпев поражение и сильно ослабев, не смог оправиться и перестал существовать как политическая единица, объединявшая ряд даргинских земель.

С распадом Шандана происходит разобщение и ослабление племенных союзов даргинцев, входивших ранее в него. К этому времени у даргинцев уже произошли и большие перемены социального порядка, когда в «обстановке войн и набегов племенная знать... имела большие возможности для быстрого обогащения и укрепления своего общественного положения. У отдельных племен Акуша-Дарго и Каба-Дарго в результате этого начала выделяться феодальная верхушка»⁶⁰. Арабские авторы указывают на наличие в Шандане «знатных людей»⁶¹. Выделившаяся феодальная верхушка у даргинцев была известна под названием талхъаны (князья), что, видимо, возникло от тюркского или хазарского слова тархан — предводитель, военачальник. Такие князья были в Муйра, Кайтаге, Каба-Дарго, Верхнем Дарго. Некоторые племенные князьки — талхъаны сошли со сцены при арабах, а другие — при татаро-монголах. Уцелевшие талхъаны укрепили свою власть и угнетали свободных общинников. Народ выступал против них»⁶².

Талхъаны в прошлом, как указывалось выше, имелись в сел. Бутри, Усиша, Муги (амиры), Мекеги, Викри, Меусиша, Издагиша, Дейбуке, Цудахаре, Бурдеки и т. д. После распада Шандана политический вес талхъанов, не имея среди общинников социальной опоры, стал падать. Недовольные общины восстают, изгоняют или уничтожают талхъанов, разделив их земли между общинниками или превратив их в общественную собственность. Так, против княжны Издагиша восстали окружающие села. Они отвели воду, которая шла в Издагиша, в результате чего село погибло, и княжество перестало существовать⁶³.

В XII в. происходит восстание против талхъанов сел. Мекеги. Восставшие уничтожили главного талхъана — правителя. Оставшиеся талхъаны были приравнены к другим членам общины, а их земельные угодья ограничены в пределах собственности среднего крестьянина⁶⁴. Существует мнение, что Мекегинский союз образовался после изгнания талхъана⁶⁵. В это время происходит крупнейшая консолидация и других даргинских общин вокруг крупных сел и укрепление союзов. Видимо, в этот период происходит и окончательное выделение даргинских земель: Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Хамур-Дарго, Кайтаг-Дарго, Буркун-Дарго и Сюрга.

Хотя даргинские общины, уничтожив или изгнав феодалов, объединились в союзы, все же они не могли противостоять феодальным владениям, так как эти союзы не представляли большой политической силы, какой являлся Шандан, объединявший их в прошлом.

В XI—XII вв. происходит усиление Серира и Кайтага, выступавших «как наиболее активная сила»⁶⁶. Серир расширяет границы за счет включения в свой состав иноэтнического населения. Если авторы IX в. понимали под названием Серир территорию современной Аварии, то арабоязычные историки и географы, писавшие в X—XIII вв., под этим названием начинают подразумевать территорию, превышающую размеры собственно Аварии⁶⁷.

Согласно преданиям, даргинцы после распада Шандана часто враждовали между собой. Именно в этот период, пользуясь их разобщенностью, Серир распространил свою власть и на ряд пограничных с аварцами обществ даргинцев, которых принудили выплачивать дань зерном и скотом⁶⁸. «Пограничные сторожевые пункты пуцальства в X—XII вв. проходили по территории Акуша-Дарго»⁶⁹. Серир в этот период являлся самым могущественным владением, правитель которого «завладел всеми общинами и доходами их ханов»⁷⁰.

В условиях разобщенности любое из подвластных пуцалу обществ было не в состоянии добиться самостоятельности. Это ускорило начавшийся еще раньше в результате внутреннего раз-

вития процесс объединения верхнедаргинских обществ в один политический союз. Поводом для объединения послужил отказ нуцала в один из неурожайных годов освободить их от дани. В сражении у местности Сият, недалеко от Цудахара верхнедаргинцы одержали победу и с тех пор, перестав платить дань, стали свободными⁷¹. Так было положено начало образованию союза верхнедаргинцев, ставшим затем известным под названием Акуша-Дарго.

Освободившись от нуцала, верхнедаргинцы попадают в зависимость от Казикумухского шамхальства, которое, после разгрома монголо-татарами в середине XIII в., не только восстановило свое положение, но еще более усилилось и превратилось в самое могущественное государство в Дагестане. Оно объединяло лакцев, кумыков, часть даргинцев, аварцев и лезгин. Как и другие народы Дагестана, верхнедаргинцы платили шамхалу подати⁷². Акуша в начале XVII в. названа одним из селений шамхала⁷³, а по сведениям конца XVI в. в «Кабаке Аркуша» находился «Шевкалов уздень Бурунчи»⁷⁴.

В середине XVII в. с окончательным переходом шамхала в Тарки Акуша-Дарго отделилось от шамхальства и с этого времени оно становится одним из сильных политических объединений Дагестана.

Ко времени образования союзов верхнедаргинцев, Каба-Дарго и Сюрга относится и образование союзов сельских общин даргинцев уцмийства Кайтагского. Для показа этого проследим, что из себя представлял Кайтаг, так как с его историей связана и история этих и других даргинских союзов сельских общин.

Существует мнение, что до арабов под Кайтагом имелась в виду территория Шурканта, Ирцамула, Каттагана и нижняя территория, где проживали сами кайтаги и остатки кочевых групп (савиры, гунны, турки, хазары, таты). При арабах же Кайтаг-Дарго охватывал территорию Сюрга, Муйра, Гапш, Каба-Дарго, Верхний и Нижний Кайтаг, Теркеме и Гамринский магал⁷⁵.

Сначала резиденцией хайдакских правителей было сел. Урки-мудзила. Арабы построили здесь крепость и оставили своих людей, после чего селение стало называться Калакорейш (крепость корейшитов) или Кара-Корейш (черные курейшиты). «Гапш, — пишет Р. М. Магомедов, — во время войн арабов потерял свою самостоятельность, а Кала-Корейш была превращена в резиденцию арабского ставленника уцмий Эмир-Гамзы... В покоренном Кайтаг-Дарго арабы также поставили своих ставленников. Местные эмиры были подчинены Эмир-Гамзе»⁷⁶.

По мнению Р. М. Магомедова, в начале X в. резиденция уцмий из Калакорейша была перенесена в Уркарах, который одно-

временно стал одним из центров распространения ислама⁷⁷. А. Р. Шихсаидов же, исходя из того, что по сведениям первой половины X в. на территории общества Гапш существовало царство ал-Карах, пишет, что «в X в. ряд даргинских земель (в частности Уркарах) еще не входит в состав хайдакских земель»⁷⁸.

И на самом деле, территория Верхнего Кайтага в этот период, как показывают источники, никак не могла входить в состав Кайтага потому, что здесь одновременно с последним находилось царство Карах⁷⁹ (Ур-Карах) с центром в сел. Уркарах, откуда и название царства. Это говорит о том, что основной частью царства было общество Гапш. Вхождение же в его состав населенных пунктов Дибгаш и Чишили говорит о том, что царство охватывало и другие даргинские общества, в частности Муйра.

Последние известия о Карахе относятся к 1065 г.⁸⁰, что говорит о том, что примерно во второй половине или в конце XI в. Карах перестает существовать как самостоятельное царство. Очевидно, ослабленный в результате междоусобиц и внешнего вмешательства, Карах распался и на его месте образовались союзы Гапш и Муйра. Однако их постигла участь верхнедаргинцев. Подобно тому как последние после распада Шандана попали в зависимость от Серира, даргинские общества царства Карах были присоединены к Кайтагу, сильно усилившемуся к этому времени. Именно после этого Уркарах становится одной из резиденций уцмий Кайтага. Он построил здесь дворец, обзавелся хозяйством, обложил местное население налогом и издевался над общинниками: забирал скот, во время охоты уничтожал урожай уркарахцев и т. д.⁸¹

Освобождению даргинских обществ от уцмий и окончательному оформлению их союзов способствовало ослабление Кайтага в результате нашествий сначала монголо-татар, а затем тимуровских орд. Для Кайтагского уцмийства этот период характеризуется не только хозяйственной разрухой и убылью населения, связанных с бесчинством завоевателей, но и политическим упадком. В результате падает и влияние уцмий на даргинские общинные объединения. Недовольные общинники в этих условиях изгоняют уцмий и из его владения отделяются союзы Гапш, Ганк, Муйра. С этого времени происходит дальнейшее оформление и укрепление их в рамках тех территорий, в каких известны они в сведениях изучаемого периода. В таких условиях уцмий вынужден был перенести центр своего владения обратно в Калакорейш, а оттуда в Нижний Кайтаг. Здесь уцмий постепенно укрепляет свою власть и отделившиеся общинные объединения опять попадают под его влияние. В составе уцмийства находились они и в последующее время, хотя уцмийю ничего не платили и имели свое самоуправление. Когда возникала надобность в сборе воинских сил,

уцмий обращался к даргинским обществам с просьбой оказать помощь, так как принудить никого из них он не мог⁸².

По образованию союзов сельских общин аварцев также имеются различные мнения. Как пишут исследователи, вместе с другими народами Дагестана, аварцы входили в состав древней Кавказской Албании⁸³. Племена, входившие в ее состав, находились на различных стадиях общественного развития, что наглядно проявилось после ее распада. Среди племен Северной Аварии процесс классовой дифференциации и формирование раннефеодальных государственных образований происходит значительно раньше. На Хунзахском плато и в среде хиндалальских и присулакских племен сложилось крупное княжество Серир. Племена, обитавшие у южных склонов Кавказского хребта, создали свое политическое объединение, известное под названием Дидоэтия. Иное положение наблюдалось в некоторых глухих районах и, отчасти, западного Дагестана, где племена еще в X—XII вв. переживали стадию военной демократии⁸⁴. По мнению А. Р. Шихсандова, аварские земли, известные уже в сирийской хронике VI в. Захария Митиленского под названием Бат-Даду (Дидоэтия) — это нагорный Дагестан в целом, «горная страна», которую арабские авторы называли Сериром⁸⁵. Д. М. Магомедов же, основываясь на известия античных авторов⁸⁶, считает, что «еще на рубеже нашей эры Дидо выступает, как отдельное политическое образование, вслед за Иберией и Албанией»⁸⁷. По его мнению, начиная с I-го тысячелетия до н. э. в состав федерации племен Дидури входили не только собственно дидойцы, но и другие племенные союзы, позднее отпочковавшиеся от нее: Капуча, Анцух, Гунз, Анцросо, Верхний и Нижний Таш, Ухнада, Джурмут, Ахвах, Карата, Технуцал, Чамалал, Укратль, т. е. общества, расположенные между Водораздельным и Андийским хребтами⁸⁸.

Дидо, как крупное политическое объединение, было известно также армянским, сирийским и арабским авторам IV—X вв.⁸⁹. На основе этих сведений Д. М. Магомедов пишет, что в этот период у дидойцев существовала сильная политическая организация и что понятие Дидо не имело никакого отношения к политическому образованию Серир⁹⁰. Анализ арабских источников⁹¹ также дал основание ему придти к выводу, что термин «Дидур» (Дидо) объединял различные союзы племен и их территории и в частности ту территорию, где в прошлом располагались указанные выше союзы сельских общин, на что еще раньше обратил внимание В. Ф. Минорский⁹².

В конце XII—начале XIII в. во время правления царицы Тамары дидойцы и другие горцы попадают в зависимость от Грузии. Влияние Грузии на дидойцев в последующем еще больше усили-

лось и они «платили подати и выставляли в случае нападения извне войска»⁹³. Причиной этого было ослабление Дидо, что, в свою очередь, являлось результатом распада некогда единого и сильного объединения различных обществ. Это хорошо прослеживается в завещании аварского правителя Андуника (конец XV в.), согласно которому среди территорий Аварского нучала перечисляются также общества Багулал («хучадинцы») и Антль-Ратль («Семиземелье»)⁹⁴. По мнению Д. М. Магомедова, «распад военно-политического союза Дидо начался еще в конце XIV—нач. XV вв.»⁹⁵ Однако в «Тарих Дагестана» ряд обществ (Тлейсерух и Тлебель), которые, согласно мнению Д. М. Магомедова, входили в Дидо, перечислены в составе Казикумухского шамхальства⁹⁶, что говорит о еще более раннем распаде Дидо.

Указанные сведения интересны не только тем, что они сообщают о составе Дидо, изменениях в нем, выходе из него ряда обществ и, возможно, распаде его как крупного военно-политического объединения, но и тем, что из них представляется возможным проследить наличие уже в XII в. союзов сельских общин.

Выше уже указывалось, что Серир, достигнув своего расцвета в X—XII вв., настолько расширил свои границы, что включал в свой состав не только аварцев, но и иноэтнические элементы⁹⁷. Возможно, что в период усиления Серира и отошли к нему из состава Дидо какие-то общества. Затем мы видим усиление Казикумухского шамхальства, в зависимости от которого находился ряд аварских обществ: Карах, Тлейсерух, Тлебель, Тинди, Анди, Багулал, Рис-Ор, Мукрах⁹⁸. Образование этих и других союзов сельских общин, по мнению Г. Д. Даниялова, произошло в результате и после распада Серира. «Распад Серира, — пишет он, — приводит к тому, что выделяются две основные силы, а именно: ...феодалы и владения... и вновь возникшие территориальные сельские общины, значительное количество которых официально не подвластно определенной феодальной политической системе». И далее, говоря о причинах объединения обществ в союзы, он пишет: «Вскоре для приобретения более внушительного политического значения для защиты от внешних врагов и сохранения своей территориальной неприкосновенности эти сельские общины объединяются в союзы «вольных» обществ... Союзы «вольных» обществ возникли в результате распада феодального государства. Они сумели отстоять свою политическую независимость от мелких феодальных владетелей»⁹⁹.

По мнению С. Х. Асиятилова, «процесс становления больших территориальных поселений и сельских обществ и союзов сел идет как результат разрушения городов в предгорье и замковых поселений в горах»¹⁰⁰. Именно вслед за завоеваниями арабов, пишет

он, «появляются союзы сельских обществ и общинно-демократические формы правления»¹⁰¹. В результате арабских завоеваний были разрушены раннефеодальные города предгорного Дагестана. На развалинах раннефеодальных государственных образований и городов образуются многочисленные поселения путем расселения из этих поселений городского типа в поселения так называемые «родово-тухумные»¹⁰². После образования мелких поселений, «в которых усиливаются общинно-родовые тенденции», происходит «формирование более устойчивых политических образований типа союза сел — «вольных обществ», что имело место в XII—XIII вв.¹⁰³ Но он же предполагает, что «формирование «вольных обществ» произошло в XIV—XV вв. в связи с изменениями в экономической жизни, и что экономической основой их единения была общая собственность входивших в союзы сел на пастбищные земли»¹⁰⁴.

Выше при описании Дидо мы уже обратили внимание на существующее мнение об отделении от него в XIV—XV вв. многих союзов сельских общин. Приводились также сведения, свидетельствующие о наличии этих союзов еще раньше. Следовательно, более правдоподобно мнение об образовании союзов сельских общин аварцев после распада или политического ослабления Серира, что произошло в конце XI—начале XII вв.

Что касается Дидо, после распада его как политического союза, оно объединяло собственно дидойцев, и этноним этот стал чисто этнографическим. В состав дидойского союза после этого стали входить общества Дидо-Асах, Дидо-Шуратль и Дидо-Шатль (Иланхеви)¹⁰⁵. Это уже объединение союзов или их федерация. Интересно, что в это же время существовали и другие аналогичные объединения союзов Антль-Ратль и Акуша-Дарго. Это дает нам основание не согласиться с существующим мнением о позднем возникновении объединений союзов сельских общин (федераций). Безусловно, это вторичный процесс, чему предшествовало объединение сельских общин в союзы. Однако признать, что эти союзы объединяются в более крупные военно-политические образования только в XVIII—XIX вв. было бы неверно, хотя этот процесс происходил не одновременно везде или у всех народов, у которых образовались такие союзы союзов или федерации союзов.

При описании общих причин образования и становления союзов сельских общин у народов Южного Дагестана и даргинцев уже указывалось, что это происходило в основном в результате изгнания феодалов или уничтожения правящих феодальных фамилий, после чего освободившиеся от власти феодалов сельские общины объединялись и образовывали территориально-политические сою-

зы. Подобного происхождения были и многие союзы сельских общин Аварии, образовавшиеся в основном в результате трансформации небольших удельных княжеств, на которые распался Серир. Интересный материал об этом собран Д. М. Магомедовым. Изучая средневековые поселения горного Дагестана, он пишет о существовании на территории бывших союзов сельских общин удельных феодальных владений во главе с ханами. В обществе Томс был хан по имени Белокол, в сел. Мачада—Кабтар хан, в Сагада — Герей хан, в Чирката — Атахан, в Элбок — Къали хан¹⁰⁶. По нашим данным, ханы находились также в Мугурухе (поселение Гедекъ), Мазада (общество Таш), Кудали (поселение Агъаду), Шулани (поселения Тоторсо и Шитих) и т. д.¹⁰⁷ С. Х. Асиятилов пишет об уничтожении местных феодалов в Гидатле, в частности «о борьбе и победе сельской общины над феодалом-деспотом по имени Олло»¹⁰⁸. Д. М. Магомедов пишет, что эти удельные феодальные владельцы «во всех средневековых поселениях в результате классовой борьбы были уничтожены» в XIV—XV вв., что явилось следствием обострения классовых противоречий из-за деспотизма ханов¹⁰⁹. Земельные угодья, принадлежавшие феодалам, после их уничтожения были распределены между жителями сельских общин или превращены в общинную собственность.

Все это аналогично тому, что происходило в Южном Дагестане и на территории даргинцев, где также были уничтожены местные феодалы, оставшиеся в живых приравнены к общинникам, а их земли превращены в общинную собственность или поделены между крестьянами-общинниками. Это свидетельство общности исторического процесса образования союзов сельских общин у всех народов Дагестана.

Немаловажную роль в уничтожении местных удельных феодалов сыграло и иноземное вмешательство, в частности походы монголо-татар и тимуровских войск, которые ослабили и разорили «ханов». Примерно такого происхождения союзов сельских общин является Андийский союз. Андийцы были завоеваны Тимуром, уничтожившим дом правителя, и, судя по всему, последнего феодального владельца Йолука. Затем в Анди сложился типичный для вольных обществ Аварии политический строй¹¹⁰. Аналогичная метаморфоза прослежена исследователями и у других народов Кавказа, горных народов Северо-Восточной Индии¹¹¹ и т. д.

В ряде случаев местные феодалы были уничтожены или изгнаны позже. В этом плане интересна запись из сел. Мехельта (Гумбетовский район), где сказано: «Это разъяснение и аргумент на будущее. Жители тех пяти селений договорились быть как бы од-

ним селом (в союзе), как бы родными, братьями в радости и в горе... На жителей того селения, которое вздумает отделиться от тех пяти селений, попытается нарушить тот договор и обет без общего согласия о расторжении, наложить три тумана»¹¹². По мнению Т. М. Айтберова, документ составлен в XVIII в. Тогда можно предположить, что речь в нем идет о периоде, когда из Гумбета ушли (или были изгнаны) местные феодалы Кучуковы (Турловы), напуганные усилением джамаатов, в частности сел. Мехельта, где они находились, и боясь физической расправы. Как показывают источники, перемещение Турловых в Чечню произошло в первой половине XVII в.¹¹³

Пятью селами, указанными в договоре, являлись Мехельта, Сивух, Ингиши, Цилитль и Шавдух. Наиболее большим и сильным среди них было сел. Мехельта, вокруг которого и происходит объединение остальных сел.

Мы не беремся утверждать, что на территории Гумбета этот союз пяти сел был первым союзом. Возможно, что союз существовал и раньше, и он попал в зависимость от феодальных правителей. Но приведенный документ говорит о возникновении такого союза и после освобождения от местного феодального правителя. Может быть, к этому союзу затем присоединились и остальные села Гумбета.

Другой тип союзов сельских общин — это те союзы, которые образовались в результате объединения сел, основанных горцами, переселившимися на новые земли. Такими союзами были Салатавский и Джаро-Белоканский. По вопросу их образования среди исследователей нет особых принципиальных расхождений.

Существующие сведения об образовании Салатавского союза почти однотипны. Согласно им, земли, где образовался союз, принадлежали кумыкским князьям, а аварские села были образованы «разновременными выходцами из гор». Их здесь «привлекало наличие свободных и удобных земель»¹¹⁴.

Первым населенным пунктом из переселенцев было сел. Чиркей. Согласно записи об основании Чиркея, на его территории когда-то было более десяти кумыкских сел¹¹⁵. Сюда из гидатлинского селения Гента прибыли два брата Хизри и Муса. Сначала братья жили в одном из кумыкских сел. Затем они облюбовали себе место на левом берегу Сулака и с разрешения владелицы этой земли — Заза-бике построили здесь дом и перевезли свои семьи. Было это, согласно записи, в 911/1509 г.¹¹⁶ Постепенно сюда стали переселяться люди из Ашильта, Зубутля, Арадерика, Амуши, Чирката, Мехельта, Цоботля, Казникумуха, Мадинтала (около Эрпели) и других сел.¹¹⁷ За арендованную землю чиркеев-

цы сначала платили кумыкским владельцам продуктами садоводства и земледелия или состояли дружинниками при них¹¹⁸. Долго и упорно боролись они с кумыкскими владельцами за земли. К этому времени Чиркей сильно разросся. Не выдержав борьбы с чиркеевцами, многие жители кумыкских сел, частью продав им землю, частью уступив, ушли в Эндирей, Аксай, Костек или переселились в Чиркей.¹¹⁹

Вслед за Чиркеем в Салатавии возникли и другие аварские селения. По мнению А. И. Исламмагомедова, основание некоторых сел Салатавии «теряется в глубине веков»¹²⁰. В период монголо-татарских нашествий и походов на Дагестан Тохтамыша и Тимура, пишет он, часть населения предгорного Дагестана, чтобы спастись от врага, переселилась в горные, труднодоступные места. Эти земли были отданы завоевателями покорным им местным владельцам и, таким образом, салатавские земли стали собственностью кумыкских князей. В XVI—XVIII вв. часть аварцев возвращается на плодородные земли, уже принадлежащие кумыкским владельцам, и основывают там свои селения¹²¹.

Как бы то ни было, у нас нет сведений о существовании до возникновения, начиная с XVI в., аварских сел в Салатавии союза сельских общин. Основанные горцами селения образуют союз сельских общин, называемый «Нахбазул бо», что было результатом объединения, «в силу внутренних и внешних факторов», «родственных, этнически однородных общин»¹²². Видимо, союз образовался, когда Чиркей, как самое крупное селение, становится центром экономической и политической жизни Салатавии¹²³.

Об образовании Джаро-Белоканского союза существуют следующие сведения. В прошлом Кахетия была разделена на три части: 1) земля, на которой потом образовалось Елисуйское султанство; 2) горские владения; 3) собственно Кахетия. Как писал М. А. Коцебу, по рассказам старожилов, лет 600 тому назад Кахетия лишилась третьей части своей территории¹²⁴. Произошло это следующим образом. Народы, живущие близ Кахетии, «чурму-гы, кесерухи, калали, мишлиши, кусури, цахури, под общим именем глуходары известные» из-за «бедности и скудного произведения земли их» приходили на лето в Кахетию и нанимались на работы. Со временем их стало приходиться сюда настолько много, что они не находили себе работы. Поэтому они возвращались к себе обратно и совершали набеги на Кахетию. Из-за их многочисленности царь кахетинский не в состоянии был оказать им сопротивление. На новой земле дагестанцы «построили себе селения при каждом выходе ущелья, разделились на 5 обществ, причислили к каждому из оных соразмерное число селений подданных, а свои назвали владельческими»¹²⁵. Это пять обществ: Чарское, Белокан-

ское, Тальское, Муханское и Джинихское. Наиболее сильным и большим среди них было Чарское общество.

Если правдоподобно то, что пишет М. А. Коцебу, значит указанные события имели место более 750 лет тому назад. Следовательно, перечисленные союзы образовались в XIII—XIV вв., т. е. примерно тогда же, когда образовались и другие аварские союзы сельских общин. Об этом писал, кстати, и И. П. Петрушевский¹²⁶.

Но по вопросу переселения аварцев, следовательно, образования союзов сельских общин, имеются и другие мнения. Согласно одному из них, дагестанцы оторгли от Грузии западную часть нынешнего Закатальского района в течение XVII—XVIII вв. и, «покорив местных аборигенов, утвердили здесь собственную государственность, образовав военную Джаро-Белоканскую общину»¹²⁷.

Таким образом, при расхождении мнений о времени образования Джаро-Белоканского союза приведенные мнения сходятся в том, что этот союз образовался в результате переселения горцев Дагестана на территорию Кахетии, где они покорили местное население и, разделив их села между своими обществами, объединились в союзы сельских общин. Последние, в свою очередь, вступают в союзные отношения между собой и так образуется федерация Джаро-Белоканских союзов сельских общин.

Из приведенного материала видно, что в образовании союзов сельских общин было несколько этапов и путей. Первый этап связан с распадом раннефеодальных государственных образований (Лакз, Табасаран, Шандан, Ал-Карах, Зирихгеран, Серир), что происходило одновременно с выделением небольших удельных владений. Второй этап связан с упадком этих удельных феодальных княжеств как в результате ослабления их после опустошительных нашествий монголо-татар и войск Тимура, так и обострения классовых противоречий, которые привели к выступлениям усилившихся общин, уничтожению местных феодалов («князей», «ханов», «талхъанов», «эмиров»), реставрации общинных отношений и порядков, что и стало причиной дальнейшего замедленного социально-экономического развития союзов сельских общин, хотя последние и образовались не на базе родового строя, а более высокой общественной структуры. Третий путь — это образование союзов сельских общин после переселения горцев Дагестана на другие земли, когда происходило объединение общин в союзы в силу их внутреннего развития и в противовес феодальному окружению (Салатавия, Джаро-Белоканские союзы).

Дальнейшее развитие союзов сельских общин, необходимость противостоять более мощному феодальному окружению требовало еще большего сплочения и единения сельских общин. Это и приве-

ло к появлению на политической карте Дагестана более крупных союзов, являвшихся территориальными военно-политическими объединениями союзов сельских общин — их федерациями. Таковыми федерациями являлись Акуша-Дарго, Дидо, Унк-Ратль, Антль-Ратль, Девек-Елеми и Джаро-Белоканский союз, объединявшие по нескольку союзов сельских общин.

1 Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Поли. собр. соч. Т. 39. С. 67.

2 История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 101.

3 Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 29.

4 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.

5 История Дагестана. Т. 1. С. 102.

6 Там же. С. 105; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 22.

7 Сандова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. С. 212.

8 См.: Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 35.

9 Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках. Надписи X—XVII вв. М.: Наука, 1966. Ч. 1. С. 57.

10 Там же. С. 173.

11 Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Очерки истории южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 38—39.

12 Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 66, 69—71.

13 Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 33.

14 Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 176.

15 Там же. С. 185.

16 Ахмедов Ш. М. Сельская община в раннесредневековом Дагестане // ВИНД. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 70.

17 Шихсандов А. Р. Арабские строительные надписи (XI—XVII вв.) // УЗ НИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13. С. 120—121.

18 Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 95, 191.

19 Шихсандов А. Р. Вопросы исторической географии X—XIV вв. Лакз, Гумик // Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей и материалов. Махачкала, 1980. С. 77.

- 20 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 73.
- 21 Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 133—134; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 49.
- 22 Там же.
- 23 Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии... С. 78.
- 24 Там же.
- 25 Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 118.
- 26 Там же. Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М.: Наука, 1968. С. 196.
- 27 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 50.
- 28 Там же; Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии... С. 79.
- 29 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 50—51.
- 30 Там же. С. 51.
- 31 Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии... С. 78—79.
- 32 Там же. С. 80; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 52.
- 33 Там же; О существовании одноаульных сельских общин пишет и В. П. Дзагурова. См.: Дзагурова В. П. Еще раз о союзах сельских обществ // ВИД. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 82.
- 34 Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии... С. 80.
- 35 Там же. С. 81.
- 36 Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие аулов юго-западного Табасарана (Дричский союз сельских обществ) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 169. Л. 7.
- 37 Там же. Л. 10.
- 38 Там же. Л. 7—8.
- 39 Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1898—1899 гг. // Записки Академии наук, сер. ист.-филол. отд. СПб., 1899. Т. 8. № 4. С. 30; Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.: Л., 1941. С. 108.
- 40 Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1154): Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайга. М., 1971. С. 49.
- 41 Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1878. С. 9.
- 42 Бартольд В. В. Указ. соч. С. 30; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 60.
- 43 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 74.
- 44 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 45 Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 35.
- 46 Жуков Е. И. Некоторые вопросы социально-экономической формации // Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 16.
- 47 Там же. С. 20.
- 48 Ихелог М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 94.
- 49 Умаров С. Ц. О некоторых особенностях классообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XV—нач. XX вв.). Грозный, 1980. С. 8.
- 50 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 116; Его же. История Дагестана. С. 74.
- 51 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 75.
- 52 Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 140—141; Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати... С. 54.
- 53 Шихсаидов А. Р. К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 78—87.
- 54 Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати... С. 26.
- 55 Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 86—87.
- 56 Там же. С. 83—84.
- 57 Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати... С. 54.
- 58 Услар П. К. Этнография Кавказа. Хюркилинский язык. Тифлис, 1895. Г. 5; Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 84.
- 59 Там же. С. 87.
- 60 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 75.
- 61 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 66.
- 62 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 75.
- 63 Алнев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала, 1972. С. 23.
- 64 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 102; Алиев Б. Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 149.
- 65 Арсланбеков Б., Байгишиев И. За власть Советов. Рукопись. Л. 4.
- 66 История Дагестана. Т. 1. С. 182.
- 67 Там же.
- 68 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371, 375(2).
- 69 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 83.
- 70 Тарихи Дербент-наме. Тифлис, 1898. С. 166.
- 71 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 102; Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв.: Опыт монографического исследования социально-политической истории: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. Л. 47—50.
- 72 Мухаммед-Рафи. Дагестанские летописи. Извлечения из истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 23.
- 73 Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Дагестанская правда, 1957. 8 июля.
- 74 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. 1578—1613. М., 1889. С. 293.

- 75 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 88.
 76 Там же. С. 76.
 77 Там же. С. 87.
 78 История Дагестана. Т. 1. С. 124.
 79 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 129, 130, 203.
 80 Там же. С. 130.
 81 Магомедов Р. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. С. 9—19; Его же. История Дагестана. С. 84; полевой материал 1966 г.
 82 Магомедов Р. Памятник истории и письменности... С. 13.
 83 Атаев Д. М. Дагестан и Кавказская Албания // Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1859. С. 40—41.
 84 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 77.
 85 История Дагестана. Т. 1. С. 123.
 86 Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис. 1884. С. 107, 167.
 87 Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 98.
 88 Там же. С. 100.
 89 Патканов К. П. Армянская география VII в. С. 37; Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.: Л., 1941. С. 165.
 90 Магомедов Д. М. Исторические сведения... С. 101.
 91 См.: Ибн ал-Факих. Из книги о странах. Караулов Н. В. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 31. С. 15.
 92 Минорский В. Ф. Очерки по истории Кавказа // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Л. 13.
 93 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 106.
 94 Завещание Андуника / Пер. с араб. М.-С. Сандова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218; Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 85; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 135; Айтберов Т. М. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 88—89.
 95 Магомедов Д. М. Исторические сведения... С. 109.
 96 Мухаммед-Рафи. Указ. соч. С. 23.
 97 Там же. С. 12—13; Шихсандов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих-Дагестан» Мухаммеда-Рафи. (К вопросу изучения) // Письменные памятники Востока (ист.-филол. исслед.). Ежегодник. 1972. М., 1977. С. 105.
 98 Там же. С. 23—24; 118.

- 99 Даниялов Г. Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX—начале XX вв. Махачкала, 1970. С. 12—13.
 100 Асиятилов С. Х. Гидатлинцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249. Л. 10.
 101 Там же. Л. 14, 21.
 102 Там же. Л. 23.
 103 Там же. Л. 24.
 104 Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX в.). Махачкала, 1967. С. 7.
 105 Магомедов Д. М. Исторические сведения... С. 110; Его же. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. С. 12.
 106 Магомедов Д. М. Социальный строй средневековых поселений горного Дагестана (X—XV вв.) // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 35.
 107 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. Л. 45—53; полевой материал 1984—1985 гг.
 108 Асиятилов С. Х. Гидатлинцы. С. 17.
 109 Магомедов Д. М. Социальный строй... С. 35; Его же. К вопросу об образовании союзов сельских общин Дагестана // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. (27—28 апреля 1984 г.). Махачкала, 1984. С. 27—28.
 110 Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—начале XX вв.: Историко-этнографические очерки: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 4.
 111 Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. С. 246—260; Гасвиани Г. А. Социально-экономическая структура Сванети в XI—XVIII вв. Тбилиси, 1980. С. 65; Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980. С. 197—198.
 112 Копия записи об образовании союза пяти сел, хранящаяся у жителя сел. Мехельта Гумбетовского района М.-Э. Сулейманова. Перевод Т. М. Айтберова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. Л. 81.
 113 Ахмадов Я. З. Феодалная фамилия Турловых в XVI—XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная научная конференция: тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 61.
 114 Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 14.
 115 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 21; Ичалов Г. Х. Особенности развития Салатавии XVI—XVII вв.: Исторический очерк Салатавии // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 270. Л. 10.
 116 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 21; Материальная культура аварцев. С. 123; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 3025.

- 117 Материальная культура аварцев. С. 123; Ичалов Г. Х. Указ. соч. Л. 11.
- 118 Материальная культура аварцев. С. 123; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 196; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 202.
- 119 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 23; Ичалов Г. Х. Указ. соч. Л. 12.
- 120 Материальная культура аварцев. С. 123.
- 121 Там же. С. 125.
- 122 Мансуров Ш. М. Об образовании Салатавского союза сельских общин. III конференция молодых ученых: тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 34.
- 123 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 24; Ичалов Г. Х. Указ. соч. С. 13; Мансуров Ш. М. Указ. соч. С. 34; История Дагестана. Т. 1. С. 329.
- 124 Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 252.
- 125 Там же. С. 253.
- 126 Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне Российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. I. С. 193.
- 127 Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева М.: Наука, 1969. С. 306.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Основными занятиями населения союзов сельских общин были земледелие и скотоводство. В зависимости от естественно-географических условий, а также факторов общественно-исторического характера в хозяйственной деятельности населения разных союзов сельских общин были и свои особенности, выражавшиеся в большей или меньшей степени развитости и роли в экономической жизни населения той или иной отрасли хозяйства или в равномерном сочетании их.

В историко-этнографической литературе выделяются 4 природно-хозяйственные зоны: плоскость, предгорье, нагорье с горнодолинной зоной и высокогорье¹. Союзы сельских общин в основном находились в горной и высокогорной зонах.

Природно-хозяйственные зоны сложились еще задолго до изучаемого периода². В XVI—XVII вв. происходит дальнейшее размежевание между отдельными местными центрами производства и складывание географического разделения труда уже не только между крупными зонами, но и внутри них³. Плоскость и нижнее предгорье все больше специализировались на производстве зерна, а верхнее предгорье и горная часть — на производстве «товарной продукции животноводства», т. е. для этой части характерным становится скотоводческо-земледельческое хозяйство. К концу XVII в. происходит и интенсификация приречного садоводства, в целом завершается процесс специализации⁴.

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ВИДАМИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Земледелие являлось с древнейших времен одним из основных занятий населения Дагестана, в том числе и союзов сельских общин⁵. Наиболее благоприятными для земледелия являлись плоскость и нижнее предгорье. Но, несмотря на это, даже в горной и высокогорной зонах земледелие в исследуемое время было «та-

ким видом занятия, с которым было связано большинство населения, хотя в доходности оно и уступало животноводству⁶. Так же как и на плоскости и в нижнем предгорье, в горной зоне были сильные земледельческие традиции и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности, в отношении эффективности и интенсивности, даже выше. Разница в развитии земледельческого хозяйства здесь заключалась в том, что оно «не имело возможностей бесконечного расширения в развитии, и безземелье являлось серьезным тормозом, ставящим в жесткие рамки возможность развития как вширь, так и вглубь. В еще большей степени все сказанное можно отнести к высокогорной зоне»⁷. И все же в горах хлебопашеством занимались все без исключения⁸. Земледелие здесь было «не только необходимым, но и даже в какой-то степени внутренней потребностью горцев»⁹. Горские крестьяне, «даже став по преимуществу скотоводами, тем не менее стремились иметь клочок собственной пашни, наличие которого символизировало как бы определенное благополучие семьи»¹⁰.

О развитии земледелия у всех народов Дагестана пишут Р. М. Магомедов¹¹ и Х.-М. О. Хашаев¹². М. О. Османов приводит убедительные примеры о значительности удельного веса земледелия в хозяйстве даргинцев¹³. О широком развитии земледелия в аварских союзах пишут М. М. Ихиллов, С. Х. Асиятилов и Д. М. Магомедов¹⁴, у народов лезгинской языковой группы — А. Р. Шихсаидов, Х. Х. Рамазанов, С. С. Агаширинова, М. М. Ихиллов, Ш. М. Ахмедов, М. Р. Гасанов¹⁵ и др.

Полеводством и садоводством жители горного Дагестана занимались так же искусно, как и жители равнины. Об Акушинском союзе А. П. Ермолов писал, что земля его «весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного»¹⁶. Земледелие широко было развито в обществах Ратлу и Батлук, Гидатлинском, Салатавском, Андалальском, Койсубулинском, Урахинском союзах, Акуша-Дарго, Муйра, Галше, кюринских обществах, в Агуле, ряде обществ Западного Дагестана, не говоря уже о предгорных обществах, как, например, об Ирчамуле, о котором Я. Рейнегге писал, что оно «почитается пребогатым, плодоноснейшим уездом утцумова княжества» и т. д.¹⁷ По данным XIX в., за исключением небольшого процента хозяйств горцев, не имевших земель, все остальные занимались полеводством и доход от него являлся для них основным источником существования¹⁸. А некоторые горные общества (Гергебиль, Урада, Урахи, Киша и др.)¹⁹ производили зерно для продажи. Даже высокогорные общества Западного Дагестана, получая хорошие урожаи, имели возможность продавать зерно.

В обществе Ратлу, сообщал Мочульский, хлеба родится очень много, так что жители его продают бедным дагестанским обществам²⁰. В Дидо, Унзо, Капуча, писал И. А. Гюльденштедт, покупают серу за пшеницу, «коею они нарочито богаты»²¹. Об изобильном хлебопашестве у чиркеевцев сообщал Хрисанф²², индийцев — Р. Ф. Розен²³. Ф. И. Гене писал, что в горном Дагестане «урожай большею частью бывают хорошие», «почва земли, исключая в самых высоких горах, вообще плодородна»²⁴.

Но в горном и в особенности высокогорном Дагестане были и такие общества, население которых, хотя и использовало все пригодные участки земли, все же земледелие не обеспечивало их нужды в хлебе даже на несколько месяцев. Слабое развитие земледелия во многих горных и высокогорных обществах отмечал в 1728 г. И.-Г. Гербер²⁵. П. Ф. Колоколов о Верхнем Табасаране писал, что здесь «почва земли не весьма плодородна, ... и хлебопашество не весьма удобно»²⁶. О недостаточности земледелия «по суровому климату и каменистому местоположению» в Ахты-пара, Докуз-пара и Алты-пара сообщал Ф. Ф. Симонович²⁷. То же самое о Салатавии писал А. М. Буцковский, имея в виду горные села²⁸. М. А. Коцебу сообщал, что у жителей обществ Тлебель, Таш, Джурмут, Тлесерух, Калалал, Мишлеш, Цахур «хлебопашество ... весьма скудное»²⁹. А. П. Шербачев писал, что у койсубулинцев «хлеб родится не в большом количестве»³⁰. Жители Антль-Ратля, указывал И. И. Норденстам, «весьма мало и неуспешно занимаются хлебопашеством»³¹.

В условиях малоземелья горцам приходилось создавать искусственные поля. Поэтому в горах основным видом полей были террасы, являющиеся одним из показателей высокой земледельческой культуры горцев. «Обработка земли у дагестанцев, — писал В. Потто, — могла бы сделать честь самому просвещенному и культурному народу»³². Говоря о террасном земледелии Ботлиха акад. Н. И. Вавилов отмечал: «Здесь можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально пользоваться каждым клочком ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане»³³. По интенсивности культур, использованию земли Дагестан он сравнивал с самыми интенсивными районами Италии, Перу, Боливии и др. стран с развитым террасным земледелием³⁴.

Землю горцы продавали только в исключительных случаях. Она в горах стоила в 10—15 раз дороже, чем на плоскости³⁵. А. А. Неверовский писал, что участок, равнявшийся русской десятине, «стоит от 40 до 70 рублей серебром»³⁶.

Основными зерновыми культурами, которые возделывались

жителями союзов сельских общин, были пшеница, ячмень, голозерный ячмень, рожь, просо, овес, полба, кукуруза, горох, конские бобы, фасоль, чечевица, а из технических культур конопля и лен³⁷. Н. И. Вавилов писал, что «исследования земледельческих поселков Дагестана и состав культур показывают несомненную древность земледелия и в этой стране, во всяком случае существующего здесь много столетий и характеризующего особыми эндемичными сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов»³⁸.

В аварских обществах сеяли ячмень, просо, овес, лен, коноплю, бобы, чечевицу³⁹. Койсубулицы сеяли пшеницу, ячмень, овес, салатавцы — пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, бобы, фасоль⁴⁰, а также полбу и «в небольшом количестве» «сорочинское пшено»⁴¹. В Верхнем Табасаране преимущественно сеяли пшеницу и ячмень, в небольшом количестве просо, коноплю и кукурузу⁴². Возделывание тех или иных зерновых культур зависело от природно-климатических условий⁴³.

Земледелие не обходилось без орошения. Горцы издавна строили каналы и водопроводы, желоба, насколко позволяли «их технические средства»⁴⁴. П. П. Надеждин писал, что горец «ведет воду с одной стороны на другую, даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землю в трубах»⁴⁵. Воду из рек поднимали для орошения и специальными деревянными колесами-самокачками (Ботлих, Н. Гаквари, Зубутли, Тидиб и др.)⁴⁶. Даже в высокогорных обществах Технуцал, Багулал, Чамалал, Каралал и др. применялось широко орошение⁴⁷.

Урожайность не во всех обществах и естественно-географических зонах была одинакова. По данным сословно-поземельной комиссии, лучший урожай зерновых в селах Акуша-Дарго составлял сам 3—6⁴⁸. Средняя урожайность в Каба-Дарго превышала сам 5⁴⁹. В целом урожайность в даргинских обществах колебалась от сам 5 до сам 10—15, а с удобренного участка — была сам 15—20 и больше⁵⁰. В союзах Дидо, Анцух, Капуча и др., где почва была «довольна плодородна», урожай также достигал до сам 15—20⁵¹. Е. М. Шиллинг писал, что «земля цезов считалась житницей, так как колос пшеницы был многозерным и поля давали хороший урожай»⁵². В обществах Асах, Иланхеви, Шуратль урожай достигал сам 25⁵³. Жители сел. Урада собирали 12000 сабов зерновых, на одну душу в год 12 сабов, т. е. в среднем по одному фунту зерна на душу в день⁵⁴. Говоря о горцах Дагестана вообще, С. Броневский указывал, что поля «обыкновенно доставляют богатые жатвы»⁵⁵. Но многие горные общества не могли в полной мере обеспечить потребности в хлебе и вынуждены были покупать

его на плоскости, в Чечне, Грузии, хлебородных соседних обществах.

2. САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО

Садоводством занимались в основном в предгорной и горнодолинной зонах — «в речных долинах, где можно было их поливать, на землях трудных для пахоты, склонах гор, защищенных от ветров»⁵⁶. Садоводство у горцев получило «довольно широкое развитие»⁵⁷ и для многих обществ оно было основной отраслью хозяйства. «...у гор живущие, — писал А. И. Ахвердов, — имеют небольшие хлабопашества. Главной же их доход составляют фруктовые деревья»⁵⁸. Известны своими садами и виноградниками были селения Ахты, Гимры, Могох, Чирката, Ашильта, Игали, Унлукуль, Аракань, Гоцатль, Голотль, Ботлих, Муни, Гергебиль, Зубутли, Миатли, Ирганай, Кикунь, Цудахар, Хаджалмахи, часть сел Салатавии, Кайтага, Табасарана и др., которые славились качеством и разнообразием своих фруктов⁵⁹. В садах горцев Дагестана произрастали яблоки, груши, абрикосы, курага, алыча, персики, вишня, черешня, хурма, грецкие орехи, айва, миндаль, виноград. В начале XVIII в. Г. Шобер писал, что предгорные лесосады наполнены «изрядными овощными деревьями, яблонями, грушами, квинтами, абрикосами, персиками, шелковыми деревьями и лесным виноградом. В садах растет виноград, ягоды которого имеют до двух дюймов длины, прозрачны и почти без косточек. Вино из этого винограда едва уступает венгерскому, а когда старо, походит на португальское»⁶⁰. О развитии садоводства и виноградарства в Кайтаге говорят источники XVIII, а также XIX вв.⁶¹ В Табасаране также находились изумительные лесосады, где были в изобилии яблоки, груши, вишня, сливы, дикий виноград, лесной орешник, рябина, калина, черемуха⁶². Я. Рейнегг отмечал, что здесь «сады... в великом изобилии», особенно славился Табасаран яблоками, грушами и орехами, которые росли по долинам. Были здесь и виноградные сады, отмечается в источниках XVIII—XIX вв.⁶³

У лезгин садоводство было более развито в Ахты-пара, Мискинджа, Гюнейском магале. Жители их выращивали яблоки, груши, айву, гранаты, грецкий орех, миндаль, абрикосы, инжир, вишню, черешню и т. д. Ряд обществ «использовали продукты этой отрасли... для продажи»⁶⁴.

Хорошие фруктовые сады и виноградники имелись в Аварии. По свидетельству Я. Костенецкого, здесь были «плодороднейшие и огромнейшие сады»⁶⁵. Хрисанф, свидетельствуя о наличии раз-

личных сортов фруктов, писал: «Персики... весьма крупны и вкуса весьма приятного, и некоторые из оных величиною около полутора вершка в диаметре; не менее того и виноград заслуживает внимания, который вкуса весьма приятного, а вино из оного чрезвычайно крепкое»⁶⁶. Садоводство для койсубулинцев являлось самой большой доходной статьей в торговле с другими народами. Они, указывая А. П. Шербачев, «торгуют более одними только фруктами, в особенности виноград в большом изобилии... фрукты можно найти разного рода, даже и самые персики произрастают там»⁶⁷.

«Изрядные фруктовые сады» имели салатавцы⁶⁸. И для них садоводство было одним из главных занятий⁶⁹. Они разводили виноград, грецкий орех, курагу, вишни в местностях, прилегающих к Сулаку, а жители сел. Зубутли и Миатли занимались виноделием⁷⁰. Виноградные сады чиркеевцев занимали до 10 кв. верст⁷¹.

По сведениям Хрисанфа, гумбстовское селение Чирката было расположено амфитеатром по косогору, подошва которого украшена садами, где в основном были грецкие орехи и виноградники. Недалеко от Чирката было другое селение также «весьма богатое садами»⁷². По сообщению Граббе, сады аула Чирката простирались по Койсу и по ущелью на расстоянии 10 верст. «Главное занятие» жителей этих мест, писал он, «состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас... по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засеивается кукурузой... сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды и поэтому составляет главное его богатство...»⁷³.

Среди даргинских союзов сельских общин садоводство больше всего было развито в Цудахарском союзе. «В сем округе, — писал И. А. Гюльденштедт, — родится виноград и другие плоды»⁷⁴. От селения Хаджалмахи до реки простирался целый фруктовый сад лес «величиною до двух квадратных верст»⁷⁵. Многие наблюдатели с восхищением писали о хаджалмахинских садах⁷⁶. Развитию садоводства в Цудахарском союзе способствовали благоприятные природные условия и недостаточность земли для хлебопашества. Села союза были расположены на берегу Казикумухского Койсу, где климат был более умеренный и равномерный, чем в остальной части Верхней Даргинии. Поэтому в цудахарских селениях сады составляли «главное богатство»⁷⁷. Наибольшее развитие получило садоводство у цудахарцев в XIX в. «с укреплением обменных связей и складыванием общедагестанского рынка»⁷⁸.

Садоводством занимались и жители «общества акушинцев»⁷⁹ и

Каба-Дарго⁸⁰. Здесь имелись также лесосады, где росли яблони, груши, орехи, шишки, терн, боярышник и т. д.⁸¹ Но в целом в даргинских обществах по сравнению с предгорными и горнодолинными обществами Аварии и Южного Дагестана садоводство было развито слабо⁸².

Жители высокогорных обществ вообще не занимались садоводством из-за суровых естественно-географических условий.

В целом можно сказать, что садоводство — это один из развитых отраслей хозяйства жителей союзов сельских общин. Для многих предгорных и горнодолинных сел садоводство и виноградарство стали ведущей отраслью хозяйства.

Огородничество в союзах сельских общин было развито слабо. Огородов в буквальном смысле слова у горцев не было. Поэтому они вынуждены были «лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей»⁸³. Однако издавна горцам были известны тыква, лук, чеснок, морковь, репа, для которых, хотя и не выделялись специальные участки, но выращивали их во дворе или около дома⁸⁴. В ряде мест огородные культуры были распространены широко. Среди податей, вносимых аварским правителям в XVIII—XIX вв., указан и лук⁸⁵. Разводили лук, чеснок и другие огородные культуры и салатавцы⁸⁶. Огородничеством занимались и жители табасаранских союзов сельских общин⁸⁷. Примерно в середине XIX в. горцы начинают выращивать и картофель, получивший впоследствии широкое распространение.

Издавна горцы занимались и **пчеловодством**, в особенности в садоводческих обществах. Существует также мнение, что «по своему происхождению оно было связано с охотой» и особенно «распространено в горной и предгорной зонах»⁸⁸. Я. Рейнеггс писал, что в Табасаране имеются «обильные пчелиные заводы», а Ф. Ф. Симонович сообщал, что Табасаран «изобилует при пчеловодстве»⁸⁹. Было развито пчеловодство и в союзах сельских общин Кайтагского уцмийства⁹⁰, у чамалалов («значительное пчеловодство»)⁹¹, в обществах Акуша-Дарго (одна из «главных статей народной промышленности»)⁹², селах Технуцала («сбывают свой мед, воск...»)⁹³.

С. С. Агаширнова, изучая лезгин, пишет, что «в XIX в. в горах очень мало можно было найти семей, где бы не имелись пчелы... были семьи, которые имели очень много пчел и продавали мед, но таких хозяйств было немного»⁹⁴. Пчеловодство давало горцам мед и воск. В целом оно имело подсобное значение и удовлетворяло потребности семьи.

Подсобное значение имела и **охота**. Как в лесистых местах, так и в горах было много зверей (волки, медведи, шакалы, лисицы, куницы, зайцы, олени, туры, косули, дикие кабаны, дикие бара-

ны), а также боровой дичи — тетерева, горные индейки, фазаны, курочки, дикие утки и гуси, куропатки и т. д., на которых и охотились горцы⁹⁵.

3. ЖИВОТНОВОДСТВО (ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ, РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ)

Второй основной отраслью хозяйственной деятельности жителей союзов сельских общин было животноводство. Как указывалось выше, основная часть территории союзов сельских общин находилась в горной и высокогорной зонах. Эта территория значительно лучше была обеспечена летними пастбищами, нежели пахотными землями. Поэтому здесь скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства. «Положение страны сей, — отмечал С. Броневский, — весьма выгодно для разведения животных, коих летом можно пасти на горах, а зимою в равнинах»⁹⁶.

В разведении видов скота в зависимости от естественно-географических зон были и свои особенности. Жители предгорных обществ разводили преимущественно крупный рогатый скот, а жители горной зоны — овец, хотя «не игнорировали и разведения крупного рогатого скота. Жители отдельных горных обществ имели большое количество и крупного рогатого скота. Во всех зонах содержали лошадей для верховой езды, а в горах разводили мулов и ослов, как выючных животных»⁹⁷.

Овцеводство преобладало в западных обществах Аварии, Ахты-пара, Алты-пара, горном Табасаране, Акуша-Дарго в целом, Агуле и т. д. Подтверждение зональной специализации мы находим в источниках XVIII—XIX вв. Так, И.-Г. Гербер о жителях верхнедаргинских союзов сельских общин писал, что они «питаются больше скотиною и содержат великое число баранов»⁹⁸. В документе от 1733 г. говорится: «В области Дербента, в особенности в горах, прекрасно поставлено и широко распространено овцеводство»⁹⁹. В селах Борч, Хнов, Хкем, Куруш «скотоводство являлось даже главной отраслью хозяйства»¹⁰⁰. Ф. Ф. Симонович писал, что «Ахтынское владение» «изобилует скотоводством»¹⁰¹. Я. Рейнеггс писал, что табасаранцы имеют скот «в великом изобилии», а П. Ф. Колоколов лозже сообщал, что они «имеют довольно большое количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз»¹⁰². Бараны составляли «главную... промышленность» у торжалцев, мискинджинцев и алтыпаринцев¹⁰³.

Овцеводство было основным видом животноводства у андийцев («в большом количестве содержат стада овец, отменных против всех горских») ¹⁰⁴, ботлихцев, ансалтинцев¹⁰⁵, жителей обществ юго-западного Дагестана (скотоводство «большую часть состоит

из одних баранов, рогатого скота и лошадей весьма немного») ¹⁰⁶, в Антль-Ратле («овцеводство составляет главную отрасль хозяйства и промышленности») ¹⁰⁷, в Салатавии («главное их имущество состоит в овечьих стадах», овец «тщательно разводят во множестве... овцеводство составляет их все богатство и роскошь») ¹⁰⁸, в горных обществах Кайтага («главное пропитание имеют от овечьих стад») ¹⁰⁹. В 1839 г. жители Чиркея имели 150000 овец¹¹⁰. Общества Тлейсерух и Мукратль, где проживало 4000 человек, имели 112000 овец, в среднем 28 голов на душу¹¹¹. Богатые дворы ратлубцев, келебцев, ратлу-ахвахцев, телетлинцев имели по 300 и более овец¹¹².

Овцеводство приобретает все большее значение в условиях усиливающихся и развивающихся товарно-денежных отношений. Как пишет М. О. Османов, доход при содержании овец легче было получить, чем при содержании крупного рогатого скота. Основными владельцами овец являлись наиболее состоятельные хозяйства, в то время как крупный рогатый скот был у большинства, «... овец, — писал Абельдяев, — только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук»¹¹³. В даргинских обществах, например, овец обычно имели от 1/10 части хозяйств до 1/2.¹¹⁴

Выше уже было сказано, что горные общества имели хорошие летние пастбища. Но они не имели, за редким исключением, зимних пастбищ. Поэтому в горах и выработалась отгонная система животноводства, в чем была еще одна причина отсутствия овец в маломощных хозяйствах¹¹⁵. В то же время нижнее предгорье и плоскость не имели летних пастбищ, в силу чего сложилась система взаимной нуждаемости — горных обществ от предгорных и плоскостных и наоборот.

Исторически сложилось так, что жители лезгинских обществ перегоняли скот в Азербайджан, даргинцы — в плоскостной Дагестан, аварцы — в Грузию и на Терско-Сулакскую низменность. О лезгинах И.-Г. Гербер писал, что они в «уезд Рустав» «зимним временем скотину и баранов своих на корм пригоняют, ибо для великих снегов в горах спасти не могут»¹¹⁶. Жители союзов сельских общин Самурской долины отправляли зимой «для пастьбы своих баранов, составляющих главную их промышленность», в Кубинское, Дербентское, Шекинское ханства и в Табасаран¹¹⁷. По данным 1812 г., они перегоняли на территорию бывшего Кубинского ханства 55 тыс. овец¹¹⁸.

В Кахетинской долине пасли зимой свой скот жители союзов Дидо и Унзо¹¹⁹. М. А. Коцебу писал, что жители союзов сельских общин западного и юго-западного Дагестана зимой баранов

пасут «во владениях Чарских» и в Алазанской долине¹²⁰. Общества федерации Антль-Ратль (кроме Таша) пасли свои стада на южной стороне Кавказских гор. Анцухцы и капучинцы имели свои зимние пастбища на Бежаниенском поле вдоль реки Шарохеви, некоторые анцухские села держали свои стада зимой на урочище Картубани, а тхебельцы и джумуртцы — на Лагодехском поле¹²¹. Андийцы перегоняли на зиму своих овец в Ичкерю¹²², жители Гумбетовского и Салатавского союзов — в Терско-Сулакскую низменность¹²³.

Жители федерации верхнедаргинских союзов Акуша-Дарго зимой перегоняли свой скот «на Хайтакскую паству» и пасли его «всю зиму»¹²⁴. Часть скота даргинцы пасли в Тарковском шамхальстве, где имелись «тучные пастбища»¹²⁵, и в Мехтулинском ханстве¹²⁶. Жители Каба-Дарго также арендовали на зиму пастбища в Кайтагском уцмийстве и в других обществах¹²⁷, а жители союзов сельских общин Верхнего Кайтага-Муйра, Гапш и Ганк, а также Нижнего Кайтага, кроме в уцмийстве, арендовали зимние пастбища в Дербентском ханстве¹²⁸.

В ряде союзов сельских общин (Агул, Буркун-Дарго, Сюрга), где имелось достаточное количество пастбищ для содержания овец, в основном было горно-стационарное овцеводство. Горно-стационарным было овцеводство и у рутульцев¹³⁰. Но, по сведениям О. Евецкого, рутульцы перегоняли на зиму овец на территорию Кубинской провинции¹³¹.

Феодалы — собственники пастбищ и сельские общества за аренду зимних пастбищ брали с горцев высокую плату. Горцы, писал И.-Г. Гербер, «платят Усмею некоторую пошлину, которая для многого числа овец, коих более 100000 в пригоне бывает, до великой суммы простирается»¹³². Брали за «зиму за один кутан по 200 баранов». Плата за аренду частных кутанов устанавливалась по договору¹³³. Чиркеевцы платили кумыкским князьям за аренду зимних пастбищ со 100 овец от 4 до 5 овец¹³⁴.

Перегон скота на зимние пастбища был сопряжен с большими трудностями и расходами¹³⁵. Особенно тяжело приходилось бедным хозяйствам, так как зимними пастбищами полностью располагались крупные овцеводы, которые и арендовали их, а малоимощные общинники вынуждены были на кабальных условиях перегонять свой скот в кошю у богатого овцевладельца. Постепенно малообеспеченный общинник оказывался в полной кабале у богатого овцевода и фактически становился его чабаном¹³⁶.

Дидойцы же при перегоне скота на зимние пастбища «не испытывали особых трудностей, так как тракт проходил не через населенные пункты и чужие пастбищные горы, за что необходимо было платить определенное количество овец, а через свои паст-

бищные горы»¹³⁷. При этом овцевладельцам и чабанам помогали общества.

Многие общества не имели в достаточном количестве и летних пастбищ. Жители верхнедаргинских союзов арендовали летние пастбища в Сюргинском союзе и Казикумухском ханстве¹³⁸, жители союзов сельских общин Верхнего Кайтага и Буркун-Дарго — у чирахцев, лакцев и агулов, соградлины — у дидойцев и капучинцев, хуштадинцы — у Ахваха и дидойских селений Хупри и Хутрах, батлухцы — у урадинцев¹³⁹ и т. д.

Широкое развитие в союзах сельских общин получило и разведение крупного рогатого скота. Хотя в общем животноводческом балансе крупный рогатый скот уступал овцеводству, «хозяйственное значение его было гораздо выше, чем овцеводства»¹⁴⁰. Другая особенность в разведении крупного рогатого скота — это более равномерное распределение его между хозяйствами. В то время как повсеместно были овцевладельцы, имевшие сотни, тысячи и даже «десятки тысяч овец, но не было скотовладельцев, которые бы имели большие фермы крупного рогатого скота»¹⁴¹.

Районом наибольшего разведения крупного рогатого скота было предгорье, являвшееся и очагом развитого земледелия. Земледелие и разведение крупного рогатого скота были взаимосвязаны. Благоприятствовали разведению крупного рогатого скота в предгорье также природно-географические условия и характер угодий. Причем здесь преобладало содержание рабочего скота. Процент быков, например, в стаде предгорных обществ даргинцев в 2, а местами и 3—4 раза был выше процента коров¹⁴². Подобное преобладание в животноводстве крупного рогатого скота наблюдалось почти по всему предгорью Дагестана¹⁴³.

Второй регион преобладания крупного рогатого скота — высокогорная зона. Хотя в целом в этой зоне было меньше крупного рогатого скота, пастбища были более приспособлены для выпаса овец и в быках нуждались меньше, чем в предгорье¹⁴⁴, в некоторых обществах крупный рогатый скот преобладал над мелким. Это селения даргинских союзов Сюрга, Буркун-Дарго и Гапш, аварских — Гидатлинского, Куядинского, Андалальского, Багулальского, Чамалальского союзов (Гоор, Кахиб, Телетль, Хоточ, Годобери, Ансалта, Тинди и др.), лезгинские селения Ашар, Икра, Фила, Кабир и др., ряд сел Агула¹⁴⁵. По данным 60-х годов XIX в. в Гидатле было около 10000 голов крупного рогатого скота, т. е. по 5 голов на каждый двор¹⁴⁶, богатые телетлинцы имели по 10 голов крупного рогатого скота¹⁴⁷. Сел. Киша (верхнекайтагский союз Ганк) имело 1591 голову крупного рогатого скота (примерно по 3,5 головы на одно хозяйство) и всего 622 овцы¹⁴⁸. В сел. Куяда на 537 хозяйств имелось 5001 голова (почти по 11 голов на одно

хозяйство) крупного рогатого скота и всего 3304 овцы; в сел. Хоточ на 211 хозяйств было 670 голов крупного рогатого скота (более 3 голов на одно хозяйство)¹⁴⁹ и т. д. Особенностью в разведении крупного рогатого скота в этих обществах было преобладание молочного и мясного скота¹⁵⁰.

Третий регион — это общества с равной распределенностью и рабочего и дойного скота. Среди сел даргинских союзов к этому району относятся Акуша, Усиша, В. Мулебки, Цудахар, Хаджалмахи, Куппа, Уркарах, Харбук, Меусиша, Дейбук, Трисанчи и др.¹⁵¹, т. е. ряд сел федерации союзов Акуша-Дарго, союзов сельских общин Каба-Дарго, Муйра, Гапш. Характерным для этих сел было то, что почти все здесь занимались земледелием и, следовательно, нуждались в рабочем скоте как в тягловой силе. Назначение крупного рогатого скота в этих селах было в основном потребительским¹⁵².

Подобное положение наблюдалось и в Агуле. По данным второй половины XIX в. в Буршаге 40 хозяйств имели 202 головы крупного рогатого скота¹⁵³ (в среднем 5 голов на одно хозяйство), 42 хозяйства сел. Кураг имели 237 голов крупного рогатого скота¹⁵⁴ (в среднем 5, 6 голов на одно хозяйство), в сел. Рича 129 хозяйств имели 525 голов крупного рогатого скота¹⁵⁵ (в среднем 4 головы на одно хозяйство).

Лошадей жители союзов сельских общин содержали мало. В предгорных обществах их было больше. Лошади в основном использовались для верховой езды и отчасти для перевозки тяжестей. Использовались лошади и при молотье зерновых. Стоила лошадь в несколько раз дороже быка. Несмотря на это в некоторых союзах сельских общин как, например, в Дидо, в виду исключительно важной роли лошадей в жизни населения, их разводили много. Лошади у дидойцев являлись почти единственным средством передвижения и перевозки тяжестей. Поэтому другие горцы Дагестана называли дидойцев «хъванал» (коневоды)¹⁵⁶.

Большое место в хозяйстве жителей союзов сельских общин занимали ослы. В разведении ослов также была зональность. В предгорье, где был нерасчлененный рельеф и имелись дороги для колесного транспорта, ослов не было вовсе. В горах их было много. Их использовали в качестве тягловой силы.

Из домашней птицы жители союзов сельских общин разводили в основном кур¹⁵⁷.

Итак, животноводство, как одна из основных отраслей хозяйственной деятельности жителей союзов сельских общин Дагестана, играло важнейшую роль в их экономической жизни, обеспечивая мясо-молочными продуктами. Животноводство давало материал для кустарной промышленности. Овечья шерсть являлась основ-

ным сырьем для изготовления паласов, ковров, войлока, бурок, сукна и т. д. А из шкур и кож изготовлялись обувь, шубы, тулупы, головные уборы и т. д. и разнообразные хозяйственные и бытовые вещи. Кроме того, овцеводство в условиях усилившихся товарно-денежных отношений и принятия им товарного характера давало крупным владельцам большие денежные доходы.

4. РЕМЕСЛА И КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. РЕМЕСЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В СУДЬБАХ ОБЩИНЫ. ОТХОДНИЧЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЛОМКЕ ЗАМКНУТОСТИ ОБЩИНЫ

В союзах сельских общин Дагестана издавна было развито и домашнее производство. «Домашней промышленностью, — писал В. И. Ленин, — мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»¹⁵⁸.

Домашние промыслы играли немаловажную роль в хозяйстве жителей союзов сельских общин, являлись большим подспорьем в их экономике. «Кустарные изделия не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже в огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, конми горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение продуктов питания, главным образом хлеба»¹⁵⁹.

Основными видами кустарной промышленности в союзах сельских общин, как и во всем Дагестане, были обработка шерсти, кожи, дерева, металлов, камня, глины, конопли. В Дагестане производилось более 40 видов кустарных изделий. «Домашние промыслы, — указывал В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства»¹⁶⁰. Промыслами занимались все хозяйства, которые владели «своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда» и удовлетворяли свои собственные потребности. Именно такое хозяйство имел в виду Ф. Энгельс, когда писал о средневековом обществе, указывая, что «в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало никакого обмена, и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья производила почти все, в чем она нуждалась: орудия и одежду, так же как и предметы питания. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить

излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодалу; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром»¹⁶¹.

Однако еще ранее изучаемого времени в союзах сельских общин выделялись ремесленные и кустарные центры (Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Унцукуль, Балхар, Анди, Микрах, Ахты, Испик, Джули, Карадах, Салта, Карата и т. д.), где производство было направлено не столько на удовлетворение собственных нужд, сколько на рынок. Особенно высокого развития достигает кузнечное, оружейное, медное, серебряное, гончарное дело, производство ковров, кавказского сукна и наплечных бурок. Некоторые ремесленные и кустарные изделия распространялись не только в Дагестане, но и по всему Кавказу. А изделия отдельных ремесленных центров (Кубачи, Анди и др.) пользовались известностью далеко за пределами Кавказа и даже России¹⁶².

Распространенность того или иного вида ремесла и домашнего промысла была связана с развитием основных отраслей хозяйства, наличием необходимого сырья. Так, в нижнем предгорье, где основным занятием было земледелие, «избыток рабочего времени здесь невелик, потому и промыслы возникли, в основном, из собственных потребностей. Это собственно, даже не промыслы, а домашнее производство необходимых семье орудий и предметов»¹⁶³. В верхнем предгорье и в высокогорных обществах Западного Дагестана, где было много лесов, развились промыслы по обработке дерева. В горной и высокогорной зонах было развито оружейное, ювелирное, гончарное, суконное, войлочное-бурочное, кожевенное производство. Для этого здесь имелся достаточный запас сырья в виде шерсти, шкур, овчин, глины и т. д.

Наиболее распространенным промыслом у жителей союзов сельских общин была **обработка шерсти**. Из овечьей шерсти, кроме сукна и наплечных бурок, производились паласы, ковры, сумы, различные ткани, арбабаши, хурджины (переметные сумы), попоны войлок, мешки, шерстяная обувь, чулки, носки, веревки, головные платки¹⁶⁴ и т. д.

Производство сукна особенно сильно было развито в федерации верхнедаргинских союзов Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Андийском, Ахвахском, Андалальском и Келебском союзах, обществах союзов Верхнего Кайтага. Известными центрами сукноделия были селения Карата, Согратль, Ругельда, Сомода, Тлондода, Тинди, Акуша, Цудахар, Хаджалмахи, Мекеги, Муги, Меусиша, Кубачи и т. д.¹⁶⁵ Горцы производили сукна белого, синего и темных цветов, которые употребляли не только для себя, но и продавали на различных рынках и в обществах Дагестана и за его пределами¹⁶⁶. В ряде сел Акуша-Дарго, в особенности в Цудахарском

союзе, выделялись исключительно тонкие и мягкие сукна из верблюжьей шерсти, которая в большом количестве закупалась в Астрахани¹⁶⁷. В 1718 г. А. И. Лопухин писал, что кубачинцы «сукна делают сами и по их мастерству не худо делают, а шерсть у них изрядная и мяжка» и «из здешних шерстей лутче ее нигде не сыщется». Причем А. И. Лопухин отмечал, что кубачинцы имеют такой шерсти много — «немалое довольство»¹⁶⁸. В конце XVIII в. о производстве женами кубачинцев тонких шерстяных сукон «особливого рода, которые мужья их на платье употребляют», писал Я. Рейнеггс¹⁶⁹.

Сукноделие было развито и в горных обществах Южного Дагестана. По свидетельству Ф. Ф. Симоновича, жители его «промышляют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями»¹⁷⁰.

В аварских селениях Карата, Арчи, Арчо, Тинди, Хелетури, Келебском союзе вырабатывались сукна естественного цвета шерсти, в том числе и совершенно белые, которые шли на изготовление верхней одежды, особенно черкесок¹⁷¹. «...Жители общества Кель, — указывал Н. Дубровин, — славятся приготовлением лучших в Дагестане шалей (лезгинских сукон)»¹⁷². Славилось «производством особого, чрезвычайно мягкого сукна» Анди¹⁷³. Б. Вахушти указывал, что дидойцы одеваются в черное платье из сукна и войлока¹⁷⁴.

Дагестанские сукна, производимые в союзах сельских общин, были высокого качества. В докладной записке, представленной императрице Анне в 1733 г., указывалось, что в горах Дагестана готовят из шерсти «сукно почти такое же, как английская двойная фланель и мягкое как бархат»¹⁷⁵.

Широкое развитие получило в союзах сельских общин **бурочное и войлочное производство**. И.-Г. Гербер сообщал, что жители Акуша-Дарго из шерсти наряду с сукном «и войлочные епанчи делают»¹⁷⁶. Производством войлока занимались почти в каждом селении Аварии. Войлок находил широкое применение у горцев. Им «застилали полы домов, из него делали попоны для ездовых лошадей и вьючных животных, им пользовались при сушке зерна, фруктов, он был необходимой принадлежностью постели горца»¹⁷⁷.

Особой известностью пользовались бурки, производимые в Андийском союзе¹⁷⁸, чему способствовало содержание особой породы овец, шерсть которой «служила великолепным материалом для бурок»¹⁷⁹. В экономике андийцев производство бурок имело большое значение, составляя «главную отрасль их промышленности»¹⁸⁰. Это видно из следующих факторов. В ноябре 1819 г. был задержан караван, следовавший из Дагестана в Грузию. При описи среди других товаров было обнаружено 2990 бурок на

7562 руб.¹⁸¹. В следующем месяце был задержан еще один караван в составе 12 человек, 21 лошади, 505 бурок¹⁸². По наблюдениям И. Загорского, «андийцы отличались от прочих горцев видимой зажиточностью, благодаря обширному скотоводству и торговле бурками»¹⁸³. После присоединения Дагестана к России производство бурок на много возросло. Об этом, например, можно судить по сообщению капитана Муртузали Аджиева о закупке в 1840 г. в «Анди более 50 тыс. бурок 6 купцами». В мае того же года были арестованы 13 акушинцев с двадцатью лошадиными выюками бурок, купленных также в Андии¹⁸⁴.

Производством бурок занимались также жители даргинских сел Верхнего Кайтага, салатавцы и др.¹⁸⁵.

Из шерсти жители союзов сельских общин изготавливали также переметные сумы, джурабы, носки, рукавицы и т. д. Особо славилось производством узорных шерстяных изделий общества Южного и Западного Дагестана. В первых из них было развито узорное вязание шерстяных носок¹⁸⁶, а в союзах Западного Дагестана (Дидо, Капуча и др.) — шерстяной обуви¹⁸⁷.

Особое место в промысле по обработке шерсти занимало **ковроткачество**. Больше всего оно было развито в южнодагестанских селах Микрах, Ахты, Рутул, Гильяр, Магарамкент, Курах, Капир, Аркит, Ляхле, Рича, Касумкент, Хрюк, Каладжух, Каракюре, Мака, Шиназ, Ихрек, Цахур, Тпиг¹⁸⁸ и т. д., в аварских селах Тлярата, Кутлаб, Хаднял, Тлох, Карата, Куяда, Корода, Гергебиль и др.¹⁸⁹. Производились как ворсовые, так и безворсовые ковры и паласы. Из безворсовых ковровых изделий особо славилась лезгинские сумахи¹⁹⁰.

Ковроткачество было развито и в других обществах. В конце XVIII в. Я. Рейнеггс указывал, что «красивые ковры» ткали и кубачинцы¹⁹¹.

Во всех союзах сельских общин Дагестана занимались **обработкой кожи**¹⁹². Из кожи делали шубы, тулупы, брюки, папахи, носки, обувь, веревки, ремни, кожаные части сельскохозяйственного инвентаря и т. д. Из козых шкур изготавливали небольшие мешки, сумки, нитки и т. д. В ряде сел кожевенное дело приобрело значение ремесленного производства. Это, в частности, селения Куппа, Тебекмахи и др. села Цудахарского союза¹⁹³. Кожевенным промыслом славилась также аварские селения Салта, Чох, Согратль, Корода, Гонода, Гочоб, где выделывали кожи и кожаные изделия не только для своих нужд, но и специально для продажи на базарах нагорного и горного Дагестана. В тех обществах, где занимались исключительно кожевенным ремеслом, имелись специальные скупщики, которые закупают у производителей кожу и сбывали ее на сторону¹⁹⁴.

Большое место в хозяйстве населения союзов сельских общин занимала **обработка дерева**, особенно развитая в предгорных и высокогорных обществах, богатых лесом. У даргинцев деревообработка была более развита в обществах Кайтагского уцмийства и в ряде сел союза Каба-Дарго, где производились сельскохозяйственные орудия, колеса, лопаты, грабли, вилы, мерки для зерна, лари, шкафы, кровати, стулья, люльки, корыта, подносы и т. д.¹⁹⁵.

В союзах сельских общин Аварии центрами обработки дерева были Куядинские хутора, села союза Каралал, селения Ругуджа, Гидиб, Урада, Корода, Унцукуль, Карата, Нижнее и Верхнее Инхело, Арчо, Голотль, Бацада, Хучада, Кахиб, Кудутль, союз Дидо¹⁹⁶. В аварских обществах производились мебель, предметы домашнего обихода, сельскохозяйственный инвентарь, станки для ковроткачества и суконного производства, мерки для измерения зерна и фруктов, музыкальные инструменты¹⁹⁷. Многие из них украшались искусной резьбой¹⁹⁸. Унцукульские мастера до второй половины XIX в. занимались производством кухонной посуды и домашней утвари. Здесь были и самые лучшие трубочные мастера на Кавказе¹⁹⁹.

И в Южном Дагестане в селениях богатых лесом (Гиль, Ашага-Стал, Орта-Стал, Куркент, Испик, Хурек, Джули, Зизик, Нютюг, Ашага-Картас, Юхари-Яраг, Бюлбюлкент, Гезеркент, Целягун) изготавливались сельскохозяйственные орудия, средства транспорта, предметы домашнего обихода и быта²⁰⁰. В Южном Дагестане жители сел. Гиль и Хазри специализировались на производстве транспортных средств; красивые ложки, деревянные миски из абрикосового дерева делались в селениях Пирал, Гиль, Хазри, Юхари-Яраг, Капир, Калук, Хурик и др.²⁰¹.

Развитым ремеслом многих сел союзов сельских общин было **гончарное производство**. Известными центрами гончарного производства были Балхар, Сулевкент, Испик, Сальян, Гезеркент и Джули²⁰². Они обеспечивали глиняными изделиями жителей как своих регионов и зон, так и соседних районов. Среди даргинских, аварских, лакских сел наиболее распространенной была глиняная посуда балхарцев. Изделия сулевкентцев были очень распространены в Южном Дагестане, у южных даргинцев, кайтагцев, кумыков²⁰³.

Особого расцвета достигает керамическое производство в Южном Дагестане в XVIII в. (Испик, Сальян, Гезеркент, Кахул), где изготавливались оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины, миски, чашки и другие изделия художественной поливной подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и наклепными узорами²⁰⁴.

Гончарным делом занимались также в Лучеке, Амсаре, Ялахе, Смугуле и других селах, где изготавливали для собственного употребления чашки, миски, кувшины и т. д.²⁰⁵. Производством примитивной грубой толстостенной лепной керамикой занимались агулы²⁰⁶.

Одним из развитых промыслов жителей союзов сельских общин была **обработка камня**. Особо выделялись по обработке камня аварские селения Ругуджа, Согратль, Чох, дагинские селения Сутбук, Усиша, Хулелая, табасаранские селения Халаг, Ругуж и Джули, агульские селения Тлиг, Рича, лезгинские селения Ахты, Курах, Каракюре и т. д.²⁰⁷.

В обработке камня наибольшее значение имело строительное дело. Особого размаха оно достигает в XVII в. С этого времени в надписях на камне обычно употребляется термин «уста» («мастер»), что говорит об усилении специализации в строительном деле. Так, например, в сел. Хрюг (союз Ахты-пара) в 1700 г. был построен минарет «джамаатом» Хрюга и «уста шейх Сандом, сыном Молла Халифы Мухаммеда»²⁰⁸. В сел. Калкни (союз Муйра) имеется надпись о строительстве минарета в 1745 г. «устаном» Тагиром²⁰⁹. Надписи с подобными терминами встречаются в Рутуле, Ахта, Худхуле, Курахе и т. д. Мастера из табасаранского селения Филяг, лезгинского — Хрюг, агульского — Худхул славились за пределами своих сел. Филягские мастера строили в дагинских селениях, хрюгские — в Ахта, Джабе²¹⁰. Творения рук строителей-горцев отличались прочностью и архитектурным совершенством. Особо распространенной у горцев была арочная конструкция, связанная с отсутствием строительного леса.

Развита была в союзах сельских общин и **резьба по камню**. Художественной резьбой украшались фасады домов, детали архитектурных и монументальных сооружений, двери, окна, столбы, колонны, выступы межэтажных перекрытий, каменные основания деревянных столбов-колодн, а также хозяйственно-бытовые предметы материальной культуры²¹¹.

Наиболее полное представление о развитии камнерезного искусства дают надмогильные плиты. Украшению и сохранению этого своеобразного «музея камнерезного искусства»²¹² народы Дагестана уделяли исключительное внимание. Профессия мастеров резьбы по камню в ряде случаев была наследственной и переходила от отца к сыну, от дяди к племяннику²¹³.

Широкое развитие у жителей союзов сельских общин получила **металлообработка**: кузнечное и оружейное производство, а также художественная обработка металла. Кузнечное дело было распространено повсеместно. Кузнецы в основном удовлетворяли

местные потребности, изготавливая сельскохозяйственные орудия и предметы домашнего обихода.

В металлообработке также наблюдалась специализация по выпуску отдельных видов изделий. Так, жители селений Кубачи, Амузги, Харбук, Икра, Аракань, Голотль, Кахиб, Урада производили холодное оружие; изготовлением ножей, шипцов, молотков, топоров, подков занимались кустари из селений Икра, Куяда, Курах; производством медной посуды, ювелирных изделий занимались в Чохе, Согратле, Куяда, Голотле, Кахибе, Урада, Унцукуле, Кубачи; производством оружия занимались в Харбуке, Куяда, Гляхе и т. д.²¹⁴.

Самым старинным и распространенным в металлообработке был оружейный промысел. Наиболее известным центром производства оружия было сел. Кубачи. А. И. Лопухин писал, что кубачинцы «делают много хорошева ружья мелкого, также сказывают, и пушки льют»²¹⁵. В 1728 г. И.-Г. Гербер отмечал, что кубачинцы «все люди мастеровые, у них делается самая лутчая серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцири и прочее, которое не только во всех здешних местах, но и в Персии и в турецкой земле славно, и такое оружие с охотой покупают...»²¹⁶. Моравские братья из Саренты, побывавшие в Кубачах в 1782 г., писали: «Все жители, жены и их дети обоюго пола, достигшие десятилетнего возраста, суть ремесленники: мужчины занимаются деланием панцирей, ружей, пистолетов, кинжалов, ножей, конских и оружейных уборов, женских поясов из золота и серебра; на серебре наносят золотую, а на железе — золотую и серебряную насечки и чернь, в чем помогают им малолетние их дети и самые жены их»²¹⁷. Примерно в то же время Я. Рейнегг писал, что кубачинцы «делают ружья, сабли, пистолеты и ножи и мастерством своим всем известны». Причем он отмечал, что «золотая и серебряная их работа подобна карлсбатской или агсбургской, а как столь искусных мастеров нет ни в Персии, ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупается»²¹⁸.

В XIX в. кубачинцы только оформляли и украшали оружие, что было связано со специализацией производства по аулам. В Амузги изготавливались клинки, которые для монтажа и отделки поступали в Кубачи. Харбук специализировался на изготовлении орудий труда и оружия, которые затем окончательно отделялись и украшались в Кубачах²¹⁹.

В Южном Дагестане на производстве кинжалов специализировались сел. Икра, Кюсет, Курах и Койсун, мастера которых работали на заказ²²⁰. Пользовались большой славой и кинжалы, изготавливаемые в Карахе, Аракань, Гидатле, Акуша, Н. Мулебки²²¹.

Широко была развита металлообработка в Дидо, где «ремесла, связанные с военным делом или с производством предметов роскоши», стали с древних времен «важными отраслями обрабатывающей промышленности»²²².

В исследуемое время высшего расцвета достигает художественное и ювелирное производство. Ювелирное дело было развито в селениях Кубачи, Ахты, Чох, Согратль, Унцукуль, Гамсутль, Куяда, Кахиб, Урада, Гагатль, мастера-ювелиры которых работали на заказ и для продажи своей продукции на местных узловых базарах²²³. Высокого развития достигло производство серебряных украшений в обществах андо-цезской группы народов Аварии²²⁴.

Приведенный материал показывает, что ремесло и домашние промыслы в союзах сельских общин Дагестана были широко развиты и играли большую роль в экономической жизни их населения. Особенностью в развитии ремесла и кустарного производства являлось не только дальнейшее углубление процесса специализации селений по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства, но и выделение новых центров ремесла и домашней промышленности, что являлось последующим этапом в системе промыслов в исследуемый период. Наряду с такими известными центрами ремесла и домашней промышленности как: Кубачи, Харбук, Анди, Гагатль, Ботлих, Балхар, Сулевкент, Амузги, Джули, Микрах, Ахты, Куяда, Акуша и т. д., выделились новые центры по производству различных изделий ремесла и домашней промышленности: Унцукуль (деревообработка), Куппа (кожевное дело), Хаджалмахи, Кутниша (сукноделние), Н. Мулебки (производство клинков), Испик (керамическое производство), Хулелая (обработка камня) и другие.

Центры ремесла и домашней промышленности союзов сельских общин были наиболее связаны с другими торгово-ремесленными центрами Дагестана, а также Закавказья, Северного Кавказа, городами России и даже со странами Ближнего Востока. Это было одной из важных причин ломки патриархальной общины, усиления влияния внешних факторов на процесс ее внутреннего социально-экономического развития.

Одной из важных занятий жителей союзов сельских общин Дагестана были **отхожие промыслы**, обусловленные причинами социально-экономического характера — сравнительная густота населения, отсутствие достаточного количества земли, бедность природы, отсюда необеспеченность населения предметами первой необходимости, беззанятость трудоспособного населения круглый год.

Больше всего отходников было из горных обществ, отличавшихся наибольшей бедностью и «избыточностью» населения.

«Беднота, — писал В. И. Ленин, — соединяет продажу своей рабочей силы («отхожие заработки») с ничтожными размерами поселков»²²⁵. Эти слова В. И. Ленина как нельзя лучше подходят к горцам Дагестана.

Формы отходничества были различны. Это уход горцев на плоскость и в предгорье на сезонные работы, а иногда и на круглый год, уход на работы в города, на рыбные и нефтяные промыслы, на различные стройки. С присоединением Дагестана к России, кроме увеличения количества отходников²²⁶, «в отходничестве произошли глубокие изменения принципиального характера. Теперь дело было не в общей бедности края, а в более быстром процессе классового расслоения крестьянства, ускоренным развитием товарно-денежных отношений.

Другая сторона этого процесса заключалась в том, что присоединение к России привело к появлению большого спроса на отходников для сезонных работ ...

И, наконец, развитие денежных отношений привело к увеличению потребности крестьянина в деньгах, а для бедного горца ... отходничество и промыслы были единственным способом добывания денег»²²⁷.

Местами отхода горцев, кроме равнинного и предгорного Дагестана, были Закавказье и Северный Кавказ, где они работали пастухами, косарами, землекопами, садовыми работниками, рыбаками, чернорабочими и т. д. На заработки за пределы своих обществ уходили и ремесленники. Они со своими инструментами переходили из аула в аул, выполняя заказы местных жителей, или устраивали мелкие мастерские в селах и городах Кавказа, куда уходили небольшими группами²²⁸.

По данным начальника Кавказской области, в 1841 г. численность горцев, прибывавших в Кизляр с весны и до осени, доходила «от 10 до 22000, иногда и более»²²⁹.

Большое количество отходников работало на маренниках. Только в Дербентском уезде в 1850 г. «на весенние работы на маренниках» было привлечено «из нагорных обществ до 25000 человек»²³⁰. 25—30 тыс. отходников работало на маренниках Кюринского, Кайтаго-Табасаранского округов, немалое число прибывало ежегодно также в шамхальство и Засулакскую Кумыкню. Большое количество отходников из Дагестана уходило в Азербайджан и Грузию. Только в одну Нуху из Дагестана «в зимнее время стекалось до 1500 человек»²³¹. В сентябре, пишет автор статьи «Состояние рабочего класса в Закавказье», вы видите «до 30 тысяч лезгин из разных обществ, гонимых с гор стужей и нуждой, рассыпавшихся по Алазанской долине от Кахетии до Сальяна, отыскивающих насыщенный хлеб»²³². Летом отходники возвращались

«в свои горы, покупая на заработанные деньги: ситцу, бурметы и другие товары, променяваемые ими в горах на скот и хлеб, для прокормления семейства летом»²³³.

Были и случаи переселения горцев в другие места. Так, одна треть жителей Балуджа, половина населения Ялтуга, 24 двора Джигдига и 74 двора Яхира Докузпаринского магала из-за недостатка земли переселились в Азербайджан и основали там новые селения²³⁴. Поселения образовали на территории Грузии ди-дойцы, андухцы и капучинцы²³⁵.

Одной из форм отходничества было поступление горцев на военную службу к феодальным владетелям Закавказья и даже пограничные турецкие пашалыки и в Персию.

Несмотря на трудности, тяжелые условия работы и жизни отходников, жестокую эксплуатацию их, отходничество имело прогрессивное значение. «Перекочевыванья», — говорил В. И. Ленин, — означает создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мохом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития»²³⁶. Отходничество способствовало ликвидации многовековой изолированности горца от внешнего мира, расширению его кругозора, приобщению к истории и культуре других народов Российской империи и прежде всего русского народа.

5. ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ

В союзах сельских общин Дагестана в рамках натурального хозяйства развивались торговля и обмен. К. Маркс указывал, что «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчиняется меновой стоимости»²³⁷.

Постоянные обменные связи возникали с образованием крупных политических объединений²³⁸. Особое развитие они получают в связи с зональной специализацией. «Уже само географическое разделение труда, складывающееся на основе развития обмена, является в дальнейшем одной из главных предпосылок и стимулов обмена между населением зон, микрзон и селений». Это было и началом «складывания большинства дагестанских базаров

ярмарочного типа, многие из которых отличались довольно большими оборотами»²³⁹.

Внутренняя торговля вплоть до присоединения Дагестана к России являлась в основном меновой²⁴⁰. В качестве эквивалента при обмене выступали бараны, котлы и другие вещи. «Особенные потребительные стоимости, — указывал К. Маркс, — которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например, рабы, скот, металлы, чаще всего образуют... первые деньги внутри самой общины»²⁴¹. Применялись и иностранные (персидские и турецкие) монеты: шагьи, аббасы, туман, къарапул и «так называемые ханские» деньги («сисиденер или Шис-Шахи») ²⁴². Начиная с XVIII в. все больше распространение получают «российские медные деньги и ассигнации»²⁴³. Особенно почитались серебряные рубли²⁴⁴. Были в хождении и иностранные монеты кубачинской чеканки. И.-Г. Гербер писал, что здесь делают «турецкие и персидские серебряные деньги» и «российские рублики», которые «имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных везде берут»²⁴⁵. Употребляли горцы также голландские червонцы и грузинские «аббазы»²⁴⁶. Наиболее распространенными были персидские, российские и отчасти голландские червонцы²⁴⁷. Но все больше российские деньги вытесняли другие, хотя и сохранились старые названия персидских и турецких денежных знаков. Наиболее употребляемой денежной единицей во внутренней торговле был «аббаз» — 20 коп.²⁴⁸ В свете сказанного не совсем убедительно мнение, что денежное обращение в горах Дагестана носило случайный, эпизодический характер и то начиная с последней четверти XVIII в. лишь в Аварском ханстве, у индийцев и зоне Военно-грузинской дороги²⁴⁹.

Главными торговыми центрами были наиболее крупные села, в которых происходили регулярные (еженедельные) базары. Это были зонально-этнические торговые центры, куда приходили жители не только близлежащих сел, но и многих владений и союзов сельских общин. Базары собирались в селениях Чох, Согратль, Корода, Анди, Унцукул, Ботлих, Акуша, Цудахар, Усиша, Муги, Мекеги, Урахи, Уркарах, Кубачи, Харбук, Ахты, Касумкент, Рутул, Цахур, Курах, Маджалис и др. Только сельские общины высокогорной Аварии «не имели своих базаров и тяготели к рынкам соседних районов Грузии и Азербайджана»²⁵⁰, а также к Ботлиху²⁵¹. Еще в середине XVII в. Эвлия Челеби писал, что в Дагестане «в каждом городе раз в неделю на площади устраивается громадный торг: каждый выносит на площадь свои товары и... ведет куплю и продажу»²⁵². Он же сообщал, что в Цахуре «один раз в году... устраивается большая ярмарка»²⁵³. Об Анди Н. Дубровин писал, что «ежегодно съезжаются туда торговцы»²⁵⁴.

Речь в этих примерах идет о ежегодных ярмарках, в отличие от еженедельных зональных и местных базаров.

Основными товарами внутренней торговли были продукты земледелия, животноводства, предметы ремесла и кустарного производства. Продажа того или иного вида товаров на зональных базарах зависела в первую очередь от занятия жителей данного селения и региона²⁵⁵. Лучшие украшения и оружие можно было найти на базаре в Кубачи, железные изделия — в Харбуке, опчины — в Акуша и Урахи, зерно — в Маджалисе, Манасе, Губдене, сыр — в Акуша, фрукты — в Цудахаре и т. д.²⁵⁶. Селение Конхидатль обеспечивало всю горную Аварию солью, которая была основным продуктом производства и средством существования жителей этого селения²⁵⁷. На ахтынском и касумкентском рынках можно было приобрести продукты из Рутула, Цахура, Агула, лезгинские и табасаранские ковры, сумахи и паласы, узорные шерстяные поски, хурджины, шубы, тулуны, гончарные, деревянные, медные и металлические предметы быта²⁵⁸.

Горные общества больше всего нуждались в зерне, которое было основным продуктом обмена жителей плоскостной зоны и нижнего предгорья. Интересно, что горцы сами приезжали сюда за зерном. Отмечая эту особенность, И.-Г. Гербер писал о Кайтаге: «Пшеницею и ечемнем удовлетворяют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба съезды приезжают»²⁵⁹. Д. И. Тихонов также указывал, что горцы покупают зерно в ущелье Кайтагском и Тарковском шамхальстве²⁶⁰. «Кумыкская равнина издавна служила житницей-поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана, — пишет С. Ш. Гаджиева. — Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т. д., а также продукты животноводства и обменивали их на хлеб»²⁶¹.

Жители южнодагестанских союзов сельских общин приобретали зерно в Дербенте и в Кубе²⁶², жители аварских союзов — в основном в Тарковском шамхальстве, Засулакской Кумыкии и в Мехтулинском ханстве²⁶³. Но в горах были общества, которые продавали излишки зерна (Харахи, Гергебиль, Урахи, Ругуджа и др.)²⁶⁴. Продавали зерно аварцам также жители Гапша, Каба-Дарго и акушинцы²⁶⁵. Последние покупали его «в прочих... провинциях в Дагестане для перепродажи горцам»²⁶⁶.

Селения Акуша-Дарго, Келебского союза, Карата, Тинди, Анчих, Анди, Кубачи и др. являлись основными поставщиками так называемого лезгинского сукна. Об акушинцах И.-Г. Гербер писал, что их сукно «во все тамошние земли развозится»²⁶⁷. По всему Дагестану развозили сукно, как и бурки, и андийцы²⁶⁸. Взамен на бурки андийцы получали «красный товар, железо, оружие,

соль и кукурузу». Продавались в Анди также лошади, оружие из Кубачи, Персии и Турции. Торговали здесь и людьми²⁶⁹. Анди вообще, как «самое значительное и торговое место»²⁷⁰ в горах, играло важную роль в торговле жителей союзов сельских общин.

Жители Западного Дагестана продавали бурки, кинжалы, шерстяные ткани, шерсть, масло, сыр, кожи и мыло²⁷¹. Основным пунктом торговых сделок жителей Дидойского союза был Ботлих, где выменивались продукты земледелия, животноводства и ремесла (шерстяные изделия) на хлопчатобумажные ткани, соль, утварь и фрукты²⁷².

Особую роль в торговле играли Дербент, Тарки, Казикумух, Хунзах, Эндирей, Цудахар, Ахты и т. д., на базары которых приезжали жители почти со всего Дагестана. Так, на казикумухский базар приходили лакцы, аварцы, даргинцы, лезгинцы, агулы, рутулы и т. д. С Тарковским шамхальством были связаны даргинские общества. Торговали жители шамхальства «скотом, пшеницею, медом, воском». Кубачинцы продавали им ружья, пистолеты, сабли, кинжалы и т. д., а у акушинцев приобретали селитру²⁷³. Рынком всего Дагестана был и Цудахар, куда стекались «все горские народы без различия» и производили здесь «торг меновой и на деньги»²⁷⁴.

Большое торговое значение для других дагестанских народов имело лезгинское селение Ахты. Через Ахты в города Азербайджана проезжали кубачинцы, вывозившие ружья, шашки, кинжалы, цудахарцы — с верблюжьими сукнами, андийцы — с бурками²⁷⁵.

Важную роль в торговле жителей союзов сельских общин играла Засулакская Кумыкия, связи с которой особенно сильны были соседних аварских обществ, в частности Гумбета, Анди и Ботлиха²⁷⁶. Особо выделялось сел. Эндирей, которое продолжало оставаться «главною ярмонкою для торга пленными»²⁷⁷, куда приводили их и жители союзов сельских общин²⁷⁸. А. М. Буцковский отмечал: «Производимый же армянами в оном торг всем для горцев потребным привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев»²⁷⁹. Необходимо отметить, что армяне и евреи играли большую роль в развитии торговли горцев²⁸⁰. У горцев они покупали «шерстяные бурки, лезгинское сукно, бумажное полотно, коровье масло, мед, свежие и сушеные фрукты, виноградное вино и другие съестные припасы»²⁸¹. Сами же привозили для жителей союзов сельских общин «нужнейшие для них вещи»: порох, свинец, оружие, чугунные котлы, холст, юфти и другие «к домашнему хозяйству принадлежащие изделия»²⁸².

Особенно большое значение в развитии торгово-экономических связей жителей союзов сельских общин имел город Дербент, где они приобретали товары русских, армянских, грузинских, ближ-

невосточных, индийских и китайских купцов²⁸³. Среди них были различные предметы домашнего обихода из стали, железа, меди, ткани, краски, бумага, атласы, парчи, шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани, различные вещи из металла и стекла, платки, покрывала и т. д.²⁸⁴.

В Дербент поступали и всевозможные продукты и предметы ремесла со всех концов Дагестана и в особенности из близлежащих владений и союзов сельских общин²⁸⁵. Согласно таможенным рапортам караульных команд за 1735 г. в Дербент 31 января въехали из Калакорейша 50 человек, которые привезли 50 вьюков бурок и сукна; 15 февраля въехали 6 кубачинцев и привезли «2 вьюка сукна на продажу»²⁸⁶. По свидетельству А. И. Ахвердова, в Дербент отвозили кубачинцы все вещи своего рукоделия²⁸⁷. А. А. Кремский писал, что сюда привозили марену, кубачинское сукно, бурки, мед, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли кубачинского производства²⁸⁸. Из Акуша-Дарго поступала в Дербент сера²⁸⁹; из Южного Дагестана — шерсть, сукна, ковры, попоны и т. д.²⁹⁰. Табасаранцы сбывали здесь паласы, ковры, баранов, масло, сыр и мед, покупая «соль и бумажные ткани»²⁹¹. По свидетельству Д. И. Тихонова, жители Кайтагского уцмийства покупали привозимые из России и Персии парчи, сукна, золото, серебро, медь, олово и железо, а свинец и селитру — у дербентцев и кубачинцев²⁹².

Дальнейшее развитие получают торгово-экономические связи жителей союзов сельских общин с Закавказьем, народами Северного Кавказа и с Россией. Наиболее крупным центром азербайджано-дагестанской торговли был Дербент. «Провинция Гильянская и город Шемахи, — писал С. Г. Гмелин, — снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями... кои променивают Лезгинским и Горским Татарам на один род тонкого сукна, которое ими ж самими в горах приуготовляется»²⁹³. В Дербент из Шемахи привозили также хлопчатобумажные изделия, рис и другие товары, из Баку смолу, нефть, соль, шафран, из Кубы, Нухи, Ганджа и других центров — пшеницу, ячмень, лесоматериалы, марену, сухофрукты и т. д.²⁹⁴. В свою очередь, горцы Дагестана, в их числе жители союзов сельских общин, привозили продукты сельского хозяйства и особенно скотоводства и всевозможные изделия ремесла как в Дербент, так и частично в азербайджанские торгово-ремесленные центры — Нуху, Баку, Шемаху, Шеки, Кабалу, Шушу²⁹⁵. В Шемахе, по свидетельству А. П. Волынского, лезгины вели широкую торговлю и имели даже свой «особливый караван-сарай, который и называется лезгинским, где они со своими караванами останавливаются с товарами»²⁹⁶. В Шеки были «лезгинские дома», где останавливались горцы, приез-

жавшие из Южного Дагестана²⁹⁷. О торговле табасаранцев, ахтынцев и рутульцев с Азербайджаном Ф. Ф. Симонович писал, что эти горцы «промышляют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями» и «вырабатывают овчинные мехи и другие кожи» и что «все син рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги»²⁹⁸. Жители Кубинского ханства покупали свинец в Куруше, а селитру в Табасаране²⁹⁹.

Торговали с Азербайджаном и жители аварских и даргинских союзов сельских общин³⁰⁰. Торговцы из Чоха, Согратля и других сел привозили из Кубы, Шемахи, Закаталы ткани, шерстяные и шелковые платки для продажи на местных рынках и продавали там сельскохозяйственные продукты³⁰¹. Верхнедаргинцы вывозили в Нуху, Шемаху, другие города Закавказья сукна из овечьей и верблюжьей шерсти³⁰². Только в июне 1821 г. в Старую Шемаху приехали 7 «акушинских лезгин» и привезли для продажи шесть вьюков сукна³⁰³. В 1827 г. из Дагестана было привезено в Шекинскую провинцию бурок, войлоков, сукна, ружей, пистолетов, кинжалов, пороха, свинца, меди, шерсти на 100000 руб. серебром, а вывезено в Дагестан товара на 150000 руб.³⁰⁴.

Главным складочным центром в торговле с Азербайджаном и Дагестаном была Нуха³⁰⁵. Среди ее торгового сословия 25 процентов были лезгины³⁰⁶. Только в 1846 г. в Нуху было привезено: наплечных бурок на сумму 1300 руб., сукна на 1240 руб., оружия на 1500 руб., овечьей шерсти и мерлушек на 8 тыс. руб. Торговля Кубы, по словам В. Константинова, состояла в снабжении товаром Кураха, Ахты, Лучека и т. д.³⁰⁷. «Ружья, пистолеты, сабли, кинжалы, — писал С. Броневский, — достают (ширванцы — Б. А.) из Кубачи и других мест Дагестана и Лезгистана»³⁰⁸.

С Грузией больше всего были связаны жители союзов сельских общин Западного Дагестана. Доминирующими были связи с ближайшими рынками к Дагестану — Телави, Шалда, Кварели, Гавани, Сигнахи и др. Но главным центром торговых сделок горцев Дагестана с Грузией был Тифлис³⁰⁹. Царевич Б. Вахушти сообщал, что дидойцы «спускаются в Кахетию по торговым делам, ибо из Кахетии они вывозили припасы, одежду и все потребное для себя»³¹⁰. По свидетельству И. А. Гюльденштедта, дидойцы за сукна, войлоки и овчины покупали «в Кахетии бумажные материи и другие надобности»³¹¹. В 1802 г. был задержан «лезгинский караван», следовавший из Грузии в Дагестан, который вез 274 бешмета, 128 кусков сукна, 6 одеял, 5 штук дарая и другие предметы домашнего обихода³¹². Жители Анцухо-Капучинских обществ сбыв-

вали в Кахетию шали, сукна, паласы, продукты животноводства и т. д. и приобретали там хлеб и необходимые товары³¹³. Хлеб в изучаемое время оставался главной статьей торговли жителей союзов сельских общин Западного Дагестана с Грузией³¹⁴. Имеется много данных, свидетельствующих о тесных и широких торговых связях обществ Западного Дагестана с Грузией³¹⁵.

Торговали с Грузией жители Андалала, Гумбета, Анди, Мукратля, Технуцала, Тиндала, Каралала и др. обществ³¹⁶. Только в одной поездке в Грузию для продажи бурок участвовало 98 андийцев³¹⁷. В ноябре 1819 г. был задержан караван, следовавший из Дагестана в Грузию. При описи было обнаружено: лошадей 124, бурок — 2990 на 7562 руб., ружей — 8, пистолетов — 9, лезгинские сукна черного и белого цветов³¹⁸. В следующем месяце был задержан еще один караван из 21 лошади, сопровождаемый 12 чел. Они везли 505 бурок³¹⁹.

В целом перечень товаров, встречающихся в различных источниках, показывает, что горцы Дагестана приобретали в Восточной Грузии три группы товаров: изделия местного ремесленного производства (ткани, предметы домашнего обихода из меди и железа, порох и т. д.), сельскохозяйственные продукты (зерно, овощи, продукты виноделия) и импортные товары (соль, галантерея)³²⁰.

В изучаемое время происходило дальнейшее развитие и укрепление торгово-экономических связей жителей союзов сельских общин и с народами Северного Кавказа. Особую роль в торговле играл Терский городок, ставший центром царской администрации на Северном Кавказе и важным торгово-экономическим центром³²¹. Сюда привозили товары русского, местного и восточного производства. Главными предметами торговли жителей союзов сельских общин Дагестана с народами Северного Кавказа были соль, металлическая посуда, кубки, дорогое оружие, панцири, ювелирные изделия, фрукты и т. д. Народы Северного Кавказа привозили в Дагестан мед, воск, скот и особенно лошадей и ряд других товаров³²².

Центром торгово-обменных операций горцев Дагестана и Северного Кавказа после похода Петра I в Прикаспий стала крепость Святой крест, где жили русские, азербайджанские, грузинские и армянские торговые люди³²³. После ее упразднения в 1735 г. торговля горцев с народами Северного Кавказа и с Россией переместилась в Кизляр и Моздок, где встречались торговые люди из Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии и Кабарды.

Значительную роль в укреплении торгово-экономических связей горцев Дагестана и народов Северного Кавказа играли также

Эндирей, Брагуны, Аксай, Костек³²⁴. В Эндирее было «всегдашнее стечение соседственных горцев»³²⁵, встречавшихся с другими народами Северного Кавказа³²⁶.

Торговые связи с Россией жителей союзов сельских общин особенно усилились со второй половины XVIII в. Особую роль в торговле горцев с Россией играл Кизляр, который уже в середине XVIII в. не только становится экономическим и административным центром России на Северном Кавказе, но и играет «роль крупного транзитного центра торговли России с Закавказьем и Персией». Армянские и грузинские торговые люди, жившие подолгу в Кизляре, выезжали по торговым делам в горные районы Дагестана, занимаемые союзами сельских общин. Но горцы вели торговлю с русским населением казачьих станиц и с Кизляром как через посредников — армян, грузин и евреев, так и непосредственно. В торговле с Кизляром участвовали жители всех зон Дагестана. В самом Кизляре горцы торговали и с купцами, приезжавшими из Вологды, Ярославля, Тулы и других городов России. Горцы продавали продукты сельского хозяйства, изделия ремесла и кустарных промыслов и приобретали всевозможные российские товары. По сообщению А. И. Ахвердова и С. Броневского, каракайтаги и другие жители предгорного Дагестана продавали в Кизляре, Астрахани и других русских городах свежие и сушеные фрукты³²⁷. В 1807 г. в Кизляре было остановлено 27 торговцев из Акушинского и Цудахарского союзов. В 1824 г. только за один день в Кизлярскую пограничную карантинную контору прибыл для торговли 31 цудахарец, а за один день сентября того же года — 5 таких групп, т. е. более 150 человек³²⁸. В «Ведомости» товаров, привезенных в Кизляр в 1842 г., перечислены: ружья, пистолеты и замки к ним, кинжалы, ножи, ружейные чехлы, сукна, ремни, бурки, шубы овчинные, кожи, медная и глиняная посуда и т. д.³²⁹, которые в основном производились в союзах сельских общин. О торговле их жителей с Россией говорят и документы более раннего периода³³⁰. В период Ермолова многие союзы сельских общин Аварии, «действуя фактически самостоятельно, старались наладить торговые связи с Россией»³³¹. По сведениям за июнь 1821 г. «среди едущих в города России для торговли «были акушинцы и аварцы»³³². Наиболее предприимчивостью отличались андалальцы, которые и в давнее время служили главными проводниками русской торговли с горцами³³³. Генерал Сипягин писал 28 августа 1828 г. Паскевичу: «Аварцы не могут доставать необходимейших для себя вещей, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая оные на некоторые собственные произведения»³³⁴.

В развитии торговли между жителями союзов сельских общин

с народами Северного Кавказа и с Россией большую роль играли так называемые меновые дворы. Еще в 1811 г. на Северном Кавказе были открыты 6 меновых пунктов, принятые «всеми народами с живейшим чувством благодарности»³³⁵. Из года в год торговля расширялась. «Ежегодно, — писал ген. Пулло, — до 40 тыс. горцев приходили для сбыта своих продуктов и звонкая монета усилилась у них в обращении»³³⁶. На рубеже 40-х годов было уже 17 меновых дворов. Горцы Дагестана в основном были связаны с Амир-Аджи-Юртовским меновым двором. В 1844 г. через Амир-Аджи-Юртовскую таможенную заставу в Кизляр было привезено ружей 185 штук, кинжалов — 139, ножей — 30, шапок — 241, газырей — 139, шуб овечьих — 30, поясов — 2347, сукна — 350, шашек — 11, медных кувшинов — 26, не выделанных воловых кож — 53, козьих шкур — 2740, бараньих шкур — 2050, паласов — 64, бурок — 61 и т. д.³³⁷. Горцы же приобретали ситцы, холст, кумач, бязь, выбойку, шерстяные изделия, шали, шелковые ткани, бархат, зеркала, стаканы стеклянные, серебро в нитках, бумагу, мыло, хлабный спирт, чай, кофе, конфеты³³⁸.

Жители союзов сельских общин Дагестана вели торговые операции и в других меновых дворах и городах Северного Кавказа.

В связи с развитием торговли с Россией и с соседними провинциями Кавказа вырос товарооборот и в Нагорном Дагестале, заселенной союзами сельских общин. Вместе с тем, пишет Ф. З. Феодаева, «в этот период возрастает роль местного купечества и узденства в торговле с Россией»³³⁹. Развитие торговых и товарно-денежных отношений привело к появлению прослойки профессиональных торговцев — базарганов, скупщиков, кирачи, живших главным образом за счет торговли. Дальнейшее развитие рыночных связей, усиление роли товарно-денежных отношений в союзах сельских общин неизбежно усиливали дифференциацию общинников, содействовали дальнейшему развитию классовых отношений. «... торговля, — писал К. Маркс, — указывая на значение торговли в развитии общества, — повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт»³⁴⁰. В результате развития торговли хозяйство жителей союзов сельских общин Дагестана теряло свой натуральный характер.

В развитии торговли важное значение имеет наличие транспорта и путей сообщений. Как отметили выше, для верховой езды применяли в основном лошадей. Для перевозки тяжестей, товаров применяли ослов, мул и в ряде обществ лошадей. Основным транспортным средством у горцев была арба в бычьей упряжке.

Нельзя сказать, что Дагестан в целом и союзы сельских общин, в частности, обладали широкой сетью хороших дорог, удоб-

ных для транспортировки товаров. Но весь горный Дагестан был пересечен сетью дорог, связывающих села и союзы между собой, с базарами зонального и местного значения, а также с другими владениями. В основном это были тропинки, по которым могли продвигаться нагруженные лошади и ослы. Ф. И. Гене писал: «В Дагестане, как и во всякой стране, весьма много есть тропинок, служащих к взаимному сообщению жителей»³⁴¹.

Много было также дорог, связывающих союзы сельских общин с равниной и другими народами и государствами. Остановимся на некоторых из них. В записке об аварской экспедиции, посланной в Аварию в 1828 г., указывается ее маршрут: Эндирей—Хубар—Зубутли—Чирката—Цатаних—Хунзах³⁴². Более удобные были дороги в Аварию через Салатавию по маршруту Аргуани—Ихали—Хунзах и через Дженгутай по маршруту Аймаки—Гергебиль—Гоцатль—Хунзах³⁴³.

В Верхней Даргинии «одна из удобнейших» дорог из Акуша шла в Цудахар³⁴⁴, а отсюда в лакские и аварские села. Акуша-Дарго было связано колесной дорогой с Урахинским союзом. Шла она из Цудахара в Акуша, отсюда в Муги—В. Мулебки—Урахи. П. Зубов писал, что это — одна из внутренних дорог из Акуша в Дербент³⁴⁵.

Известными торговыми путями, связывающими союзы сельских общин с равниной, были: Тарки—Таркалы—Кафыр-Кумух—Казикумух—Дультидагский перевал—Закаталы; Казикумух—Турчидагский перевал—Соградль—Чох—Гуниб и далее; из Чечни шла дорога: Гумбет—Авария—Андалал—Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию³⁴⁶. О первой из них сообщал еще в нач. XVII в. посланник грузинского царя Кирил³⁴⁷. С плоскости еще одна дорога вела в горы через сел. Губден. Д. И. Тихонов писал, что это одна из трех дорог, идущая «из Тарков через деревню Губден в Акушинское владение»³⁴⁸.

С кумыками жителей союзов сельских общин связывали и другие дороги. Одна из них шла из Аварии и Лакки в Хаджалмахи, отсюда в Левашы и «далее довольно порядочная дорога» до Чоглы, отсюда в Урма—Кака-Шура—Параул³⁴⁹ и далее на плоскость. Эта дорога считалась в «числе арбных», хотя и была «довольно трудная» и «вообще гориста»³⁵⁰. Были дороги, соединявшие Ахты, Алты-пара, Докуз-пара, Мискинджи, Рутул. И.-Г. Гербер писал, что «меж ими из одного уезда до другого имеются дороги посвобнее»³⁵¹. Эти дороги были колесные и удобные для езды³⁵². По сведениям конца XVIII в. в Южный Дагестан вели четыре дороги: 1) по долине Дарбаха и далее, 2) из Дербента в Ахты-пара, 3) из Ахты в Илису и Шеки, 4) из Кубы в Ахты-пара³⁵³. В Юж

ном Дагестане была также дорога Ахты—Курах—Усуг—Рича—Чирах—Кумух, отсюда в Акуша-Дарго и Аварию. Этим путем пользовались жители многих союзов сельских общин³⁵⁴. Б. Малачиханов считал его трассой «чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы»³⁵⁵.

Путь из Касумкента в Кумух назывался «Яхулиз фидай рахъ» («дорога в лакскую землю»): Касумкент—Цмур—Ашага—ЗахитГриндагъ («Захитская гора») — ЭмиргуртГад (гора у сел. Хоредж) — Байбулак—Чирах—Хосрех—Кумух³⁵⁶.

По территории союзов сельских общин проходили и пути, связывающие их с Азербайджаном, Грузией и народами Северного Кавказа. Из Рутульского союза в Азербайджан шло несколько путей: 1) Шиназ—Рутул—Цайлахъан—Борч—Салаватский перевал—Гюнюк—Нуха. Зимой в связи с трудностью прохода, маршрут менялся — Шиназ—Рутул—Ахты—Хинов—Салаватский перевал и дальше в Азербайджан. 2) Шиназ—Амсар—Лучек—Кина—Гельмец — Курдул — Билакадинский перевал — Сарабаги — Кахи. 3) Шиназ—Амсар—Лучек—Микик—Цахур—Мишлеш—Кильял—Диндинский перевал—Мухах—Закаталы. Последняя дорога «имела исключительно важное значение в жизни цахуров, т. к. по ней поступал хлеб из Закатал». Она «функционировала издавна и имела караван-сарай»³⁵⁷ под названием «Балдурган-дега»³⁵⁸. Были здесь и другие пути: Борч—Диндинский перевал—Шин; Курдул—Билакадинский перевал—Свачар; Цахур—Геттагъанитский перевал—Ках; Кальял—Диндинский перевал—Мухах³⁵⁹.

Наиболее оживленным был путь Ахты—Шеки через Салаватский перевал. Это так называемая «шекинская» или «анапская» дорога, которая действовала круглый год³⁶⁰.

Связи с Грузией поддерживались по перевальным путям, проходившим через Главный Кавказский хребет и действовавшим главным образом «с мая по октябрь месяц»³⁶¹. Основными трассами были: 1) Анди—Ботлих—Агвали—Цумада—Н. Хваршини—Цихалак—Хушет—Дидко—Омало... 2) Ботлих—Хушет—уроч. Четро — Дикло-аул — Чиглатура — Сабус — перевал Сабкинос-челе—Ахмета; 3) Бежта—Кидеро—Хупри—Кодорский перевал—долина реки Инцоба—Сабусе — Энисели и т. д.; 4) Бежта—Гинух—уроч. Барисмайдан—Ниникос-цихе — перевал Мечи—Кала—Похалис...; 5) Тлярата—Кутлаб—Лаказану—хребет Дюльтыдаг—Саладаг—Гудурдагский перевал—Закаталы³⁶².

Особенно важное значение указанные перевальные пути имели для союзов сельских общин Западного Дагестана, для которых, как отмечалось выше, добираться до ближайшего дагестанского

базара (сел. Ботлих) было гораздо труднее, чем до грузинских сел «через Кодорский и Ниникос-цихе перевалы»³⁶³.

Союзы сельских общин Аварии были связаны с народами Северного Кавказа и с Россией дорогой из Анди в Чечню и Кабарду. По сообщению Р. Ф. Розена, одна дорога в Анди проходила через Эндирей, ауховские и ичкеринские деревни и по ней «верховой проезжает без особой трудности»³⁶⁴. Другая дорога от крепости Грозной шла через «чеченские деревни Гребенчук, Автур, Веден и Черми в Андию», и этот путь был «весьма удобен»³⁶⁵.

Более удобные дороги в Дагестане в целом и в союзах сельских общин появились с присоединением к России. Царское правительство в стратегических целях прокладывало в глубь гор шоссейные и грунтовые дороги. Так, начиная с 40-х годов XIX в. была сооружена дорога от сел. Хозрова Кубинского уезда до Кавкумуха протяженностью 140 верст, а от нее проложены, так называемые побочные дороги — первая от сел. Рича до сел. Хива, а оттуда до Касумкента; вторая от сел. Чираха до границ Кайтага; третья от сел. Кураха до Хива; четвертая от Кумуха до сел. Чох³⁶⁶. В 40-х годах была проложена и Ахтынская военная дорога, которая соединяла Дагестан с Азербайджаном через горы по сокращенному маршруту³⁶⁷. Несмотря на цели и намерения царизма, строительство указанных и других дорог «объективно способствовало развитию экономики края, в том числе союзов сельских общин»³⁶⁸. Строительство дорог способствовало усилению экономических и культурных связей союзов сельских общин между собой и с другими районами, проникновению и дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, элементов капитализма в их хозяйственную деятельность.

Из всего приведенного материала можно заключить, что территориально союзы сельских общин находились во всех природно-хозяйственных зонах. Хозяйственная деятельность их населения мало отличалась от соседних феодальных владений Дагестана. На территории союзов сельских общин так же, как и в феодальных владениях Дагестана, были развиты, а порою даже гораздо более, почти все отрасли хозяйства. Хозяйство было многоотраслевым. Основными из них были земледелие и животноводство. Земледелие носило интенсивный характер, им занимались в той или иной мере во всех природно-хозяйственных зонах и оно занимало ведущее положение в социально-экономической жизни горца, хотя природно-климатические условия ограничивали возможности земледелия в горной и в особенности высокогорной зонах, занимаемых союзами сельских общин, и оно не обеспечивало всех потребностей местного населения в хлебе.

В животноводстве, являвшемся вторым основным и многотиповым занятием и носившим интенсивный «альпийский» характер, преобладающее значение имел крупный рогатый скот, который был тесно связан с земледелием. Мелкий рогатый скот в хозяйстве жителей союзов сельских общин занимал подчиненное положение за исключением высокогорных обществ и хозяйств феодализирующейся знати всех природно-хозяйственных зон, почему они выступали одновременно и собственниками горных летних и зимних пастбищ.

Третьей отраслью хозяйственной деятельности были домашняя промышленность и ремесла, получившие в союзах сельских общин повсеместное и широкое развитие и игравшие огромную роль в экономической жизни горца. Происходит дальнейший рост работы на заказ, специализация, укрепление старых и выделение новых ремесленных центров, производивших для внутреннего и внешнего рынка изделия из металла (холодное и огнестрельное оружие, ювелирные изделия), шерсти (сукна, бурки, ковры), глины (разнообразная гончарная посуда), дерева (домашняя утварь и сельскохозяйственные орудия) и т. д.

Хотя в целом хозяйство жителей союзов сельских общин являлось натуральным, развито была здесь и торговля с преобладанием до XIX в., главным образом во внутренней торговле, обмена. Почти в каждом союзе сельских общин имелись села, многие из которых выступали как торговые центры не только местного, но и зонального, регионального и даже общедагестанского значения. Союзы сельских общин были вовлечены и во внешнюю торговлю. Торговля велась не только между союзами и феодальными владениями, но также с Россией, Закавказьем, Северным Кавказом, Персией и Турцией. Но горный Дагестан в целом, занимаемый союзами сельских общин, был меньше вовлечен в торговлю, в особенности во внешнюю, чем плоскостная зона.

Такому развитому в целом хозяйству (как экономической основе), находившемуся почти на одном уровне с хозяйством горских феодальных владений, должны были по логике вещей соответствовать и развитые, а не примитивные, находящиеся на уровне «первобытности», общественные отношения. Именно состояние хозяйства (оседлое интенсивное земледелие, многоотраслевое животноводство, развитые ремесла и торговля) вместе с формами земельной собственности (как основного базиса общества) и надстроечными институтами и определили формационный уровень общественного развития союзов сельских общин, их социально-типологическую модель, что будет показано в следующих главах работы.

¹ Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 7; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 9; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая пол. XX вв.). Махачкала, 1967. С. 12—14; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 5—7; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1978. С. 22.

² Османов М. О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1970. Т. 20 (серия общественных наук). С. 285, 288.

³ История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 233; Османов М. О. Указ. соч. С. 295.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 233.

⁵ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2; Его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. 9.

⁶ Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 20.

⁷ Османов М. О. Указ. соч. С. 296.

⁸ Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 8. С. 25.

⁹ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 19.

¹⁰ История Дагестана. Т. 1. С. 234; Османов М. О. Указ. соч. С. 296.

¹¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957.

¹² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 33—43; Его же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд. АН СССР, 1961.

¹³ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 17—22.

¹⁴ Материальная культура аварцев. С. 20—28; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 15—30; Магомедов Д. М. Занятия населения Дидо в XVIII—нач. XIX вв. // ВИД (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 215—223.

¹⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 23—24; Нихлов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 107—111; Агулы. Махачкала, 1975; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1978. С. 6—23.

¹⁶ Ермолов А. П. Записки (1816—1827). М., 1864. Ч. 2. С. 101.

¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 81—182; Д. 6512. Л. 90, 91, 93, 97; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 101; Алиев Б. Г. Каба-Дарго XVIII—XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала, 1972; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории

средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага (общества Ганк, Муйра, Каттаган) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 87; Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 219—220; Агулы. С. 45; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 37; Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 277.

¹⁸ Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 39; ЦГВИАРФ. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 182; Д. 6512 Л. 93; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 78.

²⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 82.

²¹ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из «Путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809 С. 128—129.

²² Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265.

²³ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

²⁴ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 344

²⁵ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 77—78, 101, 104, 105, 112.

²⁶ Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

²⁷ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.

²⁸ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 243.

²⁹ Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 261.

³⁰ Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 296.

³¹ Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 324, 325.

³² Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, и биографиях. СПб., 1888. Т. 2.

³³ Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80.

³⁴ Там же.

³⁵ Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 39.

³⁶ Неверовский А. А. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 36.

³⁷ Гене Ф. И. Указ. соч. С. 344; Материальная культура аварцев. С. 45—60; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 27; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 109; Алиев Б. Г. Каба-Дарго ... С. 49 Агулы. С. 49.

³⁸ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 73.

³⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 70. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 40.

⁴⁰ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 499, 501.

⁴¹ Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 289.

⁴² Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 314.

⁴³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 70; Рупрехт Ф. И. Верхний предел различных культурных растений на Главном Кавказском хребте: Отпуск из записок императ. АН. 1860. Т. 5. С. 180; Von Moriz von Deshay. Kaukasus und Forschungen in kaukasischen Hochgebirge. Berlin, 1906. Bd. 2. S. 241.

⁴⁴ Добрынин Б. Ф. Указ. соч. С. 88.

⁴⁵ Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 63.

⁴⁶ Материальная культура аварцев. С. 49—50.

⁴⁷ Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 219.

⁴⁸ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9, 10, 15

⁴⁹ Там же. Л. 7.

⁵⁰ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 13; Дубровин Н. Указ. соч. С. 503.

⁵² Шиллинг Е. М. Народы андо-цезекской группы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. С. 26.

⁵³ Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 220.

⁵⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 40.

⁵⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 278.

⁵⁶ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 103.

⁵⁷ История Дагестана. Т. 1. С. 309.

⁵⁸ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 216.

⁵⁹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 43; Материальная культура аварцев. С. 52; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 41; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 35—37; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 117; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 42.

⁶⁰ Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Сентябрь. С. 390.

⁶¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 83; Дагестан в известиях ... С. 277; Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 310.

⁶² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 23.

- 63 Дагестан в известиях... С. 279; Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199; Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 314.
- 64 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 42.
- 65 Костенецкий Я. Заметки об Аварской экспедиции в 1837 году СПб., 1851. С. 23.
- 66 Хрисанф. Указ. соч. С. 268—269.
- 67 Щербачев А. П. Указ. соч. С. 296; см. также: Гюльденшtedт И. А. Указ. соч. С. 121; Хрисанф. Указ. соч. С. 266; Гене Ф. И. Указ. соч. С. 344.
- 68 Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 289.
- 69 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243.
- 70 Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 499; Материальная культура аварцев. С. 54—55.
- 71 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6361. Ч. 2. Л. 81. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 43.
- 72 Хрисанф. Указ. соч. С. 266.
- 73 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6361. Ч. 2. Л. 65, 81; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 43.
- 74 Гюльденшtedт И. А. Указ. соч. С. 131.
- 75 Гене И. Ф. Указ. соч. С. 344; см. также: РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4.
- 76 (Зиссерман) А. З. 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. № 11. С. 28; Абельдяев Н. Указ. соч. С. 28; Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 332; Сидоров В. По России. Кавказ: Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897. С. 37.
- 77 Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S. 303.
- 78 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 37.
- 79 Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 309.
- 80 Вилльер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе: путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 3.
- 81 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 54.
- 82 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 35.
- 83 Гене Ф. И. Указ. соч. С. 344.
- 84 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 54.
- 85 Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 147.
- 86 Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 289.
- 87 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 154.
- 88 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 43.
- 89 Дагестан в известиях... С. 279; Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 154; см. также: Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 314.

- 90 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 133.
- 91 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 30.
- 92 Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4.
- 93 Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 291.
- 94 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 43.
- 95 Там же; Материальная культура аварцев. С. 65—66; полевой материал 1972 г.
- 96 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 291; см. также: Гене Ф. И. Указ. соч. С. 344.
- 97 Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 48.
- 98 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 101; см. также: Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. 52. С. 74.
- 99 Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 4. С. 289.
- 100 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 139.
- 101 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. С. 150.
- 102 Дагестан в известиях... С. 279; Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 314.
- 103 Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 331.
- 104 Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 226; РГВИА. Ф. ВУА. Кол. 414. Д. 300. Л. 65.
- 105 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18502. Л. 11—116; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 52.
- 106 Коцебу М. А. Указ. соч. С. 261; Гюльденшtedт И. А. Указ. соч. С. 123, 127.
- 107 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 325.
- 108 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243; Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 289.
- 109 Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 216.
- 110 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6361. Ч. 2. Л. 82. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 52.
- 111 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 70. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 52; Воронов Н. Указ. соч. С. 5.
- 112 Воронов Н. Указ. соч. С. 29.
- 113 Абельдяев Н. Указ. соч. С. 25.
- 114 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 40.
- 115 Там же; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 49.
- 116 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 81.
- 117 Шнитников Ф. А. Указ. соч. С. 331; Краббе К. К. Замечания о Докузпаре, Ахта и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. С. 335.
- 118 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 471. Л. 1—4. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 51.

- 119 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 48: Гюльденштедт И. А. Указ. соч. С. 127; Воронов Н. Указ. соч. С. 14.
- 120 Коцебу М. А. Указ. соч. С. 261; см. также: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 178.
- 121 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 326.
- 122 Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 291.
- 123 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243; Хрисанф. Указ. соч. С. 265.
- 124 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 110—111; ИГЭД. С. 84.
- 125 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 134; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5; Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 55.
- 126 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4.
- 127 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 60.
- 128 Полевой материал 1967 г.
- 129 Агулы, С. 56—57; Магомедов Р. М. По аулам Дагестана: Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1979. Вып. 2. С. 20.
- 130 Краббе К. К. Указ. соч. С. 335.
- 131 Евецкий О. Указ. соч. С. 55.
- 132 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 107.
- 133 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 130.
- 134 Хрисанф. Указ. соч. С. 265.
- 135 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 141—142.
- 136 Материальная культура аварцев. С. 60—61; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 36.
- 137 Магомедов Д. М. Занятия населения Дидо... С. 226.
- 138 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4; Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 91; Д. 19264. Л. 5 об; Гене Ф. И. Указ. соч. С. 344; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 137.
- 139 Полевой материал 1967—68, 1977, 1979, 1982 гг.
- 140 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 47.
- 141 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 92, Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 47.
- 142 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 40; Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа / Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887. С. 28, 36, 40, 44, 52, 56, 64, 68; ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 105. Л. 2—3; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 138.
- 143 Османов М.-З. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX—XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 39.
- 144 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 40.
- 145 Османов М.-З. О. Указ. соч. С. 47, 56—57; Агулы, С. 56; полевой материал 1982 г.
- 146 Воронов Н. Указ. соч. С. 29.
- 147 Там же. С. 6.
- 148 Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 164—165.
- 149 Там же. С. 146—147, 136—139, 196—199.
- 150 Османов М.-З. О. Указ. соч. С. 40.
- 151 Там же.
- 152 Там же. С. 40—41.
- 153 ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 87. Л. 399. Агулы, С. 56.
- 154 Там же. Л. 425; С. 56.
- 155 Дагестанская область... С. 194.
- 156 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 229.
- 157 Гене Ф. И. Указ. соч. С. 345.
- 158 Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328.
- 159 Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 63.
- 160 Ленин В. И. Указ. соч. С. 328.
- 161 Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 19. С. 215—216.
- 162 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 63—64; История Дагестана. Т. 1. С. 313—314.
- 163 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 42; История Дагестан. Т. 1. С. 236.
- 164 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 65.
- 165 История Дагестана. Т. 1. С. 236.
- 166 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 111.
- 167 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 9; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 66.
- 168 Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 30.
- 169 Дагестан в известиях... С. 278; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.: Л., 1949. С. 24.
- 170 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. С. 139.
- 171 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 48. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 65.
- 172 Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 503.
- 173 Берже А. Очерк «Кавказ» // Живописная Россия. 1883. Т. 9. С. 82.
- 174 Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 131.

- 175 Полиевктов М. А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тифлис, 1937. Вып. 4. С. 289.
- 176 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 111.
- 177 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 77.
- 178 Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 66; Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 101; История Дагестана. Т. 1. С. 236; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 78.
- 179 Материальная культура аварцев. С. 71; Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 226; Буцковский А. М. Указ. соч. // РГВИА. Ф. ВУА. Кол. 414. Д. 300. Л. 66. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 66—67.
- 180 АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 135.
- 181 ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 903. Л. 18. Магомедов Д. М. Занятия населения Дидо... С. 240.
- 182 Там же. Л. 21.
- 183 Зогорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // КС. Тифлис, 1876. Вып. 19. С. 229.
- 184 ЦГИА РГ. Ф. 1086. Оп. 6. Д. 345. Л. 1. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 249.
- 185 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 111; Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 251; см. также: Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. С. 91; Алнев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 72.
- 186 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 67—69.
- 187 Воронов Н. Указ. соч. С. 13.
- 188 Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 101; История Дагестана. Т. 1. С. 236; Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 142; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 126—128; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 71, 74.
- 189 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 78.
- 190 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 79.
- 191 См.: Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. С. 24.
- 192 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. С. 139; Гене Ф. И. Указ. соч. С. 345.
- 193 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 200.
- 194 Материальная культура аварцев. С. 68—69; История Дагестана. Т. 1. С. 235; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 200.
- 195 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 42, 44; полевой материал, собранный в Кайтагском и Сергокалинском районах.
- 196 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 80; История Дагестана. Т. 1. С. 236; Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 233.
- 197 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 75; Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 234.
- 198 Там же; Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии России. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1. С. 75; Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. Л., 1959. С. 13; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 31.
- 199 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 82.
- 200 Ихилов М. М. Указ. соч. С. 125; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 52.
- 201 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 53, 54.
- 202 История Дагестана. Т. 1. С. 236; Ихилов М. М. Указ. соч. С. 130; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 46. Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 82—87.
- 203 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 46; Умаханов М.-С. К., Алиев Б. Г. География распространения балхирской и сулевкентской керамики в Дагестане // Тез. докл. конфер., посвящ. итогам деятельности дагестанского отделения ГО СССР за 1988 год. Махачкала, 1989. С. 115—116.
- 204 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 83.
- 205 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. С. 74.
- 206 Агулы. С. 63.
- 207 История Дагестана. Т. 1. С. 236, 313; Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 88, 132—133; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 45; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 83; Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 109, 141.
- 208 Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 88.
- 209 Полевой материал 1982 г.
- 210 Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 133.
- 211 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 83.
- 212 Дебилов П. М. Надмогильные памятники Дагестана XV—XVII вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. 10. С. 119.
- 213 Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 141—142.
- 214 Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 101; История Дагестана. Т. 1. С. 236, 313—314; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 72—73; Материальная культура аварцев. С. 77; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 84.
- 215 Лопухин А. И. Указ. соч. С. 30.
- 216 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75; см. также. Лерх И. Указ. соч. С. 74.
- 217 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 327—328; Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 216.
- 218 Дагестан в известиях... С. 278; Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 24.
- 219 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 71; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 45.

- 220 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 143; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 93, 94.
- 221 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 1. Л. 115; Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4; Гене Ф. И. Указ. соч. С. 345; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 72; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 73.
- 222 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 235.
- 223 Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Указ. соч. С. 51; Матерьяльная культура аварцев. С. 77, 78; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 93.
- 224 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 85.
- 225 Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 113.
- 226 История Дагестана. Т. 1. С. 314; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 261.
- 227 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 47.
- 228 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 79; История Дагестана. Т. 1. С. 314.
- 229 ЦГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 424. Л. 1; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 79; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 255.
- 230 Там же.
- 231 Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. М., 1957. С. 192.
- 232 Кавказ. 1846, № 4. Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 262.
- 233 Там же; см. также: АКАК. Т. 5. С. 930; ЦГИА РГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 260. Л. 13; Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 222.
- 234 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 194—195; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 44.
- 235 Магомедов Д. М. Занятия населения Дидо... С. 226.
- 236 Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 246.
- 237 Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 180.
- 238 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 52.
- 239 История Дагестана. Т. 1. С. 237.
- 240 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18503. Л. 6; Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 316.
- 241 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 37.
- 242 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 463; Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 316.
- 243 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 462.
- 244 Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 316.
- 245 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 76; Ковалевский М. К. Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 310.
- 246 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 463.
- 247 Там же. С. 461; Хрисанф. Указ. соч. С. 268.
- 248 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 463.
- 249 Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1868. Вып. 1. С. 43.
- 250 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 89; Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 239.
- 251 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 241.
- 252 Челеби Э. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 100.
- 253 Там же. М.: Наука, 1983. Вып. 3. С. 178—179.
- 254 Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 500.
- 255 История Дагестана. Т. 1. С. 237—238.
- 256 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 52.
- 257 Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 89.
- 258 Ихилов М. М. Указ. соч. С. 133.
- 259 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.
- 260 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 135.
- 261 Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 101.
- 262 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 77.
- 263 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243; Щербачев А. П. Указ. соч. С. 296; Гене Ф. И. Указ. соч. С. 345.
- 264 История Дагестана. Т. 1. С. 238.
- 265 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 93.
- 266 АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 518, 530; Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 291.
- 267 Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 111.
- 268 Берже А. Очерк «Кавказ» // Живописная Россия. 1883. Т. 9. С. 82.
- 269 Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 500.
- 270 АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. С. 749.
- 271 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 115.
- 272 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 241.
- 273 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 136.
- 274 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 93—94.
- 275 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 196.
- 276 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 240.
- 277 Там же. С. 242.
- 278 Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 213.
- 279 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 242.
- 280 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 134.
- 281 Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 453.
- 282 Там же. С. 55—56.
- 283 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86; Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 313; История Дагестана. Т. 1. С. 315; Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 103; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 311.
- 284 Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. / Сост.

- Р. Г. Маршаев. Махачкала. 1958. С. 201—219; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 1—69; Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 143; Броневский С. Указ. соч. С. 224; Кремский А. А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 234.
- ²⁸⁵ Броневский С. Указ. соч. С. 224.
- ²⁸⁶ Шихсаидова Р. С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-кавказских взаимоотношений в XVII—нач XIX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 100—101.
- ²⁸⁷ Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 217.
- ²⁸⁸ Кремский А. А. Указ. соч. С. 234.
- ²⁸⁹ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 143.
- ²⁹⁰ Там же. С. 139.
- ²⁹¹ Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 316.
- ²⁹² Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 134.
- ²⁹³ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 21.
- ²⁹⁴ Кремский А. А. Указ. соч. С. 234; История Дагестана. Т. 1. С. 374.
- ²⁹⁵ Там же.
- ²⁹⁶ Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929. С. 15.
- ²⁹⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 83—84.
- ²⁹⁸ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 139.
- ²⁹⁹ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 204; Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 381; Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 221.
- ³⁰⁰ АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 281; Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 26.
- ³⁰¹ Материальная культура аварцев. С. 86.
- ³⁰² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 9; Ф. 21. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 16. Л. 461—462.
- ³⁰³ ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 963. Л. 1. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 96.
- ³⁰⁴ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 195.
- ³⁰⁵ Кавказ. 1872. № 135.
- ³⁰⁶ Кавказ. 1846. № 24.
- ³⁰⁷ КК на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 337.
- ³⁰⁸ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 447.
- ³⁰⁹ Гамрекели В. Н. Указ. соч. С. 17, 27, 29, 32.
- ³¹⁰ Вахушти Б. Указ. соч. С. 131.
- ³¹¹ Гюльденштедт И. А. Указ. соч. С. 129.
- ³¹² ЦГИА РГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 641. Л. 8. Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 240.
- ³¹³ Бурнашев С. Д. Картина Грузии или описание политического состояния царства Кахетинского и Карталинского. Курск, 1793. С. 12; История Дагестана. Т. 1. С. 386.
- ³¹⁴ Ткавашвили М. Г. Торговля и обмен между Грузией и Дагестаном в первой трети XIX века // Вопросы истории народов Кавказа: Сб. статей, посвященный памяти З. В. Анчабадзе. Тбилиси, 1988. С. 270.
- ³¹⁵ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 411, 657, 660; Тифлис, 1868. Т. 2. С. 155; Тифлис, 1869. Т. 3. С. 46; Норденстам И. И. Указ. соч. С. 325.
- ³¹⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 133; АКАК. Т. 2. С. 755; Т. 6. С. 30; КС. Т. 32. С. 453; Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 226; Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 291.
- ³¹⁷ АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 601.
- ³¹⁸ ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 903. Л. 19. Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 240.
- ³¹⁹ Там же. Л. 21.
- ³²⁰ Гамрекели В. Н. Указ. соч. С. 30—31.
- ³²¹ Всемирная история. М.: Изд. соц.-эконом. лит.-ры, 1858. Т. 4. С. 573.
- ³²² История Дагестана. Т. С. 388.
- ³²³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы... С. 20, 33, 39.
- ³²⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 280, 388.
- ³²⁵ Буцковский А. М. Указ. соч. С. 242.
- ³²⁶ История Дагестана. Т. 1. С. 388.
- ³²⁷ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 317; Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 216.
- ³²⁸ ЦГА РД. Ф. 354. Кизлярский комендант. Оп. 71. Ед. хр. 36. Л. 31, 48—80, 104, 110. Мансурова А. Г. Цудахария. Махачкала, 1995. С. 65.
- ³²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 424. Л. 10. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. С. 97—98.
- ³³⁰ АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 599—601.
- ³³¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 95.
- ³³² ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 963. Л. 1. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 96.
- ³³³ Живописная Россия. 1883. Т. 9. С. 82.
- ³³⁴ АКАК. Тифлис, 1879. Т. 7. С. 509; ЦГИА Азерб. Ф. 24. Оп. 24. Д. 211. Л. 15. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 97.
- ³³⁵ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 266.
- ³³⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6438. Л. 4. Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 266.
- ³³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 424. Л. 101. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 99—100.
- ³³⁸ Там же. С. 97—100.
- ³³⁹ Феодаева Ф. З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1965. Т. 14. (Серия историческая). С. 173.
- ³⁴⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 364.
- ³⁴¹ Гене Ф. И. Указ. соч. С. 347.
- ³⁴² Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. С. 188.
- ³⁴³ Там же. С. 190—191.
- ³⁴⁴ Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 292.

- 345 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч. 3. С. 235; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 83.
- 346 Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 102.
- 347 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом (1578—1613 гг.). М., 1889. Вып. 1. С. 401.
- 348 Тихонов Д. И. Указ. соч. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 7;
- Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 215 (примечание).
- 349 Щербачев А. П. Указ. соч. С. 296.
- 350 Там же.
- 351 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.
- 352 Краббе К. К. Указ. соч. С. 336.
- 353 Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 154—155.
- 354 Поездка Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 40.
- 355 Малачиханов Б. К. История Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1167. Л. 17.
- 356 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 119.
- 357 Там же. С. 83.
- 358 Там же: ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 242. Л. 4-а и б.
- 359 Полевой материал 1971 г. Информ. К. А. Бабаев, 1918 г. р.
- 360 История Дагестана. Т. 1. С. 278, 386.
- 361 Гене Ф. И. Указ. соч. С. 347.
- 362 Гасанов М. Р. Торговые пути Дагестана и их значение в системе торговли с Грузией. С. 3. (Рукопись); Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 241.
- 363 Там же.
- 364 Розен Р. Ф. Указ. соч. С. 291.
- 365 Там же.
- 366 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6471. Л. 9—49.
- 367 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 86.
- 368 Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 262.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ. ПУТИ ИХ ЭВОЛЮЦИИ

Главным вопросом, определяющим степень развития общества, являются земельные отношения, так как общественные отношения складываются в неразрывной связи с системой землевладения и землепользования. Без выяснения и всестороннего научного анализа основных форм землевладения и землепользования невозможно определить уровень развития общества, его социально-экономическую структуру.

В исследуемое время в союзах сельских общин Дагестана существовало несколько форм земельной собственности: частная, мечетская, общинная и тухумная.

1. ЧАСТНОЕ (МЮЛЬКОВОЕ) ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ (СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ, ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ)

Основной формой земельной собственности в союзах сельских общин Дагестана являлась частная. В частной собственности находились главным образом пахотные и сенокосные участки. Частная земельная собственность была известна под названием «мюльк» (мулк, мильк, мирк), обозначающее «имение», «владение», «недвижимость». Кроме того, у народов Дагестана были и свои собственные названия частного землевладения: «хур», «мн-расутал ратль», «накъ», «дир ракъ», «дила ванза», «зе жжил», «яз жил», «хусус», «езин чил», «кьусова», «яз хутел» и т. д.¹

В адатах жителей союзов сельских общин частное землевладение выступает под названием «имение свое», «собственные владения», «сенокос другого», «своя земля», «нивы и луга другого», «свой пахотный участок», «собственность на дом и землю», «пашня и сенокос другого», «своя пашня и свой мюльк», «чужое имение», «чужая земля», «чужой хлеб», «чужое сено», «собственная пашня», «владение другого», «свое поле» и т. д.²

Приведем некоторые адаты, подтверждающие сказанное. По адатам келебцев, с убийцы взыскивали пахотный участок, равный

пахотному участку «Исманлил хур» («пахотный участок Исманла»)³, выступающего здесь как эталон во взысканиях с нарушителей норм адата. В адатах Ингердаха говорится, что поля убийцы оставляются не обработанными, которые вместе с его сенокосом и лугом обращаются в общественные земли до тех пор, пока родственники убитого не простят или не убьют его⁴. По адатам анцухских селений Мугар, Камди и Коболда, с убийцы взыскивалась «хлебопахотная земля» размером в 4 меры хлеба⁵. В адатах бежтинцев сказано, что «современные порядки состоят в признании права собственности отдельных домов на пахоты и сенокосы»⁶.

В частной собственности находились и сады. Имелись они у тиндальцев, каратинцев, андийцев, кайтагов, табасаранцев, койсубулинцев, кахибцев, техникуалов и т. д.⁷

В частную собственность перешли и отдельные лесные участки. Частные лесные участки имелись у каратинцев, в Хуште, Кайтаге, Кахибе, в ряде обществ Андалала (Согратль, Унти), Гочобе, Мугурухе, Ассабе, Гадари, Урада, Гельмеце, Н. Мулебки⁸ и т. д. В одном из материалов сословно-поземельной комиссии сказано, что в Южном Дагестане встречались «частные хозяйства небольших рощ, приобретенных ими от общества каким-либо обычным путем — куплей или за кровь». Так, ахтынцу Молла Малику принадлежало до 15 капанов дубового кустарника, 20 дворам Ахты принадлежал участок земли с дубовым кустарником, а другим 52 дворам — яйлах Цейхур с лесом⁹.

В частной собственности во многих обществах находились и пастбищные места и животноводческие хутора. Сведения об этом сохранились в бежтинских адатах (хутора хозяев)¹⁰, в адатах Анцухского¹¹ и Цекубского обществ¹². В адатах каратинцев, чамалалов и андийцев имеются статьи, говорящие о принадлежности в качестве мюльков огороженных мест в горах для загона баранты, кутанов и огороженных мест около них (чад)¹³. С. Х. Асиятилов пишет о существовании в Аварии «частной собственности не только на сенокосы, но и на пастбища вплоть до лесов» еще до XVIII—XIX вв.¹⁴ Частные пастбищные места согратлинцев находились в горах Умулук меэр и Росдал меэр¹⁵.

Наличие частного землевладения в союзах сельских общин на пахоту, сенокос и даже лесные и пастбищные участки подтверждается и арабоязычными источниками. В книге согратлинца Ахмада Нурав, ставшей собственностью кудутлинской мечети, сохранилась запись о принадлежности пахотного участка Хаджи Ахмаду и его жене Хаджилай¹⁶. В другой рукописи кудутлинской мечети «Тухфат ал-мухтадж» имеется запись о том, что жена Хаджия из сел. Кудутли имела два пахотных участка¹⁷, а некий Нусал-Ажилав — три пахотных участка¹⁸. Сохранилась

запись с перечислением мюльков — пахотных участков общинников сюргинского селения Урари¹⁹. В вакуфных записях XVIII в. пудахарской мечети дается перечень пахотных участков, находящихся в собственности многих цудахарцев²⁰. В одной из рукописей из сел. Ашты имеется перечень пахотных участков многих аштынцев²¹.

Среди местных источников по вопросу о частной земельной собственности в союзах сельских общин важное место занимает неизвестное сочинение правоведа Мухаммеда ибн Муса ал-Кудутль (1633—1706 гг.), выдержки из которого по интересующему нас вопросу введены в научный оборот М. А. Агларовым. Перевод этой выдержки гласит: «Задан вопрос в Машабул Хариме Ахмеду Ал-Башбуш из Египта о наших землях, находящихся во владении отдельных людей с правом получения доходов или с правом копить. Так мы нашли эти земли в известное нам время. Что эти земли были захвачены с харима людьми у нас нет доказательства и мы не знаем, как человек положил руку на землю. Известно лишь, что он получил эту землю в наследство от отцов или путем купли»²². Анализируя источник и говоря о его значении в изучении земельных отношений в горном Дагестане, М. А. Агларов пишет, что ценность его заключается в том, что «Мухаммед ибн Муса в конце XVII века констатирует частную собственность на землю. Он же свидетельствует, что ему неизвестно, как люди завладели этими землями, кроме как наследованием или покупкой»²³.

Большое значение для изучения земельных отношений в союзах сельских общин Дагестана имеют материалы сословно-поземельной комиссии. Одним из весьма важных источников являются собранные в 1902 г. сведения о возникновении частной собственности в сел. Герхмахи. В источнике сказано: «Более 300 лет тому назад общество селения Усиша находилось во вражде с жителями Карахского общества Гунибского округа... Желая обеспечить себя от неожиданных нападений карахцев, усишинцы выделили из своей среды 45 наиболее воинственных дымов, образовав из них отселок Герх-Махи в 20 вер. от сел. Усиша в труднодоступном месте, на пути наступления карахцев...» На каждый дым герхмахинцев было отведено «по 20 саб пахотной земли, оставив за ними право пользоваться также и всеми общественными угодьями (покосами, пастбищами и лесом) наравне с прочими усишинцами». Со временем число дымов в отселке увеличилось, и общество вплоть до присоединения к России наделяло каждый новый дым землей в указанном размере. После присоединения к России в 1819 г. Герхмахи как сторожевой пункт потерял значение, и Уси-

шинское общество «прекратило... надел землей прираставшим дымам в отселке»²⁴.

Значение данного источника не только в том, что из него мы узнаем об одной из форм возникновения частной собственности на пахотную землю, но и в том, что из него ясно видно, что в самом сел. Усиша в указанное время господствующей формой собственности на пахоту являлась частная. Интересно, что среди общинных угодий, право на пользование которыми сохранялось за переселенцами, не указаны пахотные земли, речь идет только о сенокосах, пастбищах и лесах.

Сохранился также список жителей сел. Усиша с перечнем частных сенокосов усишинцев²⁵.

Приведем другие материалы сословно-поземельной комиссии. В докладе члена комиссии о сословно-поземельных отношениях в Южном Дагестане говорится, что «почти все пахотные и покосные земли горной части Кайтага составляют мюльки, т. е. собственность каждого отдельного хозяина»²⁶. В записке о сословно-поземельном строе в Самурском округе говорится: «Земли пахотные, покосные, садовые и огородные, состоящие из отдельных участков, находятся в пользовании отдельных хозяев, как и отдельные небольшие роши, и составляют... как у всех горцев Дагестана, мюльки, т. е. наследственную собственность каждого хозяина, и наследуют в роде вообще по шарияту»²⁷. По показанию поверенных Кюринского округа, участки земли 135 сел принадлежали каждому отдельному хозяину на праве собственности и назывались халнсе-мюльк (собственность). Это касалось и 12 сел, находившихся в зависимости от беков²⁸.

Приведенные сведения о частной собственности подкрепляются историко-этнографическим и топонимическим материалами. Сохранились названия почти всех участков, находившихся в собственности жителей союзов сельских общин. Многие из них невозможно объяснить на местных языках, что говорит о древности освоения и активного использования их. Вместе с тем многие названия частных земельных участков возникли от собственных имен, что говорит о принадлежности того или иного земельного участка конкретному лицу.

В исследуемый период мюльк находился в полной собственности хозяина. Он мог свободно распоряжаться своим мюльком. «Земельная собственность, — указывал К. Маркс, — предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»²⁹. Хозяин мюлька мог продать его, подарить, передать по наследству, завещать или передать мечети и

джамаату, уплатить за кровомщение, обменять на другие участки или на что-либо другое и т. д. «Полная, свободная собственность на землю, — писал Ф. Энгельс, — означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый земледелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей»³⁰. Право отчуждения с юридической точки зрения составляет важнейшую составную часть права собственности.

Известно, что «развитие аллодиальной собственности» шло «параллельно процессу распада связей родственного характера»³¹. В исследуемое время каждая индивидуальная семья, говоря словами А. Д. Давыдова, являлась безусловным частным собственником своего наследственного участка земли, дома, скота и инвентаря и по отношению к другим, даже близкородственным, семьям деревни выступала как совершенно самостоятельная экономическая единица³².

Однако сельская община и тухум, как родственный коллектив, все еще стремились ограничить право отчуждения «определенными традициями общинного землевладения, оберегавшими преимущественное право покупки общинной земли внутри общины»³³. Эти ограничения нашли отражение и в адатах ряда обществ. Так, по усишинским адатам с того, кто «продает пашню и своей мюльк (собственность — Б. А.) человеку из другого селения, взыскивался штраф 1 бык»³⁴. По адатам капучинцев, продажа недвижимого имущества постороннему («хотя шарият и дозволял» это) разрешалось только в том случае, если родственник по отцу не воспользуется правом предпочтительной покупки³⁵. По адатам келебцев, проданный постороннему земельный участок могли возвратить родственники его хозяина, если они не были извещены при ее продаже. За продажу пахотного участка или сенокоса человеку из другого общества с виновного ежедневно взыскивали по одному быку стоимость в 6 овец³⁶. По адатам андалальцев, за продажу чужому пахотной земли или дома, взыскивали 300 баранов, а проданное переходило в собственность общества³⁷.

Право предпочтительной покупки и выкупа отчуждаемой недвижимости родственниками или соседями (право близости) не являлось исключительным явлением, характерным только для Дагестана. Оно существовало у сванов, в Византии в XIII—XIV вв., следы этого права сохранились в Хорватии еще в XV—XVI вв.³⁸ и т. д.

Право предпочтительной покупки и выкупа отчуждаемой земли — это побочное право других членов общины на чужую землю. Земля находится в индивидуальной собственности, но в то же время на нее имели различные права другие собственники. Это показатель того, что родственный коллектив все еще играл определенную роль в имущественных отношениях. Как писал академик Ю. В. Бромлей, «в условиях малоземелья родственный коллектив, имевший различные права на недвижимость каждой входящей в его состав семьи (большой или малой), естественно, не мог безразлично относиться к потере этих прав»³⁹. Поэтому и возник институт предпочтительной покупки отчуждаемой земли родственниками мюльковладельца, являвшийся показателем того, что купля-продажа недвижимости и прежде всего земли «перестала быть случайным явлением»⁴⁰. В условиях имущественной дифференциации право предпочтения являлось как показателем концентрации земель в руках общинной знати, заинтересованной в запрещении продажи земли вне общины⁴¹, так и пережитком былой собственности родственного коллектива. Прежде, когда еще не было заметной дифференциации в общинах, право предпочтительной покупки являлось только следствием имущественных прав родственного коллектива. И адаты, видимо, тогда не отражали ограничительных мер, в этом не было необходимости, так как имущественные права не давали возможность членам родственного коллектива отчуждать землю на сторону. Когда же купля-продажа земли становится обычным явлением, происходит сосредоточение земель в руках отдельных членов общины, которые и были заинтересованы в запрете продажи земли чужакам, так как при этом они имели возможность покупать отчуждаемые земли у других односельчан. Тогда, очевидно, и принимаются адаты, фиксирующие и право предпочтительной покупки или выкупа и запрещающие отчуждение земли вне своей общины. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением, что община, ставя преграды продаже земли чужаку, «ограждала свою территорию от отторжения ее части». Это было причиной и того, что «чужак не мог стать членом общины, купив здесь участок, он должен был сначала добиться членства общины и только потом купить землю»⁴², ибо, как указывал К. Маркс, «предпосылкой для присвоения земли здесь продолжает оставаться членство в общине»⁴³.

Но, несмотря на все сказанное, на практике ограничения на продажу мюльки игнорировались, они являлись формальностью, не соблюдались. При желании мюльковладельцы продавали землю не только односельчанам, но и представителям других сел, о чем свидетельствует как факт наличия в общинах «пришлых», имевших свою земельную собственность, так и наличие в собственнос-

ти общинников земельных участков на территории других общин. В Гапшине, например, было несколько десятков хозяйств «пришлых», имевших здесь свои земельные участки (мюльки). В Усиша находились «хайдаканы», т. е. выходцы или переселенцы из Кайтага, которые имели здесь земли; в сел. Муги один из участков земли принадлежал кубачинке, которая затем пожертвовала его мугинской мечети. В Мекеги издавна находились десятки хозяйств из других сел Дарго, а также Лакин и Аварии, которые имели здесь свои земельные участки. В сел. В. Мулебки один из пахотных участков назывался Хйабшинман хью (пахотное поле гапшинца)⁴⁴; в сел. Мургук один из земельных участков назывался Гярбукла хьюми (пахотные поля кубачинца), другой участок — Уса хьюми (пашни усишинца)⁴⁵.

Часто (в Цахуре, Ругуле, Курахе, Варсите, Газия, Хунгия и т. д.) общинники беспрепятственно продавали пограничные участки жителям других сел⁴⁶. Кубачинцы, не имевшие пахотных земель непосредственно на территории своего селения, покупали обычно их в других селениях союзов сельских общин Кайтагского уцмийства⁴⁷. Рутульцы имели земли в сел. Киче, Ихреке, Лакуне, Куфе и т. д., жители сел. Микик имели в местности Авдунхюсбы участки, купленные у цахурцев; муслахцы покупали у цахурцев участки земли в местности ХьялхИбы⁴⁸.

Куплю-продажу земли в союзах сельских общин хорошо иллюстрируют и нормы обычного права. Об этом например, говорится в адатах Келебского и Цекубского союзов⁴⁹, Урахи, Усиша⁵⁰ и т. д. Подтверждали наличие права свободного распоряжения своей землей и представители многих сел союзов сельских общин в сословно-поземельной комиссии. Так, представители сел Главного Кавказского хребта (союзы сельских общин Западного Дагестана) показали, что «они свободно продают свои участки земель и посторонним»⁵¹. Жители обществ союзов Самурской долины также «всегда распоряжались по своему усмотрению» своими землями «и продавали кому хотели без ограничений и не спрашивали ни у кого на то разрешения»⁵². Представители обществ, вошедших в состав Кюринского округа, показали, что они «на свои мюльки имеют полное право собственности, продают оные между собою и сторонним разным лицам»⁵³.

Сохранились купчие, относящиеся даже к более ранним векам⁵⁴. В купчей XVIII в. из сюргинского селения Урхниша говорится, что некий Исманл купил у Рамазана из Хункули два пахотных участка за три тумана⁵⁵. В другой купчей этого же времени сказано, что Мухунтур, жена Хулахма купила участок в Нижнем Алдабе у Ибрагима, сына Зухры. Третья купчая изве-

шает, что одна семья купила пахотные участки Бал-Нахал у Вали-Мухаммеда и другой участок у Така-Хаджиява⁵⁶.

Как известно, одним из наиболее важных показателей свободного отчуждения недвижимости являются институты наследования, завешания, передача собственности по своему усмотрению. Имеющиеся источники подтверждают наличие у собственников союзов сельских общин этих прав. Так, в одной записи говорится, что Мухаммад из Чираха отдал своей жене Хадижат, дочери Шабана из сел. Ицари, посевные участки в Арцра, Валькая и Чарахабе для пользования по ее усмотрению. Речь здесь идет о пахотных участках, расположенных поблизости от Ицари, которые были куплены Мухаммедом из Чираха для своей жены — ицаринки⁵⁷. В одной из рукописей корана имеется запись о завешаниях пахотных и сенокосных участков кубачинцев своим детям и другим наследникам⁵⁸. В арабской рукописи, находящейся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН, говорится, что Мухаммед-хан завещал пахотный участок под названием Таднадил в один кайл посева вместе с конюшней под домом Чарабура своему сыну. Под названием Чарабура известна местность в окрестностях сел. Куяда, что говорит о том, что речь в источнике идет о кудядинце⁵⁹.

Мы располагаем также источниками, показывающими наличие у мюльковладельцев союзов сельских общин права передачи своей земли по назру другим лицам независимо от степени родства. В одной арабоязычной записи говорится, что некий Мухаммад-Али, сын Кинту, передал своим дочерям вместе с другим имуществом два загона для скота в местности Цумук, два пахотных участка и сенокос. В завещании некоего Мусал-Алилав сказано, что он передал по назру пахотные участки Хабзар, Хунт и Сардал вместе с постройками и скотом⁶⁰. В рукописи кудутлинской мечети «Хашийа ал Кудуки» («Супрокомментарий Кудутлинского») имеется запись, относящаяся к 30-м годам XVII в., где сказано, что Дада, сын Ушинат, передал по назру своей жене Ширин третью часть своего движимого и недвижимого имущества, в том числе и пахотные земли⁶¹. В рукописи «Шарх ал-минхадж Махалли» («Комментарий к Минхаджу Махалли») имеется запись о передаче Умачом из Саландара по назру внучке Фатиме четырех пахотных участков⁶².

Сохранились отдельные записи об уплате пахотного участка в качестве возмещения долга. Так, в арабской рукописи кудутлинской мечети «Асна ал-маталиб» («Предел желаний») имеется запись о том, что Хаджи Ахмед и его жена Хаджилай отдали свой пахотный участок Дагниклах и два дома с конюшней двум доче-

рям Курбана в качестве возмещения того, что они израсходовали на его имущества, когда он был их пастухом⁶³.

В адатах отдельных сел союзов сельских общин прямо указывается на возможность купли-продажи земли и переселения в другое селение. «Если кто поселится в чужой деревне с женой в купленном или доставшемся ему в наследство имении, — говорится в адатах дидойцев, — то жители той деревни не станут вытеснять его, и он сможет жить в ней, так как они»⁶⁴.

Значит, члены общины не только нарушали право предпочтения и продажи мюлька за пределы общины, но и по общему праву могли неограниченно пользоваться своей недвижимой собственностью. Из этого выходит, что уровень развития частного землевладения в самих общинах союзов сельских общин был не одинаковым. Если в одних из них ограничения все еще играли определенную роль в отношении частного землевладения, то в других эти ограничения являлись лишь формальностью, простой фикцией. В таких общинах каждый собственник распоряжался своей землей, как он пожелает, и после его смерти земля делилась между его детьми. Стремление общины ограничить право отчуждения являлось желанием и заинтересованностью ее, а также общинной верхушки сохранить былые архаические формы в пользовании землей, ибо это отвечало их интересам. Тем самым община защищала свои интересы и невольно и интересы общинной знати. Однако все это не меняло существа дела. Хозяин мюлька не формально, а на самом деле, в полном смысле слова, являлся его собственником. Хотя мюльк в какой-то мере и выступает как опосредственный общиной, субъектом права собственности его все же являлась не община, а индивидуальная семья. Сельская община же, как собственник по отношению к мюльку, теряет свое значение с прекращением периодических переделов и переходом пахотной земли в собственность индивидуальных семей. Об этом говорит и сама возможность продажи участка и тот факт, что продает в конечном итоге не община, а частник, собственник земли. Сельская община имела на мюльк лишь косвенное право, которое заключалось в том, что она устанавливала общие для всех сроки сева, начала уборки сена и урожая и регулировала пользование жнивьями, т. е. в какой-то мере регламентировала пользование частной землей. Только в этом и проявлялось существование сельской общины как землевладельца в отношении мюлька.

Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения являлось главным источником сосредоточения у одной части членов общины больших земельных владений и обнищания другой части, т. е. была базой возникновения неравенства внутри об-

щины, выделения в ней господствующей верхушки. «Аллодом, — писал Ф. Энгельс, — создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁶⁵. Аллод, как свободное крестьянское землевладение, это «экономическая предпосылка феодализма», так как именно он привел к экономической дифференциации, которая, в свою очередь, привела к образованию феодальной собственности на землю⁶⁶.

Обезземеливание одних и сосредоточение в руках других членов общин больших земель было связано с тем, что в условиях господства частной собственности в то время как одни из них в силу определенных причин вынуждены были продавать свои участки, другие имели возможность купить их. Поэтому, говоря о мюльках, нельзя механически отождествлять различные группы частных владельцев, надо различать социальную природу каждой из них в зависимости от распределения между ними земли. В основе благосостояния каждой из них лежала земельная собственность.

Главное в частном землевладении — это неравномерное распределение земли. Основная масса частновладельческих земель находилась в руках сельской знати. В сельских общинах, где находились представители феодального сословия (беки, чанки, нуцаби, талхъаны и т. д.), лучшие и большие участки всех категорий земель находились в их собственности. Феодальная земельная собственность в этих общинах являлась основой эксплуатации и зависимости местного населения союзов сельских общин, о чем речь пойдет в следующей главе работы.

Характерным для частной земельной собственности в изучаемое время являлось дальнейшее расширение и укрепление, постепенное распространение ее на пастбищные и лесные участки, сосредоточение основных массивов пахотных и сенокосных земель в руках представителей феодального сословия и местной общинной и союзной верхушки.

2. МЕЧЕТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФОРМ И ПОЛЬЗОВАНИЯ

Мечетская земля (вакуф) была известна у жителей союзов сельских общин под названиями «мистикла» или «мискитла ванза», «мискитла мура», «мискитла хъуми», «мажгиталъул хIур», «вакъкуялъул тара ракъ» и т. д. Основой возникновения и постепенного пополнения вакуфа являлись завещания верующими в пользу мечетей своих земельных участков, а также выделение им участков из общинных земель. В одних случаях землевладелец

инвестировал определенную часть урожая, в других — участок мюлька или же весь мюльк.

Известно, что ислам в разных районах и обществах Дагестана был распространен одновременно. Там, где исламизация произошла раньше, раньше были построены различные религиозные учреждения, было больше вакуфов. Это села, где, как правило, было по нескольку мечетей. В таких селениях, как Цахур, Рутул, ставшими одними из центров распространения ислама в Дагестане, было: в первом — 3, во втором — 6 мечетей. Каждая из них имела вакуфы, образовавшиеся в результате завещаний (чяхIсан) мюльковладельцами участков из своих земель. Мечетские земли («мистан мулкар») селения Хив находились в местностях Фукъарик (нашии около 2 га) и Къайсин (сенокосная гора)⁶⁷. В селении Курах было 7 мечетей, и все они имели земельные участки. Джума мечеть имела земли в местностях Кюльцик и Шмитхюл⁶⁸. В Акуша было 6 мечетей, они имели более 10 земельных участков. Мечети селения Усиша имели около 10 участков, а джума мечеть имела еще пастбищную гору Каркец⁶⁹. 6 мечетей селения Урах имели до 15 земельных участков, 2 мечети Кана-Сираги — 7 участков⁷⁰. Часто, где было несколько мечетей, земли имели или главная мечеть, или одна-две больших квартальных мечетей. Так, в селении Шиназ из 9 мечетей земли имела только джума мечеть⁷¹.

Многие мечети в селах союзов сельских общин были построены в изучаемое время. Джамааты, как правило, при строительстве мечетей наделяли их и земельными участками и тем самым закладывали основу возникновения вакуфов, увеличивающихся в результате даров со стороны мюльковладельцев. Сельские общества передавали мечетям в основном пастбищные места и лесные участки. Это происходило, главным образом, в тех селах, где в мечетской собственности находился скот. Кроме того, эту особенность, характерную в передаче земель сельскими обществами в пользу мечетей в исследуемое время, можно объяснить и отсутствием или малочисленностью общинных пахотных и сенокосных участков. Ричинская мечеть в XVIII в. владела пастбищной горой Сарфун-даг площадью 1037 десятин⁷². Цудахарская мечеть имела лесной участок, пользование которым было запрещено адатом⁷³. Лучекская мечеть имела лесной участок в местности Халкъиддам⁷⁴. Пастбищные места и леса имели и мечети других сел⁷⁵.

Конечно, в исследуемый период в ряде случаев вакуф возник и в результате передачи части джамаатской пахоты в собственность мечетей, как, например, это происходило у капучинцев и дндойцев, принявших ислам (конец XVIII—нач. XIX вв.) позже

других народов Дагестана. Причем общинные земли здесь были основным источником возникновения вакуфа⁷⁶. Поэтому даже позже, когда эти земли находились в собственности мечетей, отдельные участки сохранили за собой название «джаммаатские» или «общинные» земли. Так, земли хушетской мечети, находившиеся в местности Матуан, назывались АлЮс мочи, т. е. сельская земля⁷⁷.

Однако в изучаемое время главным источником образования и расширения вакуфа в союзах сельских общин Дагестана являлось добровольное завещание верующими мечетям своих пахотных и сенокосных участков. «В каждом селении, — говорится в одном архивном источнике о Южном Дагестане, — были земли, принадлежащие мечети. Мечетские земли образовались по завещанию (по вакуфу)»⁷⁸. Каждое завещание записывалось в мечетских книгах. В них указывались имена собственников и названия завещанных участков. Так, на полях корана тлигской мечети имеются записи, где говорится, что Паша, сын Джамала ал-Буршаги отдал в вакуф свои мюльки, состоящие из сенокосов, пашни и др.; Али, сын Рамазана по прозвищу Бака отдал в вакуф три участка: Алдан, ал-Макки и Дулрухал⁷⁹. В селении Урахи пахотный участок в местности ГяртІла Гиниз пожертвовал мечети урахинец по имени Багомед. Житель урахинского хутора Аямахи Магомед Алигаджиев пожертвовал урахинской джума мечети пахотный участок на 2 мерки (барха) засева в местности Чахьнаула; пахотное поле Мусакьядихъала хъу в местности Къадагъуни на 3 мерки (барха) засева передал мечети Мустапа кадн. В селении Кичигамри некая Гажар завещала мечети своего села 5 пахотных участков. Двум мечетям Кичигамри принадлежали еще 7 участков пахоты⁸⁰. Сохранилась запись о том, что житель селения Усиша Табакан Ахмед завещал мечети гору Каркец⁸¹. Согласно записи актов завещаний, многие жители селения Сулевкент завещали мечетям свои сенокосные участки⁸².

Сохранилось немало записей о пожертвованиях в пользу мечетей определенного количества зерна, из которого хозяин мюлька выпекал хлеб и приносил в мечеть или же само завещанное количество зерна⁸³.

В пользу мечетей завещались также сады, отдельные фруктовые деревья, мельницы, источники воды (колодцы), участки под кладбища и даже «караван-сарай». Так, известно, что Цахурское общество имело вакуфный участок площадью в 5—6 десятин с караван-сараем на водораздельном перевале на границе с Закаталы под названием Балдурган-дега⁸⁴. В садоводческих обществах мечети имели в собственности и фруктовые деревья⁸⁵.

Характерной особенностью вакуфов являлось то, что они не отчуждались, не подлежали возврату их завещателям в пользу мечетям, дележу, не могли быть переданы кому бы то ни было. Вакуфы это земли, которые навечно передавались в собственность мечети. Терял право на завещанный участок и сам завещатель. Власть над обращенной в вакуф землей оставалась за учредителем вакуфа лишь тогда, когда он сам ставил это особым условием. Учреждение вакуфа указывает на прекращение права собственности без перехода этого права к другому лицу. Вакуф учреждается навсегда для целей лишь постоянного и непрерывного характера⁸⁶. Достаточно было, чтобы мечеть заполучила в результате дара или каким-либо другим способом землю (или иную недвижимость), как она становилась вечной собственностью, мюльком мечети⁸⁷. Но вакуфом нельзя было владеть как мюльком — его нельзя было продавать или тратить полученные с него доходы для целей, не предусмотренных в условиях завещателя (вакифа)⁸⁸.

Арабский термин «вакф» дословно означает «остановиться», «стать недвижимым», «закрепиться». После того, как акт учреждения вакуфа вступал в законную силу, он становился абсолютным, не мог быть объектом каких-либо сделок. В этом отношении вакуфное имущество представляло «почти полную аналогию с церковным имуществом в христианских странах, в частности в средневековой Западной Европе с ее правом мертвой руки (main morte)»⁸⁹. Вакуф — это мюльк мусульманских религиозных учреждений, возникший под влиянием шариата.

Особенностью вакуфа являлось и то, что завещатели вакуфных имуществ могли обусловить пользование ими различными условиями. Так, житель селения Сулевкент Умар б. МагІла Алда завещал мечети участок земли, «чтобы за счет получаемого тратилось для мечети восемь анк жира»⁹⁰. Завещая гору Каркец, житель селения Усиша Табакан Ахмед поставил условие, чтобы ее сдавали в аренду, а за арендную плату ежегодно покупали 20 баранов, мясо которых раздавали бы жителям села в мечети в пятницу⁹¹. В ряде случаев завещатель оговаривал, что сеять на завещанном мечети участке земли⁹².

Вакуфных земель в союзах сельских общин, как и в Дагестане вообще, по сравнению с другими мусульманскими странами, было не много⁹³. Но тем не менее здесь, на что указывалось выше, было немало мечетей, имевших в собственности десятки участков различных категорий земли. Вместе с другими доходами вакуфные земли являлись основой экономического могущества мечетей и их служителей.

С момента передачи земель в вакуф, они переходили в ведение служителей мечети. Это было основной формой управления вакуфами. Но в ряде обществ (Келебское, Цекубское общества, села союзов сельских общин Южного Дагестана) вакуфы переходили в распоряжение джамаатов⁹⁴. В распоряжение джамаата вакуфная земля переходила и в том случае, когда у наследников завещателя, который при передаче земли в вакуф оставлял за ними право власти над ней, не оставалось наследников по мужской линии⁹⁵.

Во многих обществах, как это было и в других мусульманских странах, джамаатами или же служителями мечетей назначались управляющие или попечители вакуфами. Согласно мусульманскому праву, они являлись представителями либо учредителя вакуфа, если последний оговаривал это в условиях завещания, либо джамаата или духовенства, как распорядителей вакуфного имущества вообще. Обычно управляющими мечетскими землями назначались попечители мечетей. В селении Кулиджа попечители мечети, следовательно, и вакуфа назначались по очереди. В селении Рутул вакуфами ведал помощник муллы — муруд.

Формы пользования мечетскими землями зависели от того, в чьем попечении находились они, и от воли завещателя, который оговаривал условия пользования учрежденным им вакуфом. Одной из них являлась постоянная обработка вакуфов самими завещателями с передачей дохода мечети. Мечетскими землями, находившимися в распоряжении общин (джамаатов), как правило, пользовались так же, как общественными землями — они по жребью в основном ежегодно распределялись между членами джамаата. В адатах Келебского общества сказано о «распределении» вакуфов «джамаатом между односельчанами»⁹⁶, Цекубского общества — о распределении их после «наступления месяца шабана»⁹⁷, Гапшима — о дележе вакуфов между полноправными жителями⁹⁸. В Дидо вакуфные земли через каждый год перераспределялись между членами джамаата, достигшими 15 лет⁹⁹.

Разнообразными были и формы пользования вакуфами, находившимися в непосредственном распоряжении мечетей. Во многих селах союзом сельских общин (Фите, Хоредж, Дурштул, Дейбук, Джибахни, Зубанчи, Ашты, Кунки, Корода, села союза Сюрга и т. д.) вакуфы обрабатывались общими силами членом джамаата бесплатно¹⁰⁰. Основной формой пользования мечетскими землями была сдача их во временную аренду в основном на половинных началах (Салатавия, Нижний Кайтаг, Агул, Курах и т. д.)¹⁰¹. В одном источнике о Южном Дагестане сказано, что вакуфная земля, находившаяся в ведении самого завещателя, если не было наследников, переходила в распоряжение общества, которое отда-

вало ее по жребью в аренду на шесть лет с уплатою в пользу мечети «произведениями, получаемыми с тех земель». Размер платы определял сельский сход в зависимости от величины участка¹⁰².

Во многих селах союзов сельских общин мечетские земли сдавались в аренду за определенные услуги или определенную плату в пользу мечети. Так, в союзе Ицари мечетские земли были разделены между жителями с условием уплаты в мечеть по 10 батманов (батман — 6 фунтов) печеного хлеба с каждой сабы земли¹⁰³. В селении Газия участок в местности Шила бай на 5 мерок пшеницы сдавался в аренду за 3 ратала нефти для освещения мечети¹⁰⁴. Мечетские земли в селении Хив сдавались в аренду за ковры, скот и сало для освещения мечети¹⁰⁵. В селении Лица вакуфы в местностях Къадди и Шухъе сдавались в аренду за сало и зерно¹⁰⁶. В селении Ахты были маленькие участки вакуфа, которые сдавались в аренду за 2 рипе (рипе — 2 пуда) зерна¹⁰⁷. Мечетские земли селения Кочхюр, расположенные в местностях Силаг и Гердемши, сдавались в аренду за определенное количество скота¹⁰⁸. За овец сдавались в аренду три участка пахотной земли мечети квартала Кванхи селения Чох¹⁰⁹. Мечетские ореховые деревья обществ Кайтага сдавались в аренду на условиях сбора и отдачи мечети 1 саха с каждой большой мерки (барха) орехов¹¹⁰. Во многих селах союзов сельских общин мечетские земли сдавались в аренду безземельным и малоземельным общинникам на более выгодных для них условиях. Так, в табасаранском союзе Дрич, в ряде сел Кайтага вакуфы находились в пользовании малоземельных на условиях отдачи мечети посеянного количества зерна. В некоторых селах союзов сельских общин вакуфы по очереди отдавались в аренду за десятую часть урожая (Хадаги), за мякину и солому (Бежта) и т. д. В отдельных случаях земли мечети отдавались в пользование бедным членам общины бесплатно¹¹¹.

Формы пользования доходами с вакуфных земель также зависели от условий завещателя или дарителя (вакифа) и норм шариата. В целом же мечетские доходы должны были расходоваться только на те цели, ради которых были учреждены вакуфы, а также на нужды религиозных учреждений. Наиболее распространенными условиями вакифов являлись расходы мечетских доходов на непосредственные нужды самих религиозных учреждений, а также на мавлид, раздачи во время религиозных праздников сиротам, бедным, нищим, вдовам и т. д.

Вакуфные леса и заповедные роши, как правило, переданные мечетям джамаатами, были запретными. Они использовались только для общеджамаатских нужд (строительство дорог, мос-

тов, их ремонт и т. д.) и нужд мечетей. Однако в ряде случаев «лесные материалы» из мечетских лесов использовали и «как топливо»¹¹².

Согласно мусульманскому праву, на доход с вакуфа имеет право лишь объект вакуфа — различные религиозные и благотворительные учреждения и прежде всего и главным образом мечети¹¹³. Однако непосредственно на содержание религиозных учреждений и на благотворительные цели шла только часть дохода с вакуфа. Как и в других мусульманских странах, в Дагестане значительная часть из вакуфных доходов использовалась служителями религиозных учреждений — кадиями, муллами (дибирами), будунами, которые и ведали в основном вакуфным имуществом. «Доход с этих земель, — пишет Р. М. Магомедов о вакуфных землях даргинцев, — шел главным образом мечетским служителям»¹¹⁴. То же самое можно сказать о селах союзов сельских общин других народов Дагестана. Об этом более подробно будет сказано ниже при изучении социально-экономического положения духовных служителей.

3. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ (ВИДЫ, КАТЕГОРИИ УГОДИЙ, ФОРМЫ ПОЛЬЗОВАНИЯ), РОЛЬ В СОХРАННОСТИ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В общинной (джамаатской) собственности (джамагIаталъул ракъ — авар., джамагIятла ванза — дарг., джамятдин ччил — лезг., джамагIятрин джил — табас., джамагIятрин усв — агул. и т. д.) находились пастбища, леса, выгоны, сенокосы и отдельные участки пахотной земли. «У горцев Дагестана, — писал М. М. Ковалевский, — как и у лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам»¹¹⁵.

В союзах сельских общин имелись четыре вида общинных земель. Основным и более распространенным видом, характерным для всех союзов сельских общин, являлась собственность одного селения. Сюда входили все категории земель. Но больше всего в собственности общин было пастбищ. Многие общины, помимо пастбищных мест, имели еще по нескольку пастбищных гор. Так, селение Усиша помимо трех пастбищных мест имело еще пять гор; селение Бутри — семь гор; селение Нахки — пятнадцать гор¹¹⁶. Особенно много пастбищ находилось в собственности сел аварских союзов сельских общин, где многие джамааты имели по нескольку тысяч десятин¹¹⁷.

На втором месте по распространенности в первом виде об-

щинного землевладения находились леса. Они имелись почти повсеместно¹¹⁸. Особенно много леса в собственности общин было в Каракайтаге, Табасаране, Каба-Дарго, Салатавии, союзах Западного Дагестана — наиболее богатых лесом районах.

В собственности многих сел союзов сельских общин находились зимние и летние хутора. Помещения для жилья и кошары для скота здесь строились общими силами всех членов джамаата¹¹⁹.

Среди ученых по вопросу о наличии общинной пахоты нет единого мнения. Ряд исследователей отрицает наличие ее в горном Дагестане и объясняет это ранним становлением здесь частной собственности на землю¹²⁰. Безусловно, основной формой собственности на пахотные и сенокосные участки и в горном Дагестане являлась частная. Однако нельзя признать правильным, что здесь не сохранились в коллективном владении пахотные участки. В гидатлинских адатах говорится об общинной земле, распределяемой через 7 лет¹²¹, в келебских адатах — о пахотном участке джамаата¹²². О существовании общинной пахоты в союзах сельских общин Аварии еще «к середине XIX в.» пишет Р. М. Магомедов¹²³. Общинная пахота имелась в обществах Ригитль и Ассаб¹²⁴, у капучинцев¹²⁵. В Дидо до распространения ислама и строительства мечетей (XVIII—XIX вв.) многие пахотные участки, ставшие затем вакуфами, находились в общинной собственности. В Хушете общинная пахота находилась недалеко от селения и называлась «джамаатуалIос мочи». В селении Лъинмукъ (общество Анцросо) общинная пахота называлась «росдал ракъ» (сельская земля). Такие же земли находились и в селениях Мокок, Сагада, Хамайтль, Шапих и др.¹²⁶. Общинные пахотные земли селения Согратль находились в урочище Накитль (Наказух), в Чохе — в Маарда, в Баада — в местностях Цанзатль, Сукулда, Гяброкъ-наб и др., в Арчибе — в местностях Муци, Къвепош и ХверокI. Они имелись в Мугурухе, Гочобе¹²⁷, Дылыме¹²⁸, Чиркее¹²⁹, Алмаке (участок Гайли около 100 десятин), Чирюрте (участок Гуйруглю)¹³⁰ и т. д. Общинные пахотные участки имелись в Акуша-Дарго¹³¹, Каба-Дарго¹³², Буркун-Дарго, союзах сельских общин Кайтага.¹³³ По сведениям XIX в., общинная пахота была в табасаранском селении Кемах¹³⁴, несколько участков общинной пахоты имелись в Рутуле, имели их и цахуры¹³⁵.

Почти повсеместно имелись и неподеленные покосы, хотя, как отмечалось выше, в исследуемое время в основном покосы находились в частной собственности. Но все же, сохраняясь и в изучаемое время в общинной собственности, покосы все еще играли определенную роль в устойчивости патриархальных отношений.

Наличие общинных покосов хорошо отражено в адатах гидатлинцев, в селениях Тукита и Гацалух, у келебцев¹³⁶. Общинные покосы имелись почти во всех союзах сельских общин даргинцев¹³⁷. В Нижнем Кайтаге они имелись в шести селениях союза Урчумул¹³⁸. Покосные участки имелись в собственности Рутула и Цахура; вплоть до XIX в. они сохранились «во многих селениях (Гоа, Рича и др.)»¹³⁹ агулов и т. д.

В собственности общин находились и запретные земли — харимы (авар.), джамагIятрин джил (табас.), джамагIятрин аярар (агул.) и т. д. О запретных землях говорится в адатах Келебского и Цекубского обществ¹⁴⁰. Во многих селах союзов сельских общин имелись запретные лесные участки, которые постоянно охранялись сельской администрацией¹⁴¹.

К запретным землям относились также участки, которые были пожертвованы в пользу джамаатов членами общин. У верхнедаргинцев федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго, жителей кайтагских союзов, сюргинцев они назывались мизла или музла ванзурби, у акушинцев — гIяргIяберж, в Гинта — арцилес датурде ванзурби, в В. Мулебки — васиятла ванзурби¹⁴², у урахишцев — хасарбат¹⁴³, у агулов — сабильные земли¹⁴⁴. Это в основном пахотные и отчасти сенокосные участки, которые после пожертвования джамаату, как правило, превращались в общественные пастбища и пустоши. Никто не имел права их вспахать или прирвать. Завещание земли в пользу общины было широко распространено и являлось одним из источников увеличения общинного землевладения.

Ко второму виду общинного землевладения относились земли, которые находились в совместном владении двух или нескольких общин, в основном входивших в один и тот же союз. Этот вид общинного землевладения также был широко распространен в союзах сельских общин. Это в основном пастбищные места и горы. В одной из статей бежтинских адатов сказано: «Пастбища, ближайšie к селению, состоят в общественном пользовании этих селений, отдельные в общественном пользовании нескольких селений»¹⁴⁵. Селения Гид, Ригитль и Ахал имели в совместном пользовании пастбищную гору¹⁴⁶, Хучал-Джурмут, Тохита и Сани-Эрта — пастбища Халахера, Хучала и Башла-Гера; горными пастбищами Мушака владели Хотинское и Тлядальское общества¹⁴⁷. Совместные пастбища двух и более сел имелись и у других союзов сельских общин аварцев¹⁴⁸. Все общинные пастбищные и сенокосные участки находились в пользовании Рикванц, Анди, Гоготль и Гуиха¹⁴⁹. Пастбищная гора Хонакай-тау находилась в

совместном пользовании Алмака и Буртуная¹⁵⁰. Особенно много общин пастбищных гор находилось в Анцухском, Капучинском, Дидойском союзах, где несколько общин владели совместно двумя, тремя и большим количеством гор¹⁵¹.

Разбирая данную форму землевладения в Аварии, Р. А. Магомедов предполагает, что «начало совместного пользования пастбищной территорией относится к периоду распада аварского патриархального рода. В связи с распадом союза кровных родственников, отдельные члены его отделялись друг от друга территориально, начинали жить в разных поселениях и пастбищные земли, некогда общие, оказывались во владении разных поселенцев»¹⁵². Далее он пишет, что «мог быть и другой путь складывания совместного владения одной общинной территорией. Сельские общины могли захватывать чужую территорию или заставлять уступить себе часть земли»¹⁵³. Совместные земли в союзах сельских общин появились и в результате перехода земель феодалов в общее пользование нескольких общин, объединившихся в союзы после уничтожения местных феодалов. Причем речь идет о всех категориях земель. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что «совместное землепользование и землевладение устанавливалось только на пастбищные земли», как следствие того, что «основной отраслью хозяйства населения вольных обществ было скотоводство»¹⁵⁴.

Конечно, возникновение совместного владения пастбищами было следствием скотоводческой направленности хозяйства горцев Дагестана. Однако пастбища даже в Аварии не были единственным видом удобных, находившихся в совместном владении. Так, в Лидии имелись совместные сенокосы сел¹⁵⁵. Кроме того, совместное владение пастбищами было характерно для всего Дагестана, а не только для союзов сельских общин. По данным посемейных списков, совместные пастбища имелись в Табасаране. У агулов совместные зимние пастбища имели селения Тпиг, Хутхул и Ужуд; Ведук и Рича; Хпедж и Шими¹⁵⁶; Хоредж и Рича имели совместные горы Харангур, ЦурцIаргур и Шулунгур¹⁵⁷. Широко было распространено совместное владение пастбищами в селах союзов даргинцев. Так, в Нагорном Кайтаге «в общественном пользовании» состояли «совместно пастбищные земли, притом обыкновенно в совместном пользовании нескольких селений»¹⁵⁸. И в Каракайтаге «пастбищные места в большинстве случаев «находились» в совместном пользовании нескольких селений»¹⁵⁹. Общие земли имели селения Мекеги и Муги¹⁶⁰. У урахишцев и нижнемулбекинцев земли, расположенные в середине (между их селами), не были вообще «разделены» и находились «в общем пользовании»¹⁶¹. Совместный участок земли имели селения Кичигамри и Муртук¹⁶².

Почти повсеместно в совместном владении двух и более общин находился лес. «Леса находятся в общем пользовании одного селения или же нескольких селений», — говорится в источнике о Южном Дагестане¹⁶³. В другом источнике о Табасаране сказано, что леса по частям одни состоят в совместном пользовании обществ нескольких селений или каждого отдельно¹⁶⁴. Много совместных лесов было в союзах сельских общин Кайтага. В источнике сказано: «... в магалах (союзах сельских общин — Б. А.) Катаган и Шуркант есть лес в совместном пользовании нескольких селений»¹⁶⁵. Лес Улумеша находился в совместном пользовании селений Газия, Баршамай, Карталай, Карацан, Джибахни; лес Угру-меша находился в совместном пользовании селений Дуга, Джавгат и Джибахни¹⁶⁶. Селения Верхнего Кайтага Уркарах и Калакорейш имели совместный лес в 123 десятины¹⁶⁷. В совместном пользовании имелись леса в Акуша-Дарго и Каба-Дарго¹⁶⁸. В Аварии селение Асса и гидатлинцы имели общий лес около реки Большой в 3000 саб (1500 десят.)¹⁶⁹; совместный лес имели зубутлинцы и чиркеевцы¹⁷⁰; в совместном пользовании селений Гертама и Миатли находилось урочище в местности Муслим-таль¹⁷¹.

К третьему виду общинного землевладения относились земли, которые находились в совместном владении всех общин (джамаатов), входивших в один и тот же союз сельских общин. Это прежде всего пастбища и горы. Так, в пользовании шести селений Гидатлинского союза Урада, Гинта, Тидиб, Хочода, Гоор и Кахиб находились горы Ахвах мурул, земли при Большой речке и земли селения Хучада¹⁷². В совместном владении Андийского союза (Андли, Гагатль, Гунха, Риквани, Ашалы, Зило и Чанко) вплоть до XIX в. находились горные пастбища Андии, простиравшиеся на значительной территории северо-западного склона Андийского хребта¹⁷³. Собственностью обществ Салатавского союза были пастбищные горы Ханакай-тау, Саре-кулик, Цебемеэр, Чупангох, Нуцабазулросо, Урусемеэр, Саяк-щоб и др.¹⁷⁴. Ряд пастбищных гор и мест находился в общем пользовании союзов сельских общин, входивших в федерацию Акуша-Дарго¹⁷⁵. И в Южном Дагестане «пастбищные земли... как летние пастбищные горы, находятся в пользовании... часто и целого магала, т. е. в нераздельном пользовании целой группы нескольких селений», — говорится в источнике¹⁷⁶.

В собственности целых союзов сельских общин находились и отдельные лесные участки. Лес «в общих местах эксплуатируется совместно жителями всего магала», — говорится в одном источнике о Верхнем Кайтаге¹⁷⁷. У гидатлинцев имелся общий лес под названием «Бодол рохъ» — войсковой лес¹⁷⁸.

Четвертый вид общинной собственности — это совместные земли обществ, входивших в разные политические образования. Так, общества федерации Акуша-Дарго и жители Губдена и Урмы владели горами Шамхал-гад и Пилав, а также урочищами Хагунаг и Деквадирка¹⁷⁹. В совместном пользовании верхнедаргинских обществ и губденцев находились также горы Губден-таулар площадью 5000 десятин¹⁸⁰. Пастбищной горой Декъа пользовались цудахарцы и губденцы¹⁸¹. Пастбищное место Аяинцила на горе Каба дубура находилось в совместном пользовании меусишинцев (союз Каба-Дарго) и уркарахцев (союз Гапш)¹⁸². Вплоть до 20-х годов XX в. жители селения Хушет имели три общие пастбищные горы с тушинцами. В совместном пользовании тушинцев и цунгинцев находились Асахинские горы¹⁸³. Хушет и тушинское селение Дикло пользовались землей в местности Хьаргьи (Эмцох). Здесь же находились совместные пахотные и сенокосные участки¹⁸⁴. В совместном пользовании алмакцев и ауховцев находились пастбищные горы Цонта-меэр¹⁸⁵.

Больше всего в совместном пользовании жителей сел разных политических образований находились леса. До присоединения к России, говорится в источнике, «до Дешлагаара... у даргинцев были леса общие, в которых... рубили и пользовались вместе с посторонними жителями»¹⁸⁶. Это леса известные под названиями Ирао-Кулики (или Бахила гилала) и Илья-дубура (или Тавбедам). Уркарахцы и меусишинцы имели в совместном пользовании лес в 635 десятин¹⁸⁷.

Как видим, в союзах сельских общин Дагестана общинное землевладение существовало на все категории угодий. Но степень распространения их и значение в экономической жизни в разных общинах были не одинаковые. Если для всех союзов сельских общин распространенным было владение пастбищами, выгонами и лесами, то владение на покосы и в особенности на пахотные земли было ограничено и оно сохранилось не во всех общинах и не в одинаковой мере.

Пользование коллективной землей регулировалось обычным правом, хотя в разных селах были и свои особенности. В небольших селениях скот пасли в составе общинных стад на всех пастбищах. В больших же селениях пастбища делились по его частям, а внутри последних — по кварталам или же (редко) — тухумам. По частям селения делились пастбища в селениях Урахи, Акуша, Ахты, Рутул, Тлядал, Кайтаге и т. д.¹⁸⁸. В отдельных селах пастбища переделялись по жребию через определенное время.

Почти в каждом селении было определено, на каком пастбище пастись тот или иной вид скота¹⁸⁹. Большое внимание уделялось ра-

циональному использованию пастбищных гор, в особенности в высокогорных обществах, где основу экономической жизни составляло скотоводство. «Строго разработанные правила передвижения с зимних на весенне-летние пастбища и на альпийские луга и обратно, — пишет С. Х. Асиятилов, — характерные для андалальского, гидатлинского, келебского, богочамалинского, андийского союзов сельских обществ были вызваны необходимостью наиболее рационального использования природных ресурсов и рабочих рук»¹⁹⁰.

В ряде обществ решением джамаата торные пастбища за определенную плату отдавались в аренду своим же овцевладельцам.

Община проявляла особую заботу об использовании пастбищ для рабочих волов. До начала сельскохозяйственных работ их содержали на дальних пастбищах, а во время уборки урожая — на ближних, для чего выделялись самые лучшие пастбища. Во многих горных общинах выделялись специальные пастбищные места и для содержания скота, откармливаемого на убой¹⁹¹. Как правило, во всех общинах телят пасли около сел на присельских пастбищах. Однако в ряде джамаатов для выпаса телят, как и для рабочего скота, выделялись специальные места¹⁹².

Для предупреждения потрав общинных и частных угодий в летнее время не разрешалось держать скот дома без особой надобности¹⁹³. Община устанавливала конкретные сроки начала и завершения пастбы скота на определенных участках. Община строго следила за своей собственностью. Пастбища охранялись от самовольного захвата или же использования по своему произволу.

В условиях Дагестана, где животноводство в экономической жизни горца играло большую, а зачастую и решающую роль, наличие пастбищ имело огромное значение. Общины, которые имели много зимних и летних пастбищ, отдавали их за плату в аренду другим общинам. Это приводило к определенной экономической зависимости одних общин от других¹⁹⁴. Доходы от сдачи пастбищ в аренду использовались на нужды джамаата и на другие цели. Часто этот доход делили между всеми членами общины, хозяйствами или тухумами¹⁹⁵.

Пользование совместными пастбищами зависело от договоренности совладельцев. В одних селах совладельцы пользовались ими, когда и где хотели, на других — пасли только определенный вид скота, на третьих — одни совладельцы пасли один вид скота, другие — иной вид, четвертыми — совладельцы пользовались в разные времена года и т. д.¹⁹⁶

В пользовании общинным лесом также имелись свои особенности. В селах, где было много лесов, ими пользовались свободно (Кайтаг, общества Южного и горного Дагестана)¹⁹⁷. Во многих селах, где было достаточное количество, но разных по качеству лесных участков, одними из них разрешалось пользоваться свободно, а другими — хорошими участками (строительный лес) — только по разрешению джамаата или сельской (общинной) администрации¹⁹⁸. В ряде сел лесные участки, как и пастбищные места, делились по кварталам, а внутри них — по хозяйствам. Распространенной формой пользования общинными лесами был и передел их через определенное время между всеми хозяйствами общины¹⁹⁹. В отдельных селах лесными участками наделялись только те хозяйства, где имелся представитель мужского пола. Часто лесные участки объявлялись заповедными. Они строго охранялись и предназначались главным образом для нужд джамаата²⁰⁰.

В пользовании общинными покосами наиболее характерным был ежегодный передел их между всеми хозяйствами (Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Сюрга, Кайтаг, Агул и др.)²⁰¹. В ряде сел покосы сначала делились по кварталам, а потом по жребью — между хозяйствами²⁰². Сохранились и архаические формы в пользовании общинными сенокосами. В одних общинах (Цудахар, Цахур, Рутул, Эльбок, Бежта, Хошархота и др.) покосы не перераспределялись между общинниками, а все собирали на них сено по своим возможностям²⁰³. В других селах (Тлярата, Худуц и др.)²⁰⁴ в установленные джамаатом дни все взрослое население шло на общинные покосы и сообща собирало сено, которое затем делили поровну между хозяйствами, участвовавшими в его сборе. Сено, «если скошено общим трудом», — говорится в одном источнике о Южном Дагестане, — «делится на все общество»²⁰⁵.

Различны были и формы пользования общинными пахотными участками. Известно, что особенностью общинного землевладения являются систематические переделы земли, находящейся у общинников на правах надела. «Переделы — это своеобразный акт, которым община заявляет свои права на землю и которым она явно и торжественно доказывает свое право распоряжения общинными угодьями»²⁰⁶. Но в исследуемое время в союзах сельских общин Дагестана ежегодные переделы не являлись наиболее характерным в пользовании общинной пахотой. Более распространенным сроком переделов были 3—5—7 лет (Тимутль, Усиша, Гидатль, Акуша-Дарго в целом)²⁰⁷. Удлинение сроков переделов общинной пахоты свидетельствует об ослаблении общинной собственности, так как теперь владелец или пользователь надела из общинной земли более длительное время без вмешательства об-

щины мог распоряжаться им, хотя это было и в пределах общины. Такая форма пользования общинной землей является переходной от коллективной собственности к частной, так как периодически переделы и, главным образом, удлинение сроков переделов, приводили к окончательному переделу общинной земли между членами общины. Как указывал Ф. Энгельс, на определенной ступени развития «общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность», результатом чего являлось превращение общин «в обыкновенные села parcelльных крестьян, сохраняющих общинное пользование лесами и пастбищами»²⁰⁸.

В исследуемое время мы наблюдаем остаточное явление этого процесса. В результате удлинения сроков переделов общинной пахоты, т. е. удлинения сроков пользования одними и теми же участками их временных владельцев, община постепенно теряла контроль над ними, что происходило параллельно с усилением прав первых на эти участки. В условиях, когда повсеместно частная собственность на пахотную землю и сенокос являлась основным видом земельной собственности, в условиях господства территориально-соседской общины, общинная собственность на пахоту выступает как пережиточное явление земледельческой общины, главной особенностью которой являлось наличие общей неотчуждаемой собственности на пахоту, передаваемой между всеми ее членами²⁰⁹. Ф. Энгельс указывал, что «там, где из общей собственности возникла частная собственность отдельных крестьян на землю, этот раздел между членами общины... в большинстве случаев... совершался вполне постепенно, и остатки общего владения были весьма обычным явлением»²¹⁰. О пережиточности общинной пахоты говорит и то, что ее было не много и она растворялась в частном землевладении. Общинная земля (пахота) была «только дополнением индивидуальной собственности»²¹¹. Пай (надел) из нее служил лишь «придатком к основной частной земельной собственности — мюльку общинника»²¹². Передел общинной земли производился в основном по хозяйствам, т. е. не по принадлежности к определенной родственной группе, а по принадлежности к общине вообще, где проживали разные родственные группы (тухумы), в том числе и переселенцы.

Во многих общинах, все еще сохранившаяся общинная пахота, не представляла из себя собственности архаической общины ни по форме образования, ни по назначению, ни по ее использованию. Это были в основном земельные участки, имевшие различные источники, формы образования и различные назначения. Ими являлись, во-первых, пахотные участки, которые по решению джа-

маатов оставались для своих нужд. Во-вторых, это ряд земельных угодий, предназначенных для административных лиц. Некоторые общины имели также участки, которые сдавались в аренду, а доход использовали для нужд джамаата. Даже там, где обработка общинной пахоты производилась всеми членами общины, доход использовался прежде всего на нужды джамаата. В ряде общин (Бежта, Кахиб, Хуштада, Тлондода и др.) находились специальные пахотные земли, из которых выделяли участок тем, кто имел 7 сыновей²¹³. В селении Тимутль из общинной пахоты участки выделяли юношам, достигшим 15 лет, в виде подарка в день посвящения их в члены джамаата²¹⁴. В отдельных общинах были пахотные земли, которые предназначались для помощи маломощным хозяйствам. Так, в селении Согратль на хуторе Накалук была общинная пахота, которую на три года выделяли бедным семьям из каждых трех тухумов джамаата²¹⁵.

В ряде сел общинные пахоты образовались в результате записаний мюльковладельцами пахотных участков своему джамаату. Таких участков, например, в селении Арчиб было несколько. Они сдавались в аренду членам общины²¹⁶. Это пример того, как частная и общинная земли «дополняли друг друга и одновременно служили источником для частичного взаимопревращения»²¹⁷.

II ТУХУМНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КАК ПЕРЕЖИТОК КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Тухумное землевладение: тухумла ванзурби, тухумла мюльк (дарг.), тухумзин жил или йишв (табас.), тухумис мочи, аглул мочи, эни абус мочи (дидойск.), тухумалгул ракъ (авар.), ишиб тухумлус унш — карат.) и т. д. некогда было основной формой земельной собственности. «Роды и неразделенные семьи, — писал М. М. Ковалевский, — одни являлись субъектом имущественных прав, по крайней мере, по отношению к возделываемой земельной площади, что же касается леса и пастбищ, то они постепенно из родовых сделались общинными»²¹⁸. Но в исследуемый период в союзах сельских общин Дагестана, хотя и не везде и сравнительно не много, имелись различные категории тухумных земель²¹⁹.

Тухумная собственность на землю — это пережиточная форма большесемейной или патронимической собственности, так как сами тухумы в изучаемое время уже не носили характера земельных единиц или земельных союзов. Об этом говорит и сам характер тухумного землевладения. Помимо того, что тухумы сохраняли за собой как родственной группой определенные земельные участки, собственность их существовала в результате дележа об-

щинных земель между ними и получения родственниками по наследству определенного участка земли, используемого ими в неразделенном виде. Наиболее архаичная форма возникновения тухумного землевладения, происходившего задолго до изучаемого времени — это свободная заимка пустующих территорий тухумами, что было характерно в общинах с развитой хуторской системой ведения хозяйства. Поэтому в последних тухумные хутора сохранились вплоть до XX в. Особенно это было характерно для общины Западного Дагестана. «Это в основном общества, расположенные у водораздельного хребта: часть Ункратля, Дидо, Анцухо-Капучи, Джурмут»²²⁰. Имели их также рутульцы, сюргинцы, агулы и др.²²¹

В тухумной собственности находились и другие категории земель. Возвышенность между селениями Усиша и В. Мулебки под названием Къянала муза принадлежала тухуму Къянахъали²²². Пастбища имели в собственности все тухумы селения Ашты²²³. В селении Баршамай в собственности тухумов находились пахотные и сенокосные участки и пастбищные места, в Цахуре — сенокосы, пастбища и лесные участки, в Гельмеце — все категории земель²²⁴, Ункратле — леса и пастбища; тухум Атуховых в Гидатле имел свое пастбищное место на территории Тидиба. Тлибилы (тухумы) Хандилал и Хедарикал владели общими пастбищами Чухох и Чорчи²²⁵. В селении Ругуджа имелись сенокосные, пастбищные и другие участки, которые когда-то принадлежали отдельным тухумам²²⁶. Тухумные земли имелись и у жителей союзов сельских общин лезгинской группы народов²²⁷.

По сравнению с другими категориями земли тухумных пахотных земель было меньше. Даже существует мнение, что в XIX в. их не было вообще²²⁸. Однако даже в это время наличие их трудно отрицать. Тухумные пахотные участки имелись в Рутуле (тухум Атлуханар имел участок Чалашдет), Борче (тухум Касоглияр)²²⁹; в Хиве тухум Базтар имел земли в местностях Ракут, Аргур, Дирча, Фукарник, Джуниг, тухум Газизир — в местностях Келерихъгъярихъ, Хйаркъян, Дерчав, Гасул, НитарикI, Фикъарик, Ягънаръи, Муур²³⁰. В селении Каракюре тухум Юхулар имел земли в местностях Чурухюр, Чйяр, Къер, тухум Цугуцар — в местности Чйюлер, тухум Туркар — в местности Къулгъедер²³¹. В селении Гельмец тухум Джибилар имел пахотные земли в местности Зинзиляр и в Азербайджане, тухум Михъува — в местностях Хина, Эчаз и Галкитхъуйбе²³². В селении Шири все пахотные и сенокосные участки были разделены на 3 части по количеству тухумов и эксплуатировались строго по тухумному принципу. Отары скота формировались по тухумам и паслись на тухумных землях²³³.

Тухумные земли имелись и у андалальцев. Тухум Гъалангурал селения Кудали имел пахотный участок в 50 га в местности Агъали. Имели пахотные участки тухумы Корода²³⁴. Сенокосные и пахотные участки тухума Падихунел в селении Согратль находились в местностях Нахъа и Гъвалиб, тухума Къелдер — в местностях Охъла и Оцоб, тухума Падар — в Гюбонуб и Гургурра-Пал. Земли селения Ругуджа, расположенные в местности Магларда, принадлежали тухумам верхнего аула, Саланиб — тухумам нижнего аула, Мадала — тухумам Ганшалал и т. д.²³⁵.

Приведенные примеры, конечно, не свидетельствуют о сохранении в собственности тухумов пахотных земель повсеместно, во всех союзах сельских общин. Основные пахотные земли уже давно были поделены между индивидуальными семьями, частная собственность являлась «доминирующей формой, единственной основой существования семей в тухуме», что на конкретном материале было показано выше. Большинство тухумов вообще не имело земель и это, как справедливо отмечает М. А. Агларов, «не мешало им быть единными организмами и сильными кланами, выполнявшими определенные функции»²³⁶. Сохранившиеся в собственности тухумов отдельные участки земли, подобно совместной собственности вообще, не играли особой роли в экономической жизни жителей союзов сельских общин. Их экономическая роль была ничтожна. Они вместе с общинными землями являлись лишь дополнением собственности индивидуальных семей. В изучаемое нами время тухумные земли ни по характеру, ни по форме пользования не являлись родовой собственностью. Пользование ими было индивидуально-семейное. Даже в тех случаях, когда работы на тухумных землях велись общими силами его членов, пользование результатами труда было индивидуально-семейным. Вместе с тем тухумная земля по отношению к основным формам земельной собственности занимала двойственное положение. Если по отношению к общинной собственности тухумная земля выступала как частная, то по отношению к индивидуальной собственности она являлась коллективной. Однако отношения к коллективной собственности в тухуме, как и в семейной общине, «это отношения не в социальном организме в целом, а лишь внутри небольшой его ячейки. Они не образуют базиса социального организма, фундамента общества. Коллективной эта собственность является по отношению лишь к «семейной общине», но не к социальному организму. Поэтому она ни в коей мере не является общественной собственностью». По отношению к общине, как к социальному организму, тухумная собственность являлась «собственностью не коллективной, не общей, а обособленной и в этом смысле частной»²³⁷.

Наличие тухумной собственности, как разновидности собственности определенного коллектива, являлось следствием замедленности общественного развития, в условиях чего невозможно было, даже при господстве частной собственности, немедленное прекращение притязаний тухума как коллектива на землю. Одним из факторов сохранения тухумного землевладения являлось малоземелье, в условиях чего и разложение самого тухума, как пережиточного института кровнородственной организации, шло медленнее, чем в тех местах, где было достаточное количество удобных для обработки и ведения земледельческого хозяйства и скотоводства земель вообще.

Таковы были формы земельной собственности и землепользования в союзах сельских общин Дагестана. Основными из них были частновладельческая (мюльковая) и общинная. Если первая распространялась преимущественно на пахоту и сенокос, то вторая — главным образом — на пастбища, леса и выгоны. Эти две основные формы земельной собственности являлись основой сложившихся в союзах сельских общин взаимоотношений между людьми, их социально-экономического положения в джамаате, о чем речь пойдет в следующей главе работы.

Основной тенденцией в земельных отношениях в союзах сельских общин Дагестана являлось изменение соотношения форм собственности и связанных с этим правомочий на них. Происходит дальнейшее развитие и укрепление мюлькового (частного) землевладения и мечетской собственности (вакуфа), сосредоточение земель в руках феодалов, общинной и союзной знати, укрепление экономического положения мечетей и духовенства, а также разорение большей части узденства, с одной стороны, уменьшение или постепенный переход в частную собственность, переделываемых общинных пахотных и сенокосных (и даже не переделываемых пастбищных и лесных участков) и тухумных земель, с другой. Это противоречивый, но характерный почти для всех союзов сельских общин Дагестана двуединый процесс дальнейшего развития и изменения существовавших в них форм земельной собственности.

Особенно сильное развитие этот процесс получает со второй половины XIX в., когда большинство членов общин многих союзов лишается своих земельных участков²³⁸, в то время как за счет этого и уменьшения общинных земель (в результате закрепления и даже захвата их, несмотря на сопротивление общины) все больше обогащаются верхи союзов сельских общин, в руках которых сосредотачиваются все категории земель, в том числе летние и зимние пастбища²³⁹, игравших в животноводческих обществах основную и все возрастающую роль в феодализационном процессе. Это

был процесс перехода общинных земель в собственность крупных барановодов, которые пользовались общинными угодьями активно и раньше. Особенностью барановодческого хозяйства становится тенденция капитализации, что было характерно для хозяйства этого периода вообще, как следствие влияния России и более развитых соседних с Дагестаном регионов.

¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 35; Алиев Б. Г. Крестьянство центрального и южного Дагестана в XV—XVII вв. Махачкала, 1976. С. 59—60 (рукопись).

² Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Хашаев Х.-М. и Саидов М.-С. Махачкала, 1957. С. 19, 27, 33; Постановления Кайтахского Уцмья Рустем-хана // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 88; Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Хашаева Х.-М. М.: Наука, 1965. С. 22, 71, 74, 132, 138, 150, 151, 152, 162, 172, 174; Из истории права народов Дагестана / Сост. Омаров А. С. Махачкала, 1968. С. 26, 28, 33, 45, 63, 72, 162, 172, 235.

³ Памятники... С. 71, 74.

⁴ Из истории права... С. 26, 28.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Памятники... С. 22, 132, 134, 138, 150, 152, 162, 172, 174; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 35.

⁸ Памятники... С. 151; ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 111, Л. 60; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 24, 111; Д. 562. С. 53; Д. 586. С. 79; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972. С. 91; полевой материал 1973, 1983, 1985 гг.

⁹ Феодалные отношения в Дагестане XIX—нач. XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Хашаева Х.-М. М.: Наука, 1969. С. 145.

¹⁰ Из истории права... С. 72.

¹¹ Там же. С. 62.

¹² Памятники... С. 101.

¹³ Там же. С. 161, 165.

¹⁴ Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 39.

¹⁵ Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII—нач. XIX вв. // ВИЭД: Сб. научных сообщений. Махачкала, 1974. С. 171—172; полевой материал 1980—1983 гг.

¹⁶ Омаров Х. А. Документы по земельным и имущественным отноше-

- ниям в Дагестане до XVIII века включительно // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Л. 1.
- 17 Там же.
  - 18 Там же. Л. 10.
  - 19 Там же. Л. 19—20.
  - 20 Там же. Л. 38—42.
  - 21 Там же. Л. 43—44.
  - 22 Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопрос об эволюции форм собственности у аварцев до XX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. 13. С. 187.
  - 23 Там же.
  - 24 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-б. Л. 75.
  - 25 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 166—168.
  - 26 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 11; Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 4; Феодальные отношения... С. 224.
  - 27 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Оп. 2. Д. 30. Л. 23; Ф. 150. Оп. 1. Д. 6. Л. 7—8, 16; Феодальные отношения... С. 133.
  - 28 Феодальные отношения... С. 166.
  - 29 Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 165.
  - 30 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 167.
  - 31 Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М.: Наука, 1964. С. 152.
  - 32 Давыдов А. Д. Афганская деревня. М.: Наука, 1969. С. 98.
  - 33 Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII вв.). М.: Наука, 1965. С. 235.
  - 34 Адаты селения Усиша // Из истории права... С. 235.
  - 35 Из истории права... С. 72.
  - 36 Адаты келебских селений // Памятники... С. 76, 77.
  - 37 Свод решений обязательных для жителей Андалальского округа // Памятники... С. 62.
  - 38 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 2. С. 87; Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV в. М., 1952. С. 87; Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 166—175.
  - 39 Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 383.
  - 40 Там же. С. 172.
  - 41 История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 242.
  - 42 Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 86.
  - 43 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 466.
  - 44 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 152—153.

- 45 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 109.
- 46 Полевой материал 1971—1973 гг.
- 47 Полевой материал 1969—1970 гг.
- 48 Полевой материал 1971 г.
- 49 Памятники... С. 75—77, 96.
- 50 Из истории права... С. 113, 115, 122, 127, 135, 136, 229.
- 51 Феодальные отношения... С. 146.
- 52 Там же. С. 133; ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 23, 25.
- 53 Феодальные отношения... С. 166.
- 54 Рукопись кубачинца «Китаб лавани анвар ал-кулуб фи джавани афар мухаббни ва ал-махбуб» («Книга о тайнах влюбленных»). Документ представлен в наше распоряжение Омаровым Х. А.; Омаров Х. А. Документ на арабском языке по земельным отношениям в Дагестане. Л. 13; Айтберов Т. М. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. Л. 13.
- 55 Там же. Л. 44.
- 56 Документы на арабском языке, собранные и переведенные в 1976 г. Омаровым Х. А. и любезно представленные в наше распоряжение.
- 57 Омаров Х. А. Документы...; Айтберов Т. М. Материалы... Л. 13.
- 58 Рукопись корана из сел. Кубачи. Хранится у в. н. с. ИИАЭ ДНЦ РАН Маммаева М. М. Перевод Айтберова Т. М.
- 59 Омаров Х. А. Документы...
- 60 Там же.
- 61 Там же. Л. 1.
- 62 Там же. Л. 45.
- 63 Там же. Л. 1.
- 64 Из истории права... С. 59.
- 65 Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 497.
- 66 Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 12.
- 67 Полевой материал 1971—1972 гг.
- 68 Полевой материал 1972 г.
- 69 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 154.
- 70 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 92—93.
- 71 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. С. 61.
- 72 Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 147.
- 73 Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 123.
- 74 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 23.
- 75 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5. Л. 92; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 128.
- 76 Магомедов Д. М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 99.

- 77 Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев... С. 174.
- 78 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- 79 Шихсаидов А. Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1968 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. С. 112; Агулы. Махачкала, 1975. С. 31—32.
- 80 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 93—94.
- 81 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 155.
- 82 Запись о вакуфах сел. Сулевкент, представлена в наше распоряжение Айтберовым Т. М.
- 83 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 94.
- 84 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142. Л. 1, 4.
- 85 Полевой материал 1968, 1972 гг.
- 86 Комментарий мусульманского права // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 142. Л. 7, 10, 11, 12.
- 87 Папазян А. Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван, 1972. С. 118, 128.
- 88 Там же. С. 128; Хамраев А. Х. Несколько образцов наследственного вакуфа // Бюллетень Среднеазиатского Государственного университета. Ташкент, 1947. Вып. 25. С. 206.
- 89 Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.: Л.; Изд. АН СССР, 1960. С. 248.
- 90 Запись о вакуфах сел. Сулевкент.
- 91 Письмо Усшинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу / Перев. с араб. Баркуева К.
- 92 Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 113; Агулы. С. 32.
- 93 Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический). С. 70.
- 94 Памятники... С. 78, 100; Феодальные отношения... С. 167; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 148.
- 95 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-6. Л. 37.
- 96 Памятники... С. 78.
- 97 Там же. С. 100.
- 98 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 232.
- 99 Магомедов Д. М. Социально-экономические отношения в Дидо в XVIII—начале XIX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 233. Л. 34.
- 100 Полевой материал 1967—1988 гг.
- 101 Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 11; Агулы. С. 46—47; полевой материал 1971, 1974 гг.
- 102 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-6. Л. 37; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 148.
- 103 Феодальные отношения... С. 225.
- 104 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. С. 29.
- 105 Полевой материал 1971 г.

- 106 Шихсаидов А. Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1969 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489. С. 86.
- 107 Полевой материал 1971 г.
- 108 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. С. 58.
- 109 Агларов М. А. Сельская община... С. 80.
- 110 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. С. 1.
- 111 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-6. Л. 91; полевой материал 1971, 1974 гг.
- 112 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 113 Комментарий мусульманского права. С. 19.
- 114 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 123.
- 115 Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 62.
- 116 Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа / Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887. С. 27, 35, 39, 47, 59, 67, 79.
- 117 Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья / Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890. С. 136, 138, 142, 144, 149.
- 118 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 36; Дагестанская область... С. 190—201.
- 119 Из истории права... С. 26; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. С. 60, 78.
- 120 Агларов М. Техника сооружения... С. 187; Асиятилов С. Х. Указ. соч. С. 37—38.
- 121 Гидатлинские адаты. С. 29.
- 122 Адаты келебских селений // Памятники... С. 78.
- 123 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 32.
- 124 Там же. С. 33—34.
- 125 Шиллинг Е. М. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.
- 126 Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев... С. 179.
- 127 Полевой материал 1983—1984 гг.
- 128 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 290.
- 129 Бахгамов И. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1868. № 30.
- 130 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 3—5.
- 131 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 158.
- 132 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 99—100.
- 133 Полевой материал 1973, 1982, 1983 гг.
- 134 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 8.
- 135 Полевой материал 1971 г.
- 136 Гидатлинские адаты. С. 17; Из истории права... С. 25, 31; Памятники... С. 78.
- 137 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 232—233; Ф. 21. Оп. 5. Д. 42. Л. 134;

- Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 22; Феодальные отношения... С. 224; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 157.
- 138 Феодальные отношения... С. 224.
- 139 Калоев Б. А. Из истории земельных отношений агулов в XIX—начале XX в. // КСИЭ. М., 1954. Т. 20. С. 50.
- 140 Памятники... С: 77—78, 101.
- 141 Там же. С. 76; Из истории права... С. 236; ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- 142 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 159.
- 143 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 97.
- 144 Агулы. С. 34.
- 145 Из истории права... С. 72.
- 146 Соглашение селений Мич и Ригитль // Из истории права... С. 223.
- 147 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-к. Л. 59 об, 60.
- 148 Дагестанская область... С. 135—145.
- 149 Шихсандов А. Р. Указ. соч. Л. 6.
- 150 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 65. Л. 1.
- 151 Дагестанская область... С. 151—155; Магомедов Д. М. Указ. раб. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 233. Л. 29.
- 152 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 33.
- 153 Там же.
- 154 Там же.
- 155 Агларов М. Указ. соч. С. 189.
- 156 Дагестанская область... С. 190—195.
- 157 Полевой материал 1972 г.
- 158 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- 159 Феодальные отношения... С. 225; полевой материал 1969 г.
- 160 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 14-а. Л. 99.
- 161 Там же. Л. 100.
- 162 Полевой материал 1967 г.
- 163 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.
- 164 Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Дагестанская область... С. 191—197.
- 165 Феодальные отношения... С. 225.
- 166 Там же. С. 227.
- 167 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 14-а. Л. 76.
- 168 Даргинский округ... С. 59, 63.
- 169 Дагестанская область... С. 143.
- 170 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 102.
- 171 Там же. Оп. 3. Д. 68. Л. 1.
- 172 Гидатлинские адаты. С. 7, 37.
- 173 Агларов М. Указ. соч. С. 189.
- 174 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
- 175 Там же. Ф. 21. Оп. 5. Д. 103; Ф. 2. Оп. 3. Д. 14-а. Л. 99.
- 176 Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142. Л. 49; Феодальные отношения. С. 135.

- 177 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- 178 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 117.
- 179 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 140-в. Л. 72; Ф. 21. Оп. 5. Д. 42; Из истории права... С. 217.
- 180 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 143-д. Л. 1, 2.
- 181 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 14.
- 182 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 106; полевой материал 1967, 1968 гг.
- 183 Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. С. 249.
- 184 Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 28; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 513-а. Л. 19.
- 185 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 65. Л. 1.
- 186 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 12; Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 70 об.
- 187 Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 14-а. Л. 76.
- 188 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 160—161; Шиллинг Е. М. Народы андо-цезской группы. Л. 37; полевой материал 1966, 1973, 1986 гг.
- 189 Памятники... С. 138, 150, 154, 167; Из истории права... С. 72.
- 190 Аснятилов С. Х. Указ. соч. С. 47.
- 191 Памятники... С. 78; Из истории права... С. 58.
- 192 Из истории права... С. 236.
- 193 Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1973. Вып. 7. С. 42, 57, 69, 82, 97; Памятники... С. 101; Из истории права... С. 235—236; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 135.
- 194 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 30. Л. 23.
- 195 Там же. Ф. 21. Оп. 5. Д. 100. Л. 213—214; Из истории права... С. 72; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5037. С. 36, 58—59, 66—67; Аснятилов С. Х. Указ. соч. С. 60; Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 24—25.
- 196 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 28. Л. 2; Ф. 2. Оп. 3. Д. 143. Л. 2; Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 14; Гидатлинские адаты. С. 17, 37; Дагестанская область... С. 136; Из истории права... С. 225; Феодальные отношения... С. 225; Агларов М. Указ. соч. С. 189; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 106.
- 197 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 36, 37; полевой материал 1968, 1983 гг.
- 198 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 162—163; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 139.
- 199 Там же.
- 200 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9; Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5037.
- 201 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 30. Л. 22; Феодальные отношения... С. 224; Калоев Б. А. Указ. соч. С. 50; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 162; Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 101; Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 26.

- 202 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 234; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 162; Агларов М. Указ. соч. С. 189.
- 203 Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 152; Агларов М. Указ. соч. С. 190; Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 26—27; полевой материал 1971 г.
- 204 Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 27; полевой материал 1967, 1968 гг.
- 205 Феодальные отношения... С. 136.
- 206 Эфендиев М. М. Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.: Дисс... д-ра ист. наук. Баку, 1958. Л. 510.
- 207 Гидатлинские адаты. С. 29; Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 42; полевой материал 1966 г.
- 208 Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 332.
- 209 Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. — Третий набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 418.
- 210 Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 645.
- 211 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 471.
- 212 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 128.
- 213 Полевой материал 1973, 1980, 1981 гг.
- 214 Магомедов Д. М. Указ. раб. Л. 33.
- 215 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. Л. 103—104.
- 216 Там же. С. 177—178.
- 217 Агларов М. А. Сельская община... С. 76.
- 218 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 161.
- 219 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 52, 121, 124, 125, 128, 270, 275—278, 370; Материальная культура аварцев. С. 16, 119—120; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 156—157; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1978. С. 141—143; Магомедов Д. М. Социально-экономические... С. 108—109.
- 220 Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 108—109; Его же. Земельные отношения у дидойцев... С. 171, 172, 173.
- 221 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 22; полевой материал 1968, 1970, 1971, 1976 гг.
- 222 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 156.
- 223 Полевой материал 1966 г.
- 224 Полевой материал 1971, 1983, 1985 гг.
- 225 Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс... канд. ист. наук. М., 1947. С. 237.
- 226 Материальная культура аварцев. С. 119.
- 227 Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 141—143.
- 228 Там же. С. 141; Материальная культура аварцев. С. 120 и др.

229 Полевой материал 1971 г.

230 Там же.

231 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 20—21.

232 Полевой материал 1985 г.

233 Полевой материал 1975 г.

234 Полевой материал 1983 г.

235 Материальная культура аварцев. С. 16, 119, 120.

236 Агларов М. А. Указ. соч. С. 125.

237 Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 44—45.

238 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2—10.

239 Там же. Ф. 21. Оп. 5. Д. 53. Л. 1054.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

1. КЛАССИФИКАЦИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

Среди дореволюционных авторов широко было распространено мнение, что население союзов сельских общин Дагестана составляло однородную массу, что среди них не было привилегированных и зависимых слоев, все были равны между собой, не состояли ни под чьей властью, были независимы, не знали эксплуатации, никому не платили подати, что в союзах сельских общин господствовали родоплеменные отношения.

Такого же мнения придерживались и отдельные исследователи советского периода вплоть до 50-х годов. И лишь с этого периода союзы сельских общин стали рассматриваться как образования «раннефеодального типа», в которых «господствовали феодальные отношения», переплетающиеся с пережитками патриархальных отношений. Но и в 70—80-е годы среди отдельных советских исследователей утвердилось мнение о доклассовом характере общественных отношений в союзах сельских общин¹.

На самом же деле союзы сельских общин не были родоплеменными объединениями, не знающими социальных слоев, подчинения и эксплуатации. Свообразие их социального развития было предопределено не только перечисленными выше формами землевладения и землепользования, которые составляли основу классового развития, разложения и неравенства членов общины, но и особенностями исторических условий, сложившихся в них в предшествующие эпохи. Эти условия привели к неодинаковому политическому и экономическому положению союзов сельских общин, что является основой группировки или классификации их по степени социальной стратификации общества и зависимости от феодальных владений.

В изучаемое время в Дагестане были следующие группы союзов сельских общин: союзы сельских общин, которые или уже издавна находились в составе феодальных владений, или были присоединены к последним в результате их захватнической политики; союзы сельских общин, куда проникли представители правя-

щих родов феодальных владений Дагестана; союзы сельских общин, которые находились в политической и экономической зависимости от феодальных владений, хотя и не входили в их состав; союзы сельских общин, которые сохранили свою политическую самостоятельность от феодальных владений, но находились в земельной (экономической) зависимости от них; союзы сельских общин, находившиеся в определенной зависимости либо от других союзов, либо от главного селения (или союза) федерации союзов сельских общин; союзы сельских общин относительно меньше связанные с феодальными владениями, но находившиеся под определенным влиянием последних.

Такая мозаичность союзов сельских общин предопределила появление в первых из указанных групп различных социальных слоев феодального общества, в то время как развитие союзов следующих групп происходило как под влиянием окружающих феодальных владений, так и в результате внутреннего развития — разложения сельской общины. Таким образом, классификация союзов сельских общин соответствует различным ступеням развития классовых отношений в них, являвшихся в целом типологически (формационно) феодальными, что будет показано ниже на конкретном материале.

Различное политическое положение и разные пути социального развития союзов сельских общин, как указывалось выше, это следствие различных исторических условий, сложившихся еще до исследуемого периода. Поэтому для показа, что было основой, исходным в существовавших в XVIII — первой половине XIX в. социальных институтов, для полноты и всесторонности изучаемого вопроса в целом необходим краткий экскурс в предшествующие периоды. Изучение социального развития союзов сельских общин проводится не отдельно по каждой указанной группе. Для удобства и компактного изучения союзы сельских общин, схожие в своем социальном развитии — входившие в состав феодальных владений и попавшие в зависимость от последних, т. е. те из них, в которых произошла «феодализация сверху» в результате вмешательства соседних феодальных владений, даются вместе. Союзы сельских общин, относительно самостоятельные и политически, и экономически, и меньше подверженные влиянию феодальных владений, т. е. развивавшиеся в условиях относительной самостоятельности, рассматриваются отдельно.

2. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН, ВХОДИВШИХ В СОСТАВ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ И ПОДПАВШИХ ПОД ИХ ЗАВИСИМОСТЬ. ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Известно, что, начиная с раннего средневековья, на территории Дагестана существовали различные феодальные образования, среди которых наиболее известными были Серир, Казикумухское шамхальство, нуцальство Аварское, Кайтагское уцмийство и ряд других. В составе этих владений находились и многие общества, входившие в союзы сельских общин. Результатом этого явилось не только возникновение политической зависимости их, но и появление там феодальных сословий как следствие проникновения представителей дома феодальных правителей, поставивших в зависимость местное население, сосредоточивших в обществах союзов сельских общин земельные массивы, эксплуатировавших их. Из ханских фамилий образовались целые тухумы, которые сохранились вплоть до конца XIX в. «При ознакомлении с рядом материалов, — писал Л. И. Лавров, — выясняется, что некоторые из «вольных обществ» сперва подчинялись своим или соседним феодалам, а затем ввиду различных обстоятельств освободились от их власти и учредили у себя демократические порядки»². Однако, освободившись от феодальных правителей, общины союзов и в дальнейшем продолжали находиться под определенным их влиянием, и, кроме того, во многих из них сохранились беки и чанки, и они по-прежнему представляли класс феодалов и являлись носителями соответствующих социальных форм.

Согласно данным «Тарих Дагестан», нуцал Аварии получал доход со всех владений и подати со всех обитателей Дагестана, начиная от страны черкесов до Шемахи³. Позже правитель Казикумухского шамхальства собирал подати с большого числа селений, входивших в союзы сельских общин лезгин, даргинцев и аварцев. Это общества Карах, Чамалал, Тиндал, Анди, Акуша-Дарго, Сюрга, Гумбет, Рис-ор, Цахур, Мукрах, Кюра и т. д.⁴

В связи с выяснением дальнейшего влияния указанных феодальных правителей на союзы сельских общин большой интерес представляет «Запись о разделе земель между повелителями Хунзаха и Казикумуха», отражающая события XIV—нач. XV в., где говорится, что Тимур раздал своим ставленникам в Дагестане земли: «Эмиру хунзахцев (хунз) он отдал [людям живущих] между рекой гидатлинцев (хид) и горой андийцев (андал), тех князьяльцев (кийалаль), которые обитают позади шибутян (ахл Шубут), Ункратль (Унк рак) и других [горцев, живущих] вплоть до Галгая (Гулга)».

«Эмиру Гази-Гумука он отдал [людей, проживающих] между рекой гидатлинцев и рекой Самур», т. е. общества и села ряда аварских союзов сельских общин, а также даргинцев и лезгин⁵.

Эти сведения находят подтверждение и в источниках XV—XIX вв. Так, о вхождении в состав Аварского ханства ряда аварских союзов говорится в «Завещании Андунника», составленном в 1485 г. Завещатель аварский хан Андуник указывает своему наследнику Булач-нуцалу охранять границы ханства, которые доходили: «Первая граница со стороны запада Майсугатан (недалеко от Голотля), вторая — со стороны востока, из середины аула Гочатль, третья со стороны юга, от Хочада до Голотлинского моста, четвертая — со стороны севера от Салагоры до Таргу...»⁶.

Это был период усиления ханской власти в Аварии «и расширения территории за счет присоединения соседних территорий и прежде всего независимых от посторонней власти сельских общин. И этот процесс... продолжался в Аварском ханстве вплоть до XVIII в.»⁷ Если в XV в. влияние Аварского ханства доходило до союза Антль-Ратль, то в XVII—XVIII вв. под его влиянием оказались и такие союзы сельских общин как Койсубуль, Технуцал, Анди, Ахвах, Каралал, Багулал, Чамалал, Ункратль, которые, согласно кодексу законов Умма-хана Аварского, обязаны были платить аварскому хану подати⁸. Об этом говорят и источники XIX в. Так, согласно записке, составленной русской экспедицией, посетившей Хунзах в 1828 г., «4 вольных округа»: Гидатль, Кувал, Киль и Каралал, хотя и не являлись «подданные аварцев», но должны были «издревле... по требованиям хана доставлять войска на собственном их продовольствии». Причем делалось это не за плату, они «дорожили одними только ласками ханов»⁹. Р. Ф. Розен писал, что жители союза Калалал «Аварскому хану довольно послушны и платят ему ясак за землю, которая считается принадлежащею дому аварских владетелей». По его же свидетельству, аварский хан называл «вольные общества», находящиеся «в окружности ханства... своими данниками»¹⁰. А. В. Комаров утверждал, что аварскому хану «подчинялись многие общества, платившие правителям Аварии (нуцалам, впоследствии ханам) подати и представлявшие по их требованию вооруженных людей»¹¹.

Вхождение союзов сельских общин в состав ханства привело к образованию в них сословия феодалов (беки, чанки), которые выступали здесь в качестве правителей-феодалов. На основе выявленного архивного материала Х.-М. О. Хашаев установил наличие на территории ряда аварских союзов феодальных образований: шамхальств в Гидатле, Анди и Аргуани, феодальных фамилий в селениях Ругуджа, Андых, Телетль, Тидиб, Гинта, Урада,

Гонода, Сиух, Цалкита, Мехельта, Гоцатль, Мушули, Шотода, Ту хита, Кедиб, Саситль и др., «где лучшие земли, притом больших размеров, принадлежали этим феодальным фамилиям. Жители этих селений вплоть до начала движения горцев под руководством Шамиля отбывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати»¹².

Возникновение феодальной фамилии в Ункратле связано с переселением в селение Кедиб сына хунзахского правителя Байрампаса Амир-Султана, бежавшего сюда от ислама¹³. С этого периода здесь появился ханский тухум Нуцалазул (Танусел), которому принадлежали самые лучшие и плодородные земли в Саситле и Кедибе и «огромные пространства горных пастбищ» — горы Эчеда-меер и Тулдух-меер¹⁴. За пастьбу на них беки «от каждой отары овец получали по 10 валухов»¹⁵. Х.-М. О. Хашаев писал, что жители селений Ункратля: Саситль, Сильда, Гако, Кедиб, Хваршины, Митради и Сихалах являются выходцами из Аварии и платили кедибским бекам подати за пользование их земель. Он предполагал, что земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Аликлыч, а так как эта территория была расположена на границе с Тушетией, то, может быть, аварские ханы решили обеспечить безопасность своих владений, поселив там аварцев и поставив во главе их одного из своих нуцалов¹⁶. В записке, составленной в 1839 г., говорится, что правителями Ункратля в это время были князья Амир Хамза и Молачи. «Селения Кедиб, Саситль и Сильда они считают своей собственностью, так как земля им принадлежит, и поэтому они получают с каждого двора в год по одному барану, по сабе пшеницы и по три рабочих дня», а также подать от трех тушинских селений¹⁷.

В 1844 г. большинство кедибских беков, не желавших признать над собой власти Шамиля, было истреблено¹⁸.

Сам факт существования правящего рода на территории союза сельских общин говорит об укреплении в недрах общины феодально-независимых отношений. «Это, с одной стороны, беки ханской фамилии, которые сосредоточили в своих руках крупные массивы пахотных земель, а также пастбищные горы, с другой — обнищавшие свободные общинники, которые хотя на первых порах сохраняли относительную свободу, все же попадали в зависимость от первых»¹⁹.

В зависимости от ханов или же представителей ханской фамилии, бывших непосредственно в союзах сельских общин, находились и другие аварские союзы. Так, по данным начала XVII в., аварским ханам принадлежало Технуцальское общество, о чем

говорит надпись в арабской книге «Минхадж», где Ботлих (центр союза) назван подвластным нуцалу аулом²⁰. Считают даже, что само название «Технуцал» означает либо «цветущее нуцальство», либо «паршивый нуцал». Согласно перечню податей, составленному не позже 1801 г., села Технуцала Ботлих, Тлох, Муни, Кванхицатль, Энкелу, Миарсу, Годобери, Тандо, Ансалта, Зиберхалиб платили Умма-хану аварскому натуральные подати, состоявшие из фруктов, виноградного сока, соли, зерна, овец и коз²¹.

Потомки аварских ханов жили в селах федерации союзов сельских общин Антль-Ратль, в частности в селении Чадоколоб²². Под влиянием аварских ханов находились ахвахцы. Их центр селение Карата входило в состав Аварского ханства²³. О вхождении ахвахцев в состав Аварского ханства говорит письмо к Магомед-Нуцалу и Магомед-Мирзе жителей селения Энхело, где последние признают себя подданными аварских ханов²⁴. За выпас своих овец на участках ахвахской земли, захваченной ханом, они обязаны были платить своеобразную дань — несколько раталов мозга животных, считавшегося изысканной подливой к хинкалу в богатых домах²⁵. По другим сведениям, зависимость ахвахцев произошла при Умма-хане, который оказал помощь им в ссоре с гидатлинцами, за что в знак благодарности Ахвахское общество выделило в подарок каждому воину Умма-хана по одному барану. Но всех баранов присвоил себе сам хан. После этого Умма-хан стал требовать от ахвахцев ежегодно такое же количество баранов. Впоследствии хитростью и угрозой хан стал собирать с ахвахцев и продукты²⁶. Жители ахвахских сел Энгердах, Цолода, Тиндал и Местерух также давали аварскому хану Умма-хану крупный рогатый скот, овец, строительный лес и зерно и обязаны были косить траву в местности Тобот²⁷. В центре Ахваха, селении Карата, находился представитель хунзахского хана, который собирал дань и с других обществ союза. В частности, кванединцы платили ежегодно аварскому хану 7 быков. Впоследствии представитель аварского хана стал жить и в Кваната. Джамаат выделил ему земли, которые обрабатывались кванединцами²⁸.

В Багулале были и местные феодалы. В Хуштада был тухум Кушиба, происходивший от некоего Ихака, жившего на рубеже XVI—XVII вв. Это потомки «господ (сайид)». Член этого тухума Мухаммад (вторая половина XVIII в.) носил прозвище «нуцалчи» — князь, что дало основание предположить о наличии у тухума Кушиба определенных феодальных прав²⁹.

В зависимых отношениях от хунзахского хана находились и чамалалы. Они собирали дань и отправляли в Тинди, а оттуда к хунзахскому хану. По просьбе хана чамалалы принимали учас-

тие в его походах³⁰. Согласно данным начала XIX в., багулалы и чамалалы за пользование пастбищными горами давали аварскому хану крупный рогатый скот, овец и зерно³¹.

Феодальная династия «нуцалов» — людей «чистой, благородной крови», возводившая свое происхождение к аварским ханам, находилась в селении Хварши. Были здесь и богатые люди, называвшиеся «хитрозис»³².

Беки, происходившие от аварских ханов, названные А-К. Бакихановым эмирами, имелись в Гумбетовском союзе сельских общин. Они владели горами и невольниками³³. Известны эти беки в исторической литературе как Турловы, а у местного населения как Кучуковы³⁴. По мнению Х.-М. О. Хашаева, настоящая фамилия этих беков Турарав, что значит «убежавший»³⁵. Турловы находились в селении Мехельта; им принадлежало селение Тлярата, а также большие земельные массивы, в том числе пастбищное место Цинабакал и гора Тамух, за пользование которыми они брали с местного населения подати³⁶. В одном источнике начала XIX в. говорится, что Турлов вступил в спор с андийским правителем из-за хараджа (податей), который тот якобы собирал с жителей «всех задних и южных гор, начиная от гор Салатав вплоть до Шубута на западе, а со стороны кибли вплоть до Большой реки»³⁷. Причем, это зафиксированное впервые для XVII в. известие о получении гумбетовскими владельцами Турловыми арендной платы (зерно, скот, деньги) за пользование их пастбищами³⁸. Согласно записи генерала Ключи фон Ключенау, гумбетовские беки овладели землями до самого Терека. В 30-е годы XIX в. потомки их жили в Брагунах и еще тогда дома их были целы в селении Мехельта³⁹. Но и после переселения Турловых из Гумбета зависимость от них гумбетовцев сохранилась. Как писал полковник Юрьев в 1823 г., «часть гумбетовцев платила подать аргунийским бекам Теркау, жившим на берегах Терека»⁴⁰.

Беки находились и в селении Аргвани. Существует мнение, что они происходили от тарковских шамхалов⁴¹. Сохранилось письмо о ликвидации повинностей аргванинским бекам в связи с прекращением их рода⁴². По имеющимся данным, в Аргвани были по происхождению ханскими тухумы «нуцаби» и «ханзаби». Нуцаби являлись родственниками Турловых. Зависимое население было представлено чагарами. Был здесь даже квартал Чагар-авал⁴³. По данным не позднее 1801 г. гумбетовцы находились в зависимости от аварского хана. Каждое селение Гумбетовского союза платило хану различные подати: зерно, овец, сукно, виноград и виноградный сок, а весь союз за аренду пастбищной горы — 100 годовалых овец⁴⁴.

Феодальные фамилии, образовавшиеся из шамхальского рода, были и в других союзах сельских общин. Так, в Андии был привилегированный тухум шамхалов, который связывал свою родословную с шамхалами тарковскими. В полукилометре выше селения Анди сохранились развалины бывших ханских построек под названием «Рехедолотль» или «Рехедол», что значит «имение ханов»⁴⁵.

В «Повествовании об Алибеке Андийском...» говорится, что у андийцев был амир султан Алибек, называемый дурга-нуцалом и шамхалом. Между ним и амиром Баклулала (Гумбета) по имени Туралав из-за хараджа с райятов произошел спор. Алибек ежегодно получал с каждого дома по одному золотому дирхему, по половине кайла зерна, со стада овец одну овцу, со стада коров одного быка. Так было в течение 15 лет после того, как он попал в Андию и обосновался там⁴⁶.

Знатная фамилия, ведущая свою родословную от казикумухских шамхалов и выдвигавшая из своей среды военных предводителей Андийского общества, проживала во второй половине XVII — начале XVIII в. в селении Гагатль⁴⁷. Еще в конце XIX в. среди андийцев были люди, претендовавшие на происхождение от шамхалов и предъявлявшие царской администрации свои родословные списки начиная с XVII в.⁴⁸

Позже андийцы попадают в зависимость от хунзахского хана. По сведениям акад. И. А. Гюльденштедта, собранным им в начале 70-х годов XVIII в., Андийский союз сельских общин («округ Анди») «являлся владением князей яхсайских или ахсайских, а некоторые селения — аварского хана. Подать семьи обыкновенно состоят из одной овцы»⁴⁹. В 1828 г. Хрисанф называет андийцев «бывшими данниками» аварских ханов⁵⁰. В письме Нуцалхана джамаату Анди говорится: «Податель (сего) Хайдарбек — мой уполномоченный по сбору подати с андийских аулов»⁵¹. Андийцы платили аварскому хану восемь бурок и одного быка за использование пастбищ на горе Халатаб-меэр⁵².

Сохранились сведения о чанках Андалальского и Гидатлинского союзов сельских общин. Чанки жили в селениях Телетль, Уриб, Зиури, Голотль, Урада, Тидиб, Гинта, Ругуджа и др. В 1884 г. чанки указанных сел показали, что их предки происходят из рода казикумухских ханов. Ругуджинские беки показали, что их «предок по имени Султан переселился в Ругуджа при Чолак-хане казикумухском по причине происшедшего в Кумухе возмущения»⁵³. В народных преданиях он известен как Султанил-хан. Его называли ханом андалалов. Все родственники его носили прозвище «хиндинсил», т. е. «ханского рода». У Султанила был дворец и трон,

рядом с дворцом — башни⁵⁴. Чанки имели земли, которые «были приобретены предками... пустыми и населены ими», достались им от предков и были куплены ими в разное время⁵⁵. Ругуджинскому Султану принадлежали местность Бокнеб (пахотные земли), Мачи меч (пастбища) и Мачаниб-руху (лес)⁵⁶. За пользование землями чанков местное население платило различные подати. Они «обязали каждый по 12 домов в Голотле платить им за земли свои, которые оставили им в Голотле в их пользование». Шамиль лишил их этой платы, которая была: с двора — две сабы джабы, по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил в Телетль на три дня. Это все делалось для старшего бека, который был правителем селения. Кроме того, на него уздени работали по 3 дня в году: для распашки, косьбы и жатвы. До Шамиля телетлинский старший бек Чопан получал с Бацадинской горы от бацадинского общества ежегодно четырех баранов. Он получал также быка за важных преступников, ляжку скотины, поступавшей в штраф обществу села и десятую часть штрафов. Кроме того, пешему сборщику давали «один боумет для бешмета, а верховому один стан подков с гвоздями»⁵⁷. На чанков селения Ури до Шамиля работали урийские уздени⁵⁸. В пользу урийских чанков общество Ингердаха вносило 12 баранов в год. Чанки других сел также «в древние времена пользовались с разных мест доходами»⁵⁹. Чанки селения Цалкита с 6 дымов получали по одной мере пшеницы, а с тех, у кого были овцы — по одному барану⁶⁰. По данным 1871 г. в Телетлинском обществе было 99 чанков⁶¹.

Беки и чанки Андалальского союза сельских общин пользовались всеми привилегиями феодалов, «при всех взысканиях, при столкновениях джанков с узденями, уздени отвечали вдвойне и с них взыскивали вдвое больше штрафа при убийстве, поджоге имущества его, увозе его женщины..., если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имения на 8 саж земли брали беки или джанки в свою пользу, а остальное оставляли наследникам»⁶².

Андалальцы с ненавистью относились к бекам и чанкам. За убийство бека в пользу убийцы со всего Андалальского союза полагалось 10 овец и 100 мерок зерна; за нанесение раны лицу бекского происхождения, выкуп и возмещение брали на себя все жители союза; если бек убивал андалальца, то общество в пользу наследников убитого вносило 60 мерок зерна; за выдачу замуж за бека родственницы или женитьбу на их женщине взымали штраф 300 баранов; с того, кто доносил бекам, взымалось 100 баранов; за передачу беку дома или другого недвижимого имущества взымался штраф 300 баранов, а имущество переходило в распо-

ряжение общества; за посещение бека или остановки у него 3 дней без уважительной причины, взымалось 100 баранов; если кто-либо из андалальцев скажет «Я раб или нуцалчи» (бек), то с него взымалось 100 овец⁶³.

Интересно, что в приведенном соглашении андалальцев много схожего с одним из памятников феодального права XVII в. «Постановления» кайтагского уцмья Рустем-хана, в которых также отражены классовая борьба, стремление узденей защититься от наступления феодалов на права общины, наказание того, кто действует в пользу бека⁶⁴ и т. д.

Приведенный материал по Андалальскому союзу говорит о том, что в исследуемое время население его состояло из нескольких социальных слоев: феодалов или нуцалчи (в Согратле — под названием чухларан); свободных узденей, являвшихся основной массой населения сельских общин; зависимых крестьян и рабов.

Феодалы в Гидатле назывались шамхалами, что говорит о происхождении их из казикумухского шамхальского рода. Резиденция их находилась недалеко от Урада, в местности Циниб, где сохранились развалины дворца. Находился шамхал и в Хучада, который был убит шамхалом Гидатля и нуцалом Аварии. Земли хучадинского шамхала достались гидатлинскому шамхалу, который переселил в Хучаду из каждого гидатлинского селения по одной семье. Шамхалы имели на территории селений Тидиб, Урада и Гинта большие пастбища, называемые и теперь «Шамхальскими горами» и получали подати от жителей многих селений. В 1885 г. потомки гидатлинских шамхалов обратились с прошением к царю о восстановлении существовавших до Шамиля владельческих прав их предков на получение податей с селений Кособ, Тунсода и Ахвах, жители которых были их подданными⁶⁵.

В адатах Хотода Гидатлинского союза упоминаются «эмиры»⁶⁶. Податное население в Гидатлинском союзе называлось «нахателал». Строго было определено время и место доставки податей шамхалу. В соглашении, составленном не позднее первой половины XVIII в., сказано: «Шамхалы и податные — «нахателал» из четырех селений (Тидиб, Хотода, Тлях и Гинта — Б. А.) согласились доставить подати шамхалу на место под названием «циниб» в осеннее равноденствие, в день Рузмана (в пятницу)». У нарушителя этого обычая резали корову⁶⁷.

От сына шамхала происходил самый влиятельный тухум селения Кахиб Гандалшамхалал, который получил в наследство кахибские земли и собирал подати (магала) с каждого дома. Если нечего было брать, то брали символическую магалу — золу. Дань

собирали и с жителей селения Голотль. Согласно записям в местных хрониках, кахибцы и голотлинцы договорились между собой и примерно в конце XVIII в. все мужское население старше 14 лет из этого тухума было уничтожено и кахибцы и голотлинцы освободились от несения магала.

От гидатлинских шамхалов происходили беки или нуцаби селений Андих и Ассаб. Нуцаби Ассаба владели землями до Тлярата. Жили они в Полорда, где до сих пор сохранились развалины. Потомки их входили в тухум ГалГал⁶⁸.

Были владельцы и в селении Батлук. Ханом Батлуха был избран с согласия двух других тухумов старейшина тухума Агаслал. Он стал называться Балук-ханом. Только один он имел право молотить хлеб в селении, остальным запрещалось возить снопы в селение. Он сам женился на дочери аварского хана и выдал свою дочь Манаршал-Урнжа замуж за одного из беков аварского ханского рода⁶⁹.

Койсубулинцы с начала XVIII в. находились в зависимости от шамхалов тарковских⁷⁰. Источники XIX в. называют Унцукуль (центр союза) и селение Чирката «подвладственными шамхалу»⁷¹. В 1809 г. в письме главнокомандующему на Кавказе генералу Тормасову Султан-Ахмед-хан Аварский сообщал, что койсубулинцы «подвластны владельцу Тарковскому, ген.-л. шамхалу и находятся в его зависимости», и что «стада их постоянно зимуют в его владении, там же они промышляют и летом»⁷².

Большой интерес для выяснения взаимоотношений койсубулинцев и шамхала тарковского представляет соглашение 1757 г. между жителями селения Араканы и шамхалом, в котором говорится о просьбе араканцев об отдаче их джамаату гор Уркат и Акай-тау, принадлежащих Мехти-шамхалу. «Просьбу их шамхал удовлетворил с условием, что араканцы будут его войском, его сыновьями, его людьми, будут усердно служить ему так, как это было раньше при его предках, делить с ним радость и горе»⁷³. Т. М. Айтберов переводит арабский текст соглашения по-другому: араканцы являются по отношению к Мехти-шамхалу «его войском, рабскими и помощниками в радости и горе со времен его предков»⁷⁴, из чего делается вывод, что в первой четверти XVIII в. жители селений Араканы и Балаханы были действительно подвластны шамхальскому роду и платили ему подать⁷⁵.

Подвластны были шамхалу тарковскому и другие села Койсубулинского союза, также обязанные платить ему подати. Горы Исманл, Уркаб и Акмитав шамхал отдал Койсубулинскому бо (союзу, войску) с условием, чтобы койсубулинцы были его ополченцами и подданными, служили ему, входили бы в состав его войски

и давали подати⁷⁶. Жители селения Ирганай платили шамхалу ежегодно с каждого дома по одной овце; жители селения Араканы с каждого дома — 2 ратла вина, один ратл виноградного уксуса, а также 40 овец, 20 ягнят за гору Магмиз меер; жители селения Кнкуни — одну мерку кукурузы; гергебилцы — один ратл вина, два ратла виноградного уксуса, 15 баранов с их гор; жители Балаханы — полмерки пшеницы с дыма, полратла конопляных семян; гимринцы — с каждого дыма — по одной корзине винограда; унцукульцы — полратла топленого масла, 10 баранов; чиркатинцы — один ратл серы; карачинцы — по одной мерке конских бобов; харахинцы — одну мерку фасоли⁷⁷.

Свои притязания не оставлял на койсубулинцев и аварский хан, который постоянно делал попытки подчинить их своей власти. Согласно преданиям, однажды верх взял нуцал, и обложил унцукульцев магалай — оброком фруктами и ореховой золой. Он требовал также, чтобы унцукульцы привозили ему колючки для ограды⁷⁸. Платили магалу (фрукты, мед, шерсть и т. д.) и ирганайцы. Магалу устанавливал сам хан, а по хозяйствам распределял бегаул⁷⁹. Платили аварскому хану магалу оротинцы и игалинцы. Но после поражения людей хана в одной из стычек с койсубулинцами они перестали ее платить. Было это примерно в середине XVIII в. в период Хасбулат-шамхала⁸⁰.

В зависимости («кумыкам подвластные») от кумыкских князей вплоть до 40-х годов XIX в. находился Салатавский союз сельских общин⁸¹. Земли, где жили салатавцы, некогда принадлежали кумыкским князьям. После образования здесь аварских сел князья сохранили свои земли. По официальным данным их было здесь 5,2 тыс. десятин⁸².

Земли Салатавии принадлежали разным княжеским фамилиям. Поэтому и подати разные общества платили разным князьям. Чиркеевцы платили князьям (биям) Засулакской Кумыкии с каждого дома по одной сапетке (корзине) винограда или по 20 коп. серебром, от 50 баранов — по одному барану. Аналогичные подати дурамкентцы платили биям Темировым; жители Гостала, Иха, Гуни и Бавтугая платили подати бию Муртузали Аджиеву; жители селений Инчхе, Хубар, Зубутли, Алмак и Дылым — биям Казаналиповым; миатлинцы — Хамзаевым и Паштовым; жители Чирюрта — Уцмиевым и Алибековым; буртунаевцы вместе с рядом чеченских селений — Каплановым и старшему эндирейскому князю⁸³.

Костековских и эндирейских князей салатавцы также обязаны были сопровождать в военных походах и платить им «за землю малую часть деньгами»⁸⁴.

Под сильным влиянием и в составе различных государств находились союзы сельских общин Южного Дагестана. В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович писал, что «народ ахтынский» сначала состоял под владением шамхала, «по воследовавшему же в Дагестане междуособию сделался независимым, служа при военных случаях кубинскому хану, казыкумышскому владельцу и другим»⁸⁵. И. Г. Гербер еще ранее писал, что жителей союзов сельских общин Самурской долины пытались привести под свое подданство и дербентские султаны, но это им не удалось⁸⁶. Во время Надир-шаха «и несколько прежде вступления его на престол (в 1732 г.) Ахтынский округ (союзы сельских общин—Б. А.) состоял под покровительством дербентского начальника и ширванского главного управления». После смерти Надир-шаха общества Самурской долины подпали в зависимость от Кубинского ханства⁸⁷. И по сведениям XIX в. Самурские общества находились под влиянием кубинских и дербентских ханов. Пытались подчинить их и курахские ханы⁸⁸.

Письменных сведений о феодальных фамилиях обществ Самурской долины нет. Согласно преданиям, беки были в селении Смугул. Дом Исмаила Магомедова в свое время был построен беком Хусейном. Кто собирал земляные плоды (кларегъер), должен был их давать беку⁸⁹. В селении Каракюре также имелись свои беки, которые имели в собственности большие пахотные участки Чияр и Чувухур и земельные участки на территории нынешнего селения Усучай. Жители Каракюре считались раятами этих беков. Последним правителем Каракюре был Бедер-хан⁹⁰.

Были местные беки и в селении Микрах, которые владели участками земли под названием Бекер, что значит «бекские». Бек Магомед Панах присоединил к бекским владениям и земли Ксанач. Микрахцы находились в зависимости от беков, были их раятами⁹¹.

Местного происхождения были беки Рутула. Во второй половине XIX в. их было до 15 семейств. Происходили они от некоего Казибека, который примерно в середине XVII в. «являлся лицом, имеющим право быть приписанным к привилегированному сословию»⁹². Они являлись предводителями Рутульского общества при внешних сношениях⁹³. Рутульские беки имели свои собственные удобные земли⁹⁴. Они получали дань с рутульцев, которую в XIX в. перестали платить⁹⁵. Рутульские беки подчинили себе и другие села своего магала (союза). — Лучек, Амсар и т. д. На территории Лучека в долине Кара-Самура они имели земли, отобранные у местного населения. В подчиненных селах беки назначили юзбаши, которые собирали подати и отсылали бекам в Рутул. В селении

Амсар был родственник рутульским бекам тухум, из среды которого назначался юзбаши. С зависимого населения беки брали зерно, деньги, оно обязано было готовить для беков дрова⁹⁶.

Изданный Т. М. Айтберовым «Шиназский аноним» дает возможность характеризовать социальный строй Шиназского магала (Шиназ, Пилек, Уна, Амсар и Кала) как феодальный еще в XVI—XVII вв. Согласно анониму, здесь имелись две общественные категории: рядовые и привилегированная фамилия «потомков Абу-Муслима Хорасанского». Из этой фамилии выходили главы Шиназского магала, носившие титул «халифа». Он командовал ополчением всего магала, был обязан с 12 «слугами» охранять горные проходы, ведущие к Шиназу, за что жители Пилека и Уна давали ему в дни охраны «содержание», а шиназцы — быка и несколько пар штанов ежегодно. Кроме того, шиназцы должны были ежегодно обрабатывать на полях халифа по шесть дней: три дня во время пахоты и три дня в период жатвы. Это говорит о том, что в собственности халифа и его фамилии находилось много земель.

В пользу халифа несли повинности и отдельные тухумы магала. Так, тухум Бутак давал халифу ежегодно по 2 кафиза полбы, тухум Джахдар поставлял пахотные орудия «со [всем] необходимым», тухум Акакан отправлял на его ток своих невесток для провешивания зерна, тухум Арашлу поставлял халифу по 4 ратала железа. С общинников, пожелавших ознакомиться с записями местных адатов, хранившихся у халифа, брали одного быка⁹⁷.

Отсутствие сведений не дает возможность проследить как долго правили в Шиназе халифы. Но, несомненно, их правление оказало влияние на дальнейшее социально-экономическое развитие Шиназского магала и других соседних сел рутульцев.

Происхождение феодальных фамилий в других союзах сельских общин Южного Дагестана связано с казикумухскими ханами, начиная с Сурхай-хана I. «Зурхай их, — писал И. Г. Гербер о лезгингах («куралли»), — подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтоб от него отделены были»⁹⁸. Приемники Сурхай-хана I присоединили к своему владению и низменную часть Кюринского округа и магала Ахмарлы, Кошан и Агул⁹⁹. В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович писал, что Куба, которая сначала находилась «под владением шамхаловым», затем в результате междуособия попала в зависимость от дербентских султанов, а «в новейшие времена от кубинских ханов», была уступлена Фатали-ханом Хамбутаю казикумухскому «в наследственное и независимое владение» с правом сбора податей¹⁰⁰.

Во второй половине XVIII в. отпрысками казикумухских ханов было образовано ханство Кюринское. В 1811 г. ханство было под властью казикумухского хана Сурхая II Хамбутаю, настроенного

против России. После разгрома Сурхая II генералом Хатунцовым ханом был назначен сын Шахмардана Казикумухского Аслан-хан¹⁰¹. С назначением его ханом в 1812 г. в селах ханства расселились беки — родственники Аслан-хана, прибывшие сюда из Казикумуха и получившие в пользование населенные и ненаселенные имения, как «плату за управление населением», возложенное на них. Сначала они пользовались только теми доходами, которые взимали сами ханы¹⁰².

С созданием Кюринского ханства усилилась эксплуатация кюринских лезгин и агулов. С 1812 по 1860 г. было роздано бекам и приближенным хана 15 селений, жители которых раньше не отбывали податей и повинностей¹⁰³. Жители селений Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали как раяты отбывать душарлык (подати хлебом) в размере рипе пшеницы и рипе ячменя (кто имел посев ячменя, пшеницы или чалтыка в низменности, дополнительно уплачивал беку 3 рипе посеянного), работать на него 9 дней в году, выставлять две арбы для перевозки сена и зерна, доставить арбу дров, дать 1,5 фунта масла с коровы, овцу со 100 голов, 3/4 фунта меда (те, кто имел пчел), обработать за плату 2/3 десятины чалтыка. Кроме того, давали обществу 2 руб. деньгами, барана, 1 рипе пшеницы для угощения участников «эвреза» (взаимопомощи). Кюринские беки использовали обычай «эврез» для обработки имений хана, беков и чанков. Обычай этот здесь превратился в барщину. Жители селений Аликент, Магарамкент, Захрабкент, Бубкент, Хутун, Испик, Махмудкент и др. отбывали подобные же повинности¹⁰⁴.

По показанию жителей магала Кураха, до Сурхай-хана они были узденями, при нем стали зависимы. Селения Харахур, Кутул платили хану по одному стил масла со двора, имеющие коровы, по 1 рипе пшеницы или ячменя и, кроме Кураха, давали хану по одному барану со ста¹⁰⁵. При Аслан-хане узденские села агулов стали платить по ложке масла с двора¹⁰⁶. В одном источнике говорится, что в Кюринском ханстве издавна сложился обычай, на основании которого жители несли в пользу своих ханов двойного вида повинности и работы: одни в виде податей за отправленные между ними суда и расправы, а другие поземельные за пользование угодьями, считавшимися ханскими. Одни деревни давали по 9 рипе зерна от пары рабочего скота, другие только по рипе с дыма, имеющего достаточно посевов, в некоторых селах вся подать состояла из одной ложки масла с дыма¹⁰⁷.

Жители кюринских селений Касумкент, Юхари-Яраг, магалов Гюне, Картас, Кабир и др. также платили хану подати: пшеницу, ячмень, чалтык, просо, в зависимости от того, кто их сеял, а также

масло, мед¹⁰⁸. Хан, не довольствуясь выделенными ему землями, захватывал и присоединял к своему владению общинные земли. Касумкентцы показали: «До Юсуф-хана жители нашего селения пользовались землями сколько нужно было ее в Лагоне, но потом Юсуф-хан отобрал от нас те земли. До Юсуф-хана и при нем мы там все леса имели, пахотной земли на Хандлианкалинских землях до 300 капанов, но эта земля вошла в паек Юсуф-хану в числе земель ему пожалованных. На ятаге Шаракун мы тоже имели земли до 100 капан, но из нее большую часть Юсуф-хан отобрал от нас и отдал жителям сел. Нижнего Сталя»¹⁰⁹.

В исследуемое время в Южном Дагестане было и Ярагское ханство с центром в Юхари-Яраг. Сохранились развалины ханского дворца. Вокруг дворца было семь домов беков, братьев хана. Первым ярагским ханом был Юсуф. Хан был собственником всех категорий земель, которые находились даже в Курахе, и большого количества кутанов. Ему были подвластны селения от Ашага-Стала до Магарамкента. Все, кто не был связан родством с ханом, назывались раятами. Раяты работали на хана и беков: обрабатывали ханские и бекские поля, убирали урожай, косили сено, обязаны были заготавливать дрова в Курах из магарамкентских лесов. Хан имел право первой ночи¹¹⁰.

Целегюнским бекам, начало которым положил двоюродный брат Чулак-Сурхая Гарун-бек, живший в Курахе, принадлежали селения Целегюн, Гезеркент, Кайсун, Магарамкент, Барбаркент, Бирбиркент. Целегюнцы отбывали бекам дегек: с каждого двора рипе ячменя и столько же пшеницы, с того, кто имел свыше 10 овец, бек брал по одной овце¹¹¹.

Беки находились также в селениях Испик, Зухрабкент, Аликент. Они были вассалами курахского и ярагского хана¹¹².

Курахские ханы и беки, находившиеся в лезгинских селениях, подобно казикумухским ханам, власть которых «с самого возникновения своего была деспотична и далеко превосходила власть шамхала, умия и других дагестанских владетелей», отличалась большой жестокостью¹¹³. Особенно деспотизмом и жестокостью отличались Мурсал-хан из Векелара и ярагские ханы¹¹⁴.

Обосновались представители казикумухской ханской фамилии и в отдельных селениях союзов сельских общин Самурской долины, в результате чего последние попали в зависимость от них. Так случилось с селениями Луткун и Ялах. Луткунцы и ялахцы принадлежали к «вольным» обществам, но, будучи тесными своими соседями — рутульцами, они добровольно поступили под защиту казикумухских ханов с обязательством платить им за покровительство дань хлебом. Впоследствии Сурхай-хан казикумухский

уступил платимую ими дань братьям своим Шуаиб-беку и Иссак-беку, поселившимся в селении Кака, на купленной ханом земле¹¹⁵. Луткунцы платили бекам 75 рипе пшеницы и столько же ячменя от всего селения, а жители Ялаха — по рипе пшеницы от каждого двора. Жители обоих селений исполняли все возлагаемые на них беками работы — удобряли поля, сеяли и жали хлеб, косили сено, заготавливали дрова, все это свозилось в селение, давали лошадей. Иногда беки собирали дань маслом, медом, баранами¹¹⁶. В собственности беков находилось около 20 небольших пахотных участков, лежавших череполосно с пашнями какинских крестьян, а также пастбища Куртай и Олакан-дере в ругульских землях и захваченный на какинской земле участок Перег¹¹⁷. Впоследствии земли какинских беков увеличились еще больше. У сыновей Шуаиб-бека при селении Луткун имелись 4 участка на 5 капан (1,3 десят.), а при Ялахе — 3 участка на 3 капана (0,7 десят.); у сыновей Иссак-бека имелись при селении Луткун 5 пахотных участков на 10 капан (2,5 десят.)¹¹⁸.

Беки имелись и в селении Гапцах. Они также были ветвью лакских феодалов. Беки взимали дегек с жителей селений Гапцах, Филя, Кючхюр, Коля¹¹⁹.

Агулы (магалы Агул и Кошан) сначала находились под управлением майсума и кадия табасаранских. Примерно в 1814 г. магалы Агмергу и Агул, а с 1820 г. и Кошан, подпадают под управление Сурхай-хана II казикумукского и кюринского¹²⁰. По показанию представителей сел магала Кошан, кадию и Сурхай-хану они платили с каждого двора по одной ложке масла и штрафы за преступления и проступки. Старшин сел назначал хан¹²¹.

По сведениям второй половины XIX в. в селении Буркихан проживало 5 домов бекских, 21 узденей, 43 раятов, ряд семей чанков и луклов (рабов)¹²². Не только раяты, но и уздени должны были платить бекам ежегодно 8 баранов малых и 12 больших, а также по одному барашку с каждого стада. Раяты давали бекам продукты земледелия и животноводства и выполняли полевые работы¹²³. Лес принадлежал беку, и за пользованием им уздени и раяты обязаны были по очереди «платить бекам с каждых 12 домов в год 12 баранов»¹²⁴. Бедные общинники работали пастухами и чабанами у беков¹²⁵.

В зависимости от феодалов находились и узденские магалы (союзы сельских общин) Табасарана. Из 9 магалов Верхнего Табасарана 2 принадлежали Аслан-хану казикумукскому и кюринскому¹²⁶. Ранее узденские магалы находились в составе майсумства и кадийства табасаранских¹²⁷ и они должны были делать кадию и майсуму определенные подношения. Жители Нитрихского магала

давали майсуму по одной сабе пшеницы с дыма, жители сел магалов Дырич и Сувах — по одной киле (1/5 часть меры) пшеницы и по ложке масла с дыма. То же самое с этих магалов полагалось и табасаранскому кадию. Северотабасаранский магал Хараг давал кадию по 2 киле пшеницы и по ложке масла, а магал Кухрик — по 3 киле пшеницы и по ложке масла с каждого дыма¹²⁸. Жители магала Кираг поставляли кадию сельскохозяйственные орудия, фрукты, виноград и т. д.¹²⁹

Представители феодальных фамилий были в исследуемое время и в ряде союзов сельских общин даргинцев. В XVIII в. Казикумукское ханство присоединило к себе даргинский союз Буркун-Дарго. В результате жители этого союза стали данниками лакских феодалов, которые к тому же захватили у общинников ряд земельных участков. У селения Кунки, например, были захвачены пастбищные горы Дарксана и Метазмезлахъяб. За пользование этими пастбищами кункинцы обязаны были давать казикумукскому хану скот¹³⁰. В окрестностях селения Ашты буркиханским бекам принадлежали участки земли Калажна, Урка-бута и Хана-бута. Среди повинностей, лежавших на аштынцах, была и обязанность кормить ханских щенят¹³¹.

На полях корана из селения Калкни имеется запись, в которой говорится, что Сурхай, сын Гирея отдает жителям селения Кунки их оброк (галлат) навечно¹³². Освобождение кункинцев от податей было связано с какой-то услугой, оказанной казикумукскому хану, когда он проезжал через селение Кунки¹³³.

Зависимость ряда союзов сельских общин от кайтагского уцмья и образование феодальных фамилий было связано с вхождением союзов в состав уцмийства Кайтагского. Известно, что уцмий Кайтага имел резиденцию в горах (Калакорейш, Уркарах). Именно в тот период и возникла зависимость даргинских общинников от уцмья, которая в какой-то мере сохранилась и после перенесения резиденции уцмийства на равнину. Среди народов, населяющих владение уцмья в конце XVIII в., Д. И. Тихоновым перечислены: терекемейцы, хайдаки, сюрга, гуряжи¹³⁴. Капитан генерального штаба Прушановский писал, что почти все горные магалы (союзы сельских общин) и даже такие союзы как Каба-Дарго и Сюрга в прошлом находились под юрисдикцией кайтагского уцмья, которому платили подати, и до Адиль-хана это был единый кайтагский народ, привыкший «столетиями признавать над собой власть»¹³⁵. Согласно другим сведениям, союз Каба-Дарго находился в составе Кайтагского уцмийства вплоть до начала XIX в., «деревни» которого «с несколькими другими деревнями... также находившимися в зависимости уцмья, платили ему подать ячменем, пшеницею и баранами»¹³⁶.

В связи с вхождением Каба-Дарго в состав Кайтагского ултая в ряде сел (Викри, Мургук, Дейбук, Меусиша и др.) появились беки и чанки (талхъаны), а также различные формы ренты. В исследуемое время источники говорят лишь о беках Викри и Мургука. Известны они как правители и собственники крупных земель, эксплуатировавшие местное население. Первым беком в селении Мургук был Гирей-бек, затем его сын Айди-бек, примерно в конце XIX в. — сын последнего Гирей-бек¹³⁷.

Земельные владения мургукских беков находились в местностях ЛагхИяри (3 га), БекИазила (20 га)¹³⁸ и т. д. Пахотные земли бек покупал у мургукских и башлинских узденей и они являлись его мюльками¹³⁹.

В зависимости от мургукских беков находились рабы. В XIX в. их было 4 хозяйства (30—35 душ обоего пола). Бекские рабы жили отдельно от свободных общинников-узденей. Они выполняли все необходимые в хозяйстве бека работы. Уздени Мургука также несли в пользу бека повинности: «работали всегда два дня, один день пахали и один день жали на его полях»¹⁴⁰. Бек только угощал их. Мургукцы перестали работать на бека «с того времени, как освободили рабов... бекских». Как старшины, мургукские беки получали половину всех штрафов, взимаемых за различные преступления¹⁴¹.

Талхъанов селения Викри называли чанками (чИянкИаби). Первым правителем Викри был сын ултая Рустам-хана (1616—1654 гг.) Гирей-бек. Правнук Гирей-бека по имени Буржум зафиксирован в качестве викринского правителя в 40—50 гг. XVIII в. эпиграфикой. По имеющимся сведениям, в 1200 г. х. (1785—1786 г.) Викри находилось под властью эмира Шамхал-бека, сына Умар-бека, при котором викринцы подтвердили свои обязательства в отношении своих правителей. Они несли натуральные и отработочные повинности в пользу своих правителей, а также платили штрафы за уголовные преступления. Викринские беки отличались жестокостью. При Гирей-беке были разрушены селения Айша, Шарахъа и Сахъягъ, а их жители переселены в Викри. Они должны были «косить, возить дрова в один день, пахать землю в один день, убирать урожай в один день»¹⁴².

Согласно преданиям, в прошлом талхъаны имелись и в селении Уркарах. Один из них Тамай-талхъан имел в собственности гору Хурцима — рядом с селением Меусиша, за пользование которой талхъан брал с каждой коровы по одной килавка (400 г.) масла¹⁴³. Когда у уркарахского талхъана родился сын, дейбукский талхъан подарил ему пахотный участок под названием Мамалащурлаатшали.

Недалеко от селения Киша в поселении Исмаилхжиламахи был жестокий талхъан, в собственности которого было много земли, в том числе большая сенокосная гора под названием Бурккум¹⁴⁴.

В зависимости от кайтагского ултая находился Ицаринский союз. Ицари и еще два селения — Абдашка (союз Шуркант) и Турага (союз Каттаган) платили ултаю Кайтага следующие подати: жители селения Ицари — 30 баранов, 30 барашек, 20 козлов, 20 козлят; жители Шари — 20 баранов, 20 барашек, 10 козлов, 10 козлят и 2 телят годовалых; жители селения Чагры — 21 батман масла (батман=6 фунтам). Жители селения Санакари давали 9 веревок для увязки на вьюки масла, которое давали ултаю чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукера ултая и один шерстяной чувал для нукера. Жители селения Абдашка платили ултаю масло, а жители селения Турага — масло и сигязи (грубый холст) или хлеб¹⁴⁵.

Происхождение обязательств в отношении ултая указанных сел Ицаринского союза поверенные Ицари объясняли покровительством ултая, а поверенные Абдашка и Турага — тем, что они пользовались горой ултая Дубасара, где находились пахотные и сенокосные участки¹⁴⁶.

От кайтагского ултая находились в зависимости и другие общины. По сообщению И.-Г. Гербера, старшины Кубачи в 1725 г. «купно (вместе — Б. А.) с усмеем в верном подданстве к России присягали, хотя оные прежде сего временем с шамхалом, временем с усмеем держались»¹⁴⁷. Обязательства кубачинцев перед ултаем заключались в уплате годовой натуральной повинности за пользование пастбищными участками, принадлежавшими ему. Они подчинялись его решениям дел, касавшихся взаимоотношений между Кубачами и другими обществами, а также внешнеполитических вопросов¹⁴⁸. Один из земельных участков между Кубачами и Калакорейшом до сих пор называется Усамила дикъала¹⁴⁹, что говорит о принадлежности этого участка ултаю.

Зависели от кайтагского ултая и многие села союзов сельских общин Каракайтага. Так, каждое хозяйство селения Хадаги платило ултаю по корзине (тунек) винограда¹⁵⁰; джибахнинцы давали ултаю 6 мерок (даргИян) зерна с двух быков ежегодно, одну арбу сена, одну арбу соломы¹⁵¹. Жители селения Мижигли обязаны были выполнять для ултая полевые работы — убирать урожай и молотить зерно¹⁵².

И во многих обществах Верхнего Дарго в прошлом находились феодалы — талхъаны. Согласно преданиям, в селении Муги были амиры, жившие в местности «амирти ургала» (буквально

«середина амиров»). Известны имена амиров: Амир, Терми, Омар-Багама, Шах-Омар, Шехла Кади (середина XIX в.)¹⁵³.

Феодалы-талхъаны находились также в селении Бутри и в других селах Акуша-Дарго как Усиша, Мекеги, Гапшима и т. д. Бутринский талхъан жил в местности Галгяла бекI (буквально «вершина» или «голова» «дворца»). У него были зависимые люди. Бутринский талхъан имел свои земли даже в Терекме, что было связано с родством его с кайтагским уцмием. В самом селении Бутри талхъан имел земли под названиями Талхъанна хъу, Гъумрала бекI и Дуцла бекI. Лошадей талхъана пасли в местности УргалагеллабекI. Сами бутринцы платили талхъану воск, яйца, подковы, уздечки и т. д. Все это, по рассказам старожилей села, было записано на камне, и каждый житель села знал, что и когда ему надо платить талхъану. В Бутри находились и чайки.

Согласно преданиям, бутринские и мекегинские талхъаны были уничтожены. Но в селении Бутри сохранился тухум Талхъунтала, который произошел от талхъанов — это их потомки¹⁵⁴.

Своеобразные зависимые отношения сложились у Акуша-Дарго в целом с феодальными владениями Дагестана. Верхнедаргинцы вплоть до середины XVII в. находились в составе Казикумухского шамхальства. Но и после выделения из шамхальства какая-то зависимость их от шамхала сохраняется. По сведениям И.-Г. Гербера, Акуша-Дарго в начале XVIII в. находилось под влиянием кайтагского уцмня, который «с ним вежливо поступать принужден, ибо оные себя подданными числить не дают», но по его «требованию к войне собираются против плату или надеянием добычи»¹⁵⁵. По сведениям конца XVIII в., верхнедаргинцы считались «под протекцией шамхала»¹⁵⁶. Их называли даже «зависимыми», «подданными» шамхала¹⁵⁷, которые податей никаких не дают, но в случае необходимости выставляли шамхалу войско¹⁵⁸. У жителей верхнедаргинских союзов не было на плоскости своих пастбищ и поэтому они вынуждены были арендовать их в Тарковском шамхальстве, Кайтагском уцмийстве и у князей Засулакской Кумыкии. Это и послужило основой для возникновения своеобразных зависимых отношений Акуша-Дарго от шамхала и уцмня. Но уже в XVIII—XIX вв. Акуша-Дарго во главе с наследственным кадием являлось одним из сильных политических единиц Дагестана. И, конечно, оно относится к тем союзным структурам, социальное развитие которых происходило под влиянием окружающих феодальных владений и вместе с тем своего внутреннего социально-экономического развития.

Приведенный материал убеждает, что в исследуемый период во многих аварских, даргинских, лезгинских, табасаранских,

агульских, рутульских союзах сельских общин население было разделено на феодалов (беки, чалки) и крестьян (раяты, уздени-общинники). Наличие в изучаемое время во многих союзах сельских общин феодальных сословий — это результат как вхождения их в прошлом в состав феодальных княжеств, так и колонизации в предыдущий период горных обществ или присоединения к феодальным владениям и подчинения последними ряда союзов сельских общин и отдельных сел. Феодалы союзов сельских общин и отдельных обществ сосредоточили в своих руках большие земельные участки и огромное количество скота, служащие им основой эксплуатации членов общины, которые платили феодалам подати и выполняли различные сельскохозяйственные работы. Земельная собственность феодалов в селах союзов сельских общин — это феодальная собственность, противостоящая мелкой собственности членов общины. В то же время феодалы сосредоточили в зависимых общинах и всю политическую власть. «Сила «экономически сильного», — указывал В. И. Ленин, — в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть»¹⁵⁹. В своем социальном развитии эти общины мало отличались от феодально зависимых общин феодальных владений Дагестана, где население также было разделено на феодалов, зависимых крестьян и свободных узденей. Вместе с тем, не всегда взаимоотношения между феодалами и общинами, а также союзами носили феодальный характер. Часто они были патронатными, носили характер клиентелы, когда общины и союзы общин прибегали к покровительству феодалов за определенные приношения, обязательства выставлять воинов и т. д. Но в конечном итоге и эти отношения в результате дальнейшего наступления феодалов на общества союзов сельских общин переходили в отношения феодального характера, когда последние попадали в полную зависимость от феодала-патрона, что иллюстрируется рядом приведенных выше примеров.

3. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ, ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СОЮЗАХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН. ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

В союзах сельских общин, где не было своих феодалов или где они были уничтожены еще до исследуемого периода, социальное развитие характеризовалось выделением из среды общинников феодализирующейся верхушки в лице союзной и общинной администрации, глав тухумов и другой знати. И в этих союзах фактически имелись различные социальные слои, отличавшиеся друг от друга по своему экономическому и политическому положению. Все это

являлось следствием наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности и влияния соседних феодальных владений Дагестана на развитие союзов сельских общин, проникновения в последние институтов и порядков, характерных для первых.

Выше было отмечено, что главным из всех прав, которые имели члены общины по отношению к своей земельной собственности, было право купли-продажи. Именно наличие этого права привело к тому, что у одной части общинников-узденей стали сосредотачиваться большие земельные владения, в то время как другая часть теряла их. В результате этого внутри общины возникло неравенство. «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, — указывал К. Маркс, — ...там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может **лишиться** того двойного отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой — **собственником**»¹⁶⁰.

Указанный процесс начался в союзах сельских общин Дагестана задолго до исследуемого периода. В XVIII—XIX вв. это был далеко зашедший процесс. Поэтому, говоря о мюльках узденей-общинников, нельзя механически отождествлять различные группы частных собственников. Необходимо различать социальную природу каждой из них в зависимости от распределения между ними земли и фактического положения в общине.

Узденство союзов сельских общин Дагестана, существовавших самостоятельно, как и союзов, входивших в состав феодальных владений, в исследуемые века не было однородным. В основе благосостояния узденя, его фактической свободы, положения в общине лежала земельная собственность. Между тем главным в частном землевладении было неравномерное распределение земли. «Верхушка узденства владела несравненно большими участками земли и значительным поголовьем мелкого и крупного рогатого скота, использовала в своем хозяйстве труд обедневших сельчан-узденей и рабов, т. е. фактически занимала положение господствующего сословия. Большая же часть узденей-общинников ... находилась в той или иной степени зависимости от эксплуататорских классов, т. е. составляла феодально-зависимое население»¹⁶¹, хотя она и не утратила основных своих личных прав как свободные члены общины. Согласно адатам народов Дагестана, уздени обладали полнотой прав свободных людей, как члены определенных родственных коллективов (тухумов) и общины в целом. Собственность узденей считалась неприкосновенной, они имели право на возмещение причиненного им имущественного, физического и мораль-

ного ущерба, право пользования общинными угодьями, участия на сходе, право получения помощи со стороны сородичей и общины, добиваться принятия решений по своим имущественным и иным делам, обращаться к услугам посредников, защищаться от выдвигаемых против них обвинений и т. д.

Идентичные группы свободных и полусвободных крестьян были характерны и для других народов Северного Кавказа: тфокотли («вольные земледельцы») — у адыгов, фарсаглаги — у осетин, каракиши — у балкар, тлекоши или ававы — у абадзин и т. д.¹⁶².

Вместе с тем, личная свобода узденя в условиях неравного экономического положения по сравнению с выделившейся знатью, в значительной мере стала утрачивать прежний смысл, хотя все было равно, и из признака независимости и полноправия человека доклассового общества она сделалась своеобразной формой зависимости крестьянина-узденя от общины и феодальной знати, стоявшей в ее управлении. Реальная возможность пользования личной свободой и правами не были одинаковыми для общинной знати и простых узденей и в особенности для той части узденства, которая лишилась своей земельной собственности, следовательно, была неравна в экономическом отношении. Поэтому существенны были не столько сами по себе личные права, формально принадлежащие всем членам общины, независимо от их экономического положения, сколько реальная возможность ими пользоваться. Особенно заметно это проявилось в праве пользования общинными пастбищами. Повсеместно в союзах сельских общин считалось, что каждый член общины обладает равными правами на коллективное владение джамаата. Но в действительности за этим внешним равноправием в условиях разделения общества на богатых и бедных скрывалось нарушение былого равноправия в пользовании общинными землями, так как не все в одинаковой степени могли пользоваться ими. Для тех членов общины, которые не имели скота или имели его в небольшом количестве, это право превратилось в формальность, в фикцию, так как они не могли использовать (реализовать) свое юридическое право пользования общинными пастбищами. В то же время часть многоскотных членов общины использовала общинные пастбища «в усиленных размерах». Поэтому, хотя пастбищные угодья считались собственностью всей общины или группы общин, в действительности настоящими хозяевами их являлись владельцы многочисленных стад, в особенности там, где преобладающее значение в экономике имело животноводство. Доля пастбищ членов джамаата, не имеющих скота, оказывалась захваченной теми, кто обладал большими стадами.

То же самое можно сказать и о праве осенней пастьбы скота на жнивьях и сенокосах. Фактически и этим правом могли поль-

зоваться те члены общины, которые владели большим количеством овец и крупного рогатого скота. В ряде обществ это право со временем закрепляется только за крупными барановодами, и они становятся фактическими собственниками этих земель, хотя и на время.

Имеются интересные источники по различным обществам и союзам, раскрывающие разделение узденства на имущих, настоящих богатеев-владельцев земли, скота и разнообразного имущества. Один из них касается раздела имущества покойных супругов из сургинского селения Урари между их детьми — Гусейном, Патимат и Хаттой. Из него мы узнаем, что супруги имели большое богатство, состоявшее из 8 пахотных участков, стоимостью 200, 200, 100, 100, 100, 80, 30 и 20 манат, нескольких сенокосных участков стоимостью в 520 манат и тока стоимостью 7 манат. Эта семья имела также строения, состоящие из 3 домов, 4 конюшен, спальни и галереи стоимостью 150 манат, много скота и разнообразные вещи¹⁶³. Общая стоимость земельных участков этой ураринской семьи, состоявшей из 5 человек, составляла 1350 манат, это тем более важно подчеркнуть, что, как известно, в горах было не много пахотуодобных земель и основными земельными владениями узденей-общинников являлись несколько небольших террасных участков. В нашем же примере мы имеем дело с большими участками, о чем говорит их стоимость. Половина из указанных участков стоила по 100 и 200 манат. Если сравнить их стоимость со стоимостью строений, состоявших из 3 домов, 4 конюшен, спальни и галереи стоимостью 150 манат, становится очевидным, что эти участки на самом деле по своим размерам были крупными по сравнению с земельными владениями основной части членов общины, имевших мизерные клочки земли, не обеспечивающих их необходимым количеством зерна даже на полгода.

В записи акта о разделе наследства между Шахбаном, сыном Магомеда и Айшат, дочерью Масал, относящейся к 1758 г., имеется перечень недвижимого имущества, подлежащего разделу. Из записи видно, что Магомед и Айшат имели богатого родственника, который помимо другого имущества, имел 8 пахотных, 4 сенокосных участка, 2 тока, 2 конюшни, загон для скота, 2 усадьбы и большой дом¹⁶⁴.

В иаринской рукописи имеется еще одна запись, содержащая сведения о многоземельных общинниках-узденях по имени Хулахма и Махунтар. Здесь дается перечень 12 пахотных участков, с которых они «обращают вакф» определенное количество зерна¹⁶⁵.

Остановимся на другом документе конца XVIII в., очевидно, составленном в одном из аварских сел. Эта запись 1795 г. в араб-

ской рукописи «Шарх ал-Минхадж Махалли» («Комментарий к Минхаджу»), где перечисляется недвижимое и движимое имущество, переданное по назру жителем селения Саландар Умачем своей шучке. Среди них 4 пахотных участка, 2 тока, сеновал, склад для необмолоченного хлеба, виноградник и т. д.¹⁶⁶. Интересно, что перечисленные в завещании токи — это не маленькие клочки земли. Так, один из них завещался «со всем тем, что имеется вокруг него, местом для скирдования сена и необмолоченного хлеба, расположенного на нижнем хуторе»¹⁶⁷. Из этого ясно, что вокруг тока имелась еще собственная земля. Кроме того, из документа видно, что у Умача имелись сенокосы и другая земля на хуторе.

В одной из рукописей из селения Ашты имеется перечень участков, с которых полагалось мечети определенное количество зерна. Из перечня видно, что у одного жителя селения Курбан-Исмаила и его сына было 5 участков пахоты и одно пастбище, с которых полагалось определенное количество зерна, а с пастбища — 2 барана¹⁶⁸. Очевидно, в собственности их были еще земельные участки, так как не может быть, чтобы со всех земельных участков полагалось в вакуф зерно.

Неравномерность распределения земли в сельских обществах союзов сельских общин, сосредоточение их в руках разбогатевших членов, хорошо видно из списка жителей селения Усиша — владельцев сенокосных участков. Согласно этому списку, одни общинники имели участки стоимостью всего в пол-барана, или даже пол-ягненька, в то время как отдельные представители общины (сельская верхушка) имели сенокосы стоимостью в несколько десятков баранов. Так, Алибек, сын Талхъан-Гаджи имел в собственности 19 сенокосных участков, в основном совместно с другими усишинцами¹⁶⁹. Отца богача Алибека звали Талхъан-Гаджи. Термин или имя Талхъан, возможно, в данном случае прибавлен к имени Гаджи как показатель его происхождения или как показатель его знатности и богатства. Даргинцы, как было сказано и выше, талхъанами называли ханов и беков и в нашем примере это имя как нельзя лучше раскрывает социальное и имущественное положение Гаджи.

Другой представитель разбогатевшей части узденства селения Усиша был Магомед-Расул, сын Ахсабар-Гаджи, который имел в собственности совместно с другими усишинцами 13 сенокосных участков. Много участков имели также усишинцы Ника-Гаджи, Дауд-Кадри, Патимат, жена Ника-Магомеда, сына Сулеймана-Кадри¹⁷⁰.

У отдельных усишинцев имелись в собственности и большие пахотные участки. На юге от селения находится местность (ныне

там совхозный сад), которая называется Газимирзабарк (долина Газимирзы). Эта площадь земли примерно в 300 га в прошлом принадлежала одному человеку¹⁷¹. У акушинца Магомеда Мусаоглы вместе с совладельцами и жителями селения Мюрего и Утемыш находился участок земли кутана Эльдери, площадью в 212 десят.¹⁷²

В табасаранском селении Вертил жил богач по имени Жюгель, которому принадлежали пастбищная гора Ралак и другие категории земель. На него работали крестьяне селений Урги, Яраг, Джучи, Фурдаг и Вертил. Они обрабатывали поля Джюгеля и заготавливали на зиму жорм для его скота¹⁷³. В селении Чирах в одной рукописи корана имеется запись земельных владений чирахца — лаиба Шамиля, среди которых не только пахотные и сенокосные участки, но и обширное пастбище¹⁷⁴.

В высокогорных животноводческих обществах богатство человека определялось количеством скота, которым он владел. Многие общинники имели их сотни и тысячи. Так, богатая семья из селения Берих (общество Асах) заготавливала на лето такое количество сыра в высушенных желудках крупного рогатого скота, что они служили в качестве сидений во время свадебных пиршеств членов данной семьи¹⁷⁵, что говорит о многочисленности скота, находившегося в собственности этой семьи. Согласно источникам, в обществе Ратлу некоторые хозяева имели до ста голов крупного рогатого скота и до тысячи голов овец¹⁷⁶.

Сохранился ряд арабоязычных документов, показывающий участие богатых узденей-общинников Салатавского союза сельских общин в перераспределении феодального землевладения вне своих общин, сосредоточение в их руках больших земельных угодий и скота. В одном из документов сказано, что житель селения Гертма Джабраил купил у кумыкских князей Засулакской Кумыкий ряд земельных участков. В частности у князя Магомеда Айдемирова за двух грузинских холопов и 600 руб. русских денег он купил участки земли под названиями Белишген и Инчхе¹⁷⁷. В договоре от 1735 г. между детьми эндиреевца Хамзата и детьми чиркеевца Исмаила сказано, что первые при примирении за умершего Исмаила подарили его детям гору Чадыр-Гурган в 300 десят.¹⁷⁸ Чиркеевец Сунгур Хаджияву Демилялову в 1751 г. купил гору у Сагида Сагидова эндиреевского за 1150 руб., 10 быков и 50 овец¹⁷⁹. Житель того же селения Магомед-Аджи Шейх-оглы в 1759 г. купил у эндиреевского князя Муртузали-Хаджи Чапалау-оглы участок земли в Салатавии за 3000 руб., 3 крепостных мужского пола и 3 крепостных женского пола¹⁸⁰. Малачияу Додо-оглы в 1838 г. купил гору Чедираб за 116 руб. у князя Давлет Угу Гирей-оглы¹⁸¹. Чиркеевец Мирза примерно в начале

XVIII в. купил у князей эндиреевских гору Эба-меер в 200 десят.¹⁸² Тогда же Мирза купил у эндиреевских князей земельный участок Моколо в 300 десят. Примерно в это же время предки юнкера Пирасул Магома Айдемирова из Чиркея купили земельный участок Маматхан-Чадыргун у эндиреевских князей, где было около 50 десят. леса и 60 десят. пастбищ¹⁸³. Приблизительно в 1711 г. житель селения Зубутль Хожа Абдужил Хажияв купил в Салатавии пастбищную гору Ялхи Сиген приблизительно площадью в 200 десят. у эндиреевского князя Айдемира¹⁸⁴. Приблизительно в 1736 г. чиркеевец Дариш-Магома Алиев купил у темир-хан-шуринского князя Урустан-хана пастбищную гору Ясазул-меер в 100 десят.¹⁸⁵ В 1731 г. чиркеевец Дада Пирасул Магомаев купил у костековских князей пастбищный участок Малачиясу-меер в 300 десят.¹⁸⁶ Приблизительно в 1786—1788 гг. жители селения Зубутль штабс-капитан Даци Таймасханов и его брат Шангирей купили в Салатавии у князя аксаевского Капланова пастбищную гору Чиразул-меер¹⁸⁷. Чиркеевец Абакар Мирзаев в 1799 г. купил у эндиреевского князя Сааду Саадиева за 500 руб. пастбищную гору Абакар-меер в 100 десят.¹⁸⁸

Согласно жалобе от 1862 г. майора Нижегородского драгунского полка Аджи Мустафы Умарова и подтверждению почетных старшин селений Хубар и Инчхе его предкам в этих селениях принадлежали земли Хапига, Марасаб, Тамача, Лабазан, Баталово, Кумыкент. Первый из этих земельных участков — это сад пространством на 1 день пахоты, три пахотных места Хазиниясу-Магома-Тала — на 13 дней пахоты, Муцудояхан — на 2 дня пахоты и поляна Исупа — на 2 дня пахоты и место для дома со двором в самом селении. Им же принадлежали в селении Хубар 2 места на 2 дня пахоты каждое и покосы на 3 арбы сена¹⁸⁹. Все эти земли достались матери Умарова от ее матери, уроженки селения Хубар¹⁹⁰.

Как видно из приведенных документов, больше всего собственников пастбищных земель было в селении Чиркей. Здесь находились крупные барановоды, которые и покупали для пастьбы своих овец у кумыкских князей пастбища. Наиболее крупными барановодами были Магомедхаджиев и его сыновья. Свои пастбищные горы он назвал именами своих сыновей: Салатгерей-меер (гора Салатгерей), Бецца Хляжиясул-меер (гора Бецца Хаджиява) и МухАмирзал-меер (гора Мухамирзы)¹⁹¹. Давуд Хаджияв имел 7—8 тыс. овец, Пайзулаев в середине XIX в. имел 25 тыс. овец. Для содержания чиркеевских овец требовалось более 600 чабанов. В начале XIX в. в селении Гертма самым богатым человеком был барановод Гаджиев, который нанимал одновременно до сотни чабанов¹⁹².

Из приведенных же выше источников по союзам сельских общин даргинцев и аварцев видно, что сосредоточение в руках общинной знати больших земельных владений происходило за счет покупки мюльков общинников-узденей, т. е. своих односельчан. Этим объяснялось и то, что землевладение феодализирующейся знати в этих союзах являлось часто сочетанием многих «парцельных участков». В то время как хозяйство основной массы узденей-общинников велось на одном или нескольких небольших участках, хозяйство общинной верхушки состояло из нескольких десятков полей. Богатеи увеличивали свои земельные владения и за счет захвата общинных земель и присвоения земельных участков, выделяемых джамаатами в их пользование за исполнение ими административных функций. Именно союзная и общинная администрация выступала в качестве выделившейся знати, сосредоточившей большие земельные владения и скот и превратившей во многих местах должности старшин и кадиев в наследственные. Так, акушинский кадий, власть которого была наследственной, имел в собственности лучшие земли, отторгнутые от общинных земель и полученные некогда от казикумухского шамхала¹⁹³. Акушинский джамаат выделял для кадия союза и специальные сенокосные участки¹⁹⁴. Недовольствуясь этим, Магомед-кадий акушинский купил еще за 4 тыс. руб. пастбище под названием Бебук угбулак¹⁹⁵. Это говорит о том, что акушинские кадии являлись не только крупными землевладельцами-собственниками больших и «хороших имений»¹⁹⁶, но и владельцами больших стад крупного рогатого скота и овец. Известно, например, что в числе 14 тыс. овец акушинцев, которые паслись в Тарковском шамхальстве в 1844 г., 3600 принадлежали Зухум-кадию акушинскому¹⁹⁷. Известно также, что до присоединения Акуша-Дарго к России каждый джамаат Сюргинского союза сельских общин давал акушинскому кадию ежегодно по одному быку¹⁹⁸. Он получал также различные доходы во время свадеб, похорон, бракосочетаний, при разделе имущества, часть заката и т. д. В лице акушинского кадия и его фамилии создавалась особая социальная группа, которая принадлежала к самой привилегированной и богатой прослойке Акуша-Дарго.

Акушинский кадий являлся таким же феодальным правителем, как и другие владетели Дагестана. Он фигурирует наравне с ними в различных политических событиях¹⁹⁹. Вместе с остальными феодальными владетелями Дагестана он получает содержание то от Персии, то от России²⁰⁰. Как к равному себе феодальному правителю обращаются к нему другие феодальные владетели, а селение Акуша выступает как один из политических центров, где феодальные владетели собираются для согласования

и решения различных вопросов²⁰¹. В 1795 г. акушинский кадий советует шамхалу тарковскому Мехти применить силу против крестьян Тарковского шамхальства, которые пытались избавиться от ига шамхала и его беков в селении Губден²⁰². В 1802 г. аварский хан обращается к акушинскому кадию за советом и помощью против подвластных крестьян, пытавшихся сложить с себя непосильные подати и повинности²⁰³.

Личность акушинского кадия считалась священной. Близ селения Бурхимакмахи находится площадка ЦахИнабикла диркья («поляна сбора») с небольшим холмом, где проходили собрания представителей даргинских обществ. Акушинский кадий взбирался на холм и руководил сходом. Во время схода ни один человек не имел право смотреть на холм, на котором находился кадий. Даже в обычное время считалось нехорошей приметой смотреть на этот холм²⁰⁴. На вершине горы рядом с селением Акуша раньше была джума мечеть, которая ныне построена вновь. Несмотря на крутой и длинный подъем, молящиеся добирались туда только пешком и лишь акушинскому кадию дозволялось ехать до мечети верхом²⁰⁵.

Все это можно сравнить только с тем положением, какое занимали в своих владениях феодальные правители. Поэтому русское военное командование в Дагестане ставило вопрос о необходимости возвести кадиев в бекское сословие²⁰⁶.

Владельцами больших земель и скота являлись наследственные кадии Сюргинского и Цудахарского союзов сельских общин, сосредоточившие также всю полноту власти в своих союзах²⁰⁷. По своему положению они составляли после акушинского кадия следующую ступень в социальной иерархии Дарго. Крупными землевладельцами в союзе Каба-Дарго были урахинские кадии. В исследуемое время кадий Каба-Дарго избирался из тухума Абдулкадиркали. В начале XIX в. кадием в Урахи был Абдулкадир. Он имел огромную власть и получал большие доходы. Каждый из 12 исполнителей давал урахинскому кадию ежегодно по 10 мерок (в мерке 1,5 пуда) пшеницы, т. е. 180 пудов только в течение одного года²⁰⁸. Занимая должность урахинского кадия, Абдулкадир еще больше разбогател, скупая земельные участки у односельчан, в результате чего стал первым богачом Урахинского общества. Еще при жизни Абдулкадир дал каждому из трех сыновей — Газибюю, Абдулкериму и Абдурашиду по 12 десятин (на 100 бархасаева) земли. В собственности Абдулкадира находилось и много скота²⁰⁹.

Кадием в селении Урахи в середине XIX в. был и сын Абдулкадира Абдулкерим. Ему принадлежала половина местности Ча-

кашулла ургуба, участок леса напротив селения Махаргимахи. В местности Биштал Ираула Абдулкерим захватил себе земли площадью в 3 га, чтобы пасти свою лошадь. Если туда заходил чужой скот, то он захватывал и резал его²¹⁰.

Имел много земли в местности Байгъабил гъуни, около селения Урахи и хутора МулигИмахи (на 50—60 барха засева) и другой брат Абдулкерима — Газибей²¹¹.

В селении Урахи крупными землевладельцами были Шахбанхъали. Они имели земли даже на территории селения Кичигамри. Одним из их участков было пахотное поле Хъотахъу, где ныне более 10 хозяйств совхоза им. Г. Далгата имеют свои приусадебные участки²¹². Большим богачом в селении Урахи в XVIII в. был Хъанцла Нурбаганд — основатель тухума Гъинчлухъали. В его собственности находились земли в местностях Хъябкъяй, Омаршалахъяр, ЧакаллагИниц, БахИла гИлала, Гъинчлухъала гЯрми, ХолахИяллишила, Къолалишила, ЧугЯслакъада и т. д. Он имел также много скота. Только одних буйволов было у него 18 голов²¹³.

Представителями «богатеев», «влиятельных», «почетных людей» являлись старшины, судьи и военачальники многих союзов сельских общин, которые «фактически уже выдвинулись на положение правящего сословия»²¹⁴. «В этой связи, — пишет В. Г. Гаджиев, — уместно напомнить, что разница между ханствами и «вольными» обществами состояла не столько в уровне социального развития, сколько в форме правления, которая в разное время менялась»²¹⁵.

Помимо наследственных кадиев союзов сельских общин привилегированное положение занимали и другие представители мусульманского духовенства — кадии, дибирь, будуны, муллы. Водая всем вакуфным имуществом, духовенство имело возможность пользоваться им. Доход с вакуфных земель, пишет Р. М. Магомедов о даргинских союзах сельских общин, «шел главным образом мечетским служителям»²¹⁶. Для духовенства специально выделялась и часть вакуфных доходов. Во многих обществах духовные лица имели и личные вакуфы, т. е. такие земельные участки, которые были учреждены специально для их личного пользования. Духовенство пользовалось мечетскими землями и по решению джамаата. При передаче по наследству духовных должностей, естественно, передавались наследнику и указанные земли и таким образом представители одних и тех же фамилий становились обладателями больших земельных угодий и другого имущества. Так вакуфы превращались в один из основных источников доходов, в орудие экономического обогащения высшего мусульманского

духовенства, как особой прослойки класса феодалов, тесно связанной со светскими феодалами и выражавшей их интересы. Вакуфные земли являлись постоянно действующим источником доходов мусульманского духовенства.

Повсюду в союзах сельских общин богатые члены сосредоточили в своих руках значительный земельный фонд и огромное количество крупного и мелкого рогатого скота. Это была местная феодализирующаяся знать, занимавшая в то же время высшие административные должности, позволявшие им еще больше обогащаться за счет рядовых членов общины. В этом сказывалась роль собственности, выполнявшей «политическую и социальную функции».

Изучая союзы сельских общин Аварии, Р. М. Магомедов пишет, «что аварский джамаат представлял собой разлагавшуюся сельскую общину. Процесс распада патриархально-общинных отношений у аваров сопровождался выделением знати». К XVIII—XIX вв. «представители знати в джамаатах уже сделались крупными собственниками земли и скота. На этой основе в аварских польных обществах развивался феодальный уклад».

Формирование земледельческой знати в аварских вольных обществах шло в первую очередь за счет глав тлибилей, шухби, бегаулов, верхушки мусульманского духовенства. Эта часть состоятельных верхов вольного общества разными путями экспроприировала джамаатские земли и земли своих соседей общинников и ставила общинников в кабальную зависимость»²¹⁷. Для подтверждения сказанного, он приводит интересный пример о захвате индийским крупным скотоводом Арашом пастбищной земли джамаата Ашали. Араш послал на ашалинскую землю свой скот и лошадей и объявил ашалинцам, что отныне она принадлежит ему. Захваченная земля стала носить название «земли Араша»²¹⁸.

По мнению Р. М. Магомедова, выделение земледельческой знати в аварских союзах сельских общин происходило в двух направлениях. В одних из них усиленный процесс выделения земледельческой и скотоводческой знати происходил еще в XVIII и первой половине XIX в., а в других — процесс превращения патриархально-феодальной знати в феодалов к этому времени был уже в основном закончен. К XVIII в. здесь произошло выделение особых феодальных династий²¹⁹. Типичным представителем такой знати был Динга Хаджи из Тинди, который «являлся феодалом, превратившимся из племенного вождя в князя... был крупным работником, владельцем больших отар овец, пастбищ и пахотных участков». Он имел четырех жен, «был неограниченным властелином в обществе»²²⁰. «Знатнейшим лицом» в Джурмуте в это время был Мама Шабан²²¹.

Шел процесс феодализации и в Ахтыпаринском обществе. М. В. Саидова писала, что здесь «собственность на скот создала такую глубокую дифференциацию, что ...еще до XIX в. выделялась верхушка узденей, имевших от 4 до 12 тысяч баранов,¹ до 100 и более лошадей и владевших большими пастбищами, пахотными и сенокосными участками»²²². По мнению Р. М. Магомедова, «утверждение частной собственности в джамаатах и хозяйственный распад тухума установили более широкие, чем в нагорном Дагестане, территориальные связи среди лезгинского населения: все больше и больше отступало на задний план общинное начало организации узденей. Тут налицо были признаки развивавшихся классовых отношений. По своей сущности они являлись феодальными, но, как и всюду в Дагестане, облекались в старую патриархальную оболочку»²²³. «Как и в любом другом дагестанском ханстве, — пишет далее он, — в лезгинских магалах сельское население подразделялось на свободных и зависимых, узденей, райятов и луков (рабов), но отношения между ними и феодалами здесь сложились несколько иначе, чем в других районах Дагестана. В Ахта и Кюре с древних времен существовала феодальная знать», пользовавшаяся всеми привилегиями земельных собственников и эксплуатировавшая «местное население. Но феодалы здесь еще не окрепли. Их усилению мешали частые вторжения иноземных захватчиков. Перед постоянной угрозой внешней опасности уздени сплачивались между собой, в джамаатах вновь оживала деятельность старых общинных органов»²²⁴. Кроме того, уздени оказывали упорное сопротивление захвату их земель и лишения свободы²²⁵.

Наличие неравенства, зависимых отношений внутри общины хорошо отражено в названиях одного из кварталов селения Ахты — «Гьякъар», т. е. «те, кто платит дань»²²⁶. Согласно материалам, собранным Л. В. Панек и Р. Г. Маршаевым, ахтынцы разрешили пришлым из Цахура, Зрыха, Караку и Убарын поселиться на Кузайской стороне в квартал Пелтуяр при условии уплаты налога (хардж) и выполнения бесплатно некоторых полевых работ. Квартал, в котором они поселились, стал называться Кулиярским, что говорит о зависимости его жителей от коренных ахтынцев. Жители Гюнейской стороны производили это название от слова «кзул» — раб²²⁷. Они в течение длительного времени принуждали кузейцев платить подати зерном и скотом. Обязательство выплаты подати было высечено на стене одного из домов, перделанного из крепости. Однажды, ночью тайком, накрыв надпись войлоком, кузейцы сбили ее молотками²²⁸.

Не была социально однородна и сама привилегированная Гюнейская часть селения Ахты. Р. Г. Маршаев писал, что здесь

помимо аксакалов, являвшихся наследственной в прямой нисходящей линии²²⁹ феодальной знатью, выделилось еще одно привилегированное сословие так называемых бахтияров, «приобретение богатства путем грабежа соседних лезгинских селений и набегов в другие места». Он сравнивает бахтияров с первостепенными узденями феодальных ханств Дагестана и указывает, что они в основном являлись выходцами из богатых узденских тухумов — Кабанар, Кифияр и Сирияр²³⁰. Эта была своего рода военно-служилая знать, благодаря которой были подчинены Ахтынскому обществу другие села самурских лезгин. Это также одна из распространенных форм коллективной (корпоративной) экономической зависимости, когда сюзереном выступает не отдельная личность, а целое общество.

Различные группы населения имелись и в других союзах сельских общин. Так, в селении Муги население делилось на узденей и лагов. Уздени, в свою очередь, подразделялись на две группы. К первой группе относились юртла бегити — домовладельцы, коренные жители. Судьи выбирались только из их числа. Было 4 тухума этой части населения, из каждого из них выбирался, по одному судье-каттын. Вторая группа населения — это юрт агарти (не имеющие домостроения). Это не коренные жители, а пришедшие позднее. Они не имели права выбирать судей²³¹. В Цудахаре существовало четкое и строго соблюдаемое сословное деление жителей. Четыре тухума этого общества являлись наиболее влиятельными. Здесь жил некий Сулибанилов, относившийся к той богатейшей тухумной верхушке, из числа которой избирались и хуцелы (старшины) и кадии²³².

В селении Чиркей уздени делились на несколько категорий по признаку давности поселения их предков (чем раньше появились здесь предки данной категории людей, тем более привилегированное положение занимали их потомки). Лагъами (рабами) были те жители Чиркея, предки которых селились здесь в последнее время²³³. Знатностью отличались потомки Пирасулал и Буралал или Урусилал²³⁴. И здесь богатые и имевшие многочисленное родство предпочитались другим²³⁵. А. М. Буцковский отмечал, что хотя все жители Салатавского союза «почитают себя узденями, но разделяются на два рода, из коих простые прислуживают старшим»²³⁶. О зависимых он писал: «Крепостные же — суть иноземные пленники, кои находятся в полной власти их» (узденей — Б. А.)²³⁷. Под влиянием соседних кумыков их стали называть «чагарами» (феодално-зависимыми крестьянами). От этого возникло и название одного из кварталов селения Чиркей — «Ча-чар-авал» («квартал чагаров»).

В селении Бутри (федерация Акуша-Дарго) население дели-

лось на узденей и лагъов (рабов). Последние даже после освобождения не были равноправны с другими членами общества. Когда на годекане сидели уздени, лаги не имели права находиться там²³⁸. Население Ботлиха раньше делилось на три сословия: уздени — свободные общинники, рагиглат — крепостные и къзакъи — рабы²³⁹. В селении Ашты (союз Буркун-Дарго) было три сословия: уздени-общинники (они говорили «нусса уздантадала» (мы из узденей); куриты (апараги — пришельцы, переселенцы). Они не имели средств производства, работали у узденей в качестве прислуги и т. д., но были лично свободны, каджары — население, считавшееся неравным с узденством. Уздени никогда не выдавали за них своих дочерей, если даже каджар становился богатым²⁴⁰.

Социальная градация общества одновременно была тухумной градацией. Почти повсеместно были «тухумы бедные и богатые, привилегированные и бесправные»²⁴¹, высшие и низшие, сильные и слабые. Так, по сведениям П. Ф. Колоколова, население «Вольного Табасарана» было разделено на «сильные фамилии» и «слабые». Первые имели «преимущества перед слабыми»²⁴². Еще в 30-е годы в Тидибе Б. Далгат наблюдал «интересное явление, указывающее на неравенство между собою различных тухумов и выделение одного тухума более сильного, господствующего, как бы правящего над другими, своего рода феодального тухума»²⁴³. Здесь было четыре тухума: Чухби, Гидерилал, Хандилал, Нахадилал (Гарбанилал). Самым привилегированным, «владельческим» из них был тухум Чухби, тухум Гидерилал составляли свободные уздени, а Хандилал и Нахадилал считались низшими тухумами²⁴⁴. Знатные тухумы имели много земли (в том числе пастбищные земли «Чухах» и «Чарши») и скота. Представители их подвергались эксплуатации зависимые тухумы. Некогда Нахадилал был не названием тухума, а местным термином, означающим зависимое население Гидатля. К лицам низшего сословия в селениях Гидатля применялось название «Тарханал» (помилованные из военнопленных и местных жителей, попавшие в зависимое положение)²⁴⁵. В селении Кахиб из шести тухумов выделился тухум Андалал-шамхал. Само название тухума говорит о его происхождении и привилегированном положении. Лучшие пахотные земли, пастбища и луга принадлежали членам этого тухума. Они собирали подати (магала) с каждого дома селения. Андалалы господствовали и над голотлинцами²⁴⁶. В селении Ицари были тухумы привилегированные, полузависимые и зависимые, которые платили первым «часть своих доходов» и участвовали в проведении их сельскохозяйственных работ²⁴⁷. То же самое было и в селении Зубанчи²⁴⁸. В селении Урари (союз Сюрга) главным тухумом

считался Хуллата-кади, затем Багамма-кади, Омар-кади и Аллаи. Пользуясь своей многочисленностью, тухум Аллаи захватил лучшие сенокосные и пахотные земли²⁴⁹. В селении Уркарах (союз Гапш) привилегированным был тухум Канцабар, который отличался от других тухумов своим богатством и правовым преимуществом. При выдаче своих девушек замуж они имели право требовать за них двойной мас (выкуп). У Канцабар было много скота, причем одной масти, откуда и произошло название тухума²⁵⁰. В селении Гапшима было несколько тухумов, неравных по имущественному и социально-правовому положению. Предки большинства из них поселились здесь в разное время²⁵¹. В селении Гдым (Ахты-пара) семья пришлых тухумов Газанар и Цурухар отличалась от других тухумов не имели пастбищных земель, так как община не выделяла их им. Мужчины этих тухумов не пользовались правом голоса на общинных сходах²⁵². Интересно, что в селении Чишили (союз Муфра) и Ираги богатые и влиятельные тухумы, от которых зависели другие тухумы, назывались Чаншаби, в селении Дзилебки — Талхъунти, т. е. их называли так же, как и феодалов²⁵³. В селении Смугул Ахтыпаринского союза тухум Алкашар зависел от тухума Чарахар. Каждая вновь образованная семья из первого тухума для признания ее обществом обязана была резать быка и устраивать угощение в честь главного тухума²⁵⁴. Некогда самыми влиятельными в селении Салта были рассалины. Некоторые из них допускали самый безудержный произвол, ходили по селению и пороли всех попадавшихся им раятов (их называли здесь «халусилал»), травили их собаками. Это привело к столкновению упомянутого тухума с раятскими²⁵⁵. В селении Корода (союз Андалал) привилегированными были тухумы Мамалазул, Эдалалилал и Кундулал. В селении Артиб (союз Рис-Ор) из 19 тухумов самыми богатыми и авторитетными были три тухума: Гумай (или Ханнахир), Гасанханнахир и Халиханнахир, считавшиеся коренными. Этим трем тухумам подчинялись остальные тухумы селения²⁵⁶. В агульском селении Буршаг сильным и богатым был тухум Джамалакаяр, который имел много скота, а также сенокосных и пахотных участков. Члены этого тухума обычно прибегали к взаимопомощи при проведении сельскохозяйственных работ и применяли в своем хозяйстве наемных работников²⁵⁷. Сильными и влиятельными были тухумы Ковха (Шиланша), Омар, Хасул-Ахмед и Галуа (Джибахни), Виштайла, Каабан и Нуградин (Киша), Аравлар, Панка Адам и Наналар (Карацан), Акайла-Али, Хаджала-Шахбан, Хаджи-Юсуф, Ях-Яла и Куртала (Кубачи); в селении Курах влиятельными были тухумы Мирчиар, Манчарар, Тахэр и Кадиляр, в Гель-

хене — Кабулар, в Ашаре — Чирахляр, в Кабире — Куруджидар и Казаглар, в Гильяре — Перер и др.²⁵⁸

Наличие привилегированных и господствующих тухумов, с одной стороны, рядовых — узденских, а также зависимых, эксплуатируемых, — с другой, говорит о том, что тухумы являлись не только родственными коллективами, но и сословными корпоративными группами, занимавшими различное экономическое и социально-политическое положение в обществе. Это показатель социального неравенства не только между различными членами общества, но и родственными группами, являвшимися органическими, составными частями общины. Тухумы играли в общественной-политической жизни последней активную и важную роль — органы управления не только джамаатов, но и союзов сельских общин составлялись по принципу представительства от тухумов, право на формирование которых имели только привилегированные тухумы. Это стало правилом, традиционным явлением для многих обществ. Признание узденями-общинниками патроната местной знати в лице привилегированных, богатых и сильных тухумов и их представителей (обычно их глав) и возведение последних на высшие административные должности является дополнительным фактором, подтверждающим фактическое социальное деление населения союзов сельских общин и глубокое разложение общинных, «демократических» устоев.

Феодальная и феодализирующаяся общинная знать, кроме больших и лучших участков земель и большого количества скота, сосредоточила в своих руках и богатство в виде разнообразного имущества. В сельских обществах происходил, говоря словами Ф. Энгельса, процесс, когда «всякое богатство, состоявшее из движимости, в то время, естественно, зависело от обладания землей и все больше и больше скоплялось в тех же самых руках, что и земельная собственность»²⁵⁹. Важным источником доходов правителей союзов сельских общин и феодализирующейся знати было присвоение военной добычи, состоявшей из разнообразных вещей, ценностей, скота и пленников-рабов. Поэтому оно охотно принимало участие не только в походах феодальных владетелей Дагестана за его пределы, но и в междоусобной борьбе феодалов, за что получали от последних определенную плату. В селении Кубачи, например, основатель тухума Акай-лы «был очень богат, умен и храбр» и еще больше обогатился участвуя в походах за пределы Дагестана на стороне узмиев кайтагских²⁶⁰.

Разбогатевшая общинная и союзная знать становилась настоящим эксплуататором. Для раскрытия эксплуататорской сущности знати особое значение приобретает определение В. И. Ленина

«Классы, — указывал он, — это такие группы людей, из которых одна может себе присвоить труд другой, благодаря разнице их места в определенном укладе общественного хозяйства»²⁶¹. Приведенные выше примеры как раз и говорят о различии положения рядовых и разорившихся узденей-общинников, с одной стороны, и феодализирующейся знати, — с другой, хотя независимо от этого и те и другие назывались узденями. В этом и заключалось двойственное положение узденей. Феодализирующаяся знать — это уздени и в то же время по своему экономическому и социально-политическому положению — эксплуататоры.

И внешне вроде не было разницы между владельцами больших земель и малоземельными общинниками-узденями. И феодализирующаяся знать, и рядовые общинники-уздени имели одинаковые права по отношению к своей собственности. Вместе с тем, по существу, по форме пользования мюльки рядовых членов общины и феодализирующейся знати, как и их владельцы — это две разные категории земель. Как указывал К. Маркс, «в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или ноработниками, изменяется форма частной собственности»²⁶². Мюльки рядовых узденей — это земли, непосредственно обрабатываемые самими собственниками, а мюльки общинной знати — это земли, в обработке которых применялась и чужая рабочая сила — труд рабов и юридически свободных, но обедневших и обнищавших или лишившихся средств производства узденей. Поэтому крупные собственники земли и скота — это не только «трудящиеся субъекты», но и эксплуататоры, так как средства производства (и главным образом земля), находящиеся в их собственности, являлись орудием эксплуатации рядовых и обнищавших узденей и рабов. Как пишет Р. М. Магомедов, в XVIII в. в союзах сельских общин «среди узденей выделялась зажиточная верхушка, не уступавшая по своему имущественному состоянию сословию средних феодалов»²⁶³. Хотя эта часть общины продолжала принимать непосредственное участие в производстве, в то же время она использовала в своем хозяйстве чужой труд. В этом заключалась эксплуататорская сущность общинной знати, а также одна из особенностей социальной структуры союзов сельских общин Дагестана.

Подобно феодалам, верхушка союзов сельских общин сдавала свои земли в аренду обнищавшим и малоземельным односельчанам — узденям за известную часть урожая, или применяла в своем хозяйстве труд наемных работников.

Имеющиеся сведения позволяют осветить арендные отношения в союзах сельских общин, показать существовавшие формы арен-

ды, особенности ее в том или ином союзе сельских общин, общине и т. д.

Арабоязычная запись XVIII в., обнаруженная в сюргинском селении Урхниша, повествует: «Исмаил купил у Рамадана из Ханкули два пахотных участка за три тумана. Еще Исмаил арендовал Рамадану два пахотных участка с условием, чтобы Рамадан давал ему 15 кайл зерна, из коих половину голозерным ячменем, а другую половину — пшеницей.

Затем Исмаил будет получать у Хулатта ежегодно осенью с пахотного участка в местности «Мишила» половину урожая...»²⁶⁴.

Из этого документа мы узнаем не только то, что Исмаил был богатым представителем сюргинского селения Урхниша, но и то, что он скупал земельные участки как у своих односельчан, так и иносельцев. Интересно и другое — Рамадан продает два пахотных участка Исмаилу и в то же время арендует у него те же самые участки, которые продал.

Аренда участков, купленных Исмаилом у Рамадана, и участка «Мишила», как нам представляется, была не краткосрочной, так как в записи речь идет не о единовременном акте, а договоре и на будущее — «чтобы Рамадан ему (Исмаилу—Б. А.) давал 15 кайл зерном», «Исмаил будет получать (подчерк. мною—Б. А.) у Хулатта ежегодно»²⁶⁵. Из записи о продаже участков Рамаданом не ясны мотивы, почему это было сделано. Но из нее же, если учесть, что, продав свои участки, он тут же заключает договор с покупателем — новым собственником на их аренду, становится ясно, что к этому шагу Рамадана толкнула какая-то важная необходимость. Продажа земли — это крайняя мера, и по этому у Рамадана, очевидно, не было другого выхода.

Приведенный источник хорошо иллюстрирует развитие в Сюргинском союзе сельских общин арендных отношений, как одну из форм феодальной эксплуатации.

Основной формой аренды в союзах сельских общин являлась отдача земли местными богатыми за часть урожая беднякам и безземельным общинникам. В одних случаях арендатор получал от земельного собственника только землю, в других — как землю, так и рабочий скот и семена. В зависимости от этого и арендная плата была разной. При аренде только земли арендатор получал обратно семена, затраченные на посев, а урожай делили пополам. Аналогичную форму аренды мы наблюдаем и в высокогорных обществах Западного Дагестана²⁶⁶. Широко распространена была эта форма аренды в союзах сельских общин Кайтагского уцмийства, где землевладельцами часто выступали кубачинцы, покупавшие земельные участки вне своей общины

и сдававшие их в аренду на половинных началах местным уздеям — общинникам²⁶⁷. В селении Ашты аренда носила название «багыби-багыби», в обществах Южного Дагестана — «кери» и «уртах». Причем, «уртах» — это название аренды на половинных началах. Землевладелец давал в аренду только землю. Семена, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот принадлежали арендатору. Интересно, что в селении Ашты договорившиеся стороны извещали об условиях аренды старейшин. При свидетелях составлялся письменный акт об аренде. Условия аренды нельзя было нарушать ни с какой стороны²⁶⁸.

Аренда в союзах сельских общин напоминала издольную систему феодальной эксплуатации. Выражалась эксплуатация в присвоении землевладельцем результатов неоплаченного труда уздея-арендатора. «Нужда в земле, — указывал В. И. Ленин, — вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве»²⁶⁹. Причем, как писал В. И. Ленин, «натуральная аренда (т. е. аренда не на деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу **везде** дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое... натуральные аренды развиты **всего сильнее в беднейших группах крестьянства**»²⁷⁰. Чем беднее был арендатор уздень-общинник, тем больше подвергался он эксплуатации со стороны собственников земли — местных богатеев, так как, пользуясь его безвыходным положением, последние могли навязать ему любые кабальные условия за аренду земли. Чтобы прокормить семью, беднота вынуждена была соглашаться с условиями землевладельца. Такую аренду В. И. Ленин назвал «арендой из нужды», «арендой кабальной». «Арендатор, стоящий в подобных условиях, — указывал В. И. Ленин, — не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством обработки, зимней наемки, ссуды денег и т. д.»²⁷¹.

В связи с вопросом об арендных отношениях и других формах эксплуатации различных слоев населения союзов сельских общин особо следует остановиться на одной из категории крестьян — лежбарах (нежбер, ранжбар), их положении, выяснить, что означает этот термин, его распространенность, что из себя представляли лежберы, их социальное лицо и политическое положение и т. д.

«Ранжбар» — это персидский термин, означающий буквально «несущий бремя», «трудящийся»²⁷². Ранджбары, как особая категория феодально зависимых крестьян, были распространены в ханствах Азербайджана и Армении XVI — первой половины XIX в.²⁷³. Это, во-первых, крестьяне издольщики, получавшие от феодала землю, орошение, рабочий скот и отдававшие ему за это от 2/3 до 4/5 урожая; во-вторых, крестьяне некоторых ханств

Азербайджана, занятые исключительно работами в личном хозяйстве владельца²⁷⁴. В Армении это были большей частью лишены земли и средств производства крестьяне, которые обрабатывали землю помещика и в качестве заработной платы получали некоторую часть урожая²⁷⁵. В отличие от райатов ранджбары не входили в состав сельских общин и были прикреплены не к земле, а к личности владельца (потомственно)²⁷⁶.

Термин ранджбар в Дагестане встречается только у народов Южного Дагестана, что говорит о проникновении его через Азербайджан. «В отличие от других дагестанских народов, — пишет Х. Х. Рамазанов, — у лезгин, агулов, рутульцев и цахуров не встречается слово «узденъ». У них для обозначения понятия «крестьянин» существует особый термин лежбер»²⁷⁷. По его мнению, лежберы — это те же самые уздени других регионов Дагестана. «Экономическое и правовое положение лезгинских лежберов, — пишет он, — в основном сходно с положением узденей так называемых «вольных» обществ нагорного Дагестана. Лезгинские лежберы владели средствами производства и вели свое собственное хозяйство, имели недвижимое и движимое имущество, передаваемое ему по наследству»²⁷⁸. Далее он пишет, что «лежберы не были прикреплены к земле и могли свободно переходить из одного селения в другое. Внутри лежберства были разные группы, отличавшиеся друг от друга по своему экономическому и политическому положению»²⁷⁹. Вместе с тем, лежберы находились фактически вне общины, что говорит о более резко выраженной социальной дифференциации внутри союзов сельских общин Южного Дагестана по сравнению с союзами сельских общин других народов. Лежберство здесь стало превращаться в одну из форм зависимости свободного узденства. Ряд сведений показывает, что под лежберами имелись в виду бедные, не имеющие средства производства жители, которые работали в хозяйстве собственников земли и скота из доли продуктов, в то время как в других селах под лежберами имелись в виду крестьяне, работающие на себя, в своем хозяйстве и имеющие средства производства²⁸⁰.

Разница между лишившимися средств производства лежберами и узденями-общинниками предгорного Дагестана — в большей зависимости первых от феодализирующейся знати. Не имея ни земли, ни рабочего скота, ни орудий труда и семян, в процессе производства они не могли внести ничего своего, кроме физического труда, навыков и наследственного опыта земледельческих работ. Поэтому обнищавшие лежберы и порывали с общиной, стояли вне общины, так как без земельной собственности не могло быть и членства — гражданства. Указывая на эту связь, К. Маркс писал: «Относясь к своей собственности как земле, он (член об-

щины — Б. А.) в то же время относится к своей частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины, и наоборот и т. д.»²⁸¹.

Лишившись средств производства, лежбер вынужден был искать заработка либо у своих богатых односельчан, либо на стороне — в других общинах, что и являлось симптомом разложения общины под натиском развивавшихся феодальных отношений. Распространенной формой эксплуатации лишившихся средств производства лежберов являлось применение их в хозяйстве землевладельцев и животноводов в качестве наемных работников. Хотя при феодализме, как указывал Ф. Энгельс, «наемный труд существовал в виде исключения»²⁸², он находил применение и в союзах сельских общин Дагестана, так как для безземельных общинников работа по найму являлась одним из основных источников существования.

Существовали различные формы найма лежберов в хозяйстве землевладельцев. Если лежбер все еще имел какое-то свое хозяйство, то в этом случае наем выступал как один из видов отработочной ренты. Эта группа лежберов была связана с общиной и нанималась по договору только в своей общине. Лежберы же, лишённые средств производства, нанимались как у себя (в своей общине), так и в других селах. В зависимости от этого и условия найма, и оплаты, и содержания лежберов были разные.

Наем в основном был краткосрочным — главным образом на сельскохозяйственный год. На этот срок и заключался договор между землевладельцем и наемным работником. Нанимались безземельные на все виды сельскохозяйственных работ: пахота, посев, жатва, молотья, всевозможные работы при усадьбе и на дому и т. д. Все работы проводились с помощью использования сельскохозяйственных орудий и тяглового скота землевладельца.

Лежберы обычно нанимались всей семьей. Мужчина был занят указанными выше работами, а женщины — домашними работами (дойка коров, заготовка князяка, ткачество и т. д.). В селении Тиг лежберов нанимали тухумы Бетибахалар и Карабур²⁸³. В селении Чирах у некоторых собственников было по 10 и более лежберов²⁸⁴. В селении Рутул лежберов называли муздуррами²⁸⁵.

Плату лежберы получали натурой, отличалась она разнообразием и зависела от условий договора. В селении Рича, например, за сельскохозяйственный год лежбер получал быка или корову, или же нескольких овец²⁸⁶.

Лежберы нанимались и заключали договор с землевладельцами и скотоводами без ведома общины. Поэтому община и не вмешивалась в их взаимоотношения. Между тем, хозяин мог нарушить

условия найма, мог не заплатить плату и даже прервать договор и выгнать лежбера. Такие факты имелись в селениях Цинит, Тлиг²⁸⁷ и т. д.

Наемный труд применялся и в других союзах сельских общин, о чем говорят ряд статей «Кодекса законов Умма-хана Аварского», адатов обществ Каралал, келебских сел, Хваршинского общества²⁸⁸ и т. д. Наемные работники были не равны с остальными членами общины. По кодексу законов Умма-хана Аварского, наемный работник, подобно рабу, не привлекался к присяге²⁸⁹; по адатам общества Каралал, наемный работник, как раб, пастух и «им подобные», относился к категории людей, которые стояли «ниже по достоинству»²⁹⁰. Согласно адатам Хваршинского общества, если кто-либо из его жителей нанимал к себе в услужение человека из другого общества и нанятый учинял что-либо в этом обществе, то взыскание производилось с его хозяина, а не с него и присягу должен был давать не работник, а хозяин. И присяжные назначались не из родственников работника, а из родственников хозяина²⁹¹. По сути дела эти статьи адатов перекликаются со статьями адатов других обществ, где за преступление, совершенное рабом, отвечал не он сам, а его хозяин, как собственник.

Зато адаты защищают интересы владельцев земли и скота перед наемными при нарушении последними обязательств. В то же время, в них нет статей, охранявших интересы наемных работников при нарушении обязательств или договора общинной знатью. «Если мужчина или женщина обязались выполнить какую-либо работу для другого человека и не выполнили ее, то с них взыскивается в пользу того, кто дал им работу, одна мерка зерна и штраф в размере одной мерки ежедневно до тех пор, пока они не выполнят указанную работу», — говорится в адатах келебских селений²⁹².

Все это говорит о том, что взаимоотношения внутри джамаата строились на основе частной собственности. Различное отношение к земле являлось основой различного положения в обществе и вполне естественно, что применение чужого труда в хозяйстве (наемничество, аренда и т. д.) приводило к определенному отличию социального статуса владельцев крупных земель и скота по сравнению с общинниками, обрабатывающими свои земельные участки (мюльки) личным трудом и тем более по сравнению с безземельными и обнищавшими, т. е. лишившимися основного средства производства, узденями.

Сохранился интересный терминологический материал, характеризующий положение различных групп крестьянства в общине. Так, безземельный, бедняк, работающий на других крестьянинах, в селении Гагатль назывался «мухьдахъ хIалтIулев» — «работник

за плату»²⁹³. Термином «рагъIател», широко распространенном в союзах сельских общин Аварии, обозначались как зависимые вообще, так и домашний работник, прислуга. Аналогичны этому термину и два других аварских термина — «рукъов таравчи» и «цеве таравчи»²⁹⁴, под которыми выступали как мужчины, так и женщины, выполнявшие у своих богатых односельчан различные сельскохозяйственные и домашние работы. Часто вместо этих терминов применялся другой термин «къазакъ». В селении Хи-габ (общество Рис-Ор) наемный работник назывался «нукъухутту»²⁹⁵, у аштынцев (союз Буркун-Дарго) — «ГIячилвихъахъан», т. е. человек, которого заставляют работать. В селении Урари (союз Сюрга) наемный работник в земледелии назывался «ничеб», а в животноводстве — «дурклуш», у кайтагов — «къариш»²⁹⁶, у лезгин — «къаравуш», «нюкер», рутулов — «муздур», «хубаки»²⁹⁷ и т. д.

Как и при сдаче в аренду земли, землевладелец при найме работников как в сельском хозяйстве, так и на дому получал в виде неоплаченного труда наемного работника прибавочный продукт. «В земледелии 1—2 рабочих, — указывал В. И. Ленин, — даже если бы они работали только летом, — вовсе не мало. А главное не то, много это или мало, а то, что к найму прибегали именно наиболее зажиточные, состоятельные хозяева»²⁹⁸.

Феодализирующаяся знать эксплуатировала рядовых общинников и с помощью «родовой» формы взаимопомощи, известной у дагестанских народов под названиями «билхъа», «бухъа», «гвай», «мел», «машвора» и т. д. Выражалась она в том, что обедневшие и малоземельные рядовые члены общины выполняли для богача различные сельскохозяйственные работы — сеяли, убирали и перевозили хлеб в селение, пахали поля, косили сено, ухаживали за скотом, помогали при строительстве жилых и хозяйственных помещений, в домашнем хозяйстве и т. д.

В отличие от зависимых крестьян, которые обязаны были нести в пользу феодала различные повинности, свободные уздени-общинники считали для себя просто неудобным, в силу существующих традиций, не участвовать в работах, проводимых богатыми односельчанами, хотя зачастую они и не состояли в родственных связях.

В проведении взаимопомощи остро проявлялось социальное неравенство членов общины. Богатые, как правило, не участвовали в них, в то время как в работах, проводимых ими, участвовало почти все население, ибо у крупных владельцев земли и скота и нужда в помощниках была больше. Экономически взаимопомощь для знати была выгодна, так как стоимость угощения ее участников никогда не превышала стоимость получаемой помощи работой.

Взаимопомощь для общинной верхушки была скрытой формой эксплуатации бедноты.

Как и при найме работников, при проведении работ с помощью обычной взаимопомощи, местные богатеи присваивали результаты неоплаченного труда его участников. Под видом взаимопомощи уздени-общинники отдавали им прибавочный продукт. Следовательно, обычай взаимопомощи в условиях разделения общества на богатых и бедных, из первоначальной формы родовой взаимопомощи, сохраняя эту внешнюю форму, фактически превратился в средство эксплуатации сородичей и сельской бедноты, которая «была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, идиллическими обычаями и псевдородственными связями»²⁹⁹. В условиях разделения общества на богатых и бедных, обычай взаимопомощи, став формой односторонней помощи (деформированная взаимопомощь) по своей сущности выступает как отработочная рента или форма эксплуатации свободных общинников «Это по существу повинность, — писал И. П. Петрушевский, — довольно обычная в условиях раннефеодальных отношений»³⁰⁰.

Особенностью взаимопомощи являлось именно то, что ее добровольность трансформируется в обязанность в проведении работ на богатого владельца земли, в чем и заключалось сходство этой формы эксплуатации общинников-узденей с феодальной отработочной рентой.

В животноводческих обществах, в особенности там, где из-за недостатка своих пастбищ арендовались летние и зимние пастбища в других обществах и феодальных владениях, эксплуатации рядовых и бедных узденей-общинников со стороны феодализирующей знати способствовала также форма ведения отгонной системы животноводства. Мелкие собственники скота не имели возможности арендовать пастбища для своих овец из-за высокой арендной платы да и не было смысла для небольшого количества овец арендовать пастбища вдали от родных мест, где приходилось зимовать и нести на это немало расходов. Поэтому, как правило, малоскотные общинники-уздени присоединяли своих овец к отарам местных богачей — крупных барановодов, за что последние получали от них определенную часть приплода, шерсти, молока, брынзы и т. д.

Другая форма эксплуатации — это наем мелких собственников скота в качестве чабанов за разрешение присоединить их овец к отарам крупных барановодов. В этом случае последние получали бесплатную рабочую силу.

Феодализирующаяся общинная знать эксплуатировала рядовых узденей-общинников и с помощью общинной формы найма пастухов для содержания крупного рогатого скота. Как известно,

у дагестанских народов одной из распространенных форм содержания крупного рогатого скота была пастьба по очереди, при которой каждый член общины ходил за стадом столько дней, сколько голов его скота входило в стадо. Однако, как справедливо писал проф. Г. Г. Османов, «во многих горных аулах, где патриархальщина была наиболее живуча, каждый член джамаата выпасал общественное стадо независимо от того, сколько голов его скота находилось в стаде. В этом случае старая система явно служила новому зарождающемуся классу, обеспечивая ему даровую рабочую силу»³⁰¹.

Даже в тех случаях, когда общинные стада пасли наемные пастухи, местные богатеи были поставлены в привилегированное положение. Во многих общинах наемные пастухи получали плату не за каждую голову скота, находящегося в стаде, а с каждого хозяйства, скот которого пасся в стаде. Бывало и так, что, если даже наемный пастух получал плату с каждой головы скота, вынсаемого в стаде, но зато другие услуги пастуху богатеи оказывали наравне с теми членами общины, которые имели меньше скота³⁰².

В животноводческих обществах уздени-общинники, не имевшие скота, или малоскотные, нанимали у богатеев молочный скот. В селении Рича, например, бедные семьи нанимали коров на три летних месяца на условиях отдачи хозяину скота приплода и 8 кг масла. Все остальное оставалось нанимателю скота. Часто скот богатеи отдавали на содержание своим бедным родственникам. Кроме того, скотовладельцы нанимали женщин для заготовки кизяка, молочных продуктов и т. д.

Обедневшие и маломощные уздени-общинники союзов сельских общин попадали и в долговую кабалу. «Если один имеет записанный в книге долг другому», — говорится в аятах Каралальского союза, или он задолжал многим и у него нет денег и имущества для возмещения долга, «то он нанимается работником к тому, кому он должен и то, что он зарабатывает, делят между теми, кому он должен»³⁰³. Естественно, должника мог нанять на работу только состоятельный хозяин. И он у него находился в зависимости до тех пор, пока не расплачивался со своим долгом. В связи с величиной долга эта зависимость могла быть краткосрочной или продолжаться годами.

В селении Ашты, если кто-либо брал что-нибудь у другого в долг и не мог возвратить в условленный срок и расплатиться с долгом, то он должен был отработать стоимость долга, либо отдать свою землю (так было и в селениях Ахты, Миджах, Мискинджи и др.) равнозначную стоимости взятого в долг имущества³⁰⁴. Согласно адатам союзов сельских общин Самурской до-

лины, «если кто-либо из должников окажется несостоятельным, то все имущество его делится между кредиторами пропорционально должной каждому сумме, и затем предоставляется право кредиторам секвестровать имущество должника»³⁰⁵. В селении Тпиг, невозвращенный в срок долг, необходимо было возратить с процентами. Часто, увеличиваясь, долг доходил до таких размеров, что так легко не мог быть возвращен. И тогда общинник-должник вынужден бывал идти к своему односельчанину-богатею лежбером на отработку до тех пор, пока не расплатится полностью с долгом³⁰⁶.

Эксплуатировалось узденство союзов сельских общин и местным мусульманским духовенством. Как указывалось в предыдущей главе работы, мечетские земли (вакуфы) не только сдавались в аренду на издольных началах, но и обрабатывались членами джамаата бесплатно своим сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом³⁰⁷. Более того, часто общинники обрабатывали даже участки, которые были предназначены непосредственно духовенству³⁰⁸. За невыполнение предусмотренных работ с виновного взыскивался штраф. «Кто не молотит вакуфное зерно, и кто не подал его по распоряжению судей в мечеть, — говорится в адатах Караха, — с него взыскивается мерка зерна. Кто не выполнил распоряжение судей относительно вакуфного и мечетского дела, — как-то: чистка и молотья зерна, печение хлеба и изготовление толочна и подвозка в мечеть, — с него взыскивается мерка хлеба ежедневно». В селении Мачада крестьяне тоже по очереди обрабатывали вакуфные земли, свозили урожай в селение, удобряли поля и т. д. Если кто не обрабатывал в свою очередь вакуфные земли, с того взыскивался штраф — котел весом в четыре ратала³⁰⁹.

Общинники-уздени обязаны были бесплатно делать даже дороги к мечетским землям. Согласно адатам Акушинского союза, с того, кто «не делал дороги к землям вакф», как за другие проступки, брали штраф³¹⁰.

Все сказанное говорит о том, что доход (как специфический вид продуктовой и отработочной ренты), получаемый духовенством с мечетских земель, являлся плодом эксплуатации общинников.

Формой эксплуатации общинников-узденей являлась и мечетская десятина — закят: ежегодные взносы зерном и скотом в пользу мечети. Основная часть закята шла на содержание духовенства, которое бесконтрольно пользовалось им. Оно устанавливало сроки и определенные порядки сбора закята. «На основе закята и другими путями, — пишет Р. М. Магомедов, — духовенство эксплуатировало верующую массу сельского населения. Формы и методы

эксплуатации установлены были самые разнообразные. Например, в Мачада кадий установил определенный порядок выделения закята, — его надо было вносить по окончании рамазана (ураза). По установлению кадия, кто имел пропитание хоть на один день, должен был выделить из своего хлеба по саху (мерке) с каждого члена семьи и отдать духовенству. Если кто-либо не выделял закята, с того взыскивался штраф — четыре шали³¹¹. В случае неправильной уплаты закята, согласно принятым адатам, джамааты взыскивали с нарушителей штраф. В адатах келебских сел, например, говорится: «Кто при уплате закята обсчитает, с того взыскивается 1 овца»³¹². Закат являлся одной «из наиболее тяжелых повинностей, которую несли крестьяне в пользу мечети и духовенства»³¹³.

Приведенный материал говорит о том, что экономическая зависимость разорившихся и обедневших узденей-общинников в сочетании со всевозможными формами эксплуатации со стороны светской и духовной знати ставила их в положение основной массы трудящихся в средние века.

Как и повсеместно в Дагестане, в селениях союзов сельских общин, о чем приводились примеры выше, имелись и полностью бесправные — рабы (лаги, луки, хусхулы, кьзакън и т. д.). Это в основном военнопленные христиане, превращенные в рабов. Их содержали обычно в богатых хозяйствах. В отдельных селах были и общеджамаатские рабы. Рабы находились в бесправном положении. «Кулы и каравашн (рабы и рабыни), — говорится в источнике, — совершенно одинаковы по бесправности и полной зависимости от своих владельцев..., они составляют домашнюю прислугу при дворах и обязаны исполнять все требования последних без всякого ограничения»³¹⁴. Хозяин мог поступить с рабом по своему усмотрению — продать, завещать, отпустить на волю, поменять на что-нибудь и т. д. Рабство приносило большие доходы и от продажи рабов. Житель селения Цудахар Муса в 1759 г. продал раба Кацо Георгия в Эндирее за 6 лошадей. Другой раб по происхождению армянин из Тифлиса был продан хозяином — тоже цудахарцем также в Эндирее за 2 лошади и 8 бурметов³¹⁵. В 1760 г. цудахарец Шейх-Мамат продал в Эндирее черкесу из Большой Кабарды Георгия Яссиева за 4 лошади³¹⁶. Учитывая, что лошадь в горах ценилась очень дорого, можно представить какой доход приносила продажа нескольких рабов. Высокие же цены на рабов свидетельствуют о большой роли подневольного труда в хозяйстве богатых представителей дагестанского общества³¹⁷.

О бесправности рабов говорит то, что даже после освобождения они считались неравными с узденями-общинниками. «Потом-
14 Заказ 162

ки бывших рабов, — писал проф. Г. Г. Османов, — почти повсеместно подвергались политической и экономической дискриминации»³¹⁸. За них не выдавали замуж узденек и не вступали в брак с их девушками, они часто не допускались на народное собрание (джамаат), их не выбирали на административные должности. Во многих селениях союзов сельских общин после освобождения рабов образовались целые рабские тухумы³¹⁹, что говорит об их многочисленности в прошлом. Ими были заселены целые кварталы и даже отдельные поселки. Освобожденные рабы в Гидатлинском союзе сельских общин назывались «нахъателал» (буквально «стоящие в последних рядах»), в Чиркее — «лагътархъан» («вольнотпущенник»), в Телетле — «тархъантарал», в других аварских селах — «тархъан гъарулал», «лагътархъан» или «тархъан» и т. д.³²⁰. Как отметили выше, в горных обществах рабскими считались целые кварталы и села. Вместе с тем, в союзах сельских общин, как в горном Дагестане вообще, не было экономической базы для широкого развития и применения рабства, оно существовало здесь в основном в патриархально-домашней форме. В целом рабство, как один из трех (вместе с патриархальным и феодальным) укладов горского общества исследуемого времени, деградировало и перерождалось, о чем говорит факт освобождения («тарханизация») рабов и переход их в вольнотпущенники, становившимися, хотя, как правило, неравноправными, членами общины и собственниками средств производства.

Но рабство в союзах сельских общин в исследуемое время, будучи, как указывал Ф. Энгельс, институтом определенной степени в развитии производства и известной степени неравенства и распределения³²¹, служило фактором еще большего усиления процесса классового образования в системе общины. Оно являлось одним из условий и предпосылкой ее внутренней дифференциации. Накопление богатства в форме пленников наряду с движимым и недвижимым имуществом давало возможность знати выделяться из общины, возвыситься над ней.

Сложившиеся в исследуемое время социальные отношения нашли отражение и в адатах союзов сельских общин. Адаты ставят в привилегированное положение знать в лице административно-должностных лиц.

В непосредственной связи с изменениями, происшедшими в характере производственных отношений, с усилением имущественного и социального неравенства, с процессом усиления феодализирующейся знати, увеличения ее богатства находились и статьи адатов по имущественным преступлениям, которые, будучи направлены на защиту частной собственности, выражали прежде всего интересы правящей верхушки.

В союзах сельских общин существовали неравенство и эксплуатация не только внутри джамаатов (сельских общин), среди узденей-общинников и тухумов, но и между сельскими обществами, составлявшими союз. «Главные селения, вернее верхушка сильных тухумов и сельские должностные лица главных селений, на деле выступали по отношению к другим селениям, входившим в союз, в роли коллективного феодала»³²². Главными селениями (центрами союзов сельских общин) являлись наиболее крупные села и, следовательно, они были политически и экономически сильнее других обществ, входивших в союз. Они то и выступали в роли коллективных эксплуататоров слабых общин. «Принадлежность к господствующей общине обеспечивала» не только «верхушки сильных тухумов и сельские должностные лица», но и «рядового общинника долей дохода с эксплуатируемой общины»³²³. Сошлемся на уже известные в исторической литературе примеры по Ахтыпаринскому и Рутульскому союзам сельских общин.

Как известно, от Ахтов зависели 11 селений. Зависимость эта проявлялась в экономической, политической и военной областях. Совет аксакалов селения Ахты управлял селениями, жители которых по первому требованию ахтынской знати обязаны были участвовать в военных мероприятиях союза. Жители зависимых сел не могли разбирать споры без ахтынских маслаатчи (посредников)³²⁴. В случае войны ахтынцев с кем бы то ни было и жители 2-й Ахты-пары должны были помогать ахтынцам, за что они пользовались при необходимости защитой ахтынцев³²⁵.

Согласно сложившемуся, неизвестно когда, обычаю, жители 11 зависимых от Ахтов селений обязаны были нести так называемую пахту. Сущность ее заключалась в том, что «каждый из ахтынцев один раз в год имел право ехать в гости в любое из селений 1-го участка провинции (Кхем, Хуля, Тра, Гогаз, Усур, Кака, Гдунг, Кочаг, Мидфах, Сумугул и Хал — Б. А.), и вот они в частую и отправлялись партиями от 100—500 человек да и гостили в данном селении целые сутки. Хозяева домов, в которых размещались гости, обязаны были особенно хорошо кормить не только их, но и лошадей их»³²⁶. Пахта была своего рода податью, напоминавшей русское «кормление».

Неравенство жителей 11 селений выражалось и в том, что если кто-либо из них убивал ахтынца, то с виновного брали 600 баранов, в то время как за убийство ахтынцем кого-либо из жителей подчиненных селений плата составляла 300 баранов, или 300 рублей³²⁷. При выдаче замуж девушки из Ахтов за жителя подчиненного селения, кроме исполнения всех условий шариата и адата, касавшихся брака, весь аул Ахты или его часть (магал), из

которого была невеста, получали особую плату — 3 рубля или вещи на такую же сумму. Эта плата называлась барху³²⁸.

Помимо 11 сел в коллективной зависимости от Ахтов находилось и селение Ялджух. Согласно преданиям, ахтынцы силой подчинили ялджухцев и вынудили их выполнять разные повинности — сеять и убирать хлеб, пасти овец³²⁹ и т. д., т. е. нести в их пользу отработочную ренту.

В коллективной зависимости от Рутула находились селения Хрюк, Зрых, Хулют, Киче, Кахул, Иче, Лукун, Ихрек, Лучек, Чруш, Пилек, Кина, Хунук, а в прошлом еще Ялах и Луткун³³⁰. У них также был обычай пахта, но более тягостный чем в Ахты-пара. Рутульцы пользовались пахтой более усердно. Они отправлялись для пахты в подчиненное селение партиями от 100 до 300 человек, гостили там по трое суток «и мало того, что требовали себе отборную пищу, но принуждали кормить своих лошадей в 3 1/2 раза более, чем того требовали ахтынцы». Кроме того, рутульцы брали с каждого хозяйства селения, куда приезжали для пахты, по одному барану. И рутульцы пользовались правом пахты только раз в год, и за тот год, в который они не были для пахты в данном селении, брали в нем по одному барану с каждого хозяйства³³¹. Сверх этого, каждое хозяйство зависимых селений отдавало им «еще вроде подати» по одному барану в год³³².

Жители подчиненных селений Рутульского союза, испытывая все возрастающий гнет главного селения, отказывались нести подати и выполнять пахту. В XVIII в. население сел. Шиназ и Хрюк отказалось отбывать пахту рутульцам. Во время одного из столкновений Рутула с Хрюком за отказ последнего платить пахту, Рутул обратился за помощью к ахтынцам. Те охотно согласились оказать помощь не столько из-за предложенного рутульцам вознаграждения, сколько из-за желания наказать хрюкцев за отказ отбывать пахту, и боясь, что их примеру могут последовать селения Ахтынского союза. Объединенными силами рутульцев и ахтынцев Хрюк был разрушен и сожжен дотла. За оказанную военную помощь рутульцы отдали ахтынцам селения Гогаз, Усур и Кака³³³.

Еще ранее указанных событий жители селений Ялах и Луткун, принадлежащих также рутульцам, «до того были притесняемы пахтой, что обратились к ахтынцам с просьбою о присоединении их» к Ахты-пара I, но получили отказ. Тогда ялахцы и луткунцы прибегли к покровительству Сурхай-хана казикумукского, которого рутульцы побаивались и который поэтому беспрепятственно присоединил те селения к своим владениям³³⁴. Постепенно жители этих селений стали раятами беков, происходивших от братьев Сурхай-хана — Шуаиб-бека и Исса-бека³³⁵.

Зависимые отношения, или отношения господства и подчинения, основанные на рентных отношениях, когда одни общины (или союзы) являлись получателями ренты, а другие рентоплательщиками, были характерны и для других союзов сельских общин. Известно, что Гидатлинское общество получало ренту с союза Тлебель³³⁶, «дидойские племена были... подвластны вроде крестьян и платили» ренту Анцуху и Хуаналу, от которой освободились, когда вторые ослабли от разразившейся эпидемии какой-то болезни³³⁷. В зависимости от Анди находилось селение Тандо, о чем говорит перечень хараджа (натурального оброка) XVIII — начала XIX в., платимого зерном тухумами и частными лицами Тандо андийцам³³⁸. Анди имело сильное влияние и на другие общества, в особенности на Муни. Селение Акуша «по своей многолюдности и силе» подчинило «своему влиянию» другие села и союзы федерации Акуша-Дарго и даже союз Сюрга, который платил акушинскому кадию ренту скотом — 18 голов крупного рогатого скота ежегодно³³⁹.

Не все сельские общества имели одинаковое количество общинных земель. Слабые общины вынуждены были платить арендную плату за разрешение пасти скот на летних пастбищах могущественных и богатых обществ, захвативших территории соседних более слабых джамаатов. Так, селение Гулебки «с давних пор» платило селению Цугни (одно из больших сюргинских сел) ренту по 3 кия (кия = 1/7 части сбора с десятины) зерна. Гулебкинцы объясняли, что эта рента была наложена на них только потому, что селение Цугни сильнее их; жители же селения Цугни объясняли зависимость гулебкинцев от них тем, что последние пользовались их пастбищной горой³⁴⁰. Каждая семья селения Эчеда платила тигдальцам ежегодно по два барана³⁴¹. Гочобцы взимали ренту с жителей селения Урухота за то, что оно находилось на их земле³⁴². В зависимости от Ботлиха находились селения Миарсо и Тасута. Они платили джамаату Ботлиха по мерке кукурузы с каждого двора³⁴³. Как наиболее сильный и влиятельный джамаат селения Урари претендовал на главенство в Сюргинском союзе сельских общин. Ураринцы в летний период пользовались для выпаса своего скота пастбищами своих слабых соседей — селений Гуладты, Цугни и Нахки. Это пример внеэкономического принуждения со стороны джамаата Урари, выступавшего как «корпоративный феодал» во главе с главным кадием³⁴⁴.

Некоторые крупные общины брали под свою защиту относительно слабые общества, за что последние обязаны были принимать самое активное участие в мероприятиях своего патрона. Впоследствии эти патронатные отношения могли перейти в зависимые.

Приведенный материал — это наглядный пример того, как сильные и богатые общины стали «гегемонами» в отношении других общин и их союзов. Аналогичные зависимые отношения были характерны и для других стран периода классового образования³⁴⁵.

Из приведенных материалов видно, что в союзах сельских общин Дагестана, где не было феодальных фамилий, существовала целая ступень зависимых отношений. Само разделение узденства на различные слои или категории, отличавшиеся друг от друга не только по своему экономическому, но фактически и политическому положению, вызвало образование различных форм зависимости внутри самой общины.

Вторая форма зависимости узденей союзов сельских общин вытекала из своеобразных коллективных («корпоративных») форм зависимости экономически и политически более слабых общин от сильных общин или же зависимости общин от главного селения союза, как наиболее сильной общины. В этом случае уздени зависимых сел (независимо от их экономического и политического положения), как и сама община в целом, являлись рентоплательщиками — находились в зависимости от узденей общины главного селения союза, которые также не составляли экономически и политически единого целого, но выступали как коллективные получатели ренты.

И, наконец, существовала третья форма зависимости узденей общинников союзов сельских общин от соседних феодальных владений Дагестана, сосредоточивших в своих руках большие земельные угодья и скот и являвшихся самыми крупными собственниками феодального общества Дагестана, а также экономически и политически сильных союзов сельских общин, выступавших как коллективные эксплуататоры, коллективные получатели ренты.

Все это говорит о несостоятельности утверждений, что в союзах сельских общин Дагестана население было представлено только одними свободными узденями-общинниками. Приведенный выше материал свидетельствует о существовании в них своеобразной социальной структуры, многоступенчатой системы взаимозависимости, господства и подчинения, которая обуславливалась в конечном счете размерами земельных владений, количеством скота, занимаемым в обществе положением. Место узденя-общинника союзов сельских общин среди других членов общины и союза в целом определялось прежде всего его экономическим положением (обширностью земельных владений, наличием скота), знатностью и силой тухума, куда он входил, а не формальной свободой и равенством, под которыми скрывались новые отношения членов общины, хотя ясно, что развитие феодальных отношений задерживалось (тормозилось) внутренней общинной системой.

Права узденя-общинника, как отмечалось выше, поддерживались и охранялись адатами и самой общиной. «Община (как государство), — указывал К. Маркс, — с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия»³⁴⁶.

Изменения, происходившие в социальном развитии союзов сельских общин Дагестана, являлись следствием наличия частной собственности на землю. Именно переход земли в частную собственность свободных общинников-узденей с правом отчуждения (наследование, завещание, дарение, купля-продажа) явился решающим моментом, определяющим дофеодалную стадию от феодальной. С возникновением отчуждаемой частной земельной собственности начинается процесс, с одной стороны, формирования крупного землевладения, с другой, — обезземеливания основной массы общинников-узденей, попадавшей в силу этого в различные формы зависимости от своих богатых сородичей, феодализирующейся верхушки общины. И хотя во многих союзах сельских общин еще не было четко выраженной феодально-сословной иерархии, окончательно оформившихся классов и сословий, как в феодальных владениях Дагестана, но зато в них уже были сложные социальные отношения, основанные на экономическом и политическом неравенстве. Как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, в «предшествующие (докапиталистические — Б. А.) исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений»³⁴⁷. Эти слова как нельзя лучше подходят для характеристики социальных отношений, существовавших в союзах сельских общин Дагестана исследуемого нами периода.

1 Гамрекелн В. Н. Взаимоотношения Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 38; Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 65.

2 Лавров Л. И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 7.

3 Извлечения из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 11.

4 Там же. С. 22—24.

- ⁵ Айтберов Т. М. Запись о разделе земель между повелителями Хунзах и Казикумуха (XV—XVII вв.) // *Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в.* Махачкала, 1981. С. 132.
- ⁶ Завещание Андуника / Перев. с араб. М.-С. Саидова // *РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218.*
- ⁷ Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // *Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в.* Махачкала, 1981. С. 13.
- ⁸ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.: Сбор. докум. / Сост. Гаджиев В. Г., Рамазанов Х. Х. Махачкала, 1959. С. 15—19.
- ⁹ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. С. 191; Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // *ИГЭД. С. 269.*
- ¹⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни. С. 246; Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // *ИГЭД. С. 291.*
- ¹¹ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // *ЗКОРГО*. Тифлис, 1873. Вып. 8. С. 7.
- ¹² Хашаев Х.-М. *Общественный строй Дагестана в XIX веке.* М., 1961. С. 127.
- ¹³ Дербент-наме / Перев. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 177.
- ¹⁴ Магомедов Д. М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII—нач. XIX в. // *Развитие феодальных отношений в Дагестане.* Махачкала, 1980. С. 113; Его же. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII вв. // *Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в.* С. 34; Хашаев Х.-М. *Общественный строй...* С. 150.
- ¹⁵ Хашаев Х.-М. *Общественно-экономический строй...* С. 35.
- ¹⁶ Хашаев Х.-М. *Общественный строй...* С. 136.
- ¹⁷ Там же. С. 136—137.
- ¹⁸ Там же. С. 150; *РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 326. Л. 512.*
- ¹⁹ Магомедов Д. М. *Социально-экономическое развитие...* С. 115.
- ²⁰ Хашаев Х. М. *Указ. соч.* С. 139.
- ²¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 17.
- ²² ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 101. Л. 25.
- ²³ Хашаев Х. М. *Указ. соч.* С. 137; Гаджиев В. Г. *Указ. соч.* С. 18.
- ²⁴ Хашаев Х.-М. *Указ. соч.* С. 142.
- ²⁵ Магомедов Р. М. *Дагестан: Исторические этюды.* Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 256.
- ²⁶ Магомедов Р. М. *По аулам Дагестана.* Махачкала, 1977. Вып. 1. С. 51.
- ²⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 19.
- ²⁸ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. Л. 17, 19.
- ²⁹ Айтберов Т. М. Эпиграфические и письменные материалы, обнару-

женные в 1980—1981 гг. // *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докладов.* Махачкала, 1982. С. 38.

- ³⁰ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. Л. 17—19.
- ³¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 18.
- ³² Магомедов Р. М. *Дагестан...* Вып. 2. С. 250; Его же. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков.* Махачкала, 1957. С. 55.
- ³³ Бакиханов А.-К. *Гюлистан-Ирам.* Баку, 1926. С. 90.
- ³⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. Л. 71—74.
- ³⁵ Хашаев Х.-М. *Общественный строй...* С. 150.
- ³⁶ ЦГА РД. Ф. 88. Оп. 1. Д. 8; Хашаев Х.-М. *Указ. соч.*; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 72, 74.
- ³⁷ Агларов М. А., Айтберов Т. М. «Повествование об Алибеке Андийском и его победе над князем Туруламом б. Али-ханом Баклудальским как источник по истории Дагестана XVII в. // *Общественный строй союзов сельских общин...* С. 123.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Хашаев Х.-М. *Указ. соч.* С. 137.
- ⁴⁰ Там же. С. 150.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Магомедов Р. М. *Дагестан...* Вып. 2. С. 198; полевой материал 1984 г.
- ⁴³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 49, 51.
- ⁴⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 15—19.
- ⁴⁵ Хашаев Х.-М. *Указ. соч.* С. 137; Агларов М. А., Айтберов Т. М. *Указ. соч.* С. 127.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Агларов М. А., Айтберов Т. М. *Указ. соч.* С. 128.
- ⁴⁸ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1301. Л. 7 об. Даниялов Г. Д. *Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX—начале XX в.* Махачкала, 1970. С. 31—32.
- ⁴⁹ Güldenstädt I. A. *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge.* St. Pbg., 1787. Bd. I. S. 492.
- ⁵⁰ Хрисанф. *Указ. соч.* С. 269.
- ⁵¹ Магомедов Р. М. *Дагестан...* Вып. 2. С. 215.
- ⁵² ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 203. Л. 13, Хашаев Х.-М. *Указ. соч.* С. 149.
- ⁵³ *Феодальные отношения в Дагестане XIX—нач. XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Хашаева Х.-М. М., 1969. С. 293.*
- ⁵⁴ Магомедов Р. М. *Общественно-экономический.* С. 56; Его же. *По аулам Дагестана.* Вып. 1. С. 55.
- ⁵⁵ *Феодальные отношения...* С. 293—294.
- ⁵⁶ Магомедов Р. М. *По аулам Дагестана.* Вып. 1. С. 56.

- 57 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 708; Феодалные отношения... С. 294.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 152.
- 61 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 697.
- 62 Там же. С. 707—708; Феодалные отношения... С. 293.
- 63 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1679. Л. 30—32. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 152.
- 64 См.: Постановления Кайтахского Уцмня Рустем-Хана // ССКГ. Тифлис. 1868. Вып. 1. С. 80—88.
- 65 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 137—138.
- 66 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 55.
- 67 Феодалные отношения... С. 30.
- 68 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 90.
- 69 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 138.
- 70 РГВИА. Ф. 482. Д. 36. Л. 28; Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 149; Д. 6265, Л. 23.
- 71 Хрисанф. Указ. соч. С. 266.
- 72 АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 609.
- 73 Феодалные отношения... С. 28.
- 74 Айтберов Т. М., Нурмагомедов А. М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой половине XVIII в. // По письмам Мухаммада Кудутлинского и Адил-Гирая б. Будаи-шамхала Тарковского // Общественный строй союзов сельских общин... С. 137.
- 75 Там же.
- 76 Феодалные отношения... С. 29.
- 77 Там же.
- 78 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2. С. 107; Полевой материал 1972 г.
- 79 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. С. 73.
- 80 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 2. С. 201—202.
- 81 ЦГА РД. Ф. 108. Оп. 1. Д. 13. Л. 15; РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 7; Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 243.
- 82 ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 48. Л. 2.
- 83 Там же. Ф. 105. Оп. 1. Д. 12. Л. 33; Ф. 108. Оп. 1. Д. 13. Л. 15. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 202.
- 84 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243.
- 85 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.
- 86 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 77.

- 87 Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе // ИГЭД. С. 365.
- 88 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 74.
- 89 Полевой материал 1979 г. Инф. Челебиева Э. Р., 1864 г. р.
- 90 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 1. С. 158; Его же. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 90—91; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XX вв. М.: Наука, 1980. Ч. 3. С. 81—82; полевой материал 1981 г.
- 91 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 93.
- 92 Феодалные отношения... С. 121.
- 93 Там же. С. 122.
- 94 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.
- 95 Краббе К. К. Замечания о Докузпаре, Ахта и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. С. 336.
- 96 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. С. 13, 16, 71.
- 97 Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XV—начало XVII вв.) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 112—118.
- 98 Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.
- 99 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18; Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313.
- 100 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. С. 151—152; см. также: ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
- 101 Там же; Ф. 150. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
- 102 Там же. Д. 8. Л. 10.
- 103 Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 67.
- 104 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 191—192.
- 105 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.
- 106 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.
- 107 Там же. Л. 28.
- 108 Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 9. Л. 32, 36, 37—39, 42—43.
- 109 Там же. Л. 32—33.
- 110 Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. 1. С. 158—159; полевой материал 1987 г.
- 111 Там же. С. 159—160; Его же. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 86.
- 112 Там же.
- 113 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
- 114 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 1. С. 159, 165; полевой материал 1978 г.
- 115 Феодалные отношения... С. 251—252.
- 116 ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 143-з. Л. 5; Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Д. 11.
- 117 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 98.
- 118 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 79.
- 119 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 94.
- 120 Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 315.

- 121 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 19. Л. 45.
 122 Там же. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 25; Агулы. Махачкала, 1975. С. 35.
 123 Там же. Л. 26—27.
 124 Там же. Л. 25.
 125 Агулы. С. 35.
 126 Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 315.
 127 Там же.
 128 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-б. Л. 89; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 196
 129 Гасанов М. Р. Материалы к истории Табасарана // ВИД (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 242.
 130 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553. Л. 60.
 131 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 12, 13.
 132 Полевой материал 1982 г.
 133 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553.
 134 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1976 г. // ИГЭД. С. 131.
 135 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 81; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 180.
 136 Феодальные отношения... С. 16; ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2; Оп. 2. Д. 24. Л. 4.
 137 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1, 2.
 138 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 114.
 139 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1.
 140 Там же.
 141 Там же. Л. 2.
 142 Материалы по истории Кайтага; Айтберов Т. М. О кайтагских уделах XVII—XVIII вв. // IV Конференция молодых ученых: Тез. докладов. Махачкала, 1982. С. 61—62.
 143 Полевой материал 1967 г.
 144 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. С. 145.
 145 ЦГА РД. Ф. 60. Оп. 2. Д. 24. Л. 62; Феодальные отношения... С. 219—220.
 146 Там же. С. 220.
 147 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 75.
 148 Шиллинг Е. М. Кубачинцы. Пятигорск, 1937. С. 22.
 149 Полевой материал 1981 г.
 150 Полевой материал 1982 г.
 151 Полевой материал 1868 г.
 152 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 39.
 153 Полевой материал 1962 г.
 154 Полевой материал 1966 г.
 155 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 101.
 156 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. С. 131.
 157 Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспеди-

- ции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 201; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 64(2). Л. 77.
 158 Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 131.
 159 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 265.
 160 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 486.
 161 История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 319—320.
 162 Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.) М.: Наука, 1967; История Северо-Осетинской АССР. М.: Изд. АН СССР, 1959; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967. Т. 1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. 1.
 163 Документ о разделе имущества... из селения Урари. Представлен любезно в наше распоряжение Омаровым Х. А.
 164 Ицаринская рукопись // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. № 38.
 165 Там же.
 166 Запись из рукописи «Шарх ал-Минхадж Махалли». Коллекция Нурмагомедова М. Г. № 18. Документ любезно представлен в наше распоряжение Омаровым Х. А.
 167 Там же.
 168 Омаров Х. А. Указ. раб. Л. 43—44.
 169 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 166—168.
 170 Там же. С. 167—168.
 171 Полевой материал 1962 г. Инф. Асхабов Г. М., 1872 г. р.
 172 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.
 173 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 1. С. 161—162.
 174 Полевой материал 1975 г.
 175 Магомедов Д. М. Земельные отношения удийцев в XVIII — нач. XIX в. // ВИЭД. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 180.
 176 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 82.
 177 Новые документы о земельных отношениях в Салатавин // Общественный строй союзов... С. 108.
 178 Там же. С. 108—109.
 179 Там же. С. 110.
 180 Там же. С. 111.
 181 Там же.
 182 Там же. С. 114.
 183 Там же. С. 115.
 184 Там же. С. 116.
 185 Там же. С. 117.
 186 Там же. С. 118.
 187 Там же. С. 119.

Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

- 188 Там же. С. 119—120.
189 ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.
190 Там же. С. 39—40.
191 Кэнев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей. Махачкала, 1872. С. 18 (на авар. яз.).
192 Там же. С. 101.
193 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 170.
194 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9.
195 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 326. Л. 197.
196 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9.
197 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа ... С. 456—457.
198 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9.
199 Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
200 Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 133. Л. 76. Хашаев Х.-М. Общественный строй ... С. 127.
201 Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.: Сб. докум./Сост. Гаджиев В. Г., Габиев Д.-М. С., Магомедов Н. А. и др. М., 1988. С. 121.
202 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 210.
203 Там же. С. 145.
204 Магомедов Р. М. Легенды и факты. Махачкала, 1963. С. 28; Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л.: Наука, 1982. С. 196.
205 Там же.
206 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 9.
207 Там же. Ф. 416. Оп. 4. Д. 16. Л. 25; ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 128; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 11.
208 Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана: из дневника гимназиста // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 38.
209 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 111—112.
210 Там же. С. 112.
211 Там же.
212 Там же.
213 Там же.
214 Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана ... С. 21—22.
215 Там же. С. 22.
216 Магомедов Р. М. Общественно-экономический ... С. 128.
217 Там же. С. 54.
218 Там же. С. 54—55.
219 Там же; Его же. История Дагестана. С. 215.
220 Даниялов Г. Д. Указ. соч. С. 47.
221 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 110.
222 Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых

отношений к феодальным: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. С. 119, 137; см. также: ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142. Л. 24; Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 116.

- 223 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 223.
224 Там же. С. 224.
225 Там же. С. 225.
226 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 68.
227 Панек Л. В. Ахты, как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3. Л. 119; Маршаев Р. Г. Указ. соч. С. 110, 114.
228 Маршаев Р. Г. Указ. соч. С. 114; Панек Л. В. Указ. соч. Л. 120; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 69—70; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: Надписи XVIII—XX вв. М.: Наука, 1968. Ч. 2. С. 14; Рагимова Б. Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1987. Л. 111—112.
229 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Хашаева Х.-М. М.: Наука, 1965. С. 26.
230 Маршаев Р. Г. Указ. соч. С. 115.
231 Магомедов Р. М. Дагестан ... Махачкала, 1971. Вып. 1. С. 156; Его же. По аулам Дагестана. Вып. 1. С. 141; полевой материал 1962 г.
232 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 1. С. 106—107.
233 Там же. С. 23—24.
234 Полевой материал 1972 г.
235 Кавказ. 1863. № 29—30.
236 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 243.
237 Там же.
238 Магомедов Р. М. Дагестан ... Вып. 1. С. 154.
239 Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1982. С. 119.
240 Полевой материал 1976 г.
241 Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 221, 222.
242 Колоколов П. Ф. Указ. соч. С. 315.
243 Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. 1934. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 37.
244 Чурсин Г. Ф. Авары: Этнографический очерк // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 65. Л. 14.
245 Магомедов Р. М. Дагестан ... Вып. 2. С. 230.
246 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. Л. 121—125.
247 Полевой материал 1970 г. Инф. Ибинов И., 1846 г. р.
248 Там же.
249 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 20.

- 250 Там же. С. 7; полевой материал 1966 г.
- 251 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 1. С. 110.
- 252 Азизов С. А. Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX—нач. XX в.: сборн. статей Махачкала, 1988. С. 25.
- 253 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553. Л. 21, 23, 53.
- 254 Там же. Д. 597. Л. 22—22 об.
- 255 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 2. С. 246—247.
- 256 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 58, 125, 162.
- 257 Полевой материал 1971 г.
- 258 Памятники обычного права... С. 17, 19, 33—34, 41—42.
- 259 Энгельс Ф. Франкский период. Переворот в аграрных отношениях // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 497.
- 260 Памятники обычного права... С. 17.
- 261 Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
- 262 Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. — Второй набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 411.
- 263 Магомедов Р. М. История Дагестана. С. 241.
- 264 Омаров Х. А. Документы по земельным отношениям...; Алиев Б. Г. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин в XVIII—XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин... С. 56.
- 265 Там же.
- 266 Адамы келебских селений // Памятники обычного права... С. 75; Бсжтинские адамы // Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. Омаров А. С. Махачкала, 1968. С. 73.
- 267 Полевой материал 1967, 1873 гг.
- 268 Полевой материал 1976, 1988 гг.
- 269 Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 85.
- 270 Там же. С. 85—86.
- 271 Там же. С. 88.
- 272 Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане в XVI—нач. XIX вв. Л., 1949; Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 877—878; Папазян А. Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван, 1972. С. 206.
- 273 Там же.
- 274 Советская историческая энциклопедия. Т. 11. С. 877.
- 275 Папазян А. Д. Указ. соч. С. 206.
- 276 Петрушевский И. П. Указ. соч.; Советская историческая энциклопедия. Т. 11. С. 877—878.
- 277 Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 162.
- 278 Там же. С. 162—163.
- 279 Там же. С. 163.

- 280 Полевой материал 1976, 1978, 1986 гг.
- 281 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 466.
- 282 Энгельс Ф. Анди-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 281.
- 283 Полевой материал 1977 г.
- 284 Полевой материал 1978 г.
- 285 Полевой материал 1973 г.
- 286 Там же.
- 287 Полевой материал 1978 г.
- 288 Памятники обычного права... С. 76, 86, 132, 267; Из истории права... С. 19; Об обычаях общества Каралал. Собраны и перев. Омаровым Х. А. Рукопись.
- 289 Памятники обычного права... С. 267, 275.
- 290 Об обычаях общества Каралал.
- 291 Памятники обычного права... С. 132.
- 292 Адамы келебских селений // Памятники обычного права... С. 76.
- 293 Шихсанов А. Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1968 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 7.
- 294 Полевой материал 1976, *1983 гг.
- 295 Там же.
- 296 Полевой материал 1971, 1983 гг.
- 297 Алиев Б. Г. Социальная терминология в историко-этнографическом материале 1986—1987 гг. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. 27—28 апреля 1988 г. Махачкала, 1988. С. 27.
- 298 Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критика Маркса» // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 190.
- 299 История Дагестана. Т. 1. С. 320.
- 300 Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934. С. 224.
- 301 Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965. С. 52.
- 302 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 2; Д. 596. С. 66; полевой материал 1983 г.
- 303 Об обычаях общества Каралал.
- 304 Полевой материал 1976 г.; Рагимова Б. Р. Сельская община... С. 142.
- 305 Адамы Южнодагестанских обществ // ССКГ. Тифлис. 1975. Вып. 8. С. 70.
- 306 Полевой материал 1976 г.
- 307 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 56; Маршаев Р. Г. Указ. соч. С. 117.
- 308 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 56.
- 309 Там же. С. 56—57.

- 310 Памятники обычного права ... С. 13.
- 311 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 56.
- 312 Памятники обычного права ... С. 75.
- 313 Османов Г. Г. Указ. соч. С. 49.
- 314 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 1.
- 315 Там же. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 450. Л. 84, 86.
- 316 Там же. Д. 493. Л. 8.
- 317 Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 141.
- 318 Османов Г. Г. Указ. соч. С. 53.
- 319 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 179—180; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 127.
- 320 Агларов М. А. Указ. соч. С. 142—143; Алиев Б. Г. Социальная терминология в историко-этнографическом материале ... С. 27.
- 321 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 164.
- 322 Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 164.
- 323 История Дагестана. Т. 1. С. 244.
- 324 Памятники обычного права ... С. 25; Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 164.
- 325 Памятники обычного права ... С. 27.
- 326 Там же. С. 31.
- 327 Там же. С. 25.
- 328 Там же. С. 26.
- 329 Панек Л. В. Указ. раб. Л. 120; Маршаев Р. Г. Указ. соч. С. 113.
- 330 Памятники обычного права ... С. 31.
- 331 Там же. С. 27—28.
- 332 Там же. С. 28.
- 333 Там же. С. 31.
- 334 Там же.
- 335 Феодальные отношения ... С. 121, 123, 127.
- 336 Гидатлинские адаты. С. 9.
- 337 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 323—326.
- 338 Магомедов Р. М. Дагестан ... Вып. 2. С. 203; Айтберов Т. М. Памятники обычного права, документы по земельным отношениям С. 26. Рукопись.
- 339 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 92, 93; ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9.
- 340 Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИИРГО. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 4. С. 348.
- 341 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 326. Л. 463, 514.
- 342 Магомедов Р. М. Дагестан ... Вып. 2. С. 254.
- 343 Лавров Л. И. Этнография Кавказа. С. 119.
- 344 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 2. С. 20.

345 См.: Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 117; Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья: Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: Наука, 1980. С. 82.

346 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 466.

347 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424—425.

ГЛАВА VI

СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследователи дооктябрьского и советского периодов в своих работах, посвященных как истории Дагестана в целом, так и союзам сельских общин, затрагивают вопрос об административно-политическом устройстве последних. Дореволюционная историография не давала действительно научной характеристики структуры и сущности административно-политического управления союзов сельских общин. Одни авторы вообще отрицали наличие организованного управления в союзах сельских общин, каких-либо органов власти, утверждали о господстве в них необузданной волюнтаристской, бесконтрольной, другие говорили об отсутствии исполнительной власти и т. д. Такие утверждения содержатся в трудах Н. Данилевского, М. Владыкина, И. И. Норденстама, И. Н. Березина¹ и др.

Наиболее распространенным в дореволюционной историографии было мнение о республиканском устройстве союзов сельских общин, о господстве в них народоправства. Как писал Х.-М. О. Хашаев, дореволюционные исследователи «видимость свободы и демократизма принимали за действительность». Они не видели, что «внутри сельских общин жители уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово принадлежало богатым. Сохранившиеся еще формы народоправства вуалировали власть богатых над бедными»².

Лишь советские исследователи в своих работах, написанных в 50—90-е годы на основе изучения сложившихся в союзах сельских общин социальных отношений, дали правильную в целом оценку и их политического устройства.

1. НАЗВАНИЯ, КОЛИЧЕСТВО, СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Союзы сельских общин аварцы называли «бо» (войско), даргинцы — «табун» или «хлуреба» (войско, ополчение), лезгины —

«пара» (часть), табасаранцы — «мягьял» (магал). У аварцев были известны Гьидарил бо (гидатлинское войско), Гландилазул бо (индийское войско), КъехИдерилал бо (кахибское войско), ЦунИадирал бо (цунтинское войско), Карилазул бо (карахское войско), Лъбелал бо (центр Гведыш), Пюмрал бо (центр Колоб), Къондал бо (центр Камилух), Бугъундил бо (центр Гинтиб), Гишдил бо (центр Мазада), Нахбазул бо (центр Чиркей) и т. д.³ У даргинцев были известны: Ахъушала хлуреба, Шудхъурла хлуреба, Хлурхъила хлуреба, Усала хлуреба, Сирхъяла хлуреба, МикИлла хлуреба, Мухлела хлуреба⁴. Название пара было распространено среди союзов сельских общин лезгин долины рек Самур, Ахтычай и Курахчай. Это Ахты-пара, Алты-пара, Докуз-пара. У табасаранцев были союзы сельских общин, известные под названиями: Нигрич мягьял (Нитрихъар), Дрич мягьял (Дерчвар или Дырче), Кухурук мягьял (Кухрык), Сувак мягьял, Сугъкар мягьял (Сувккар), ЧуркIулар мягьял (Чуркул), Жванар мягьял, Пуннар мягьял, Этегар мягьял, Харали-ар, Кирах мягьял, Хирар мягьял⁵.

О количестве союзов сельских общин существуют различные мнения. С. Броневский среди «обществ» (союзов), подведомственных «демократическому или народному управлению», перечислял 22 союза⁶. А. Неверовский насчитывал в середине XIX в. 43 союза сельских общин⁷. А. Берже писал, что только в Аварии было 18 союзов⁸. А. Комаров и Е. Козубский насчитывали до 80 союзов⁹. Различное мнение высказали и авторы советского периода. По мнению Х.-М. О. Хашаева и авторов «История Дагестана» было более 60 союзов сельских общин¹⁰. В учебнике «История СССР» говорится, что в Дагестане было 44 «вольных обществ»¹¹. Р. М. Магомедов считает, что их было 68, хотя и не учел союзы сельских общин, входивших в Кайтагское уцмийство, союзы табасаранцев и отдельные аварские союзы¹².

Разноречивость сведений о численности союзов сельских общин, как справедливо пишет проф. В. Г. Гаджиев, является следствием отсутствия четкого определения их¹³.

Разноречивы сведения и о составе союзов сельских общин. Наиболее ранние сведения об этом относятся к началу XVIII в. В 30-е годы XVIII в. Койсубулинский союз состоял из 7 сел, Гумбетовский — 18¹⁴. В 1796 г. в союзах Ахты-пара, Алты-пара и Докуз-пара было «до 30 деревень»¹⁵, где проживало до 30000 человек мужского пола¹⁶. «Рутульское владение» состояло из 12 сел с 2000 человек мужского пола. В Гунек, Истил, Картаз, Гудже, Котур Кюре, Рича, Чирах входило до 100 сел с 12000 человек мужского пола¹⁷. Федерация табасаранских союзов сельских общин Девек-Елеми состояла из 15 сел с 5000 душ мужского пола¹⁸.

В конце XVIII в. в федерации верхнедаргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго было более 30000 дворов и до 1000 тыс. жителей¹⁹.

Более или менее подробны сведения о составе, количестве хозяйств и численности населения союзов сельских общин XIX в. Три союза сельских общин Самурской долины — Ахты-пара, Алты-пара и Докуз-пара имели 8100 семей и 40500 душ мужского пола²⁰, а по другим сведениям XIX в. — 48600 душ обоего пола²¹. По данным за 1812 г. в Салатавии было 12 сел с 2410 хозяйствами²². По сведениям 30-х годов XIX в. Койсубулинский союз состоял из 18 сел с 1500 хозяйствами²³. В это же время в союзе Ахты-пара было 6 сел с до 1500 хозяйствами, в Алты-пара — 15 сел с 1536 хозяйствами, в Докуз-пара — 10 сел с 960 хозяйствами²⁴, Рутульском союзе — 10 сел с 1600 хозяйствами²⁵. В конце 30 годов XIX в. в союзах сельских общин Самурской долины было более 6 тыс. дворов и около 50 тыс. жителей²⁶.

По сведениям А. Берже, в Дидо было: в 1826 г. 1095, в 1842 г. 1240 дворов; в союзах сельских общин федерации Антль-Ратль в Джурмуте в 1832 г. — 395 дворов, в 1842 г. — 168; соответственно — в Богнаде — 630 и 79 дворов; Ухнада — 770 и 180 дворов; Таше — 1080 и 146 дворов; Анцросо — 500 и 420 дворов и т. д.²⁷. По другим данным в начале 30-х годов XIX в. в Джурмуте было 8 сел, Тлебеле — 9, Бохну (Бохнада) — 8, Ухнада — 5, Анцросо — 7, Таше — 27, Анцухе — 21, Капуча — 9, Кхенада — 5. Соответственно в них было хозяйств: 395, 300, 630, 185, 770, 1120, 1000, 720 и 200²⁸. По сведениям А. Берже, в союзах сельских общин федерации Ункратль было 7700 жителей, в Анцухе — 3600, в Капуча — 8400, Дидо — 4000, Багулале — 4600, Чамалале — 3500, Тинди (Богос) — 3500, Технуцале — 2800, Калалале — 8200, Цунта-Ахвахе — 2500, Гидатле — 5400, Куяда — 600²⁹.

По данным 40-х годов XIX в. число жителей было: в Салатавии — 10500, Гумбете — 15000, Андийском союзе — 15000, в Койсубулинском союзе — 35000, Акуша-Дарго — 37000, Андалале — 12000, в обществах Верхнего Кайтага — 7200³⁰. По сведениям Н. Дубровина, в Салатавии было 12, Гумбете — 18, Анди — 9, Койсубулу — 19, в союзах Дарго — 40 сел³¹.

Необходимо отметить, что количество сел, входивших в тот или иной союз сельских общин, могло меняться, во-первых, в силу насильственного отторжения тех или иных сел из одного союза и присоединения их к другому союзу, во-вторых, в результате добровольного выхода сел из состава одного союза и присоединения их к другому и, в-третьих, ввиду захвата и присоединения сел союзов сельских общин к феодальному владению, примеры о чем приводились в предыдущей главе работы (Лутку, Ялах и т. д.)

Поэтому и наблюдается разноречивость в имеющейся исторической литературе по их составу.

2. СТРУКТУРА ТУХУМА И ДЖАМААТА

Каждое сельское общество союза сельских общин выступало как единое целое по отношению к другим обществам, их союзам, федерациям последних и феодальным владениям и составляло низовую политическую единицу или ячейку союза. Обозначалось это арабским термином джамаат.

Каждый джамаат имел свою территорию, строго охраняемую и четко очерченную, свои обычаи (адаты) и органы управления. В село входили непосредственно само поселение с домами, пашни, сенокосы, леса, пастбища, водоемы, сады, мельницы и т. д. Джамаат представлял собой автономное административное образование. Наличие своей территории придавало джамаатам территориально-географическую стабильность. И вряд ли можно согласиться с существовавшим в прошлом мнением, что «дагестанские горцы не могут определить положительно границы между племенами и обществами, и никто прежде не знал с достоверностью, где кончаются владения одного общества и начинаются другого»³². Известно, что дагестанские горцы издавна обозначали границы своих обществ, союзов и т. д. разными способами — опознавательными знаками, письменно и т. д., игравших роль юридического документа, закреплявших территориальные владения³³.

Каждый джамаат состоял из тухумов, являвшихся общественными коллективами, куда входили малые индивидуальные семьи, составлявшие низовую ячейку общественной структуры и производственной (хозяйственной) единицы (субъект производства) общины (джамаата). Сначала тухумы располагались в основном компактно, занимая в селении отдельный квартал, о чем говорит совпадение названий кварталов и тухумов. «...в прошлом, — пишет С. С. Агаширинова о лезгинах, — в пределах селения каждая патронимия образовывала свой квартал — мягале, населенный только ее членами. Вновь выделившаяся семья также лишь в редких случаях поселялась вне квартала своей патронимии». Но «с течением времени кварталы утрачивают свой исключительно патронимический характер»³⁴. То же самое наблюдалось и у других народов Дагестана³⁵. М. М. Ковалевский писал, что в сельских обществах Дагестана «бок о бок живут члены разных тухумов», «общин родовых, т. е. таких, в которых бы все население принадлежало к одной и той же кровной группе, мы... в Дагестане не встречаем»³⁶. Маленькие селения, обычно состояли из трех частей или кварталов, называемых Верхний аул, Средний

аул и Нижний аул. В крупных же селах тухумов и кварталов было больше. В Курахе, например, было 7 кварталов и 48 тухумов³⁷. В селении Арчиб было 3 квартала, в которых проживали представители 19 тухумов³⁸. В даргинском селении Уркарах, образовавшемся из 12 тухумных («родовых») поселений, было 3 части селения: нижняя, средняя, верхняя. Они, в свою очередь, состояли из нескольких кварталов. Заселение их в XVIII—XIX вв. в основном было смешанное, хотя отдельные тухумы занимали только определенный квартал или часть селения³⁹. В селении Рутул было 4 квартала и 15 тухумов⁴⁰, «прежде кварталы и тухумы совпадали», т. е. тухумы жили поквартально и даже позже сохранились следы этого⁴¹.

Сохранению и в позднее время компактного заселения тухумов в отдельных селениях «способствовали...многочисленность родовых коллективов, незначительный приток населения со стороны после основания селения, некоторая оторванность селения, малая затронутость нашествиями и т. д.»⁴².

Но в целом характерным для дагестанской сельской общины, в том числе союзов сельских общин, являлось территориально-квартальное деление. Как отмечал Ф. Энгельс, «Чем дальше жил род в своем селе... тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным: род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины»⁴³. Счет родства в основном велся до 4—5 поколений, лишь в редких случаях — 6—9 поколений⁴⁴. Однако, как указывал проф. С. В. Юшков, на практике самое родство даже 4-й и 5-й степени никакого значения не имело⁴⁵.

Каждый тухум имел свое название, которое в основном было связано с именем какого-либо видного предка. «Родовых названий, — писал М. М. Ковалевский об Акуша-Дарго, — здесь тухумы не имеют, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое приобрело почему либо известность в народе. Его именем они величают себя до тех пор, пока из их рода не выступит новый, еще более известный «герой»⁴⁶. Название тухума могло возникнуть и от отличительных особенностей: характера деятельности лиц, входивших в него, от поступков и склонностей к чему-либо, от местности, откуда вышел тухум и т. д.»⁴⁷

Известно, что структура родственного коллектива строится на подчинении всех его членов какому-либо одному лицу — «патриарху», родоначальнику, обычно по принципу строгой возрастной иерархии, подчинении младших старшим. И у дагестанских горцев каждый тухум имел своего главу: «тухумис ким» (динойцы)⁴⁸, «як пайдади», «келте», «сакъя», «агъсакъял» (лезгины)⁴⁹ и т. д.

Однако в общественных делах преобладали относительно молодые люди. «Звание это, — говорится в записке, составленной русской администрацией, — достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным; вообще же в главы тухума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием и хлебосольством. Если наследник умершего соответствует сказанным условиям, то он бесспорно становится его преемником, в особенности в том случае, если два, три поколения уже пользовались наследственно этим правом»⁵⁰. О Кайтаге М. М. Ковалевский писал, что здесь «главою тухума считается старейший по летам или тот, кто умнее»⁵¹. По сведениям Сотникова, в Табасаране также главой тухума выбирался «старший в роде, но бывает исключение: первенство в тухумах приобретают личными достоинствами или богатством нестаршие в роде»⁵². У кюринцев, как писал Цветков, «в большинстве случаев главенство приобреталось и приобретается богатством, умом и другими личными качествами»⁵³.

К главам тухумов обращались за советом, во всех важных случаях жизни: браках, ссорах, недоразумениях, торговых сделках, кровомщениях, примирениях и т. д.⁵⁴. Глава тухума контролировал поведение членов своего тухума. Виновиный в чем-либо член тухума подвергался осуждению. Высшей мерой наказания являлось изгнание из тухума.

Однако не везде глава тухума представлял из себя патриарха. По сведениям А. Цветкова, «кроме почета и уважения со стороны прочих членов тухума», глава тухума у кюринцев не имел никакой исполнительной власти и его главенство не было «соединено ни с какими признаваемыми правами, и если в редких случаях личности с сильным характером распоряжались почти деспотически своим тухумом, то в большинстве других случаев за главою тухума признавалось только право подачи совета или наставления, которых исполнение, впрочем, не было обязательно»⁵⁵. У главы тухума не было юридического права⁵⁶.

Для решения вопросов, касающихся всего тухума, созывались тухумные собрания. Такими вопросами были исключение из тухума «порочищих членов», «обсуждение общих мер к отмщению нанесенных роду (тухуму — Б. А.) обид, а также к уплате причитающегося с него выкупа за убийство, ранение и другие преступления, совершенные лицами из его рода (тухума — Б. А.)...», вопрос о вступлении его в братство с другими родами (тухумами — Б. А.), или заключении с ними временных... союзов»⁵⁷. На сходах тухума его глава занимал первое место, «хотя бы в числе присутствующих были и лица, старше по возрасту»⁵⁸.

Добровольный выход из тухума не дозволялся обычаем и адаты горцев строго соблюдали эти нормы⁵⁹. Этот вопрос обсуждался старейшинами и почетными лицами тухума и выносился на обсуждение на его сход и здесь «главой тухума публично объявлялось исключение»⁶⁰. Но не везде в союзах сельских общин Дагестана был обычай исключения из тухума порочного члена. У даргинцев, например, даже сам тухум не имел право исключать из своей среды позорящих его членов⁶¹. Кубачинцы предпочитали убить оскорбляющего их честь родственника⁶². Среди обществ союзов сельских общин Южного Дагестана только в Цахуре был возможен переход из одного тухума в другой. У ахтыцев и рутульцев такой переход не допускался «под опасением вражды заинтересованных тухумов».

Дореволюционные и отдельные исследователи советского периода сравнивали дагестанский тухум с родом. Как известно, род является самостоятельным общественным коллективом со своей территорией. Тухум же был всего лишь частью более крупного общественного организма — общины. Экономической основой рода является родовая собственность на средства производства и в первую очередь на землю. В исследуемое время рода ни как экономической, ни как политической организации нет уже. Верховным собственником земель (неподеленные сенокосы и пашни, пастбища, выгоны и леса) являлась сельская община, состоящая из тухумов, вышедших из разных мест, что не было характерным для родовой общины. И хозяйственные функции давно перешли к сельской общине (определение времени посева, уборки хлеба, сенокосения, перегона скота, распределение общинных земель и т. д.). Сохранившиеся же формы коллективной собственности (в ряде случаев), идеологическое и общественное единство — это пережитки семейной общины, главными признаками которой, как «общественной формы», являлись общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление. Патриархально-семейная община являлась «переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями с первоначально периодическими, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов»⁶³. Поэтому, являясь переходной ступенью, домашняя община не могла быть ликвидирована сразу с разложением родовых отношений. В течение длительного периода пережитки семейной общины продолжали существовать в сельской общине, приспосабливаясь к ней и испытывая на себе влияние процессов, происходивших внутри общины. Известный советский этнограф проф. М. О. Косвен писал, что семейная община является исторической

общественной формой, которая «свойственна патриархальному родовому строю, но весьма устойчиво сохраняется у многих народов в распада этого строя, нередко и в условиях классового строя, подвергаясь тогда, конечно, классовой метаморфозе»⁶⁴.

Все это говорит о неверности утверждений, что дагестанский тухум являлся родом. Ошибки дореволюционных авторов были вызваны тем, что они принимали пережитки родовой и семейной общины в Дагестане за живое их бытование. В исследуемое время тухумы распались на ряд семей, которые владели орудиями и средствами производства и вели свое самостоятельное хозяйство. Тухум не представлял ни территориальной, ни экономической общности. Это по своей сущности семейные подразделения общины, выступавшие как промежуточные или посредствующие звенья между общиной и малой индивидуальной семьей, что было характерно и для многих других народов мира⁶⁵.

Изменения, происходившие в тухуме в XVIII—XIX вв., хорошо видны и в трансформации тухумных обычаев, сохранившихся больше как пережиточные нормы периода господства патриархально-семейной общины, которые, говоря словами А. Д. Давыдова, «базируются на сравнительно позднем патриархально-семейном или даже уже патронимическом, а не древнем первобытно-родовом праве». Таков «узкий круг действия кровной мести с системной компенсацией за увечье и убийство, различные виды родственной взаимопомощи: при сборе большого калыма, компенсации за убийство, при ссорах и столкновениях и т. д. Хотя происхождение всех этих институтов уходит далеко в глубь веков, восходя к пережиткам первобытного группового и парного брака и родовой экзогамии, но они уже настолько изменены, что узнать их трудно»⁶⁶.

3. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

С образованием территориальных общин и нарушением родового принципа расселения изменяется и форма управления общиной. Нарушение родового принципа расселения, писал М. М. Ковалевский, «необходимо должно было вызвать к жизни образование, наряду с родовой, особой сельской администрации»⁶⁷ и, как отмечал П. Кушнер, «сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые или уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него»⁶⁸. Как указано в предисловии к сборнику «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», «в этом втором периоде развития народной жизни дагестан-

ских горцев уже существовало до некоторой степени организованное сельское управление, выработанное самим народом»⁶⁹.

Каждое сельское общество (джамаат) союзов сельских общин имело свои местные органы власти и управления. Главными административно-должностными лицами сельских общин были старшины. У аварцев они назывались «росдал бетлер», «чухиб», «бегаул», или «бегавул», «адиль-заби», «ростала» (Салатавия), «ун» (Багуал), «гьянильадуа» (Карата), «гьянимикар» (Анчих), «руас» (Тидиб), «бушувмукант» (Арчиб); у даргинцев — «шила халати», «ше холати», «шила хуалте», «катаны»; у табасаранцев — «кевха»; у лезгин — «аксакалы» (белобородые)⁷⁰ и т. д.

Наиболее ранние сведения о старшинах союзов сельских общин Дагестана по исследуемому периоду мы встречаем у А. И. Лопухина, который писал о кубачинцах, что они «управителей из своей братьи имеют погодно»⁷¹. Как писал через 10 лет после этого И.-Г. Гербер, они «в тот год все споры судят, и во всем им послушны бывают»⁷². В одних селах было по одному старшине, в других — выбирали ежегодно несколько старшин»⁷³, что было связано с величиной селения и количеством его тухумов. Так, по сведениям 1742 г. в даргинском селении Калаксрейш выбирали ежегодно 8 старшин⁷⁴. В союзе сельских общин Каракайтаг «назначались и выбирались» 30 старшин⁷⁵. В селении Уркарах было 12 старшин, в селении Киша и Харбуке — по 8⁷⁶, в Кубачах, по данным И.-Г. Гербера — 12⁷⁷, а по другим данным — 7⁷⁸. В сел. Урахи было 4 старшин⁷⁹. В Ахтах было 40 тухумов и из каждого из них самым же тухумом избирался один аксакал, «и эти выборные, в числе 40, управляли всеми общественными делами». Причем, «срок службы каждого аксакала ограничивался только желанием его тухума»⁸⁰. Другие сведения конца XVIII — первой половины XIX в. также говорят о том, что в селах союзов сельских общин управление находилось в руках выборных старшин⁸¹. В середине XVIII в. старейшиной в селении Тинди был Динга-Хаджи, в Чамалале — Маху и Димама, в Бежта — Ахалав⁸² и т. д.

Многие джамааты союзов сельских общин управлялись старшинами, избираемыми из одних и тех же фамилий. Еще Ф. Ф. Сибирицкий писал, что Горный Табасаран «управляется народом под разными узденями или наследственными начальниками»⁸³. То же самое писал он об Ахты-пара и Рутуле⁸⁴. О жителях федерации Акуша-Дарго П. Зубов сообщал, что они «повинуются только своим старейшинам, из числа коих некоторые имеют сие звание наследственно»⁸⁵, а селение Кубачи «управляется старшинским родом наследственно»⁸⁶.

Выборность старшин во многих джамаатах союзов сельских общин стала формальностью, фактически право занимать административные должности узурпировали богатые и влиятельные тухумы⁸⁷. В ниже-кайтагском союзе Урчумуль было 3 тухума, пользовавшиеся наследственным правом на общественное управление: Кевха (сел. Шиланша), Гасан-бек (в Киркия) и Басур (в Кирчике). Старейшины постоянно выбирались из этих трех тухумов. Это право переходило наследственно от отца к сыну, т. е. по прямой линии⁸⁸.

В союзах сельских общин Кайтага было много и таких тухумов, «которые, хотя не пользовались наследственно (правом) на общественное управление, но из них постоянно выбирались старшины по желанию общества вследствие того, что они пользовались большим уважением и почетом в народе; и, кроме того, сами по себе были очень сильны» (подчеркнуто мною — Б. А.). Так, старшины выбирались только «из известных тухумов» в союзах сельских общин Галш, Шуркант, Каттаган, Урчумуль, Каракайтаг, Муйра и в селении Кубачи⁸⁹. Такими, например, являлись тухумы: Омар, Хусул-Ахмед и Галуа (в Джибахни), Канцляр, Ибрагим Магомед и Чунлы (в Уркарахе), Виштайла, Каабан и Нупрадин (в Киша), Араблар, Панка Адам и Наналар (в Карашане), Акайли-Али, Хаджала-Шахбан, Хаджи-Юсуф, Ях-Яла и Кургала (в Кубачах) и др.⁹⁰.

Аналогичное положение было в Табасаране и в селах лезгинских союзов сельских общин. «...случалось, — говорится в источнике, — что некоторые тухумы... вследствие приобретенного общего уважения или по праву сильного (подчеркнуто мною — Б. А.) наследственно представляли своих членов на должности старшин»⁹¹. Таким тухумом в селении Курах был Мирчиар, из которого «с незапамятных времен избирался главный курахский старшина (кевха), имевший большое влияние на окрестные села». Это право тухум имел еще до Надир-шаха и оно было «укреплено народным адатом»⁹². Из другого тухума Кураха Манчарар также «постоянно избирался курахские старшины»⁹³. В селении Худиг из тухума Мансурар старшины избирались 45 лет подряд⁹⁴. В селении Гельжен постоянно выбирались старшины из тухума Кабуляр, в селении Цнал — из Бурган-тухума, в селении Хутарг — из Бейбут-тухума, которые пользовались «большим почетом и влиянием почти во всем Котур-Кюре». Такое право имели отдельные тухумы в селениях Кабир, Буткент, Архит, Касумкент и т. д. В Табасаране постоянно старшины выбирали в селениях Кандык из тухума Ахсакаллар, в Ляхля — из тухума Чигар (он же Кевхалар)⁹⁵, в селениях Рухуж — из тухума Гусейнбая, в Халаге — из тухума Карляр⁹⁶ и т. д. Наследственными были долж-

ности старшин также в селениях Храх и Хив⁹⁷. Все 40 старшин (аксакалов) селения Ахты имели на эту должность наследственное право «в прямой восходящей линии»⁹⁸, т. е. в «аксакальской» семье каждого из 40 тухумов. Наследственна была должность старшин и в Агуле⁹⁹. М. М. Ковалевским было отмечено, что «при этом во многих местах сохранилось правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов»¹⁰⁰. О селении Акуша он писал, что старшины здесь «избираются сроком на один год из почетнейших лиц, притом известных только фамилий»¹⁰¹. В селении Муги из более 10 тухумов выдвигать старшин (катанов) имели право только 4 наиболее влиятельных, древних и богатых из них: Дабайхъали, Бакъкъарихъали, Шихгъямархъали и Мякъяхъали («Коренные»). В Цудахаре из 6 основных тухумов старшин (хулелов) джамаата выдвигали только 4. В селении Мекеги из 12 кварталов (къатла) джамаатских старшин имели право выдвигать только 5 кварталов¹⁰². В селении Салта (союз Андалал) старшину (бегаула) выбирали в основном из тухумов Калоби и Ахлакъл¹⁰³. В селении Кудали этого же союза старшин выбирали из тухума Зумзумилилидал¹⁰⁴, в селении Арчиб (союз Рис-Ор) старшин выбирали только из коренных тухумов Гумай (или Ханнахир), Хасанханнахир и Халиханнахир. Жители селения считали эти тухумы ханскими¹⁰⁵.

Приведенные примеры говорят о неверности существующего мнения, что в крупных селах «право представительства в управлении имели все узденские кланы», а также, что тухумами назывались только те родственные группы, которые имели право на выдвижение правителей¹⁰⁶.

Влияние в сельских обществах союзов сельских общин богатых и сильных тухумов было так велико, что если не юридически, то фактически, власть их в управлении общиной превратилась в наследственную, становясь привилегией только их представителей. Поэтому от патриархально-демократических форм избрания административно-должностных лиц (старшин в данном случае) осталась одна внешняя оболочка. Происходило, говоря словами Ф. Энгельса, наследование власти, «которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют»¹⁰⁷. В результате органы управления из «орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹⁰⁸. Это был процесс превращения административно-должностных лиц из «слуг общества»... в господ над ними¹⁰⁹ и образования «наследственной знати». Именно тухумная форма избрания должностных лиц из узкого, причем весьма определенного, известного круга тухумов наряду с экономическими факторами способствовала выделению и укреплению знати.

Часто старшины были и военачальниками. В источниках изучаемого периода они, как и дагестанские правители, известны как амиры, т. е. правители. Это говорит о том, что старшины по своему положению сравнились с местной знатью и превратились в особое сословие. Такими, например, были Али-бек и Хаджи из селения Орта, Маллачилав из Унцукуля. Курбан из селения Карата, Магомед, сын Али Молла из селения Балаханы, Молла Магомед из селения Ирганай¹¹⁰, Мама Шабан из Джурмута, Харанчи Али Абдурахман и его сын Зага из селения Ругельда, Муртузали и Потберов из селения Урада¹¹¹ и т. д.

Н. Ф. Дубровин, говоря о функциях власти и управления старшин, писал, что они «наблюдала за порядком в селениях, собирали, в случае надобности, сходки, назначали места собрания и входили в сношения с соседними племенами, они же были и судьями...

При разборе и решении дел, руководствовались преимущественно адатом»¹¹². Однако они, как представители богатых и знатных тухумов, часто по своему произволу выносили решения, не всегда считались с нормами обычного права, а действовали по своему произволу¹¹³.

Говоря о социальной сущности старшин союзов сельских общин исследуемого периода, Р. М. Магомедов пишет, что адатное право и органы власти в джамаатах «являлись носителями интересов земельных собственников и владельцев скота, хотя сама эта власть осуществлялась в формах патриархальных установлений»¹¹⁴.

Старшины пользовались штрафами и рядом услуг от общества. Так, ахтынским аксакалам общество обязано было давать лошадей, если они предпринимали поездку по общественным делам; они все приглашались на свадьбы и поминования, причем имели право брать с собой одного члена семьи; после разбора дел о крови каждый из них «получал от удовлетворяемого по суду истца какую-нибудь вещь из оружия или посуды и кусок ткани»¹¹⁵.

В ряде случаев старшинам союзов сельских общин выделяли специальные пахотные и сенокосные участки. Такой порядок существовал в селениях Арсуг, Худиг, Рича¹¹⁶. В селении Тпиг старшина (кевха) получал 2 пая из общественного покоса¹¹⁷. Старшина (бегаул) селения Унцукуль получал сенокосный участок и одно ореховое дерево¹¹⁸. Старшина салатавокого селения Алмак получал хороший участок пахоты и сенокос в местности под названием Кюдалъу¹¹⁹. Все 4 старшины (хулелте) селения Ицари получали из общественного леса в местности Хирабай по одному

бревну¹²⁰. В селении Цудахар каждый из 4 старшин (хулелов) получал особый участок пахотной земли¹²¹.

В некоторых обществах союзов сельских общин, кроме сельских, были еще общеджамаатские старшины. В селении Акуша были 4 «джамаатла халати» — «хозяева и администраторы», «своего рода касационные судьи». Они «лично не разбирали дела», но проверяли разобранные старшинами дела и если находили их неправильно решенными, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях старшин и сменили недостойных по согласию народа, зарезав предварительно быка у провинившегося из них¹²².

В изучаемое время главными административно-должностными лицами в союзах сельских общин были и кадии¹²³, что особенно было характерно для даргинских союзов и для ряда обществ других народов Дагестана¹²⁴. Власть кадиев была обширна в военное время и ограничивалась в мирное время деятельностью народных собраний¹²⁵. Кадии выбирались на народном сходе, обычно проводимом в пятницу на определенный срок или бессрочно. Вместе со старшинами кадии сельских обществ возглавляли общественно-политическую и хозяйственную жизнь своих джамаатов и вершили суд на основе шариата. В связи с этим интересно отметить, что во власти кадия, как и во всей жизни горцев в целом, наблюдается мирное уживание адата и шариата, что является своеобразным проявлением бюриджизма. В целом для исследуемого периода, в особенности для XIX в., характерным было усиление роли шариата. Однако, как отмечал М. М. Ковалевский, из этого не следует, что «народные юридические воззрения исчезли из сфер, в которых... шариат одержал победу над адатом»¹²⁶, поскольку «все стороны юридической жизни Дагестана сохраняли еще недавно и сохраняют и теперь следы всестороннего регулирования их обычаем»¹²⁷.

Народ предпочитал адат шариату, так как «по корану были определены весьма строгие наказания за преступление, считавшиеся народом маловажными, как, например, воровство» и «изучение мусульманского законовещения представляло непреодолимое затруднение для народа... тогда как адат не требовал особых познаний; каждое дело решалось по бывшим примерам, а если таких не было, то большинством голосов»¹²⁸.

Объяснения причин сосуществования адата и шариата в исторической литературе уже дано. Конкретно о народах Дагестана И. П. Петрушевский писал следующее: «Соединение черт раннефеодального строя с многочисленными пережитками родового строя привело к тому, что здесь существовали рядом с нормами домусульманского обычного права (адат) и мусульманский ша-

риат»¹²⁹. Указывая на позиции шариата, он писал: «Право семейное, вещное, уголовное основывалось еще на господстве адата, но уже подвергнувшегося значительному влиянию шариата. Это влияние сказывается в семейном и наследственном праве»¹³⁰. Но в то же время, отмечая роль адата, которую он играл даже в XIX в., И. П. Петрушевский писал, что шариат не только убил адатное право, но даже не лишил его преобладающего значения, он лишь пронзил его своим влиянием. Они чаще всего уживались мирно до распространения мюриджизма (20-е годы XIX в.). Шариат укреплялся, как право феодальных верхов, по мере постепенного разложения родового строя, феодалы стремились приспособить к своим интересам пережитки родовых отношений. Следовательно, в начале XIX в. адат уже был не столько пережитком родовых отношений, сколько формой раннефеодального права»¹³¹.

В связи со всем сказанным понятна и социальная сущность власти мусульманского кадия, который являлся не представителем патриархальной власти в джамаате, а выразителем интересов нарождающегося класса феодалов¹³².

Кадии получали определенную плату за разбор дел по шариату, за похороны и свадьбы, часть zakata и т. д. Они были освобождены от податей и повинностей¹³³. В одном из наших источников говорится, что плата, дававшаяся за общественную службу членам сельского управления, весьма различна. Так, например, в Уркарахе кадию давали за омовение покойника 1, 2 и 3 руб., за чтение корана на могиле покойника 2 или 3 рубля, при разделе оставшегося имущества между родственниками умершего кадий получал 10 руб. 25 коп. (это везде). При совершении кебина кадий получал 20 коп.¹³⁴.

Кроме этих оплат, являвшихся в основном вознаграждением за индивидуальные услуги и разбирательство личных вопросов, сельские кадии за свою службу получали известную плату и от джамаата в целом. Формы и размеры вознаграждения зависели от решения сельского схода. «По обычаю, утвержденному во всем Дагестане, — говорится в источнике, — кадии за исполнение своих духовных обязанностей, получали плату с каждого двора произведенными, свойственными данной местности»¹³⁵.

Сельские общества выделяли для своих кадиев и определенные участки пахотных и сенокосных земель. Большие земельные участки выделялись для кадия в селении Урахи. Кадий Абдулкадир в XIX в. получил пахотное поле от джамаата около современного селения Вапашмахи. В селении Бурдеки для кадия в местности Джагъаннабла кьада выделили пахотный участок на 7 мерок (барха) засева, урожай с которого для него собирали сами общинники. Кроме того, из зерна, собираемого с мечетских

земель, кадию давали 40 мерок зерна. В селении Кичигамри сельскохозяйственные работы на кадия выполняли тоже общинники¹³⁶. Ицаринский кадий получал от своего общества покосное место на 20 выюков сена, если же кадий был из другого селения, то сверх того ежегодно он получал 15 баранов¹³⁷. В аварских обществах пахотные и сенокосные участки, выделяемые кадию (дибиру) имелись в Хиндахе, Бацада, Салта, Кегере, Гочобе, Гертма, Артлухе¹³⁸ и т. д. То же самое мы наблюдаем во многих селах союзов сельских общин Южного Дагестана.

Вознаграждение, получаемое административными лицами, создавало для них прибавочный продукт, так как в условиях захвата общинного управления местной знатью в лице представителей привилегированных тухумов оно (вознаграждение) трансформировалось в постоянный налог или своего рода наследственную ренту в пользу местных богачей. Аналогичный процесс в период становления феодализма наблюдается и в других странах. Говоря о Киевской Руси X—XII вв., проф. И. Я. Фроянов пишет, что приношения князю «постепенно теряли непосредственно потребительский характер, переплавляясь в нечто, подобное натуральным налогам»¹³⁹. Безусловно, плата административным лицам не могла не оказать влияния на их положение и на структурные изменения общества в целом. Как писал Ф. Энгельс, еще в древних общинах их руководители были первыми присваивателями прибавочного продукта общинников, они представляли «собой зачатки государственной власти»¹⁴⁰. В изучаемое время плата или ренты на содержание административных лиц стали одним из источников их обогащения и упрочения политической власти, они стали одной из форм эксплуатации членов общества, так как «превышали непосредственные потребности этих лиц»¹⁴¹.

С присоединением союзов сельских общин Дагестана к России и образованием округов в селах стали назначаться юзбаши. «Юзбаши, — писал Г.-М. Амиров, — лицо, назначаемое правительством; он контролирует решения суда и наблюдает за правильным ходом дел в нем; без его подписи решение кадия и судей не считается действительным... Обыкновенно, юзбаши только присутствует в суде, сохраняя молчание и предоставляя полную волю кадию и судьям, так что дела и их исполнение находятся собственно в руках кадия и... судей»¹⁴².

Помощниками кадия в сельских общинах были будуны (у аварцев мудуны, у лезгин эфендии) и муллы. Первые, как и кадии, находились при главных мечетях, а муллы — в квартальных. Обязанностью будунов было чтение корана в мечети, призыв на молитву, наблюдение за порядком, хозяйством и имуществом мечети, вероисповеданием членов джамаата, руководить мутаали-

мами и т. д. Во время отсутствия кадия в селении будун выполнял и его функции.

Будуны и муллы избирались на сельских сходах «из людей ученых», и они получали «содержание от общества, из заката» или же пользовались «частью доходов с имущества, завещанного в пользу мечетей»¹⁴³. В ведении будуна находилась также «напака»*, которая часто доходила до сотни мерок зерна. Так, в селении Урахи в пользу мечети вносилось ежегодно от 200 до 300 мерок зерна¹⁴⁴.

Во многих союзах сельских общин будуны и муллы получали и определенное количество зерна от каждого хозяйства. Так, в селении Нижние Мулебки и Мургуке будуны получали по 1 мерке (сах) зерна с каждого хозяйства¹⁴⁵, будун уркарахской мечети получал 2—3 саха зерна¹⁴⁶, цилитлинский мулла получал с каждого хозяйства по 1 кьали (12 кг) зерна¹⁴⁷. В селении Куруш эфенди главной мечети получал по 6 кг (15 гирванка) зерна¹⁴⁸, гуржский мулла получал с каждого хозяйства по 1 саху (8 кг) зерна¹⁴⁹, мулла селения Каражюре — 64 кг зерна, мулла селения Текипиркент получал по 2—3 пуда зерна с каждого хозяйства¹⁵⁰ и т. д.

Нередко будуны и муллы получали и определенный пахотный и сенокосный участок. Так, будун селения Нижние Мулебки получал вакуфные земли в местности под названием Кыякшашурми на 2 мерки (барха) засева, будун селения Урахи от джамаата получал 2 пахотных участка. В селении Меушиша мулла мечети Хлябкы кьот1 получал 2 пахотных участка в местности Хлябкы на 10 мерок засева и в местности Кыякшашурми на 8 мерок засева, а будун селения получал доход с мельницы, находящейся в местности Шилкьа кьадди¹⁵¹.

Из светских административных лиц после старшин в селах союзов сельских общин по достоинству находились мангуши или чауши (глашатаи). До присоединения к России мангуш в основном выбирался на народном сходе на определенное время или назначался кадием. Затем их стали назначать юзбаши¹⁵². В ряде обществ мангуша назначал старшина. Обязанностью мангуша было объявление приказаний и решений кадия и старшин и приведение в исполнение их распоряжений, созыв народа на сельский сход, оглашение решений, принятых на нем, объявление очереди исполнителей и т. д. За свою службу мангуш получал «различное вознаграждение»¹⁵³. Например, в селении Кудали мангу-

* «Напака» — это часть, вносимого в пользу мечети зерна, которая назначалась на содержание мутаалимов.

шу выделяли пахотный участок под названием Магъушасул хУр, двум мангушам селения Салта выделяли десятую часть кукурузы с каждого хозяйства¹⁵⁴.

Мангуш возглавлял исполнителей, выполнявших как бы полицейские функции. Назначались исполнители джамаатом и старшинами по очереди на различные сроки — от одного месяца до года. Исполнители претворяли в жизнь решения джамаата, приказания и решения старшин и кадия и во главе с последними составляли исполнительный орган власти сельской общины. В источнике середины XIX в., посвященном Кайтагу, о правах и обязанностях исполнителей сказано: наблюдать за порядком на общественных местах, взыскивать с виновных штраф, выгонять из дому канлы (кровника), не разрешать раньше времени косить сено и собирать фрукты, захватить скот того, кто пускал его на чужую пастбу или в сады и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву, взыскивать с должника насильно долг и удовлетворить взаимодавца¹⁵⁵ и т. д.

Аналогичны были функции и обязанности сельских исполнителей и других союзов сельских общин.

Из числа исполнителей назначались так называемые «чапары» — гонцы, рассыльные, которые в необходимых случаях посылались в другие села. В ряде обществ, кроме исполнителей, были и специальные охранщики полей. В селении Ахты их называли къурухчи, в Табасаране — шупьен, в Агуле — гизир и т. д.

Количество исполнителей и охранщиков, как и количество старшин, зависело от величины селения и его жителей. Так, в селениях Чишили и Дибгаши назначались по 6 исполнителей на год, в селении Уркарах, являвшемся крупнейшим селением Верхнего Кайтага, в середине XIX в. бывало 60 исполнителей, в селении Кубачи — 24¹⁵⁶, в селении Нижние Мулебки, а также в Мургуке, Канасираги¹⁵⁷, Мекеги, Муги было по 12 исполнителей, в селениях Усиша, Цудахар, Гапшима — по 9¹⁵⁸, в селениях Гочоб и Хоточ — по 7, в селениях Мугурух, Хуштада, Нижний Батлук, Куруш, Гурик — по 2¹⁵⁹ и т. д. В центре Ажуша-Дарго — селении Ажуша было 16 исполнителей, и «шила халати» — каждый из 4 старшин мог распоряжаться любым из них¹⁶⁰. Кроме того, в распоряжении четырех джамаатских старшин имелись еще по 2 исполнителя — всего 8 человек¹⁶¹.

Исполнители, как и мангуши, получали определенную часть штрафов при разборе дел по адату. «Везде и всегда» две части штрафа получали исполнители, а третью — мангуш¹⁶². Ахтынский чоуш получали от общества по 1 быку в год, при каждой свадьбе и при каждом поминовении в той семье, где совершался этот

обряд, они получали масло, мясо, крупу и дрова; при надеде ақсакалов и эфендии после разбора дела о крови в Ахтах каждый чоуш получал какую-нибудь вещь, стоимостью в 3 руб., т. е. 3 барана¹⁶³. Чоуш селения Миокинджи также получал мясо, масло, крупу и дрова во время свадьбы и поминовении¹⁶⁴. Жители селения Уркарах давали исполнителям «еженедельно с каждого дыма по одной са (мерке — Б. А.) пшеницы». За это они «по окончании года обязаны были делать угощение всему обществу или, по крайней мере, всем почетным лицам»¹⁶⁵. По адатам андалалцев, с убийцы взыскивалось 4 быка, из которых 2 — в пользу исполнителей¹⁶⁶. В селении Куруш исполнители получали с каждого хозяйства по 6 кг зерна¹⁶⁷, в Гурике — 8 кг зерна¹⁶⁸, Халаге — по 2,5 кг¹⁶⁹.

В отдельных джамаатах исполнителям выделяли дополнительные пахотные участки. Так, в селении Бурдеки в местности Джагъаннабла кьада каждому из трех исполнителей давали пахотные участки на 3 мерки (барха) засева. Посеянное количество зерна после уборки урожая отдавалось джамаату, а остальную часть исполнители оставляли себе¹⁷⁰. Исполнитель селения Хоредж получал сенокосный участок в местности БитГал¹⁷¹. В селении Меушиша все 12 исполнителей, кроме части штрафов, получали от джамаата и навоз, который собирался на месте содержания быков в местности Цурушима Гяйлли¹⁷².

Одной из особенностей административно-политического устройства джамаатов союзов сельских общин было то, что почти повсеместно административно-должностные лица выбирались только из коренных жителей. В «Своде заповедных законов Кайтаг-Дарго» сказано, что переселенцев «из другого Дарго» «нельзя назначать кадием, мангушем, чапаром, главой села (старшиной — Б. А.), муталимом. С нарушившего это правило положен букъ» (штраф — Б. А.)¹⁷³.

Административно-должностные лица пользовались рядом привилегий. Они были освобождены «от несения» каких-либо повинностей¹⁷⁴, от очередной караульной службы¹⁷⁵ и т. д. В «Постановлениях Кайтахского Уцмия Рустем-Хана» говорится: «у кадия, чауша (здесь имеется в виду мангуш — Б. А.), нарочного (гонца — «чапар» — Б. А.), старика (старейшины — Б. А.) и учителя» не разрешалось брать барамту*¹⁷⁶. С нарушившего этот адат брали пеню (3 руб. 60 коп)¹⁷⁷. Притом этот штраф в «Уцмиевых адатах (в Кайтаге)», названный здесь «шариат ахча», взыскивался с виновного в «пользу обиженного»¹⁷⁸. Согласно адатам

* Барамта — захват чужого имущества в обеспечение долга.

Андалальского союза сельских общин, с того, кто возьмет ишкиль (барамта) у союзного кадия, у старшины или мангуша, или его посланника взыскивался бык¹⁷⁹.

Действия и решения, принимаемые административно-должностными лицами по различным вопросам, являлись обязательными для исполнения членами сельских общин. «С того, кто начнет спорить с чоушем, — говорится в «Постановлениях» кайтагского уцмья, — брать сто кары* хабцалдику (домотканый материал — Б. А.)»¹⁸⁰.

Община охраняла и защищала свою администрацию. По адатам Урахинского общества за убийство кадия избирались 7 башканлы (т. е. убийцы) из участвовавших в убийстве, в то время как за убийство других членов джамаата избирались всего 3 малканлы (подозреваемые в убийстве). С убийцы кадия взыскивалось 7 алумов** и штраф 8 быков, 7 домов канлы (убийц) или их родственников разорялись до основания. За убийство старшины взыскивались алум в двойном размере и штраф 8 быков¹⁸¹. В Цудархарском обществе, в селениях Салта, Мохок, Еркачи, Шахада, Буцра, Хецо, Шулатлута, Унцукуль, Игали, Инкоалита, Харачи за убийство кадия, кроме убийцы, кровомщению наравне с ним подвергалась вся его семья, живущая с ним в одном доме¹⁸². За нанесение раны кадию и старшине с виновного делалось взыскание в два раза больше, чем за нанесение раны другому члену джамаата. Сверх того, в пользу исполнителей взыскивался в два раза больше штраф. За избивание старшины с виновного в пользу исполнителей взыскивались 2 быка, за избивание исполнителя — в его пользу один бык¹⁸³. По адатам Андалальского союза, с того, кто ударит исполнителя, взыскивался один бык¹⁸⁴. Аналогичный штраф брали с того, кто подрался с исполнителем в Келебском обществе¹⁸⁵. По адатам Цекубского общества, с того, кто ударит старейшину, взыскивали три овцы¹⁸⁶.

Не допускались обвинения по подозрению ни в каких преступлениях, кроме убийства, на кадия, старшин и лиц, посвятивших себя изучению духовных книг¹⁸⁷.

Для обсуждения наиболее важных вопросов в селениях союзов сельских общин созывались народные сходы. Сельский сход — это высший орган джамаата. «Чтобы община обрела действительное существование, — указывал К. Маркс, — свободные собственники земли должны сходиться на собрания»¹⁸⁸. Созывались народные собрания мангушами и исполнителями по решению

* Кара — мера длины, равная около 50 см.

** Алум (алым) — особая плата, взыскиваемая в пользу родственников убитого вскоре после совершения убийства.

старшин и кадия в специальных местах «в окрестностях главного поселения или же вблизи мечети, особенно прославленной своей древностью или богатством»¹⁸⁹. Известно, что джамаат селения Уркарах «по мало важным делам» собирался как перед главной мечетью (в ненастье в мечети), так и в местности Каканец, а для обсуждения более важных вопросов, на возвышенном месте Аф-Ка¹⁹⁰. В селении Кегер Андалальского союза джамаат собирался в среднем квартале возле озера в местности Хириальтох¹⁹¹, кубачинцы собирались на джамаат посреди села в доме Чанадакан¹⁹². Интересно по национальности, бывший в Дагестане в 1725—1727 гг., писал, что Кубачи «город чили (или — Б. А.) деревня неликая собою, имеет у себя реч посполитую, которая змежи (среди — Б. А.) себе выбирает 12 старших, якии всем людом правлять...»¹⁹³. И в других селах союзов сельских общин были известные места сбора народных собраний. И не без основания М. М. Ковалевокий писал, что «Места народных собраний наперед раз навсегда были установлены»¹⁹⁴.

По мнению Р. М. Магомедова, собрания в селениях союзов сельских общин Дагестана «созывались часто»¹⁹⁵. О таких собраниях джамаатов Андалальского союза писал П. Пржецлавский¹⁹⁶. На джамаатах (собраниях) участвовали только совершеннолетние мужчины (с 15—18 и даже с 25 и 40 лет), а в некоторых селениях только женатые мужчины¹⁹⁷. Поэтому нельзя не согласиться с выводом М. М. Ковалевокого о том, что «в Дагестане деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было предоставлено народу»¹⁹⁸. Вместе с тем, в ряде обществ участие на джамаатах было обязательно и не явившегося община наказывала. Так, в селении Куруш того, кто не приходил на джамаат, штрафовали так же, как не явившегося на общественные работы¹⁹⁹. Нельзя было не приходиться на джамаат и по вызову. «Если кто по вызову на сход в назначенный день не придет, — говорится в адатах Андалальского союза, — с него взыскивается 1 котел»²⁰⁰. По адатам келебских селений, с того, кто по вызову сельского исполнителя не приходил на годекан, взыскивали штраф — 1 сах зерна²⁰¹.

Основными вопросами, которые обсуждались на народных сходах, являлись взаимоотношения с другими обществами, проведение сельскохозяйственных и общественных работ, сдача или наем земель в аренду, распределение общественных земель, условия найма чабанов и пастухов, выборы административно-должностных лиц, а также представителей для разрешения спорных вопросов, прелюбодейния, большие грабежи и т. д.

Решения или постановления джамаата приобретали «силу закона и обычая»²⁰². Решения принимались голосованием по боль-

шинству голосов. Но исход голосования зависел от позиции влиятельных членов общины. Первое место на сходе принадлежало высшим должностным лицам общины — старшинам и кадиям, которые, как отмечалось выше, во многих общинах узурпировали власть, превратив эти должности в наследственные. Поэтому даже в случае равенства голосов перевес бывал на стороне этих владельцев и влиятельных членов джамаата. Как не могло быть схода, созванного без согласия старшин и кадия, так не могло быть и решения без согласия этих же первенствующих лиц джамаата.

Для подтверждения сказанного сошлемся на один источник о главе тухума Канцабар Уркарахского общества. «На бывших народных сборищах близ Уркараха, на месте... Ая..., — говорится в источнике о главе указанного тухума, — Хаджи-Мамед-кадий имел всегда за собою больше голосов»²⁰³. Значит, и решения на сходе, естественно, принимались удобные ему. Аналогичное положение было, конечно, и в других селах союзов сельских общин. Везде, о чем указывалось и выше, были свои так называемые «почетные», «знатные», «авторитетные», «сильные», «влиятельные» тухумы, сосредоточившие в своих руках как богатство, так и политическую власть в своих джамаатах. Говоря о Кайтаге в целом, М. М. Ковалевский писал, что «в ряду старшин первенствующее значение принадлежало меньшинству двух-трех человек, которые обыкновенно одни председательствовали в народных сходках»²⁰⁴. О Курахском обществе в источнике сказано: «Дела решались большинством голосов, но по большей части случалось так, что сильные влиятельные тухумы брали верх»²⁰⁵. Из всего сказанного можно заключить, что сельский сход фактически не являлся носителем функций народной власти, выразителем народной воли. Решающее слово на сходе принадлежало местной знати, узурпировавшей право народного собрания.

Параллельно с ослаблением роли народного собрания в сельских общинах союзов сельских обществ росла роль совета старейшин, состоявшего из высших должностных лиц общины и верхушки богатых и влиятельных тухумов, за которыми «оставалось решающее слово при вынесении мирских приговоров». Как пишет Р. М. Магомедов, в совет старейшин аварских союзов входили «кроме старейшин, главы глибней и чухбы под именем почетных стариков»²⁰⁶. Говоря о горцах Дагестана вообще, Н. Данилевский писал, что «в важных случаях они составляют советы в народных собраниях»²⁰⁷. О рутулах А. Комаров сообщал, что селения их «прежде управлялись выборными кадиями с советом старшин»²⁰⁸.

На совете старейшин не только обсуждались вопросы, требующие неотложного решения. Он был фактически малым джамаа-

том и высшим органом управления общины. Он решал вопросы сношения с другими обществами, охраны границ, вопросы внутренней жизни (распределение общественных земель, проведение общественных работ, созыв народного собрания и т. д.). Во главе и этого органа управления общины, существовавшего наряду с «выборной» общественной администрацией и сельским сходом, стояла местная — общинная знать — те же старшины, кадии, которые верховодили и на народных собраниях. И в совете, естественно, они принимали удобные себе решения. Имея в виду такой совет джарцев, П. Зубов писал, что в Джарах «собирается джамаат, или собрание старшин, имевшее в своих руках исполнительную и законодательную власть»²⁰⁹.

Конечно, не во всех союзах сельских общин Дагестана администрация выбиралась из одних и тех же фамилий, не везде административные должности переходили по наследству или занимались представителями одних и тех же тухумов. Во многих сельских обществах на административные должности выбирались на народных сходах представители из любого тухума. И, конечно, в этих джамаатах административные лица и советы, которые возглавлялись ими и руководили повседневной жизнью, не играли той роли, какую они играли в общинах, где во главе стояла выдвинувшаяся своим богатством и влиянием местная знать. О роли таких советов можно судить из сообщения И. И. Норденстама о Антль-Ратле. «Собрание старшин, — писал он, — называется джамаатом. Власть джамаата весьма ограничена и даже ничтожная; в оном разбираются дела самые маловажные, как-то: несогласия или недоумения между соседями, покражи, заплата долгов и т. п., и то между лицами, в одной деревне живущими; если же из разных деревень, то дело не решается иначе, как с общего согласия джамаатов обеих деревень»²¹⁰.

Таковы были органы управления сельских общин (джамаатов) как низовых административно-территориальных единиц союзов сельских общин Дагестана.

4. СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

Образование союзов сельских общин вызвало появление и общесоюзных органов управления. Ими были органы управления главных селений союзов, являвшихся их центрами, как наиболее крупные и сильные села. В союзах сельских общин, говоря словами М. М. Ковалевского, сложилось такое положение, когда «процесс развития государственности не ограничился... созданием... общинной организации. Общины не сохраняли всегда полной не-

зависимости друг от друга. Древнейшему и обыкновенно могущественному аулу удавалось, путем нередко молчаливо заключенных союзов, взять на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредотачивал в своих руках право судебного разбирательства и вне пределов общины»²¹¹.

Описывая прошлую историю селения Урахы, А. Далгат писал о союзе Каба-Дарго следующее: «Все аулы этого союза во всех своих делах ориентировались на Урахы, следовали обычаям и традициям, установленным этим аулом. По вопросам войны и мира, во внешних отношениях, при разборе споров — во всех важнейших вопросах решение Урахинского джамаата являлось обязательным для Совета Старейшин всего Урахинского Союза. В период распространения ислама и начала господства шариата и институтов кадиев, решения урахинского кадия были обязательны для всех аулов Союза, и кадиями в эти аулы в большинстве случаев назначались урахинцы»²¹².

Высшими должностными лицами союзов сельских общин являлись старшины главного селения, а во многих союзах — кадии, власть которых в ряде случаев, как и власть старшин, была наследственной. «Каждое из даргинских обществ, — говорится в примечании к «Адатам даргинских обществ», — управлялось в прежнее время своими кадиями»²¹³. Говоря о дидойских союзах, А. Комаров писал, что каждая часть (Шуратль, Шантль и Асахо) управляется по усмотрению своих старшин²¹⁴. Поэтому, говоря о союзах сельских общин, дореволюционные авторы указывали, что они управляются «своими кадиями и старшинами»²¹⁵, «либо кадиями, либо старшинами»²¹⁶, «аулами управляют избираемые ... старшины, которые ... известны под различными названиями; как-то: кадиев, картов или ахсагкал»²¹⁷.

Значит, кадии, как духовные лица, возглавляли и светскую власть не только в союзах сельских общин даргинцев, о чем ошибочно писал Х.-М. О. Хашаев²¹⁸. По сведениям А. П. Щербачева, у койсубулинцев «более всех кади» имел «влияние на общее (союзное — Б. А.) управление»²¹⁹. Об андалальцах в источнике говорится: «...управляются кадием, получающим жалованье с 1839 года 300 рублей серебром в год»²²⁰. А. Комаров сообщал о Рутульском союзе: «Селения, составляющие это княжество, прежде управлялись кадиями, с советом старейшин»²²¹. О выдвижении кадиев в ряде союзов сельских общин в качестве главных руководителей, выполнявших, как старшины в других союзах сельских общин, «функции военачальника» пишет Р. М. Магомедов. Таким кадием, например, пишет он, «в Анцухе был Ха-

лил²²². Кадий в это время был военным, светским и духовным главой вольного общества»²²³. В записи в арабской рукописи начала XVIII в. «Шарх минхадж ат-талибин» («Путь любознательных») говорится, что во главе Ицаринского союза, состоявшего из семи сел, стоял ицаринский кадий²²⁴.

Функции власти старшин и кадиев союзов сельских общин были одни и те же — возглавлять все руководство своего союза. Говоря о функциях власти кадия аварского союза, Р. М. Магомедов пишет, что он ведал территорией союза, организовывал военное ополчение и предводительствовал в походе, являлся религиозной главой и верховным судьей при решении дел на основе мусульманского права²²⁵. Права и функции власти кадиев даргинских союзов были шире, чем в аварских союзах, в частности кадия Анцуха, где власть кадия была ограничена деятельностью джамаатских организаций и сельской земледельческой знатью²²⁶. Но несмотря на существовавшие ограничения, власть кадиев и аварских союзов сельских общин крепла и становилась похожа на власть кадиев даргинских союзов, и там «происходил процесс превращения кадия в феодального владельца. Если бы вольные общества не были включены в состав России, то этот процесс вне всякого сомнения, — пишет Р. М. Магомедов, — был бы завершен образованием ряда особых кадиевских владений в Аварии, как это имело место в Табасаране и Акушах»²²⁷. В последних, как это известно, во главе светского и духовного управления находились наследственные кадии, сосредоточившие в своих руках всю полноту власти. В источниках прямо указывается, что звание акушинского кадия «до русского управления было наследственно в роде или тухуме кадиевском»²²⁸. Кадием Акушинского союза сельских общин выбирался представитель из тухума Верхнего аула Къадихъали и «такого случая, чтобы обошли в выборе род кадиевский при выборе главного кадия не было примера»²²⁹.

Звание кадия было наследственно также в Цудахарском и Сюргинском союзах сельских общин²³⁰, а также в Андалале. В одной сборной арабской рукописи середины XVIII в. имеется соглашение андалальцев (общество Вицху) ставить кадиев из числа потомков Сатмара, проживающих в Согратле²³¹. Сатмар был переселенцем из Лакки для распространения ислама приблизительно в XV в. Проанализировав указанный источник, Т. М. Айтберов пишет, что Сатмара называли «Кудав-къади» («Старший кади»). После его смерти звание «кади Андалала» (Гандалазул къади) перешло к сыну его брата Мусе (конец XVII в.), затем к сыну Мусы — Ахмеду (рубеж XVII—XVIII вв.), затем к сыну Ахмеда Мухаммеду (20—30-е годы XVIII в.), а затем к сыну последнего, которого звали также Мухаммед (середина XVIII в.)²³². Впослед-

ствин потомков Сатмара называли Къадийясул рухъ, который входил в тухум Къелдер²³³.

Наследственной была власть и ицаринского кадия; о чем говорит запись начала XVIII в., что «все предки Али ибн Адама были кадиями» Ицаринского союза²³⁴. Чиркеевский кадий также, став главным административным лицом Салатавского союза сельских общин, сосредоточил в своих руках светское и духовное управление²³⁵. Власть кадия в Чиркее переходила по наследству²³⁶.

В союзах сельских общин Дагестана, где главными административными лицами были старшины, обладающие теми же правами, что и кадии, также имелись свои кадии, но ведающие только духовными делами. Вместе со старшинами и эти кадии относились к высшему руководству союзов сельских общин. Такие кадии имелись в наиболее крупных селениях Южного Дагестана, как Ахты, Рутул, Хнов, Шиназ²³⁷. Особо среди них отличался ахтынский кадий, которому в вопросах, связанных с шариатом, подчинялись все селения, входившие в Ахтыпара²³⁸. В Рутульском союзе теми же функциями и правами пользовались рутульский и шиназский кадии²³⁹.

В союзах сельских общин Самурской долины особо сильно наблюдается зависимость сельских общин от главного селения и его администрации. Аксакалы селения Ахты управляли всеми общественными делами не только самих ахтынцев, но и жителей 11 сел, входивших в союз с ними. «Это управление, — говорится в источнике, — распространялось и на военные движения, в которых... принимали распорядительное участие эфенди и кази»²⁴⁰. Жители 11 сел не могли разбирать споры без ахтынских маслааччи (посредников). Ахты, как центр союза, «несло обязательство военной защиты по отношению к одиннадцати союзных с ним обществам, взамен чего последние обязанности были во время войны подчиняться руководству ахтынских начальников в лице сорока аксакалов... Они наблюдали за своевременным взносом церковной десятины (заката — Б. А.) и настаивали на том, чтобы и гражданских и уголовных спорах окончательные решения постановляемы были исключительно ахтынскими посредниками»²⁴¹. В самом Ахты возле мечети была площадь Кюлирун-ким, которая служила «местом для решения спорных дел не только всех ахтынских общин, но и аулов, находившихся под покровительством ахтынцев... дела решались аксакалами (старейшинами)»²⁴².

В Союзе Докуз-пара для обсуждения дел, касающихся всего союза, аксакалы всех селений должны были собираться в сел. Джаба²⁴³.

В аналогичных отношениях, как Ахты к 11 селениям союза, находились селения Рутульского союза к Рутулу, аксакалы которого «заведовали до некоторой степени как военным, так и гражданским управлениями далеко за пределами Рутула, требовали от жителей подчиненных селений не только отправления «пахты», но и ежегодного платежа в свою пользу по одному барану с дыма»²⁴⁴.

Главные старшины — кевхи и аксакалы (ахи-сакалы) стояли во главе союзов сельских общин и в Табасаране. Особенно большое влияние имели старшины трех селений — Ругужа, Храха и Хива²⁴⁵. В начале XIX в. такими уважаемыми и влиятельными были кевха Хива Пир-Магомед и кевха Ругужа Шахбан²⁴⁶. Халагский ахи-сакал имел влияние на весь Кухринский магал, и сам собирав этот магал на общую сходку независимо от других магалов²⁴⁷. Власть старших кевха была наследственна. Горный («вольный») Табасаран, писал в конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович, «управляется народом под разными узденями или наследными начальниками»²⁴⁸. Как писал поручик Сотников, старшины (ахи-кевхи) Ругужа, Храха и Хива «управляли узденскую Табасаранью, а табасаранский кадий имел очень слабое влияние на управление узденями»²⁴⁹. Без них никто не мог собирать народ на общую сходку. Они после совещания между собою сообщали народу цель сбора и назначали место сбора²⁵⁰.

В Агуле ричинский старшина «обладал большой властью, ему подчинялись старшины селений Белюк, Усуг, Квардал». Для решения спорных вопросов он «назначал специальный день. Тяжущиеся обязаны были приехать в Рича в тот день. Штрафы и прочие поступления старшина присваивал себе»²⁵¹.

Большую власть имел и главный салатавский старшина. Он следил за соблюдением общественных (народных) адатов, разбирал споры, возникающие между джамаатами и отдельными лицами на суде, организовывал сбор ополчения, в его ведении находилась общественная казна²⁵².

Во главе союзов сельских общин, входивших в Кайтагское уцмийство, также стояли старшины и кадии главных сел. Они решали общественные вопросы и различные споры, возникавшие между обществами. Так, в союзе Гапш старшины и кадии главного селения (Уркараха) являлись высшими административными лицами союза в целом. Они пользовались особой популярностью²⁵³ и предпочтением²⁵⁴. Старшины Уркараха «в своем селении решали дела безапелляционно»; с апелляционными же жалобами обращались к ним не только жители союза Гапш, но и жители других союзов сельских общин — Муйра и Ицари²⁵⁵. С апелляционными жалобами жители других союзов сельских общин обра-

шались и к уркарахскому кадию²⁵⁶. Кроме того, ему принадлежало исключительное право совершать раздел имений во всем магале (союзе)²⁵⁷. Во всех союзах сельских общин Кайтагского уцмийства для решения таких важных дел, как воровство, убийство, увод девушки или женщины, «спорящие отправлялись в главные деревни, где дела, относящиеся к адату, решали старшины, а к шариату — кадий»²⁵⁸. Такими селениями были: в Урчемуле — Варсит, Шурканте — Лища, в Гамринском магале — Утемыш, в Терекеме — Башлы, в Каракайтаге — Джибахни, в Гапше — Уркарах, в Ганке — Кубачи и Киша. К ним обращались спорящие «для разбора своих претензий, если они оставались недовольны решением местного сельского управления»²⁵⁹. Кубачинские старшины разбирали жалобы жителей других сел союза Ганки и брали штрафы²⁶⁰. Такую же власть имел и ицаринский кадий²⁶¹.

Функции союзных или центральных администраторов в союзах сельских общин выполняли также мангуши и исполнители главных селений. В одном источнике о союзах сельских общин Кайтага сказано: «На каждый магал (союз—Б. А.) было по одному мангушу; они постоянно жили в главных деревнях магала. Так, например, урчамульский мангуш [находился] в Варсите, каракайтагский — в Джибагнах, магала Гапш — в Уркарахе, гамринский — в Утемише, шурканский — в Лища»²⁶². Аналогично было положение и в других союзах сельских общин.

О мангушах союзов сельских общин Кайтага в источнике сказано, что они были обязаны «созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы и исполнять приказания старшин»²⁶³. Через мангуша и исполнителя главных селений административно-должностные лица союзов сельских общин оповещали в необходимых случаях жителей других сел о тех или иных мероприятиях и решениях, касающихся всех джамаатов союза. «...чоуши ахтынские, — говорится в источнике, — в случае надобности посылались в селения того участка (Ахты-лара — Б. А.), которым... во всех отношениях управляли ахтынские аксакалы»²⁶⁴.

Для обсуждения вопросов, касающихся союза сельских общин в целом, созывались сходы представителей всех сел, входивших в состав союза: старшины и кадий, главы наиболее авторитетных тухумов, а часто и представители от всех тухумов джамаатов всех сел. Сходы союзов созывались в главных селениях или в специально для этого отведенных местах. Так, жители Каракайтага собирались на возвышенном месте Гули-Гули-Гада вблизи селения Кулегу; урчемульцы — на большой поляне Декаллашара, между селениями Варсит и Киркия; шуркантцы — на возвышенном месте Мурукат, вблизи селения Лища; представители союзов сельских общин Гапш, Ганк и Ицари собирались на сход на возвышенном

месте под названием Аф-Ка, около Уркараха; представители союза Муйра собирались на месте Канайла-Хаб, представители Каттагана — на Мижгили. Здесь же, помимо указанных выше мест сбора, «собирались жители Урчамульского, Каракайтагского и Шурканского магалов для рассуждений и решений по общественным делам»²⁶⁵. Представители джамаатов Сюргинского союза сельских общин обычно 2—3 раза в году, чтобы «решать спорные дела и устанавливать новые адаты» собирались в селении Нахки в местности Духа биргем²⁶⁶. Сход союза Анцросо собирался в Черельской долине, Джурмута — в Хинди, Келеба — в Ругельда²⁶⁷.

В Ричинском магале важные дела решались на общемагальном (союзном) сходе в ущелье под названием Укудеше, а менее важные — в самом селении Рича. Курахцы собирались на площади Ярги-Келедихъ (высокая башня), кутуркюринцы — в местности Руат, у родника, возле дороги, гюнейцы, сталчелейцы и гегджинцы — на горе Калах²⁶⁸. Об Антль-Ратле И. И. Норденстам писал: «Если дело важное и касается до целого общества (союза — Б. А.), то собираются джамааты всех деревень»²⁶⁹. Старшины сел потом обязаны были знакомить жителей своих сел с принятым решением, «которое принимается за закон». Если кто-либо из жителей союзов «воспротивился бы решению джамаата или не захотел бы исполнить приговоры онаго», то его заставляли повиноваться или исключали из общества²⁷⁰.

Общесоюзный сход Салатавского союза сельских общин созывался ежегодно в местности Миккиласул кьуогадукъ (родник Миккилова). Участвовали на сходе по 3—5 человек от каждого селения во главе с сельскими административными и духовными лицами и опытными старейшинами. Так собиралось около 200 представителей, которые в течение 5—6 дней обменивались новостями, накопившимися за год²⁷¹. Здесь же вносились изменения и дополнения к адатам салатавцев²⁷², выбирали совет старейшин, который выносил по всем вопросам решения и приговоры, не подлежащие оспариванию, из наиболее справедливых, добросовестных и неподкупных людей выбирали 50 исполнителей, называемых «Галаби», которые являлись помощниками старшины и выполняли полицейские функции²⁷³. Никто не имел права выступить против решения этого собрания. Протестующего сажали на несколько дней в яму и штрафовали в пользу собрания. Если же кто-либо отказывался выполнять решения собрания, в наказание сжигали его дом²⁷⁴.

Общие сходы капучинцев созывались в местности Тлеброс²⁷⁵, Каралала — на равнине Рукиль²⁷⁶, около Тляроша; гидатлинцы собирались в местности Хурда, выше селения Урада²⁷⁷, а иногда в местности Худахлар, между селениями Мачада и Урада²⁷⁸.

Представители Андалальского союза собирались в местности Рукладух, между селениями Чох, Гамсутль и Согратль. Само слово «рукел» означает сбор. Отсюда и местность, где собирался общесоюзный сход, получила название Рукладух²⁷⁹. Представители союза Иланхеви собирались в местности Хоботль Майдан²⁸⁰.

В период между сборами общесоюзных сходов созывались или работали советы, в состав которых входили кадии и старшины джамаатов. Как пишет Р. М. Магомедов, «старейшины, кадии джамаатов приезжали к кадью, старейшине вольного общества для совета по общим внутренним и внешнеполитическим вопросам... для нас бесспорно, что в какой-то форме совет вольного общества существовал. Он время от времени созывался и решал важные вопросы»²⁸¹. Так, для решения особо важных вопросов кевха магала Дирче, живший в Хиве, «созывал сельских старшин и почетных жителей»²⁸². Власть совета была сильной в тех союзах, где была слаба общесоюзная администрация и, наоборот, — где сильна была общесоюзная администрация, там власть совета была слаба, так как здесь верховодила администрация главного селения союза сельских общин, которая не всегда считалась с представителями джамаатов. Поэтому можно согласиться с мнением Р. М. Магомедова только в отношении советов сильных союзов, который пишет, что «у нас нет оснований полагать, что совет при старейшине или кадии стал особым признанным учреждением на территории вольного общества»²⁸³.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЪЕДИНЕНИЙ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

Союзы или федерации союзов сельских общин — это своеобразный тип государственного объединения, которые ни по населению, ни по территории, ни по политическому весу и влиянию не уступали горским феодальным владениям. Известными объединениями союзов сельских общин были: у даргинцев Акуша-Дарго, который состоял из пяти союзов (Акушинского, Цудахарского, Мекелинского, Мугинского и Усишинского); у аварцев — Дидо (Дидо-Асах, Дидо-Шаитль или Иланхеви и Дидо-Шуратль); Ункаратль, состоявший из шести союзов (Саситлинский, Гаковский, Силдинский, Н. Хваршинский, Хваршинский и Хушетский)²⁸⁴; Антль-Ратль (Семиземелье), куда входило девять союзов сельских общин (Джурмут, Тлебель (Тходоколо), Бохну, Ухнада, Анцросо, Тац, Анцух, Хуанал, или Капуча и Кхенада); Джаро-Белоканский, состоявший из пяти обществ (Чарское, Белоканское, Тальское, Муханское и Джинихское); в Табасаране — Девек-

Елеми, куда входили семь горных союзов сельских общин (Хараг-Шилли, Когрын, Суак, Дыре, Нитриг, Чуркул и Хираг).

Образование объединений (федераций) союзов сельских общин вызвало и появление их управления. Ими являлись органы управления главного селения одного из союзов сельских общин, как это было, например, в федерации верхнедаргинских союзов Акуша-Дарго, или органы власти и управления нескольких сел, входивших в разные союзы, советы глав последних, а также сходы их представителей. Например, в узденском (горном) Табасаране главными старшинами федерации союзов сельских общин табасаранцев Девек-Елеми являлись старшины трех селений — Ругужа, Храх и Хива. Недовольные решениями своих старшин, обращались к одному из этих трех старшин и тот решал по адату и сообщал об этом своем решении старшине для исполнения. Старшины других союзов федерации Девек-Елеми не «имели особых прав» даже на сходе всех семи союзов сельских общин Табасарана²⁸⁵. Без указанных же старшин трех селений «никто не мог собрать народ на общую сходку»²⁸⁶. Сходы созывались «на месте, называемом Харба-Куран, верстах в двух от сел. Каярых, или на горе Нитер-герве, верстах в двух от селения Яргиль, или на месте, называемом Тыхдам, при р. Рубас, верстах в трех ниже сел. Хучни»²⁸⁷. Сход табасаранских союзов сельских общин назывался джагань, или дыгорь и созывался ежегодно. Участвовать на нем должны были представители всех семей, «неприменно, в противном случае небывающие» подвергались штрафу²⁸⁸. Сход созывался, когда нужно было произвести общее восстание или для разбора дела по убийствам, прелюбодеяниям, грабегам, большим воровствам. Решения, принятые на сходах, приводились в исполнение на месте разбора.

Дела, касающиеся федерации союзов сельских общин Антль-Ратль, обещивались на сходе старшин и почетных людей, который созывался в урочище Череле (или у Черельского моста). На сходе присутствовали не только старшины, но и, как писал И. И. Норденстам, «всякий», кто хотел, и «всякий там» имел «право подать свое мнение». Но дела всегда решали старшины, «будучи выбраны из богатых и опытных людей, они всегда» имели «перевес в народе»²⁸⁹. На общесоюзных (федеративных) сходах обычно присутствовало несколько сот человек. Эти сходы продолжались «иногда по целым неделям»²⁹⁰.

Наиболее ярко возвышение административных лиц, органов управления главного селения одного из союзов сельских общин федерации и превращение их в правящие органы объединения союзов (федерации) хорошо видны в Акуша-Дарго, во главе которого стоял акушинский кадий. Все кадии союзов сельских общин,

входивших в Акуша-Дарго, находились «в зависимости от главного даргинского кадия»²⁹¹, он «решал с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя притом духовною властью»²⁹². В Акуша-Дарго сложилось подобие системы церковно-государственного управления²⁹³ или теократическая форма государственного управления во главе с кадием. Акушинский кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником, представлял собой вершину всей духовной и светской власти. Он следил за соблюдением норм шариата и адата, разбираал споры между отдельными обществами, входившими в Акуша-Дарго. Акушинский кадий «имел право подвергнуть личному разбирательству те или иные споры, возникающие не только между отдельными общинами, но и между частными лицами»²⁹⁴. К нему апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирали духовные и гражданские суды²⁹⁵. В функции власти акушинского кадия входили также сбор ополчения и начальствование над ним как при защите от нападения внешних врагов, так и во время походов на другие владения, за пределы федерации союзов²⁹⁶. Он «назначал сотенных командиров и приказывал, по скольку человек должно с каждого двора идти на войну»²⁹⁷. Такие важные вопросы акушинский кадий решал вместе с представителями всех союзов сельских общин Акуша-Дарго²⁹⁸.

Все эти функции власти акушинского кадия очень схожи с функциями власти феодальных владетелей Дагестана. И не случайно его называют «владельцем», «владельцем»²⁹⁹.

Возвышение акушинского кадия, как духовного и светского руководителя и фактического правителя Акуша-Дарго, дошло до того, что даже жители других даргинских обществ, не входивших в федерацию Акуша-Дарго, недовольные решениями старшин и кадиев своих обществ, обращались к нему³⁰⁰. По сведениям Ф. П. Гене, «в делах своих приезжали к нему советоваться» и жители Сюргинского союза сельских общин³⁰¹.

Как и феодальные владетели Дагестана, акушинский кадий обладал самостоятельностью при решении судебных вопросов. При желании он даже «мог изменять и адатные решения картов (старшин — «шила-халати» — Б. А.) по своему усмотрению, назначать большие штрафы и пр.»³⁰². В распоряжении акушинского кадия имелся целый штат исполнителей (40 «тургаков» с их командиром), чтобы он «мог управлять» федерацией союзов Акуша-Дарго «и заставлять граждан исполнять законы»³⁰³. Избирались эти исполнители акушинского кадия из всех союзов Акуша-Дарго.

Для обсуждения наиболее важных вопросов, касающихся Акуша-Дарго в целом, акушинский кадий созывал сход представителей всех пяти союзов сельских общин. Как говорится в источни-

ке, он собирал «поверенных от всех селений даргинских на Дуз-майдане, Карбуки-Дирка (Хъярбуки диркья или ЦахІнабахъ-ла диркья — поляна сбора, равнина собраний — Б. А.) и там с теми поверенными решал эти и все главные дела»³⁰⁴. Он же был председателем собрания даргинцев. Собирался сход «при настоятельных надобностях иногда 3 и 4 раза в год»³⁰⁵. Обсуждались на нем главным образом вопросы войны и мира, отношения с феодальными владениями или с союзами сельских общин, урегулирование пограничных и других споров между обществами, вопросы, связанные с выпасом скота на общих пастбищах, перегоном их на арендуемые пастбища и т. д. На сходе кадий «делал доклад о пожертвованиях и о помощи, оказанных их гражданам» и союзу в целом³⁰⁶.

Решения, принятые на федеральном сходе в Хъярбуки диркья, являлись обязательными для всех союзов Акуша-Дарго. Кроме федерального съезда в Акуша-Дарго созывался и малый сход, участие на котором было не обязательно для представителей всех союзов федерации. «Когда к акушинскому кадию поступало много жалоб от других обществ, но они не представляли особой важности, — говорится в источнике, — то собирались на площадке «Ханц Кала» недалеко от Усиша, куда могли не приходиться жители тех обществ, к которым дела не касались»³⁰⁷.

И общесоюзный (федеральный) сход в Хъярбуки диркья, и малый сход в Ханц Кала созывались, как правило, «по письменным извещениям» акушинского кадия³⁰⁸.

В период между сходами представителей союзов сельских общин постоянно действующим коллективным органом управления федерации Акуша-Дарго был высший совет во главе с акушинским кадием, куда входили 12—15 человек — в основном кадий и наиболее влиятельные старшины союзов сельских общин, с которым он совещался. Во время присяги «акашинского обывателя» (правителя) в верности России в крепости Святой крест участвовали и 13 старшин³⁰⁹. По сообщению известного ученого Ю. Клапрота, если какой-нибудь князь Кавказа или соседней «провинции» (владения Дагестана) хотел вести переговоры с Акуша-Дарго, то он должен был послать к каждому бута (союзу) особого посла или дать знать о своей настоятельной просьбе каждому из них. Этот порядок, писал далее Ю. Клапрот, соблюдался в Акуша очень точно, а уполномоченных их союзов всегда было 12³¹⁰. Надо полагать, что представители высшего совета федерации являлись и основными участниками от Акуша-Дарго во время «коронации» шамхала тарковского, на которого акушинский кадий надевал папаху.

Трудно сказать, когда именно возникла традиция участия акушинского кадия в коронации шамхала. Возможно, что начало этому было положено еще тогда, когда Акуша-Дарго находилось в составе Казикумухского шамхальства как его важнейшая часть. И эта традиция сохранилась и после перенесения столицы шамхальства в Тарки и образования Тарковского шамхальства, с которым Акуша-Дарго было тесно связано. Как бы то ни было, традиция участия акушинского кадия в коронации шамхала является показателем его огромного влияния и веса на политическую жизнь Дагестана в целом и на шамхальство Тарковское, в частности. Без участия акушинского кадия коронация шамхала не проводилась. В связи со всем сказанным небезынтересно привести источник, говорящий как о традиции коронации шамхала в целом, как и причине участия в ней акушинского кадия. В источнике сказано: «Так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особенности уважены у шамхала и ханов и отсюда явился адат, что при коронации шамхала все 5 даргинских обществ приглашались на празднество с почетными людьми, и акушинский кадий надевал папаху как почетнейший и получал за это коня с седлом. Все бывшие почетные люди на коронации также получали подарки: черкески, бешметы и пр., даже дарили и их нукеров»³¹¹.

Авторитет и влияние акушинского кадия в Дагестане делали его власть в федерации союзов Акуша-Дарго еще сильнее. Ни сход представителей союзов сельских общин в Хьярбуки диркьа, ни совет не ограничивали власти акушинского кадия, как правителя Акуша-Дарго. Часто он единолично решал все вопросы, сам лично общался с феодальными владетелями и правителями союзов сельских общин и к нему, как к главному административному лицу, обращались правители и руководители других союзов сельских общин Дагестана, о чем имеются достоверные источники³¹².

Акушинский кадий пользовался большим влиянием и авторитетом и у других народов и владений Дагестана. К нему обращались часто за советом, помощью и содействием в решении того или иного вопроса. «Акушинский кадий, — писал А. Комаров, — всегда пользовался большим почетом и, имея в своем распоряжении самое сильное из всех обществ Дагестана, имел важное влияние на дела соседей»³¹³.

Все сказанное дает нам основание поставить акушинского кадия в один ряд с феодальными владетелями Дагестана. Превратив «публичную власть, которую он получал от общины, в средство внеэкономического принуждения и феодального произвола», аку-

шинский кадий. «бывший главой всех кадиев Акуша-Дарго, быстро становился типичным феодалом»³¹⁴.

Аналогично происходило возвышение и выделение высших административных лиц, как правителей, и в других объединениях (федерациях) союзов сельских общин, хотя этот процесс в них был менее заметным, чем в федерации Акуша-Дарго.

6. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ)

Союзы сельских общин имели свои военные силы. По сведениям И.-Г. Гербера, жители союзов сельских общин Самурской долины, а также обществ Кайтага и Акуша-Дарго были вооружены огнестрельным и холодным оружием (сабли, панцири), были «людьми воинскими», «доброконные» и к «войне храбрые»³¹⁵. Говоря же о жителях высокогорных обществ аваро-андо-цезской языковой группы, названных им «таулинцами» (горцы) И.-Г. Гербер писал, что они употребляли «некоторые огненное (огнестрельное — Б. А.), а некоторые оружие с фитилями, а большей частью луки со стрелами, только все оружием саблями»³¹⁶.

Сведения, относящиеся к следующим периодам, касаются в основном комплектования и численности воинских сил. По сведениям П. Г. Буткова, в конце XVIII в. «шамхал тарковский от принадлежащих ему владений и более акушинского народа» (подчеркнуто мною — Б. А.) мог выставить 26000 человек³¹⁷. В начале XIX в. А. И. Ахвердов писал, что войска «окружных деревень его (шамхала — Б. А.) и республиканцев, называемых Дарга Окуша, собраться может до пятнадцати тысяч человек» и что шамхал «зимую... в самой крайности и пяти тысяч войска выставить не может в разсуждении неимущества у горцов нужного платья, так как и по невозможным проходам через горы от великих снегов»³¹⁸. Следовательно, если из 15—26 тыс. войска шамхала тарковского основную часть составляли верхнедаргинцы, то можно предположить, что в XVIII в. Акуша-Дарго могло выставить не менее 10—15 тыс. человек. Об этом говорят и сведения XIX в.³¹⁹. А «при всеобщем ополчении» «воинские силы Дарго» доходили до 17—20 тыс. человек³²⁰. Достаточно сказать, что, по сведениям Я. Рейнегса в 80-е годы XVIII в. только Мекегинский союз мог выставить 4000 вооруженных людей³²¹. А ведь Акушинский и Цудахарский союзы были гораздо больше, чем Мекегинский союз и, естественно, они могли выставлять и больше воинских сил. А, кроме этих трех союзов, в составе Акуша-Дарго находились еще два союза — Усишинский и Мугинский — примерно равнозначные Мекегинскому союзу и по территории, и по

населению. Если учесть все это, конечно же, Акуша-Дарго в необходимых случаях — «при надобности» — могло выставить гораздо большее ополчение. И не без основания Ржевуский писал, что акушинцы (верхнедаргинцы вообще — Б. А.) «славились в прежние времена своею воинственностью, выставляли многочисленные ополчения»³²². По сведениям указанного выше Я. Рейнегса, «Сила их и храбрость всему Кавказу известны, и сами лезгинцы, соседи их, с коими они часто сражаются, едва могут стоять противу их мужества»³²³. Конечно, Я. Рейнегс не совсем прав, утверждая о частых сражениях жителей Акуша-Дарго с соседями. Но в целом он подтверждает мнение других авторов о мужестве и храбрости верхнедаргинцев. Это были, как отмечалось выше, «люди к войне храбрые, доброконные и оруженые»³²⁴ (вооруженные — Б. А.), подготовленные «к ратному делу», которые, как и другие народы Дагестана, «к воинскому духу присоединяли гораздо более трудолюбия, неутомимости и силы, нежели другой какой Азийский (азиатский — Б. А.) народ»³²⁵.

Для защиты территории федерации союзов сельских общин «от внешних врагов Кадн (акушинский — Б. А.) заранее составлял список намеченных в войско лиц по расчету — с каждых десяти домов — одного»³²⁶. Эта обязанность десятой части всех хозяйств Акуша-Дарго выставлять воинов выступает здесь как воинская повинность и гарантировала быстрый сбор необходимого числа воинов. «В важных случаях, — говорится в источнике, — собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие должен был идти» воевать³²⁷. Поскольку не все имели возможность приобрести оружие и коней, «когда войны приобретали... общенародный характер, зажиточные тухумы помогали обыкновенно обедневшим приобрести оружие, амуницию и продовольствие на время похода»³²⁸. После окончания войны, «когда... войско, выполнив свою задачу, возвращалось по домам, то оно отдавало назад хозяевам лошадей и оружие»³²⁹.

Ряд участников военных походов в Дагестане дают сведения о воинских силах отдельных союзов сельских общин 20—30-х годов XIX в. По сведениям Хрисанфа, аварские союзы сельских общин Гидатль, Кувал, Киль и Каралал вместе могли выставить от 30 до 40 тыс. вооруженных³³⁰. Р. Ф. Розен сообщал, что салатавцы могли выставить до 1500 человек вооруженных, а поголовно вооруженных могло собраться более 2000, в том числе «конных около 600 человек»³³¹. По сведениям А. П. Щербачева, Койсубулинский союз мог выставить также 1500 человек вооруженных³³². И. И. Норденстам отмечал, что жители федерации союзов сельских общин Антль-Ратль могли выставить от 4 до 5 тысяч «хорошо вооруженных пеших, а с тем, чтобы защищать свои дома, они

могут выставить несравненно больше»³³³. Говоря о вооружении их, он писал, что в каждом семействе имеется по меньшей мере 3 или 4 ружья, а в богатых от 10 до 15. Вооружение антльратлинецов состояло из ружья, кинжала, прямой сабли на поясе; некоторые имели пистолеты. Конницы в виду малочисленности коней у них не было³³⁴. Гумбетовский союз мог выставить 1500 человек вооруженных, в том числе до 500 человек конных. Жители Калалала также могли выставить 1500 человек вооруженных, а андийцы — до 1000 человек только конных³³⁵. Даргинский союз сельских общин Сюрга мог выставить «хорошо вооруженных» до 2500 человек³³⁶.

Воинские силы союзов сельских общин часто привлекались феодалными владельцами в походах за пределы Дагестана и в междоусобицах. Выше было отмечено, что войска шамхала тарковского состояли в основном из верхнедаргинцев. Акуша-Дарго участвовало также в военных мероприятиях кайтагского уцмия, кубинского хана и т. д. Согласно имеющимся сведениям, до 5 тыс. человек во главе с акушинским кадием несколько месяцев находилось на стороне последних. Известно, что союзы сельских общин Аварии часто привлекались в походах за пределы Дагестана аварскими ханами. Одни из них нанимались за плату, другие должны были это делать как повинность. Салатавцы принимали участие в военных походах князей Засулакской Кумыкии.

Руководство воинскими силами в разных союзах сельских общин осуществлялось по-разному. В одних из них отряды и ополчения возглавлялись постоянными военачальниками. Так, в союзах сельских общин даргинцев во главе вооруженных сил стояли кадии и старшины и во время войн не выбирались особые военачальники. Общее руководство (командование) осуществлял акушинский кадий, который от имени всех пяти союзов федерации «объявлял войну и заключал мир». В 1809 г. в походе на Кубу участвовало до 50 старшин федерации Акуша-Дарго³³⁷.

В других союзах сельских общин не всегда бывали постоянные военачальники. Они обычно выбирались на период военных событий и носили свои особые названия. Так, в союзах сельских общин Аварии в одних случаях лица, ведающие военными делами, назывались «цевехъан», в других «бодул бетлер» (глава войска, военачальник, командующий)³³⁸. Отряды же союзов сельских общин и джамаатов возглавляли «нусил бетлеры» (главы сотни). «По получении сигнала об опасности, — пишет Р. М. Магомедов о Гидатлинском союзе, — «бодул бетлер» (старейшина) собирал ополчение и готовился к встрече врага. Каждый джамаат должен был выставить определенное количество воинов во главе с «нусил бетлер» (сотник)³³⁹. Но в основном в союзах сельских общин

Аварии военачальниками становились старшины. Такими предводителями в военное время у каратинцев был Курбан, у унцукульцев — Нур-Магомед, у дидойцев — Жабо³⁴⁰. Военачальника имело и Хиндалальское общество³⁴¹. В Анцухе функции военачальника выполнял кадий Халил, который одновременно был также и светским и духовным главой союза³⁴². В Ахты-пара роль военачальника во время войн брал на себя наиболее храбрый и состоятельный аксакал. При этом все селения союза должны были подчиняться ахтынскому аксакалу. Войско собиралось по мере надобности³⁴³. Военного предводителя здесь называли «наиб»³⁴⁴.

Там, где на войну выходили еще тухумами, т. е. составлялись тухумные отряды, во главе их стояли главы тухумов или же уполномоченные глав тухумов. Если же из общества выходило на войну большинство или все тухумы, то старейшины тухумов выбирали одного предводителя, как, например, это бывало в Цахуре. Назывался здесь он «вакиль». Ему беспрекословно подчинялись все ополченцы³⁴⁵.

Старшины и кадни, командовавшие своими отрядами и ополчением своих союзов, а также главы тухумов, где составлялись тухумные отряды, вместе во главе с военачальником и составляли военный совет. Такой совет в обществе Багулал назывался «багъа»³⁴⁶.

Из приведенного материала видно, что в союзах сельских общин Дагестана снизу доверху, начиная с низовой административно-территориальной единицы — сельской общины и кончая объединениями (федерациями) союзов существовало организованное административно-политическое управление.

Административное управление в союзах сельских общин носило многоступенчатый характер — управление тухума, сельской общины (джамаата в узком смысле слова), нескольких сельских общин, составлявших джамаат, как единую низовую политическую структуру, союзов сельских общин и объединений федераций) последних. Отсюда многоступенчатость и народного схода, начиная с тухумных собраний и кончая собраниями федерации — представителей союзов сельских общин, объединившихся в одну политическую структуру.

Вторая характерная особенность административно-политического устройства союзов сельских общин Дагестана — это фактическое выделение в джамаатах и в союзах в целом правящей административной верхушки, превращение выборных должностей в наследственные наиболее богатых, влиятельных и сильных тухумов.

Во главе многих союзов сельских общин и их объединений

(федераций) стояли духовные лица — кадни, ряд из которых также занимали эти должности наследственно. Там, где уже появилась наследственная власть старшин и кадиев, характерным становится иерархия социальных групп.

Джамаат терял былой демократизм, когда он действительно был органом всего народа. Руководящая роль в нем принадлежала административным лицам, главам сильных и богатых тухумов, под влиянием которых принимались выгодные им решения, приобретающие затем силу закона (адата), которыми должны были руководствоваться все члены джамаата и союза.

В союзах сельских общин сохранились и пережитки народоправства, когда во главе многих из них административно-должностные лица выбирались на народном сходе (джамаате) притом из любого тухума. Процедура выборов проводилась даже в тех союзах сельских общин, где административные лица выдвигались из одних и тех же тухумов или эти должности превратились в наследственные.

Но обряд избрания должностных лиц — это лишь формальность, так как при выдвижении и избрании их из одних и тех же тухумов, говоря словами И. П. Петрушевского, «само народное избрание при этом должно было чаще всего вырождаться в простое прокламирование, а единогласие получило чисто формальный характер»³⁴⁷.

Одной из характерных особенностей административно-политического устройства союзов сельских общин являлся значительный суверенитет или относительно слабая зависимость одних сельских общин, их внутреннего управления, внутренней жизни в целом от центральной (союзной) власти. Это в особенности наблюдается в тех союзах, где центральная власть была еще слаба, больше и сильнее сказывались или проявлялись пережиточные черты народоправства и, следовательно, слаба была центральная (союзная) администрация. Джамааты этих союзов были подчинены политической и административной власти союза в основном в вопросах войны и мира, защиты территориальной целостности союза в целом, т. е. в тех вопросах, которые касались союза вообще. Во всех же остальных делах они (джамааты) сохраняли административную самостоятельность. Местные административно-должностные лица и возглавляемые ими органы управления сосредоточили в своих руках полномочия по местному управлению.

Особенностью административного управления самих джамаатов подобных союзов сельских общин было широкое участие общинников-узденей в решении дел, касающихся как общины в целом, так и отдельных ее членов, преобладание коллективного

авторитета общины над волей отдельных ее представителей — все еще большая роль народного схода в целом и схода родственных коллективов — тухумов, как низовых общественно-политических единиц таких общин.

В союзах сельских общин, где центральная (союзная) власть была сильна ввиду возвышения в силу различных причин главного селения, а следовательно, и органов его управления, выступавших в качестве органов управления всего союза, зависимость джамаатов и их административного управления от органов управления союза была сильнее. Поэтому в таких союзах сельских общин и их объединений (Акуша-Дарго, Ахты-пара и др.) сельские общины находились в большей зависимости от центральной (общесоюзной) администрации не только в вопросах, носивших общесоюзный характер, но и в вопросах внутреннего порядка (апелляция по решениям общинной администрации и даже само судопроизводство и т. д.).

Приведенный материал опровергает утверждения дореволюционных и ряда советских исследователей о господстве полной демократии, народовласти или отсутствии в союзах сельских общин Дагестана организованного административного управления вообще или исполнительной власти, в частности.

Конечно, нельзя отрицать, что система управления в союзах сельских общин в исследуемый период, как всякая политическая надстройка, отставала от развития экономики. Однако нельзя согласиться с утверждением тех авторов, которые не разобрались в сущности административно-политической структуры союзов сельских общин, явления, имевшие формальное значение, выдавали за действительность и не видели и даже не хотели видеть тех изменений, которые претерпевали в своем развитии народы Кавказа в XVIII—XIX вв. в целом и Дагестана, в частности, считали союзы сельских общин демократическими республиками. Они упустили из виду то, что, сохранив старые названия институтов архаического периода, органы власти союзов сельских общин «по своей социальной направленности... становились орудием классового господства. Органы власти вольного общества защищали интересы крупных землевладельцев, скотоводов, духовенства, т. е. формирующегося класса феодалов»³⁴⁸, ибо во главе их стояли сами представители этого класса, в одних случаях передававшие власть по наследству, в других, сделавшие ее привилегией только определенных — богатых, знатных, авторитетных и влиятельных тухумов.

¹ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 151—152; Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. 2-е изд., допол., исправл. М., 1885. Ч. 1. С. 40—41; Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 326; Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 2. С. 92.

² Хашаев М.-Х. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 238.

³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 60—61; полевой материал 1962, 1982, 1986 гг.

⁴ Услар П. К. Этнография Кавказа. Хюркилинский язык. С. 5.

⁵ Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 367; Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области: Сборник статистических сведений // ИКОИРГО. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 95—103; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 314—364; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала: Дагкиногиздат, 1978. С. 12; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. С. 203—205; полевой материал 1982, 1984—1985 гг.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 40.

⁷ Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847. С. 19.

⁸ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 270.

⁹ Комаров А. Указ. соч. С. 13—123; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 166—376.

¹⁰ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в.: Материалы к сессии. (На правах рукописи). Махачкала, 1954. С. 6; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 320.

¹¹ История СССР. М., 1954. Т. 2. С. 321.

¹² Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 369.

¹³ Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 5.

¹⁴ Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

¹⁵ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.

¹⁶ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 96.

¹⁷ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 151.

¹⁸ Там же. С. 154.

¹⁹ Дрѣнякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. С. 170 (таблица); Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 201; Его же. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 210.

²⁰ АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 953.

²¹ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

²² Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 245.

²³ Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 295.

²⁴ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 330—331; Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахта и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. С. 335.

²⁵ Там же.

²⁶ Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. С. 367.

²⁷ Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 254—259.

²⁸ Норденстам И. П. Описание Атль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 320—324.

²⁹ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. С. 270.

³⁰ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века / Сост. Гаджиев В. Г., Рамазанов Х. Х. Махачкала, 1959. С. 232—235, 235—236.

³¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 489—506.

³² Там же. С. 509.

³³ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М., 1966. Ч. 1. С. 196; Агларов М. А. Территории сельских обществ и их союзов горного Дагестана XIV—XIX вв.: Способы обозначения границ, право на владение, иммунитет // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981.

³⁴ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1978. С. 144, 145.

³⁵ Материальная культура аварцев, Махачкала, 1967. С. 117; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 96.

³⁶ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 159.

³⁷ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 145.

³⁸ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 160—162.

³⁹ Алиев Б. Г. К вопросу об административно-политической структуре

общества Галш в XVIII—XIX вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 194.

⁴⁰ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 139.

⁴¹ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982. С. 142.

⁴² Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 97.

⁴³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 150.

⁴⁴ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 147.

⁴⁵ Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпадинститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический). С. 66.

⁴⁶ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 149.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. С. 12.

⁴⁹ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 147, 148.

⁵⁰ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 151—152.

⁵¹ Там же. С. 152.

⁵² Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1965. С. 46.

⁵³ Там же. С. 40.

⁵⁴ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 153.

⁵⁵ Памятники обычного права ... С. 40; см. также: Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 66; Т. 2. С. 153.

⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 67; Т. 2. С. 153.

⁵⁷ Там же. Т. 1. С. 67—68.

⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 159; Кушнер (Кнышев) П. Первобытное и родовое общество. М., 1925. С. 227.

⁵⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 144; Памятники обычного права ... С. 35, 41—44.

⁶⁰ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 144.

⁶¹ Там же. С. 156; см. также: Постановления Кайтахского Умниа Рустем-Хана // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 87; Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964. С. 31.

⁶² Памятники обычного права ... С. 20.

⁶³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 63.

⁶⁴ Косвен М. О. Патронимия и проблемы структуры рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 257.

⁶⁵ Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971; Апохин Г. А. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971; Мухли-

- нов А. И. Вьетнамская сельская община (вторая половина XIX — первая половина XX в) // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976 и др.
- ⁶⁶ Давыдов А. Д. Афганская деревня. М., 1969. С. 56.
- ⁶⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 159.
- ⁶⁸ Кушнер (Кнышев) П. Очерки развития общественных форм. 7-е изд. М., 1927. С. 213.
- ⁶⁹ Алаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1890. С. 3.
- ⁷⁰ Полевой материал 1962, 1964, 1982, 1983, 1986 гг.
- ⁷¹ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 30.
- ⁷² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 75.
- ⁷³ Там же; см. также: Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.
- ⁷⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 216, 223.
- ⁷⁵ Памятники обычного права ... С. 20.
- ⁷⁶ Там же. С. 21.
- ⁷⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75.
- ⁷⁸ Памятники обычного права ... С. 21.
- ⁷⁹ Амнров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) / ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 37.
- ⁸⁰ Памятники обычного права ... С. 26.
- ⁸¹ Вахушти Б. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 131; Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из «Путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 116, 128; АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 237; Памятники обычного права ... С. 13, 27, 29; Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 76; ИГЭД. С. 237, 248, 255, 288, 296, 298, 308, 316, 326, 336; Данилевский Н. Указ. соч. С. 157; Березин И. Н. Указ. соч. С. 51; Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С. 3; Магомедов Р. М. Общественно-экономический ... С. 71, 121; Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 203.
- ⁸² Письмо Ираклия II к Динга-Хаджи и другим // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2506.
- ⁸³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. С. 154.
- ⁸⁴ Там же. С. 150, 151.
- ⁸⁵ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. СПб., 1835. С. 3. С. 253.
- ⁸⁶ Там же. С. 254.
- ⁸⁷ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 68.
- ⁸⁸ Памятники обычного права ... С. 19.
- ⁸⁹ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 68.
- ⁹⁰ Памятники обычного права ... С. 19.
- ⁹¹ Там же. С. 41.
- ⁹² Там же; Рамазанов Х. Х. Шихсандов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 160.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же. С. 161.
- ⁹⁵ Памятники обычного права ... С. 41, 42, 44.
- ⁹⁶ Там же. С. 46; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1978. С. 66.
- ⁹⁷ Там же. С. 67.
- ⁹⁸ Памятники обычного права ... С. 26.
- ⁹⁹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 49. Л. 46; Агулы. С. 39.
- ¹⁰⁰ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 160.
- ¹⁰¹ Там же. С. 161.
- ¹⁰² Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁰³ Полевой материал 1984 г.
- ¹⁰⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 58.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 161—162.
- ¹⁰⁶ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 115.
- ¹⁰⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 165.
- ¹⁰⁹ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. сеч. Т. 33. С. 77.
- ¹¹⁰ Мирзамагомедов Г. М. Эволюция института «ка'ида» в политической структуре Дагестана // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. (27—28 апреля 1984 г.). Махачкала, 1984. С. 37.
- ¹¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. С. 110, 231, 239.
- ¹¹² Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 606.
- ¹¹³ Рамазанов Х. Х., Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 162.
- ¹¹⁴ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 220.
- ¹¹⁵ Памятники обычного права ... С. 26.
- ¹¹⁶ Агулы. С. 39.
- ¹¹⁷ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 19. Л. 46; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562.
- ¹¹⁹ Полевой материал 1974 г.
- ¹²⁰ Полевой материал 1969 г.
- ¹²¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический ... С. 121.

- 122 Памятники обычного права... С. 13; Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 161.
- 123 Комаров А. Алаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 74—75.
- 124 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 70—71.
- 125 Там же. С. 117.
- 126 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 129.
- 127 Там же. С. 127.
- 128 Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 606—607.
- 129 Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 1. С. 213.
- 130 Там же.
- 131 Там же.
- 132 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 70—71.
- 133 Комаров А. Алаты и судопроизводство по ним. С. 75.
- 134 Памятники обычного права... С. 22.
- 135 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 7-а. Л. 3; Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 71; Памятники обычного права... С. 36; Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 38.
- 136 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1872. С. 169.
- 137 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 71.
- 138 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570, 580, 596.
- 139 Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 64—65.
- 140 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 184.
- 141 Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 117.
- 142 Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 37.
- 143 Комаров А. В. Указ. соч. С. 78.
- 144 Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 45.
- 145 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 171.
- 146 Алиев Б. Г. К вопросу об административно-политической структуре общества Гаши в XVIII—XIX вв. С. 204.
- 147 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 77.
- 148 Полевой материал 1979 г. Инф. Гаджиев М., 1884 г. р.
- 149 Полевой материал 1982 г. Инф. Юсуфов Г., 1910 г. р.
- 150 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580. С. 29, 91.
- 151 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 171.
- 152 Комаров А. В. Указ. соч. С. 78; Амиров Г.-М. Указ. соч. С. 38.
- 153 Там же.
- 154 Полевой материал 1984 г. Инф. Гусейдаев Г., 1888 г. р.
- 155 Памятники обычного права... С. 21—22.
- 156 Там же. С. 21; полевой материал 1967—1968 гг.

- 157 Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 172.
- 158 Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 206.
- 159 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570, 586, 596.
- 160 Памятники обычного права... С. 14.
- 161 Там же. С. 13—14.
- 162 Там же. С. 22—23.
- 163 Там же. С. 26—27; полевой материал 1979 г.
- 164 Памятники обычного права... С. 29.
- 165 Там же. С. 23.
- 166 Там же. С. 63.
- 167 Полевой материал 1979 г. Инф. Гаджиев М.-Г., 1884 г. р.
- 168 Полевой материал 1982 г. Инф. Юсуфов Г., 1910 г. р.
- 169 Полевой материал 1984 г. Инф. Халилаев З., 1897 г. р.
- 170 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 172.
- 171 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 528.
- 172 Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. С. 173.
- 173 Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964. С. 29.
- 174 Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 360.
- 175 Там же. С. 223, 224.
- 176 Постановления Кайтахского Уцмня Рустем-Хана. С. 84.
- 177 Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 180; Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 132.
- 178 Из истории права... С. 190.
- 179 Памятники обычного права... С. 65.
- 180 Постановления Кайтахского Уцмня... С. 84.
- 181 Алаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 86.
- 182 Комаров А. В. Алаты и судопроизводство по ним. С. 26.
- 183 Алаты даргинских обществ. С. 89—90.
- 184 Памятники обычного права... С. 63.
- 185 Там же. С. 75.
- 186 Там же. С. 97.
- 187 Комаров А. В. Указ. соч. С. 16.
- 188 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 470.
- 189 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 160.
- 190 Памятники обычного права... С. 23; Алиев Б. Г. К вопросу об административно-политической структуре... С. 207.
- 191 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 37.
- 192 Памятники обычного права... С. 23.
- 193 Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—

- XVIII вв./Сост., введение, вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 188.
- 194 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 160.
- 195 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 72.
- 196 Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т. 3. С. 143.
- 197 Полевой материал 1980—1984 гг.
- 198 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
- 199 Полевой материал 1979 г. Инф. Гаджиев М.-Г., 1884 г. р.
- 200 Памятники обычного права... С. 65.
- 201 Там же. С. 76.
- 202 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 72.
- 203 Памятники обычного права... С. 33.
- 204 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 160.
- 205 Памятники обычного права... С. 43.
- 206 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 72.
- 207 Данилевский Н. Указ. соч. С. 158.
- 208 Комаров А. В. Указ. соч. С. 120.
- 209 Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 192.
- 210 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 326.
- 211 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 162.
- 212 Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 5—6.
- 213 Алаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 128. Примечание.
- 214 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 147.
- 215 Ртищев Н. Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 248.
- 216 Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оною с нынешним. СПб., 1835. С. 104.
- 217 Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан: Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году // Военный сборник. 1862. № 2. С. 389.
- 218 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 171.
- 219 Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 296.
- 220 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 93. Л. 8; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 235; Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. С. 57; Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 287.
- 221 Комаров А. Указ. соч. С. 120.
- 222 АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 862.
- 223 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 67.
- 224 Ицаринские рукописи // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. № 2262.

- 225 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 67.
- 226 Там же.
- 227 Там же. С. 67—68.
- 228 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8.
- 229 Там же; РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 10; Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 39; Алаты даргинских обществ. С. 128; Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. С. 12; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 11. 249; Алиев Б. Г. Кадин акушинские // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 166—168.
- 230 Комаров А. Указ. соч. С. 12; Алаты даргинских обществ. С. 128; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 11.
- 231 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. № 218. Л. 19-6—20-а.
- 232 Айтберов Т. Институт главного наследственного кади (первоначального имама) в политической системе Андалала конца XVI—первой половины XVIII века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, главн. ред. вост. лит.-ры, 1985. С. 9. 11.
- 233 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 96.
- 234 Там же. Ф. 14. № 2262.
- 235 Мансуров Ш. М. Социально-экономическое и политическое развитие Салатавского союза сельских обществ в конце XVIII—нач. XIX вв.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1985.
- 236 Казиев Г., Ахмедзявдинов Т. Чиркей. Махачкала, 1972. С. 27.
- 237 Рамазанов Х. Х., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 163.
- 238 Там же.
- 239 Там же.
- 240 Памятники обычного права... С. 26.
- 241 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 164.
- 242 Там же: Поездка г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 38.
- 243 Памятники обычного права... С. 28.
- 244 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 164; Памятники обычного права... С. 28.
- 245 Памятники обычного права... С. 48.
- 246 Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 316.
- 247 Памятники обычного права... С. 48.
- 248 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 154.
- 249 Сведения о Табасаране // Памятники обычного права... С. 49.
- 250 Там же.
- 251 Агулы. Махачкала, 1975. С. 39.
- 252 Мансуров Ш. М. Указ. соч. Л. 133—134.
- 253 История Дагестана. Т. 1. С. 324.
- 254 Феодальные отношения... С. 223.
- 255 Там же. С. 223—224; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 331.

- 256 Феодальные отношения... С. 224.
 257 Там же.
 258 Памятники обычного права... С. 21.
 259 Там же. С. 23.
 260 Там же. С. 36.
 261 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. № 2262.
 262 Памятники обычного права... С. 21.
 263 Там же.
 264 Там же. С. 26.
 265 Там же. С. 23, 36.
 266 Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 153.
 267 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 100, 110, 231.
 268 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 17. Л. 3. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 166; Памятники обычного права... С. 43.
 269 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 326.
 270 Там же.
 271 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. 1. С. 24; Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Указ. соч. С. 20.
 272 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 24.
 273 Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Указ. соч. С. 20.
 274 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 25.
 275 Бежитские адаты // Из истории права... С. 76.
 276 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. С. 106.
 277 Магомедов Р. М. Дагестан... Вып. 2. С. 217.
 278 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 128—129.
 279 Там же. Д. 596. С. 94.
 280 Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо... С. 12.
 281 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 68.
 282 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 157.
 283 Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 68.
 284 Магомедов Д. М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 30.
 285 Памятники обычного права... С. 48.
 286 Там же. С. 49.
 287 Колоколо в П. Ф. Указ. соч. С. 316.
 288 Там же. С. 315.
 289 Норденстам И. И. Указ. соч. С. 327; Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области... С. 61.
 290 Там же.
 291 Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 346; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 93. Л. 8.
 292 Там же. Ф. 414. Д. 301. Л. 416.
 293 Алнев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 198.
 294 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 163.
 295 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8.
 296 Там же.
 297 Памятники обычного права... С. 14.
 298 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8; Памятники обычного права... С. 14; Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 163.
 299 АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 674.
 300 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1.
 301 Гене Ф. И. Указ. соч. С. 346.
 302 Памятники обычного права... С. 14.
 303 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 1—2.
 304 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8. Памятники обычного права... С. 14.
 305 Там же.
 306 ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 2.
 307 Памятники обычного права... С. 15.
 308 Там же.
 309 Микрофильмы архивных материалов, извлеченных В. Г. Гаджиевым из АВГР. Ф. Сношение России с Персией. 1730 г. Д. 16. Л. 253. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 3141.
 310 Цитируется по канд. дисс. М. В. Саидовой. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. М., 1947. Л. 106.
 311 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 18. Л. 2. Памятники обычного права... С. 15.
 312 Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. 6. С. 261; Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. С. 230; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1832 г. // ИГЭД. С. 308—309.
 313 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. С. 17.
 314 Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Вып. 1. С. 100.
 315 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 77, 88, 84, 101.
 316 Там же. С. 112, 114.
 317 Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 210.
 318 Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804. // ИГЭД. С. 215.
 319 Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 309.
 320 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7; полевой материал 1962, 1966 гг.
 321 Известия русских и западно-европейских... С. 274.
 322 Ржевуский А. Указ. соч. С. 260.

- 323 Известия русских и западно-европейских ... С. 274.
- 324 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 101.
- 325 Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии / Пер. с франц. СПб., 1805. С. 25.
- 326 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 4.
- 327 Памятники обычного права ... С. 14.
- 328 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 159.
- 329 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 5.
- 330 Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве 1828 г. // ИГЭД. С. 269—270.
- 331 Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 288—289.
- 332 Щербачев А. П. Указ. соч. С. 296.
- 333 Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 328.
- 334 Там же.
- 335 Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Ч. 3. С. 244—245.
- 336 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
- 337 Там же. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 64(1). Л. 41.
- 338 Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1986. С. 29; полевой материал 1975 г.
- 339 Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Вып. 2. С. 229.
- 340 АКАК. Тифлис, 1872. Т. 5. С. 612; Тифлис, 1870. Т. 4. С. 609; Тифлис, 1878. Т. 7. С. 507.
- 341 Руновский А. Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Июль. № 7. С. 379; Магомедов Р. М. Общественно-экономический ... С. 67.
- 342 АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 862; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 67.
- 343 Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—начале XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 119, 120.
- 344 ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
- 345 Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 158.
- 346 Полевой материал 1963 г.
- 347 Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX века. Тифлис, 1934. С. 210.
- 348 Магомедов Р. М. Общественно-экономический ... С. 69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Союзы сельских общин, известные в исторической литературе под названием «вольных» обществ, — это своеобразные территориально-этнические, общественно-политические и хозяйственные структуры или объединения сельских общин во главе с наиболее большим и сильным селением. Образование союзов сельских общин не было единовременным актом. Оформление их как своеобразных политических образований происходит во втором тысячелетии н. э., что было связано как с дальнейшим социально-экономическим развитием горного Дагестана (внутренние причины), так и с внешнеполитическими факторами, ускорившими объединение общин в союзы. Одни союзы сельских общин, как и небольшие удельные владения (княжества), возникли после распада ряда раннефеодальных государственных образований (Лакз, Табасаран, Шандан-Филан, Карах, Серир); вторые — в результате ослабления и упадка феодальных удельных княжеств как следствие походов в горы монголо-татар и тимуровских войск, что привело к политической децентрализации — выделению общин и объединению их в союзы, а также уничтожения в результате антифеодальных выступлений против деспотизма местных феодалов и восстановления общинного управления.

Это были основные процессы образования союзов сельских общин, характерные почти для всех горцев (уничтожение «талхъанов» у даргинцев, местных феодальных князьков — «ханов», «шахов», «амиров», «нуцалчи» — у аварцев и т. д.), что говорит о синхронности этих процессов в различных районах и определенной закономерности появления союзов сельских общин на политической карте Дагестана, как своеобразных общественно-политических структур. Были и такие союзы сельских общин, которые образовались в результате переселения горцев на другие территории и необходимости защиты от соседних феодальных владений. Происходило это в основном в XII—XVI вв., т. е. в период образования и территориально-соседских поселений,

Дальнейшее социально-экономическое развитие союзов сельских общин и необходимость противостоять более мощному феодальному окружению привели к объединению ряда союзов и образованию более крупных союзов (супер-союзов или федераций союзов), как специфических форм государственности. Такими объединениями или федерациями союзов сельских общин были Акуша-Дарго, Дидо, Антль-Ратль, Ункратль, Девек-Елеми и Джа-ро-Белоканский союз.

Союзы сельских общин и их объединения (федерации союзов) находились в предгорном, горном и высокогорном Дагестане, т. е. во всех природно-хозяйственных зонах. Как в Дагестане в целом, в союзах сельских общин происходит географическое разделение труда, специализация обществ в той или иной отрасли хозяйственной деятельности.

Хозяйственная деятельность населения союзов сельских общин в целом, как показывает использованный в работе материал, не отличалась от хозяйственной деятельности населения соседних феодальных владений Дагестана. На территории союзов сельских общин, так же как и в феодальных владениях, были развиты, а порою даже гораздо более, все отрасли сельскохозяйственного производства. В предгорье главным занятием населения было земледелие, в горных обществах — земледелие и главным образом скотоводство с преобладанием овцеводства, а порою и крупного рогатого скота в зависимости от природно-климатических условий, в горно-долинных обществах — садоводства. Население союзов сельских общин из зерновых культур выращивало пшеницу, ячмень, голозерный ячмень, полбу, просо, кукурузу, из бобовых — горох, фасоль, из технических — коноплю и лен, из огородных — горскую репу, морковь, тыкву, лук, чеснок. Из домашних животных разводили коров, быков, буйволов, лошадей, ослов, овец, коз. Во всех союзах сельских общин занимались производством кустарных изделий. Было развито производство различных видов домашней промышленности с выделением ряда отраслей ремесленного производства (Кубачи, Сулевкент, Амузги, Харбук, Джули, Ислик, Балхар и т. д.) в самостоятельную отрасль хозяйственной деятельности.

Хотя в целом хозяйство жителей союзов сельских общин являлось натуральным, развита была здесь и торговля с преобладанием до XIX в., главным образом, во внутренней торговле, обмена. Внутри союзов сельских общин имелись известные торговые центры — Анди, Ботлих, Акуша, Цудахар, Ахты, Урари и т. д. Торговля велась не только между отдельными общинами, союзами и с феодальными владениями Дагестана, но также с Закавказьем, Северным Кавказом, Россией, Персией и Турцией.

Земельные отношения союзов сельских общин характеризовались наличием четырех форм собственности: частной (мюльковой), мечетской (вакуф), общинной и тухумной, основной из которых была частная, распространявшаяся главным образом на пахотные и сенокосные участки. Во многих обществах союзов сельских общин в частной собственности находились также пастбищные и лесные участки. Мюльковое землевладение — это земельные участки, находившиеся в собственности различных слоев населения и различавшиеся по своим размерам. Это и небольшие участки свободных узденей-общинников, и огромные массивы представителей феодального сословия и местной общинной и союзной знати. Собственники-уздени имели право свободного пользования мюльком — продажа, передача по наследству, завешание по назру, передача в пользу мечети, обмен и т. д., хотя и с некоторыми ограничениями в продаже вне селения. Наличие свободно отчуждаемой частной земельной собственности являлось главной причиной сосредоточения внутри общины одной частью населения больших земель и потери ее другой частью, в силу определенных причин вынужденной расстаться со своим мюльком и попадать в различные формы зависимости от представителей феодального сословия и местной общинной и союзной верхушки. Последние сосредоточили в своих руках большие земельные участки. Эти собственники земель применяли в своем хозяйстве труд крестьян — общинников-узденей, сдавали свои земли в аренду и прибегали к различным формам помощи со стороны членов общины и родственников, что фактически превращалось в своего рода постоянное обязательство.

Второй основной формой земельной собственности в союзах сельских общин была общинная (джамаатская) собственность на пастбища, выгоны и леса, а порою сенокосы и пахоты. Последние две категории общинных земель переделывались между членами джамаата через определенное время или предназначались для определенных целей, а пастбища, выгоны и леса являлись неделимой собственностью общин. Существовало несколько форм общинной собственности: 1) собственность одной общины; 2) собственность двух и более общин одного союза; 3) собственность всех общин одного союза и 4) совместная собственность жителей общин разных союзов или жителей союзов и феодальных владений. В первую форму входили все категории земель, а в остальные — в основном и главным образом пастбища, леса и выгоны.

Общинная собственность являлась противоположностью частной собственности. Если частная собственность являлась носительницей классовых отношений, то общинная — была носительницей коллективных начал. От их соотношения в общине и зависел уро-

вень или стадильность социально-экономических (феодалных по своей сущности, т. е. типологически) отношений союзов сельских общин. Сочетание этих двух основных форм земельной собственности являлось проявлением дуализма в сельской общине.

Мечетское землевладение (вакуф), образовавшееся с распространением ислама, в исследуемое время постоянно увеличивалось и являлось одним из источников усиления экономического и социального неравенства внутри общины. Для верхушки духовенства вакуф и мечетские сборы являлись постоянным и основным источником увеличения богатства и одним из институтов эксплуатации рядовых членов общины, обязанных часто обрабатывать бесплатно не только мечетские участки, но и участки духовенства, выделяемые им за их службу.

Тухумная собственность, как пережиточная форма или остаток коллективной собственности родственного коллектива, имела не везде и не играла той роли в становлении общественных институтов, какую играли частная и общинная собственность. Это небольшие отдельные участки различных категорий земель, которые ни по форме возникновения, ни по назначению (пользованию) не представляли из себя родовой собственности, ибо сам тухум не являлся родом, а был его трансформированной формой, социальной группой иного типа, где давно не было хозяйственной общности (владение, производство, потребление) как основы устойчивости родовых отношений.

По своему политическому положению союзы сельских общин составляли несколько групп. Первая группа — это союзы (ряд союзов Аварии, Табасарана, Кайтагского уцмийства), которые еще издавна (до изучаемого периода) входили в состав феодальных владений как части единого политического организма и на них распространялась политическая власть феодальных правителей. В пользу последних жители этих союзов сельских общин несли и определенные натуральные повинности. Но в вопросах внутренней жизни эти союзы сохраняли относительную самостоятельность.

Вторую группу составляли союзы сельских общин и их объединения (Ункрать, Андалал, Гидать, Гумбет, Каба-Дарго, Гапш, Муйра), в обществах которых находились представители правящих феодальных фамилий или же потомки древних местных феодальных фамилий (Рутул, Маза, Шиназ, Каракюре, Микрах, Кудали, Мазада и др.), которые имели все права и привилегии феодалов. В общинах указанных союзов феодалы (беки, чанки, талхъаны, амиры, нуцаби) имели в собственности все категории земельных угодий и сосредоточили в своих руках политическую власть.

Третью группу составляли союзы сельских общин (Буркун-

Дарго, Курах, Ахмарлы, Гюне, Картас, Кабир, Кошан, Агул, Рис-Ор), которые были присоединены к феодальным владениям в результате их захватнической политики в исследуемое время и на них были распространены порядки (те же феодальные формы политической зависимости и эксплуатации), которые были характерны для феодальных владений, в составе которых они находились. В этих союзах сельских общин также имелись представители правящих феодальных фамилий метрополии (Казукумухского и Кюринского ханств), в политическую и экономическую зависимость к которым и попадает местное население.

Четвертая группа — это союзы сельских общин (Технуцал, Ахвах, Анди, Калалал, Койсубулу, Чамалал, Багулал, Гумбет, Салатавия и др.), которые не входили административно в состав феодальных владений, но находились в политической и экономической зависимости от них, либо поставляя им воинские силы, либо платя подати за пользование феодальной землей.

Пятая группа союзов сельских общин (Акуша-Дарго, Сюрга, Каба-Дарго в целом, союзы Самурской долины, большинство союзов Западного Дагестана) сохраняли свою политическую независимость от феодальных владений, хотя и находились в определенной поземельной зависимости от них, платя им натуральную плату за аренду зимних пастбищ и поставляя феодальным владельцам за плату свои воинские силы. Но главное — в союзах сельских общин этой группы (в особенности в федерации Акуша-Дарго, Ахты-пара, Каба-Дарго) протекал, начавшийся еще задолго до изучаемого периода, активный процесс выделения местной феодальной и феодализирующей знати в лице наследственных кадиев, аксакалов, старшин, стоявших во главе союзов сельских общин и являвшихся фактически такими же правителями в своих союзах сельских общин, как наследственные правители феодальных владений Дагестана, и разбогатевшей верхушки древних, богатых, сильных, крупных и влиятельных тухумов, также превратившей власть в наследственную или узурпировавшей общинное управление.

Шестая группа — это союзы сельских общин, которые находились в зависимости либо от главного селения союза, либо от соседних союзов, либо от главного селения федерации союзов сельских общин. В Ахты-пара в зависимости от главного селения находились остальные 11 селений союза. То же самое было в Рутульском союзе. В объединении (федерации) союзов сельских общин Антль-Ратль в зависимости от Анцуха находился союз Дидо, который платил первому наложенную на все 9 селений дидойцев дань. В определенной зависимости от Акуша находились другие союзы, составляющие федерацию Акуша-Дарго, а также

Сюргинский союз, каждый джамаат которого платил ежегодно акушинскому кадию по одному быку. В политической зависимости от селения Урахи находились остальные села союза Каба-Дарго, которые подчинялись решениям Урахинского джамаата и руководствовались его адатами.

Таким образом, общинные порядки в одних союзах сельских общин были подорваны в результате вмешательства или под влиянием окружающих феодальных владений, в других — как под влиянием и воздействием феодальных владений, так и в результате самостоятельного внутреннего развития.

Значит, указанные особенности политического положения союзов сельских общин, приведшие к большей или меньшей политической и экономической зависимости их от соседних феодальных владений или других союзов Дагестана, вместе с такими основными, определяющими факторами внутренней жизни, как хозяйственное развитие, формы земельной собственности и землепользования, являлись источником и социального развития союзов сельских общин.

Социальный состав населения союзов сельских общин был довольно сложным. В исследуемое время в них имелось несколько социальных групп: 1) представители феодального, эксплуататорского класса в лице беков и чанков, появившихся в результате переселения в некоторые села союзов сельских общин отдельных членов правящих фамилий феодальных владений Дагестана; они имели в союзах сельских общин свои земельные владения всех категорий земель, за пользование которыми местное население платило им подати натурой и определенное количество дней работало в их хозяйстве. Феодалы пользовались и общинными землями; 2) правящая местная феодальная и феодализирующаяся знать союзов сельских общин в лице потомков уничтоженных в прошлом в результате классовой борьбы «талхъанов», «ханов», «шахов», «амиров» и т. д., наследственных кадиев, старшин, глав привилегированных, богатых, влиятельных и сильных тухумов, владевших большими земельными угодьями, скотом и разнообразным богатством; 3) свободные рядовые общинники-уздени, составлявшие основное население союзов сельских общин; 4) общинники-уздени, лишившиеся земли и скота (средств производства) и в силу этого попавшие в различные формы зависимости от местных феодалов и общинной знати; 5) зависимые крестьяне (раят, чагары, нахатели, куриты, каджары), не имевшие средств производства и платившие феодалам и местной знати различные подати и повинности за пользование землей; 6) рабы (лагъи, лүки, къазакъи, хъусхъулы, тархалы), происшедшие в основном из пленных, не имевшие средств производства и находившиеся

в зависимости от хозяев — феодалов, представителей общинной знати и богачей.

В зависимости от политического положения и экономического развития союзов сельских общин, а также указанных социальных слоев отличался и уровень их социального развития, не все союзы сельских общин находились на одинаковой ступени общественно-феодалного (феодалного) развития. В тех общинах и союзах общин, где имелись феодальные прослойки, феодальные сословия, крупное феодальное землевладение, различные формы ренты и т. д., социальные отношения были более развитыми. Ближе к ним стояли союзы сельских общин, где уже выделилась местная правящая наследственная знать (Акуша-Дарго, Рутул, Ахты-пара, Салатавия и др.), больше связанные с феодальными владениями и, следовательно, находившиеся под большим влиянием господствовавших в них социально-экономических отношений. Те же союзы сельских общин, которые больше были оторваны от внешнего мира, меньше общались с соседними феодальными владениями в своем развитии отстали от первых, в них общинные порядки были более устойчивы, что предопределило «большую сохранность традиционных форм их социально-экономической жизни»¹.

Общинами, характерными особенностями общественного развития союзов сельских общин являлись: господство частной собственности на пахоту и сенокос, наличие имущественной и фактически социальной дифференциации, выделение из узденства привилегированной группы, захватившей право занимать административные должности общин и их союзов, личная и экономическая независимость большинства населения союзов, завуалированность эксплуатации патриархально-родовыми обычаями и псевдородственными связями, различные формы зависимости союзов сельских общин от феодальных владений, зависимость одних общин от других — более сильных и главных сел союзов, наличие пережитков народоправства, демократических форм управления (народный сход, выборность административно-должностных лиц и т. д.).

Все это говорит о переплетении в развитии союзов сельских общин старых, отживших и новых, растущих и пробивающих себе дорогу сквозь толщу общинных устоев и все более и более закрепляющихся форм общественных организмов. Это характерная особенность всего процесса нового. Как писал В. И. Ленин, в процессе развития какого-либо общественного явления «в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»².

Все это говорит также о незавершенности в целом становления в союзах сельских общин феодальных отношений, незрелости их

по сравнению с социально-экономическими отношениями более развитых политических структур — ханств Дагестана, где разделение общества на противоположные классы, различные формы феодальной ренты и зависимости крестьянства закреплены были юридически. Сравнительно медленное социальное развитие союзов сельских общин вплоть до XIX в., объясняемое наряду с другими пережитками патриархально-родового строя, наличием общинной собственности, являющейся основой устойчивости архаических отношений, не дало им возможности полностью освободиться от патриархальной оболочки.

Такого рода производственные отношения в исторической литературе принято считать раннефеодальными, патриархально-феодальными. В работах отдельных ученых предложено считать более правильными формулировки «протофеодальный» или «дофеодальный», что, на наш взгляд, не раскрывает действительного положения союзов сельских общин, так как сами эти термины означают не феодальную, а дофеодальную стадию развития, каковой является родовой строй. И, хотя в суждениях сторонников этих терминов, не говорится о господстве родового строя, но сами эти термины — скрытая форма арханизации общественного строя горцев Дагестана.

Для характеристики общественных отношений союзов сельских общин более приемлемы первые формулировки, так как по сущности и типологии ими выражена определенная стадия феодальной общественно-экономической формации, хотя и они не отражают действительного положения всех союзов сельских общин. Как указывалось выше, в своем развитии не все союзы сельских общин стояли на одинаковой ступени развития, т. е. они, типологически относясь к одной и той же (феодальной) формации, находились на различных его стадиях. Раннефеодальными или патриархально-феодальными можно характеризовать общественные отношения тех союзов сельских общин, где еще не было оформившегося сословного деления населения, четкого деления их на классы феодального общества и более были опуганы пережитками патриархально-родовых отношений. Но и эти отношения по своей сущности являлись феодальными, хотя еще не зрелыми, не завершенными. Стадиально эта группа союзов сельских общин находилась ниже союзов сельских общин другой группы, где, как и в феодальных владениях Дагестана (ханствах), население было разделено на противоположные классы (беки, чанки, наследственные правители сельских общин и союзов общин), зависимое крестьянство (раяты и др.), обнищавшее узденство, рабы и лично свободное узденство. Они находились на том же уровне развития, т. е. на той же стадии феодальной социально-экономической

формации, что и ханства Дагестана. Господствующими здесь были феодальные производственные отношения, стадиально более развитые и менее подверженные влиянию пережиточных институтов, патриархальных отношений, чем в союзах сельских общин первой группы.

Между этими двумя группами стояли союзы сельских общин, где уже выделилась и местная общинная, и союзная знать в лице наследственных кadies (федерация Акуша-Дарго, союзы Андалал, Каба-Дарго, Сюрга, Рутул и др.), сосредоточивших в своих руках не только духовную, но и светскую власть, и старшин (аксакалы Ахты-пара и др.). Это были настоящие представители феодального сословия Дагестана, появившиеся в союзах сельских общин в результате эволюции власти или служебно-должностных функций высших административных лиц в их политическое господство над общинами и их союзами, что сопровождалось дальнейшим усилением их экономического положения.

Третья группа союзов сельских общин стояла ближе ко второй группе, так как, находясь в постоянном развитии, в окружении и под постоянным влиянием феодальных владений, общественные отношения их все более и более приближались к уровню развития феодальных владений (ханств) Дагестана.

Отличались указанные группы союзов сельских общин друг от друга и в политической структуре. Каждая из них имела свои особенности или особые черты, соответствующие уровню или степени их социально-экономического развития, заключавшиеся в большей или меньшей сохранности общинных институтов и демократизма. Но в целом характерным и здесь являлось то, что у руля управления стояли либо представители феодального сословия, либо выделившаяся местная феодальная знать, имевшая наследственное право занимать высшие административные должности, либо верхушка влиятельных, сильных, больших — многолюдных тухумов, имевших преимущественное право выдвижения на административные должности своих представителей. В зависимости от этого и проявлялись действительность, сила и жизненность или же формальность институтов народоправства — созыв народного собрания как высшего органа, выражавшего интересы всех членов общины или союза, выборность и подотчетность административных лиц и т. д.

Таким образом, в целом в союзах сельских общин Дагестана господствующими были феодальные отношения, стадиально более развитые в одних из них, где уже были оформившиеся феодальные сословия в лице представителей правящих родов феодальных владений Дагестана и местной правящей знати, имевшей право на наследственное занятие административных должностей, и ме-

нее — в других, где феодальные по своей сущности отношения были более завуалированы и опутаны пережитками патриархальных отношений. Выделение феодального сословия в них не было завершено и основное население было представлено свободными узденями-общинниками, т. е. здесь пока нет ясно выраженной классовой структуры, и стадияльно эти союзы находились на ранней стадии развития феодальных отношений.

К таким в общих чертах выводам мы пришли на основе изучения, анализа и обобщения всех приведенных в работе материалов.

---

¹ Гаджиев В. В. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 23; см. также: Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. С. 13—15; Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII—нач. XIX вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 181.

² Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 181.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР** — Архив внешней политики России.
АКАК — Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
ВИЭД — Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
ВУА — Военно-ученый архив.
ДГСВК — Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Махачкала.
ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ. М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. М.
ЗКОРГО — Записки кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
ИКОРГО — Известия кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИСКНЦ ВШ — Известия Северо-кавказского научного центра высшей школы. Ростов н/Д.
К — Кавказ. Тифлис.
КК — Кавказский календарь. Тифлис.
КС — Кавказский сборник. Тифлис.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА СПб — Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН — Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

СА — Советская археология. М.

СВ — Средние века. М.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СССК — Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.

СЭ — Советская этнография. М.

УЗ — Ученые записки.

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГИА РГ — Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- 1.1. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. 907 с.
- 1.2. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. 545 с.
- 1.3. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. 551 с.
- 1.4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 1—163.
- 1.5. Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400—421.
- 1.6. Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 250—251.
- 1.7. Маркс К. Письмо к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 401—412.
- 1.8. Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 212—216.
- 1.9. Маркс К., Письмо к Энгельсу от 14 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 225—230.
- 1.10. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 461—487.
- 1.11. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1879 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 1—508.
- 1.12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419—459.
- 1.13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 7—544.
- 1.14. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 1—338.
- 1.15. Энгельс Ф. Вернеру Зомбарту в Берлин 11 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 350—353.
- 1.16. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 339—606.

1.17. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к Анти-Дюрингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629—654.

1.18. Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 442—494.

1.19. Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327—345.

1.20. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 544—571.

1.21. Энгельс Ф. П. Лафаргу (около 11 августа) 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 166—171.

1.22. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 406—416.

1.23. Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 216—223.

1.24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178.

1.25. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 185—230.

1.26. Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 495—546.

1.27. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 57—137.

1.28. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критика Маркса» // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 95—268.

1.29. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1—120.

1.30. Ленин В. И. Замечания на книгу Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 455—458.

1.31. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299—426.

1.32. Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316—322.

1.33. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука и логика» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 77—210.

1.34. Ленин В. И. О брошюре Юниуса // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 1—16.

1.35. Ленин В. И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 64—81.

1.36. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320.

1.37. Ленин В. И. Письмо Е. С. Варге 1 сентября 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 466.

1.38. Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 67—122.

1.39. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1—609.

1.40. Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349—356.

1.41. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125—346.

1.42. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге т. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 347—534.

2. ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ.

а) ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ.

РГВИА

2.1. Ф. Военно-ученый архив. Д. 1538, 1540, Ч. 1—2, 6164. Ч. 64 (1—2), Ч. 93. Ч. 96(1), 6209, 6234, 6241, 6265, 6274, 6306, 6308, 6342, 6361, 6433, 6469, 6471, 6512, 6514, 6528, 6747, 6748, 6749, 18474. Ч. 1—4, 18488, 18502, 18503, 19264.

2.2. Ф. 52. Потемкин-Таврический Г. А. 1768—1791 гг. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 4, 416. Ч. 1—2.

2.3. Ф. 205. Ключик фон Ключенау. Краткий географический и статистический взгляд на общество Дарго. Оп. 1. Д. 139.

2.4. Ф. 400. Главный штаб. 1866—1918 гг. Оп. 1. Д. 326.

2.5. Ф. 414. Статистические сведения о Российской империи. Д. 300.

2.6. Ф. 416. Генеральные карты России (печатный каталог и картотека). Оп. 4. Д. 16.

2.7. Ф. 482. Кавказские войны. Д. 36, 64, 101, 106, 107, 119, 127, 128, 192.

РГИА СПб

2.8. Ф. 1268. Кавказский комитет. 1833—1882 гг. Оп. 1. Д. 424, 482; Оп. 5. Д. 372.

ЦГИА РГ

2.9. Ф. 2. Канцелярия Главноуправляющего Закавказским краем. 1801—1848 гг. Оп. 1. Ед. хр. 902, 903, 963.

2.10. Ф. 8. Департамент общих дел Главного управления наместника Кавказа. 1825—1867 гг. Д. 237.

2.11. Ф. 16. Канцелярия Тифлисского военного губернатора управляющего гражданской частью. 1802—1849 гг. Оп. 1. Д. 614.

2.12. Ф. 231. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению. 1883—1917 гг. Д. 260.

2.13. Ф. 263. Горная экспедиция грузинского верховного правительства. 1801—1831 гг. Оп. 2. Д. 4.

2.14. Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия. 1864—1917 гг. Оп. 1. Д. 471; Оп. 3. Д. 203, 1301; Оп. 4. Д. 17.

2.15. Ф. 1086. Военно-топографический отдел военно-окружного штаба кавказского военного округа. 1865—1918 гг. Оп. 6. Д. 345.

ЦГА РД.

2.16. Ф. 1. Петровская (городская) почтово-телеграфная контора Владикавказского почтово-телеграфного округа, гор. Порт-Петровск Даг. обл. 1851—1919 гг. Оп. 1. Д. 6; Оп. 5. Д. 3.

2.17. Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1883—1917 гг. Оп. 1. Ед. хр. 14; Оп. 2. Д. 140, 140-в, 142; Оп. 3. Д. 14-а, 138, 140-в, 140-ж, 142, 142-б, 142-з, 143-а, 143-в, 143-д; Оп. 5. Д. 12, 28; Оп. 12. Д. 43.

2.18. Ф. 4. Дагестанский областной «народный» суд, гор. Темир-Хан-Шура. 1868—1917 гг. Оп. 3. Д. 13, 34.

2.19. Ф. 18. Дербентский комендант. 1812—1849 гг. Оп. 1. Д. 133.

2.20. Ф. 21. Дагестанский областной статистический комитет, гор. Темир-Хан-Шура. 1864—1918 гг. Оп. 3. Д. 4, 5, 16, 24, 38, 103; Оп. 4. Д. 101; Оп. 5. Д. 3, 9, 10, 38, 42, 49. Ч. 1, 52, 53, 56, 57, 89, 100, 105, 111.

2.21. Ф. 33. Ветеринарная экспедиция Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1888—1920 гг. Оп. 3. Ед. хр. 17.

2.22. Ф. 72. Податной инспектор Гунибо-Казикумухского участка Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1894—1917 гг. Оп. 2. Д. 38.

2.23. Ф. 73. Податной инспектор Аваро-Андийского участка Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1894—1907 гг. Оп. 2. Д. 4.

2.24. Ф. 80. Податной инспектор Даргино-Табасаранского участка Дагестанской области, гор. Дербент. 1894—1917 гг. Оп. 3. Ед. хр. 6.

2.25. Ф. 90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1877—1898 гг. Оп. 1. Ед. хр. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 18; Оп. 2. Д. 5, 7, 21, 24, 30, 32.

2.26. Ф. 105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам

личным и поземельным туземцев Терской области, Управление Хасавюрта. 1890—1918 гг. Оп. 1. Д. 12.

2.27. Ф. 126. Канцелярия начальника Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. Оп. 1. Д. 11-б; Оп. 2. Д. 7-а, 15, 72-г.

2.28. Ф. 147. Управление Хасавюртовского округа Терской области, гор. Хасавюрт. 1867—1917 гг. Оп. 1. Д. 2, 7; Оп. 3. Д. 48, 65, 68.

2.29. Ф. 150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения южного Дагестана, гор. Дербент Дагестанской области. 1869—1882 гг. Оп. 1. Д. 1, 3, 4-б, 5, 6, 6-б. Ч. 2, 7, 7-а, 8, 16-а, 18, 19.

2.30. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 450, 493.

б) МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН

2.3. Адаты и обычаи даргинцев, записанные А. И. Алиевым. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.

232. Алиев А. И. Историко-этнографический очерк о даргинцах. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4.

233. Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага. Ф. 3. Оп. 1. Д. 175.

234. Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага. (История селений общества Гапш). Ф. 3. Оп. 1. Д. 187.

235. Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага (общества анк, Муйра, Каттаган). Ф. 3. Оп. 1. Д. 187.

236. Алиев Б. Г. История сел. Акуша. Ф. 3. Оп. 1. Д. 154.

237. Алиев Б. Г. История сел. Губден. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212.

238. Алиев Б. Г. История сел. Нижние Мулебки. Ф. 3. Оп. 1. Д. 186.

239. Алиев Б. Г. История сел. Сюргинского общества. Ф. 3. Оп. 1. Д. 214.

240. Алиев Б. Г. История сел. Усиша. Ф. 3. Оп. 1. Д. 375.

241. Алиев Б. Г. Полевой материал 1962 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371.

242. Алиев Б. Г. Полевой материал 1963 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.

243. Алиев Б. Г. Полевой материал 1970 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 505.

244. Алиев Б. Г. Полевой материал 1971 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 511.

245. Алиев Б. Г. Полевой материал 1972 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 528.

246. Алиев Б. Г. Полевой материал 1973 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541.

247. Алиев Б. Г. Полевой материал 1976 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553.

248. Алиев Б. Г. Полевой материал 1979 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562.

249. Алиев Б. Г. Полевой материал 1980 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570.

250. Алиев Б. Г. Полевой материал 1981 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580.

251. Алиев Б. Г. Полевой материал 1982 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586.

- 2.52. Алиев В. Г. Полевой материал 1984 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596.
- 2.53. Асиятилов С. Х. Гидатлинцы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249.
- 2.54. Бутаев Д. Б. Дагестан. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность и местонахождение. Ф. 3. Оп. 3. Д. 8.
- 2.55. Бутаев Д. Б. «Лезгин», «Уздень». Ф. 5. Оп. 1. Д. 74.
- 2.56. Гаеанов А. Древняя и новая история Дагестана Ф. 3. Оп. 3. Д. 18.
- 2.57. Гасанов М. Р. История аулов Табасарана. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138.
- 2.58. Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие аулов кадийства Табасаранского. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.
- 2.59. Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие аулов юго-западного Табасарана (Диринский союз сельских обществ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 169.
- 2.60. Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие Табасарана (аулы майсумства Табасаранского). Ф. 3. Оп. 1. Д. 202.
- 2.61. Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.
- 2.62. Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.
- 2.63. Завещание Андуника / Перев. с араб. яз. М.-С. Сандва. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218.
- 2.64. Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге с приложениями к ней. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.
- 2.65. Записки о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79.
- 2.66. Запись из рукописи «Шарх ал-Минхадж Махалли». № 18.
- 2.67. Иванов А. С. Аварские ковры. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30.
- 2.68. История происхождения рода узмиев и кайтагских бека. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.
- 2.69. Ицаринские рукописи. Ф. 14. № 15, 38.
- 2.70. Ичалов К. Х. Особенности развития Салатавии XVI—XVII вв.: Исторический очерк Салатавии. Ф. 3. Оп. 1. Д. 270.
- 2.71. Каяев А. Материалы по истории лаков. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444.
- 2.72. Комментарий мусульманского права. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142.
- 2.73. Магомедов Д. М. Социально-экономические отношения в Дидо в XVIII—начале XIX вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 233.
- 2.74. Маллачиханов Б. К истории Дагестана. Д. 1167.
- 2.75. Материалы по истории Дагестана XVII—XIX вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

- 2.76. Материалы по истории Дагестана XIX века. Ф. 6. Оп. 1. Д. 51.
- 2.77. Микрофильмы архивных документов, извлеченных В. Г. Гаджиевым из АВПР Министерства иностранных дел СССР. Ф. Сношения России с Персией. 1790 г. Ф. 6. Оп. 1. Д. 52.
- 2.78. Минорский В. Ф. Очерки по истории Кавказа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321.
- 2.79. Об обычаях общества Каралал, собранные Х. А. Омаровым.
- 2.80. Обычай аула Кахиб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.
- 2.81. Омаров А. С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России). Ф. 3. Оп. 3. Д. 84.
- 2.82. Омаров А. С. Правовые памятники Дагестана (XVI—XVII вв.). Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.
- 2.83. Омаров Х. А. Документы по земельным и имущественным отношениям в Дагестане до XVIII века включительно. Ф. 3. Оп. 1. Д. 273.
- 2.84. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие Дагестана в 40—50 гг. XIX в. Ф. 3. Оп. 2. Д. 128.
- 2.85. Панек Л. В. Ахты, как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2.
- 2.86. Письмо Ираклия II к Динга-Хаджи и другим. Д. 2506.
- 2.87. Письмо Усишинского сельского суда нач. Даргинского округа Гайковичу / Перев. с араб. яз. К. Баркуева.
- 2.88. Происхождение жителей и права их в пользовании землей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169.
- 2.89. Рукопись кубачинца «Китаб ла вамани анвар ал-кулуб, фи джавани афар ал-мухабби ва ал-мохбут» («Книга о тайнах влюбленных»).
- 2.90. Рукопись с перевода Кади-Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397.
- 2.91. Сборник адатов Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 188.
- 2.92. Стенограмма научной сессии, посвященной вопросам истории народов Дагестана. Ф. 4. Оп. 1. Д. 57.
- 2.93. Чурсин Г. Ф. Авары: Этнографический очерк. Ф. 5. Оп. 5. Д. 65.
- 2.94. Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // Шиллинг Е., Панек Л. В. Сборник очерков по этнографии Дагестана. 1940—1947 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.
- 2.95. Шихсандов А. Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1968 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167.
- 2.96. Шихсандов А. Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1969 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 483.

2.97. Шихсаидов А. Р. Отчет о командировке в даргинские районы в 1961 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500.

2.98. Юшков С. В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

в) ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

2.99. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Под ред. И. Я. Сандрыгайло. Тифлис: Тип. Главнач. гражд. частью на Кавказе, 1899. 622 с.

2.100. Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. кавк. горск. упр., 1873. Вып. 7. С. 1—128.

2.101. Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. кавк. горск. упр., 1875. Вып. 8. Отд. 1. С. 1—72.

2.102. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. главн. упр. наместн. Кавказа, 1866—1904. Т. 1—12.

2.103. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1578—1613. М.: Университетская тип., 1899. Т. 1. 584 с.

2.104. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.: Тип. императорской АН, 1869. Ч. 1. 548 с.; Ч. 2. 602 с.; Ч. 3. 620 с.

2.105. Гидатлинские адаты / Подг. к печати Х.-М. Хашаев и М. С. Саидов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 41 с.

2.106. Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья / Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1890. 255 с.

2.107. Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа / Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1887. 81 с.

2.108. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 785 с.

2.109. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В. Н. Гамрекели. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 335 с.

2.110. Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А. С. Омаров. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1968. 240 с.

2.111. История, география и этнография Дагестана XVIII—

XIX вв.: Архив. материалы / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 371 с.

2.112. Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала: Даггосиздат, 1940. Ч. 3. 371 с.

2.113. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архив. материалы / Сост., предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1965. 268 с.

2.114. Постановления Кайтахского Уцмийа Рустем-Хана, написанные в XII веке по Р. Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш // ССКГ. Тифлис: Изд. кавк. горск. упр., 1868. Вып. 1. С. 80—88.

2.115. Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов и др. М.: Наука, 1988. 357 с.

2.116. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.: Док. и материалы / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

2.117. Феодалные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX в.: Архив. материалы / Сост., предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1969. 396 с.

2.118. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. док. и материалов. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. 557 с.

2.119. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер., коммент., введ. и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1966. Ч. 1. Надписи X—XVII вв. 300 с.

2.120. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / Изд. текстов, пер., коммент., статья и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1968. Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. 268 с.

2.121. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках / Изд. текстов, пер., коммент., статья и прилож. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1980. Ч. 3. Надписи X—XX вв. Новые находки. 168 с.

3. КНИГИ.

3.1. Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1978. 304 с.

3.2. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса. М.: Наука, 1988. 237 с.

- 3.3. Агулы. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1975. 186 с.
- 3.4. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М.: Наука, 1981. 239 с.
- 3.5. Александров В. А. Сельская община в России (XVII—нач. XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
- 3.6. Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1972. 221 с.
- 3.7. Алиев Б. Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Дагкнигиздат, 1988. 128 с.
- 3.8. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1970. 235 с.
- 3.9. Алиев У. Карахалк — «черный народ»: Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и проч. Ростов н/Д: Крайнациздат, 1927. 111 с.
- 3.10. Алкадарн Г.-Э. Асарн-Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Изд. Даг. науч.-иссл. ин-та, 1929. 184 с.
- 3.11. Андреев И. А. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир: Госпединститут им. П. Н. Лебедева-Полянского, 1973. 336 с.
- 3.12. Анохин Г. А. Общинные традиции норвежского крестьянства. М.: Наука, 1971. 207 с.
- 3.13. Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 335 с.
- 3.14. Арутюнян Б. М. Крупное монастырское хозяйство в Армении XVII—XVIII вв. Ереван: АрмФАН, 1940. 128 с.
- 3.15. Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX вв.). Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 171 с.
- 3.16. Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII вв.). М.: Наука, 1965. 328 с.
- 3.17. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М.: Наука, 1977. 238 с.
- 3.18. Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку: Изд-во общ-ва обследов. и изуч. Азербайджана, 1926. 196 с.
- 3.19. Березин Н. И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань: Университетская тип., 1850. Ч. 1—3. 120—134—128 с.
- 3.20. Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала: ДГУ им. В. И. Ленина, 1961. 99 с.

3.21. Бокарев Е. А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. Базы АН СССР, 1949. 32 с.

3.22. Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М.: Наука, 1964. 407 с.

3.23. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1. 362 с. Ч. 2. 471 с.

3.24. Бурнашев С. Д. Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского. Курск: Тип. Приказа общественного призрения, 1793. 38 с.

3.25. Вахушти Б. География Грузии. Тифлис, 1904. 241 с.

3.26. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Тип. канц. Главногоначальствующего гражд. частью на Кавк., 1888. 434 с.

3.27. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис: Изд. цент. книжн. торговли, 1901. 320 с.

3.28. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVII—70-е годы XX века): Материалы Всероссийской научной конференции, 2—3 октября 1979 г. г. Грозный. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. 367 с.

3.29. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. 2-е изд., допол. и исправл. В 2 ч. М.: Тип. И. Родзевича, 1885. Ч. 1. 366 с. Ч. 2. 300 с. 1 карта.

3.30. Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1967. 232 с.

3.31. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XIX века. М.: Наука, 1974. 275 с.

3.32. Вопросы истории Кавказской Албании / Ред. И. Алиев. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1962. 196 с.

3.33. Вопросы истории народов Кавказа: Сб. статей, посвященный памяти З. В. Анчабадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 292 с.

3.34. Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей и материалов. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1980. 130 с.

3.35. Всемирная история. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1958. Т. 4. 823 с.

3.36. Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историко-этнографические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 385 с.

3.37. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 301 с.

3.38. Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсалидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана.

тана: Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 11 с.

3.39. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.

3.40. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 272 с.

3.41. Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 111 с.

3.42. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 331 с.

3.43. Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв. Махачкала: Дагкиноиздат, 1978. 99 с.

3.44. Гасвиани Г. А. Социально-экономическая структура Сванетии в XI—XVIII вв. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 124 с.

3.45. Географический атлас Дагестанской АССР. Махачкала: Дагучпедгиз, 1964. 99 с.

3.46. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естества. СПб.: Изданием импер-й АН, 1785. Ч. 3. 336 с.

3.47. Голубцова Е. С. Очерки социально-экономической истории Малой Азии в I—III вв.: Независимая сельская община. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 196 с.

3.48. Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии (III в. до н. э.—III в. н. э.) М.: Наука, 1972. 187 с.

3.49. Готлиб Г. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 2. 67 с.

3.50. Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 408 с.

3.51. Греков Б. Д. Киевская Русь. Избр. труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 440 с.

3.52. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967. 285 с.

3.53. Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб.: Тип. импер. АН, 1809. 385 с.

3.54. Гюль К. К., Кисин Н. М., Тертеров А. А. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала: Дагкиноиздат, 1959. 87 с. с ил., 1 карта.

3.55. Давыдов А. Д. Афганская деревня. М.: Наука, 1969. 262 с.

3.56. Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979. 135 с.

3.57. Далгат А. В огне революции. Махачкала: Дагкиноиздат, 1960. 280 с.

3.58. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М.: Университетская тип. 1846. 193 с. с ил.

3.59. Даниялов Г. Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX—начале XX вв. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1970. 292 с.

3.60. Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. республики. Буйнакс: Даггосиздат, 1927. 127 с.

3.61. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 640 с.

3.62. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб.: Тип. штаба корпуса внутр-й стражи, 1835. 306 с.

3.63. Егизаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община. Казань: Тип. ун-та, 1888. Ч. 1. 338 с.

3.64. Ермолов А. П. Записки и приложения. 1816—1827. М.: Университетская тип. (Котова К^о), 1862. Ч. 2. 440 с.

3.65. Жуков Е. И. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. 248 с.

3.66. Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII века. Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изуч. Азербайджана, 1929. 30 с.

3.67. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежавшего России и сопредельных оному земель. СПб.: Тип. К. Винтера, 1834—1835. Ч. 3. 268 с.

3.68. Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции: На правах рукописи. М.: Тип. «Красная звезда», 1970. 108 с.

3.69. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. 431 с. с ил. и кар.

3.70. История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. 2. 364 с. с ил. и кар.

3.71. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в./Отв. ред. акад. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.

3.72. История народов Северного Кавказа (конец XVIII—1917 г.) / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.

3.73. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. 2-е изд., перераб. и допол. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1. 529 с.

3.74. История СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 2. 847 с.

3.75. Ихилов М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 369 с.

3.76. Каганкатвацци М. История Агван / Пер. с древнеарм. К. Патканова. СПб.: Изд. Императ. АН, 1861. 374 с.

3.77. Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 244 с. 1 л. карт.

3.78. Казиев Г. К., Ахмедзиявдиев Т. Черкей. Быль. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 167 с.

3.79. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 248 с.

3.80. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 202 с.

3.81. Карапетян Э. Т. Родственная группа «азг» у армян. (Вторая половина XIX—начало XX в.). Ереван: Изд-во Арм. ССР, 1966. 166 с. с ил.

3.82. Каспари А. Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. СПб.: Изд-е Каспари, 1904. 664 с.

3.83. Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М.: Типолит. тов-ва Н. Н. Кушнеров и К^о, 1907. С. 71.

3.84. Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М.: Наука, 1971. 288 с.

3.85. Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат. местн. промышл. и художеств. промыслов РСФСР, 1962. 82 с. 16 ил.

3.86. Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзн. коопер. изд-во, 1959. 175 с. с ил.

3.87. Киллиани М. З. От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ: М. З. Киллиани, 1884. 47 с.

3.88. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К^о, 1890. Т. 1. 290 с. Т. 2. 304 с.

3.89. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб.: Бракгауз-Ефрон, 1911. Вып. 1. 312 с. VII с.

3.90. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1902. Вып. 1. 443 с. XXIX с.

3.91. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1904. Вып. 2. 166—257—80—20 с.

3.92. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В. М. Сорокина, 1895. 413 с.

3.93. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 220 с.

3.94. Костенецкий Я. Н. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. 122 с.

3.95. Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 232 с. с ил.

3.96. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане: Из жизни индийской деревни. М.: Наука, 1971. 283 с.

3.97. Кушнер (Кнышев) П. Очерки развития общественных форм. 7-е изд. М.: Ком. ун-т им. Я. Свердлова, 1927. 430 с.

3.98. Кушнер (Кнышев) П. Первобытное и родовое общество. Хрестоматия. М.: Ком. ун-т им. Я. Свердлова, 1925. 398 с. 8 карт.

3.99. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 183 с.

3.100. Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982. 224 с.

3.101. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. 1. 437 с. 1883. Вып. 2. 396 с.

3.102. Магомедов А. Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV—XVII вв. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 142 с.

3.103. Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 11 с.

3.104. Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 1. 266 с.

3.105. Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. 2. 270 с.

3.106. Магомедов Р. М. История Дагестана. С древней-

ших времен до начала XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. Вып. 1. 292 с.

3.107. Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. Вып. 2. 340 с.

3.108. Магомедов Р. М. Легенды и факты: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 144 с.

3.109. Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.

3.110. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.

3.111. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. Вып. 1. 143 с.

3.112. Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. 2. 153 с.

3.113. Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: Тип. С. В. Гурьянова, 1882. 288 с.

3.114. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1980. 259 с.

3.115. Марков Е. Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.: Изд. товар-ва М. О. Вольф, 1887. 591 с. с ил.

3.116. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тифлис: Изд-во Груз. фил. АН СССР, 1938. Вып. 4. 123 с.

3.117. Материальная культура аварцев. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 304 с.

3.118. Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1954. 447 с.

3.119. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М.: Наука, Изд-во вост. лит-ры, 1963. 264 с.

3.120. Мисабишвили Ш. В. Диалектика общего и особенного в социальном развитии. Сухуми: Алашара, 1971. 246 с.

3.121. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 352 с.

3.122. Надеждин П. П. Кавказский край: Природа и люди. 2-е изд., обраб. и доп. Тула: Тип. и литогр. Е. И. Дружинина, 1895. 449 с. 13 с ил.

3.123. Надеждин П. П. Опыт географии Кавказского края. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1891. 285 с.

3.124. Назаревич А. Ф. Отобранные по крупицам: Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 144 с. с ил.

3.125. Народы Дагестана. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 246 с., ил. и 1 карта.

3.126. Народы Кавказа. В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 613 с.

3.127. Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 157 с.

3.128. Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1848. 37 с.

3.129. Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1847. 64 с.

3.130. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1848. 42 с.

3.131. Никитин В. И. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. 360 с.

3.132. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с.

3.133. Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура: Русская тип. В. М. Сорокина, 1903. 106 с. 20 ведомостей.

3.134. Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура: Русская тип. В. М. Сорокина, 1904. 162 с. 20 ведомостей.

3.135. Обзор Дагестанской области за 1904 год. Темир-Хан-Шура.: Русская тип. В. М. Сорокина, 1905. 98 с. 19 ведомостей.

3.136. Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура: Паровая типо-литография М. М. Мавраева, 1915. 62 с. 19 ведомостей.

3.137. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях/Под ред. В. С. Легинобытова. СПб.: Тип. внешн. торг., 1836. Ч. 1. 409 с.

3.138. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: Азиатский способ производства. М.: Наука, 1966. 248 с.

3.139. Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в.: Сб. статей / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1981. 168 с.

3.140. Общество и природа: Исторические этюды и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. 344 с.

3.141. Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии: Сб. статей/Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л.: Наука, 1967. 198 с.

3.142. Олсари А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А. С. Суворова, 1906. 578 с. с ил.

3.143. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965. 367 с.

3.144. Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 1. 392 с.

3.145. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 894 с.

3.146. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 866 с.

3.147. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.

3.148. Папазян А. Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1972. 303 с.

3.149. Патканов К. П. Армянская география VII—X в. по р. X. (Приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер. Анания Ширакани. СПб., 1877. 84—26 с.

3.150. Пахомов Е. А. Монетныеклады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1949. 115 с.

3.151. Первобытное общество: Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975. 287 с.

3.152. Петрушевский И. П. Джаро-Белокавказские вольные общества в первой трети XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис: Изд-во «Заря Востока», 1934. 64 с.

3.153. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV веках. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.

3.154. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XIX вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 383 с.

3.155. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 171 с.

3.156. Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. 2-е изд. СПб.: Изд-во Якорь, 1913. 127 с.

3.157. Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: Изд-во АН Груз. ССР, 1935. 223 с.

3.158. Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу 1800—1830 гг. Отд. оттиск из журнала «Исторический вестник». Т. 2. Тбилиси: Архив управл. МВД Груз. ССР, 1946. 157 с.

3.159. Полиевктов М. А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1938. Вып. 4. 123 с.

3.160. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. 520 с.

3.161. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Изд. книжн. склада В. А. Брезовского, 1888. Т. 2. Вып. 1, 2, 4. Ермоловское время. С. 171—216.

3.162. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. 319 с.

3.163. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.: Наука, 1971. 190 с.

3.164. Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. 692 с.

3.165. Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования: Сб. статей/Отв. ред. Е. М. Жуков. М.: Наука, 1975. 296 с.

3.166. Путеводитель по Дагестану. Составлен для проезда Государя императора от гор. Петровска через Гуниб до границы Терской области в 1871 г. Тифлис: Тип. окружн. штаба кавк. воен. окр., 1871. 87 с.

3.167. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153) / Публ. О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1971. 136 с. с ил.

3.168. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 312 с.

3.169. Разложение родового строя и формирование классовых отношений: Сб. статей/Отв. ред. А. И. Першеч. М.: Наука, 1968. 356 с.

3.170. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1964. 279 с.

3.171. Рейснер М. А. Идеология Востока: Очерки восточной теократии. М.: Л.; Госиздат. Тип. им. Н. Бухарина в ЛГР, 1927. 344 с.

3.172. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб.; Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. 217 с.

3.173. Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): Сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1984. 263 с.

3.174. Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.: Л.: Госиздат, 1925. 150 с.

3.175. Свицерский П. Ф. В горах Дагестана: Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск: Тип. «Работник» С. А. Бруна, 1903. 133 с.

3.176. Сидоров В. По России. Кавказ: Путевые заметки и впечатления. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897. Т. 2. 675 с.

3.177. Сказкин Е. В. Дагестан в советской исторической литературе. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1963. 196 с.

3.178. Сказкин Е. В. Литература о Дагестане на западно-европейских языках. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1964. 136 с.

3.179. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе: Тип. Сев.-осет. науч. иссл. ин-та ист., яз. и лит-ры, 1972. 379 с.

3.180. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. 380 с.

3.181. Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1979. 272 с.

3.182. Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1982. 368 с.

3.183. Становление классов и государства: Сб. статей / Отв. ред. А. И. Першен. М.: Наука, 1976. 344 с.

3.184. Страбон. География // ВДИ. 1947. № 4. С. 177—267.

3.185. Тарихи Дербент-наме / Пер. и под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1898. 192 с.

3.186. Тезисы докладов и сообщений XIV Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск—Гродно, 25—29 сент. 1972 г.). М.: Наука, 1972. 221 с.

3.187. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 306 с.

3.188. Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. 369 с.

3.189. Тревер В. И. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. — VII в. н. э.). М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 392 с. с ил.

3.190. Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. 208 с.

3.191. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1973. 251 с.

3.192. Услар П. К. Этнография Кавказа. Хюркилинский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. частью на Кавк., 1892. Т. 5. 670 с.

3.193. Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. В. Потто. Тифлис: Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1904. Т. 3. Ч. 1. 527 с. XVIII с. с ил.

3.194. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 259 с.

3.195. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 397 с.

3.196. Физическая география Дагестанской АССР / Гюль К. К., Власов С. С., Кисин М. М., Тертеров А. А. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 250 с.

3.197. Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985. 250 с.

3.198. Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдские чтения 1975 г. М.: Наука, 1979. 227 с.

3.199. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 159 с.

3.200. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. 116 с.

3.201. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке: Материалы к сессии. Махачкала, 1954. 97 с. На правах рукописи.

3.202. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.

3.203. Хоренский М. История Армении. М.: Изд-во Лазаревского ин-та вост. яз., 1899. 323 с.

3.204. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 287 с.

3.205. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. Вып. 3. 376 с.

3.206. Чикобава А. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1953. Ч. 1. 242 с.

3.207. Шиллинг Е. М. Кубачи. Пятигорск: Орджоникидзевское краевое изд-во, 1937. 130 с., ил.

3.208. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 223 с., ил.

3.209. Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкиноиздат, 1975. 176 с.

3.210. Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1969. 251 с.

3.211. Шинкевич Ф. Историкографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятностей древнего и нынешнего тех земель местопосания. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 121 с.

3.212. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.

3.213. Языки Дагестана/Отв. ред. М. Гаджиев. Махачкала: Изд-во Даг. Базы АН СССР, 1948. Вып. 1. 148 с.

3.214. Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. М.: Изд-во Акад. ист. матер. культуры, 1932. 50 с.

3.215. Ямпольский З. И. Древняя Албания III—IV вв. до н. э. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1962. 382 с.

3.216. Ямпольский З. И. Из истории Древней Кавказской Албании. М., 1949. 40 с.

4. СТАТЬИ.

4.1. Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. СПб., 1857. Ч. 64. № 8. С. 25—30.

4.2. Абрамов Я. М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа // Отечественные записки. СПб., 1884. № 2. С. 163—167.

4.3. Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX—нач. XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 233—264.

4.4. Агларов М. А. Власть и самоуправление в сельской общине Дагестана в XV—нач. XIX в. // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам полевых иссл. в Дагестане в 1984—1985 гг. (28—29 апр. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 18—19.

4.5. Агларов М. А. Из истории земельных и общественных отношений в Аварии. (Период складывания феодальных отношений) // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980. С. 54—55.

4.6. Агларов М. А. Территория сельских обществ и их союзов горного Дагестана в XV—XIX вв. // Общественный строй сою-

зов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 83—99.

4.7. Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13. С. 177—193.

4.8. Агларов М. А. Этнические процессы в полиструктурной (раздробленной) политической системе Дагестана (до нач. XIX в.) // Тез. докл. науч. сес. Даг. ФАН СССР (22—24 апр. 1985 г.). Обществ. науки. Махачкала, 1985. С. 7.

4.9. Агларов М. А., Айтберов Т. М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б. Алиханом Баклулальским», как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1980. С. 121—133.

4.10. А. Д. Г. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 9. С. 475—518.

4.11. Азизов С. А. Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX—начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX—нач. XX в.: Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 23—31.

4.12. Айтберов Т. М. Запись о разделе земель между повелителями Хунзаха и Казикумуха (XV—XVII вв.) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 131—133.

4.13. Айтберов Т. М. Институт главного наследственного кади (первоначального имама) в политической системе Андалала конца XVI—первой половины XVIII века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 5—15.

4.14. Айтберов Т. М. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 82—104.

4.15. Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XV—начало XVIII вв.) // СЭ. М., 1981. № 6. С. 112—118.

4.16. Айтберов Т. М. О кайтагских уделах XVII—XVIII вв. // IV конференция молодых ученых: Тез. докл. Махачкала, 1982. С. 61—62.

4.17. Айтберов Т. М. О «корейшитских» княжествах в нижнем течении Аварского Койсу // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. иссл. Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. 27—28 апр. 1988 г. Махачкала, 1988. С. 35—36.

4.18. Айтберов Т. М. Эпиграфические и письменные материалы, обнаруженные в 1980—1981 гг. // Материалы сес., посвящ.

итогах экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982. С. 37—38.

4.19. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Известия арабоязычных документов XV—XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в до-революционном прошлом (XIII—нач. XX вв.). Грозный, 1982. С. 61—67.

4.20. Айтберов Т. М., Нурмагомедов А. М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой половине XVIII в. (По письмам Мухаммада Кудутлинского и Адил-Гириая б. Будаи-шамхала Тарковского) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX вв. Махачкала, 1981. С. 135—145.

4.21. Алаев Л. Б. Община // СИЭ. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. С. 418—423.

4.22. Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах // ВИ. М., 1977. № 2. С. 98—110.

4.23. Алаев Л. Б. Соседская община и кастовая община: Рецензия на книгу М. К. Кудрявцева // НАА. М., 1972. № 4. С. 79—87.

4.24. Алаев Л. Б. Формы общинного землевладения в южной Индии в XVI—XVIII вв. // Индия и Афганистан: Очерки истории и экономики. М.: Наука, 1958. С. 6—36.

4.25. Алиев Б. Г. Дифференциация узденства и наем сельскохозяйственных работников в Нагорном Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 76—88.

4.26. Алиев Б. Г. Историко-этнографический материал о социально-экономическом и политическом строе союзов сельских общин // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. (27—28 апр. 1984 г.). Махачкала, 1984. С. 25—26.

4.27. Алиев Б. Г. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 12. С. 109—129.

4.28. Алиев Б. Г. Источники по истории союзов сельских общин Дагестана в XVIII—первой половине XIX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 35—52.

4.29. Алиев Б. Г. Кадии акушинские // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 166—169.

4.30. Алиев Б. Г. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш в XVIII—XIX вв. // ВИД (досов. период). Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 191—214.

4.31. Алиев Б. Г. К вопросу о локализации Шандана и Ал-

Караха // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географ. исслед. в Дагестане. (Окт. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 112—113.

4.32. Алиев Б. Г. К вопросу о социально-экономической и политической истории союзов сельских общин // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. (28—29 апр. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 30.

4.33. Алиев Б. Г. К вопросу о торговых путях Сюргинского союза // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1981. Вып. XIII. С. 65.

4.34. Алиев Б. Г. Новый полевой материал о союзах сельских общин Дагестана // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982. С. 25—26.

4.35. Алиев Б. Г. Общественный строй Сюргинского союза сельских общин в XVIII—XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 44—62.

4.36. Алиев Б. Г. Община и крестьянин в историко-этнографическом материале // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 33—34.

4.37. Алиев Б. Г. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье // ВИД (досов. период). Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 158—197.

4.38. Алиев Б. Г. Отражение социального деления дагестанского общества в географических названиях // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1985. С. 77—78.

4.39. Алиев Б. Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 146—166.

4.40. Алиев Б. Г. Социальная терминология в историко-этнографическом материале 1986—1987 гг. // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. 27—28 апр. 1988 г. Махачкала, 1988. С. 26—27.

4.41. Алиев Б. Г. Формы землевладения в Дагестане в XVII—XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 45—46.

4.42. Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М. Новые данные о земельных отношениях в Дагестане // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1973—1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976. С. 24—25.

4.43. Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Шигабуудинов М. Ш.

Значение историко-этнографического материала для изучения истории крестьянства Дагестана // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1978. С. 32—34.

4.44. Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Неравенство туземцев как показатель разложения сельской общины Нагорного Дагестана (XVIII—XIX вв.) // Вопросы обществ. быта народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала, 1987. С. 22—34.

4.45. Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость в XVII—первой половине XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 55—70.

4.46. Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Формы зависимости крестьянства и социальная борьба в союзах сельских общин Дагестана в XVII—XVIII вв. // Тез. докл. науч. сес. Даг. ФАН СССР (22—24 апр. 1985 г.). Обществ. науки. Махачкала, 1985. С. 8.

4.47. Алиев Б. Г., Шихсаидов А. Р. Материалы по истории даргинцев // Ленинна байрахъ (дарг. яз.). 1969. 29 ноября.

4.48. Алиев Б. Г., Шихсаидов А. Р. О прошлой истории даргинцев // Литературала Дагъистан (дарг. яз.). Махачкала, 1987. С. 91—96.

4.49. Алиев Б. Г., Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А. Новые сведения по истории даргинцев // Ленинна байрахъ (дарг. яз.). 1975. 5, 9, 11 дек.

4.50. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана: Из дневника гимназиста // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. От. 3. С. 1—77.

4.51. Анрел И. Р. Сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Андукского и Капучинского. 1839/41 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 369—370.

4.52. Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИИРГО. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 4. С. 357—449.

4.53. Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1973. Т. 18. С. 111—126.

4.54. Асиятилов С. Х. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16 (сер. ист.). С. 325—344.

4.55. Асиятилов С. Х. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев XIX—нач. XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 14. С. 345—367.

4.56. Атаев Д. М. Дагестан и Кавказская Албания // Тез.

докл. на науч. сес. Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, посвящ. археол. Дагестана. Махачкала, 1959. С. 40—42.

4.57. Афанасьев Ю. Прошлое и мы // Коммунист. М., 1985. № 14. С. 105—116.

4.58. Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 213—229.

4.59. Ахмадов Я. З. Феодальная фамилия Турловых в XVI—XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 60—62.

4.60. Ахмедов Ш. М. Сельская община в раннесредневековом Дагестане // ВИД (досов. пер.). Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 59—81.

4.61. Барг М. А., Черняк Е. Б. Социально-классовые отношения в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы методологии и методики исследования // Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985. С. 42—94.

4.62. Бартольд В. В. Дагестан // Собр. соч. В 9 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 408—418.

4.63. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. // Собр. соч. В 9 т. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 21—91.

4.64. Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Собр. соч. В 9 т. М.: Наука, 1966. Т. 6. С. 303—319.

4.65. Бахтамов П. Чирка или Чиркей // Кавказ. 1863. С. 29—30.

4.66. Берже А. Горные племена Кавказа. Кавказ // Живописная Россия. СПб.: М., 1883. Т. 9. С. 69—92.

4.67. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 267—312.

4.68. Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 249—288.

4.69. Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 275—339.

4.70. Бляев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. М., 1983. № 2. С. 54—75.

4.71. Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь: Крайкнигоиздат, 1947. Вып. 1. С. 157—168.

4.72. Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 200—208.

4.73. Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 209—212.

4.74. Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1858. С. 239—246.

4.75. Бушуев С. К. О кавказском мюридизме // ВИ. М., 1956. № 12. С. 72—79.

4.76. Вавилов Н. В. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. М., 1936. № 2. С. 74—83.

4.77. Ведениктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества. СПб., 1837. Ч. 188. С. 21—59.

4.78. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. М., 1981. № 1. С. 35—50.

4.79. Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе: Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. Отд. 2. С. 1—25.

4.80. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1896. Т. 18. С. 1—224.

4.81. Волконский Н. А. Трехлетие в Дагестане. 1849 год // КС. Тифлис, 1884. Т. 8. С. 241—305.

4.82. Вольные общества Дагестана // СИЭ. М., 1963. Т. 3. С. 683.

4.83. Воронов Н. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. 3. С. 1—36. 1970. Вып. 3. Отд. 3. С. 1—40.

4.84. Воспитывать историй // Правда. 1985. 23 марта.

4.85. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, июль 1826 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 84.

4.86. Габиев С. Лаки // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 1—110.

4.87. Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсанов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана: Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 11 с.

4.88. Гаджиев В. Г. Изучение истории феодализма в Дагестане // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 13—15.

4.89. Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 3—25.

4.90. Гаджиев Г. А. Роль и значение идеологического фактора в складывании и укреплении феодализма в Дагестане // Генезис,

основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 86—88.

4.91. Гаджиев Т. В. Джаро-Белооканский союз сельских общин в освещении французского консула Гамбы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 100—104.

4.92. Гамба Г. Отрывки из путешествия Г. Гамбы в Южную Россию и особенно в области, лежащие по ту сторону Кавказа // Северный архив. СПб., 1827. Ч. 27. № 11. С. 237—260.

4.93. Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 1—164.

4.94. Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII—начала XIX в. // СЭ. М., 1960. № 5. С. 12—29.

4.95. Гасанов М. Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII—нач. XIX в.) // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 134—154.

4.96. Гасанов М. Р. О некоторых крестьянских промыслах народов Дагестана периода феодализма // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 83—84.

4.97. Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 337—352.

4.98. Генко Г. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.: Л., 1941. С. 81—111.

4.99. Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Соч. и перев. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль—сент. Т. 17. № 7. С. 3—48; № 8. С. 99—140.

4.100. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 60—120.

4.101. Гидулянов П. Г. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1. С. 1—34.

4.102. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан: Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году // Военный сборник. СПб., 1862. № 2. С. 387—422.

4.103. Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. М., 1965. № 8. С. 14—30.

4.104. Гуревич А. Я. Проблемы земельной собственности в феодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // ВИ. М., 1968. № 4. С. 88—105.

4.105. Данилова Л. В., Данилов В. П. Община // БСЭ. М., 1974. Т. 18. С. 252—256.

4.106. Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 9—60.

4.107. Дебилов П. М. Надмогильные памятники Дагестана XV—XVIII вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. 10. С. 199—213.

4.108. Дебилов П. М. Резные камни в народном декоративном искусстве аварцев // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Т. 4. С. 200—232.

4.109. Десимон А. Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 353—361.

4.110. Дзагурова В. П. Еще раз о союзах сельских обществ // ВИД (досов. пер.). Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 82—89.

4.111. Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отл. 3. С. 1—28.

4.112. Докладная записка ген.-адъют. Спягина ген. Паскевичу. 30 сент. 1827 г. № 4271 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 506.

4.113. Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Дагестанская правда. 1959. 8 июля.

4.114. Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. М., 1963. № 1. С. 16—34.

4.115. Егорова В. П. Пережиточные формы общественного быта у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 89—90.

4.116. Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 121—124.

4.117. Жуков Е. М. К вопросу о критериях периодизации истории // Новая и новейшая история. М., 1979. № 1. С. 3—12.

4.118. Жуков Е. М. Некоторые вопросы социально-экономической формации // Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975. С. 7—24.

4.119. Жуков Е. М. О роли социальной революции в процессе смены общественно-экономической формации // Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985. С. 8—26.

4.120. Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // КС. Тифлис, 1898. Т. 19. С. 221—247.

4.121. З. Л. Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1876. Вып. 9. От. 4. С. 30—61.

4.122. Загурский Л. П. Поездки г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. От. 4. С. 30—51.

4.123. Загурский Л. П. Этнологическая классификация кавказских народов // КК на 1888. Тифлис, 1887. С. 1—12.

4.124. Зевакин Е. С. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. // КСИЭ. М., 1946. Вып. 1. С. 83—84.

4.125. З. (Зиссерман) Л. 10 лет на Кавказе // Современник. СПб., 1854. Т. 48. № 11. С. 1—40.

4.126. Ибн ал-Факих. Из книги о странах / Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. От. 1. С. 1—57.

4.127. Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. М., 1940. № 2. С. 62—72.

4.128. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отл. 1. С. 1—128.

4.129. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 год // Новые ежемесяч. соч. СПб., 1791. Ч. 52.

4.130. Икаев. Кустарные промыслы в Дагестане // Кавказское сельское хозяйство. Тифлис, 1900. №№ 34, 35, 38, 39.

4.131. Исаева Т. А. Общее и особенное в развитии феодализма у народов Северного Кавказа в советской историографии // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 183—186.

4.132. История и нравственность. Для чего мы обращаемся к прошлому // Правда. 1988. 28 янв.

4.133. Кайтахские рукописи // АКАК. Тифлис, 1867. Т. 2. С. 1071—1084.

4.134. Калоев Б. А. Агулы: Историко-этнографический очерк // КЭС. М.: Л., 1962. С. 69—109.

4.135. Калоев Б. А. Из истории земельных отношений агулов в XIX—начале XX в. // КСИЭ. М., 1954. Т. 20. С. 44—51.

4.136. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1—130.

4.137. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. Отл. 1. С. 1—57.

4.138. Карнаилов О. Аул Чох // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. 4. С. 1—24.

4.139. Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. описа-

ние Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 306—312.

4.140. Ковалевский М. М. Дагестанская «народная правда» // Этнографическое обозрение. М., 1890. № 1. С. 1—24.

4.141. Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. М., 1883. Кн. 12. С. 137—154.

4.142. Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. № 12. С. 513—551.

4.143. Ковалевский С. Д. К вопросу о понятии «военная демократия» // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 198—213.

4.144. Колоколов П. Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 313—318.

4.145. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. 1. С. 1—80.

4.146. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8. С. 1—49.

4.147. Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1—123.

4.148. Константинов В. Куба // КК на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 334—339.

4.149. Константинов О. И. Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1856. № 2, 3.

4.150. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. Ч. 1. С. 265—374.

4.151. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1958. Ч. 2. С. 139—274.

4.152. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. М., 1962. Ч. 3. С. 158—288.

4.153. Косвен М. О. Патронимия и проблемы структуры рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 257—266.

4.154. Косвен М. О. Проблемы общественного строя горских народов в ранней русской этнографии // СЭ. М., 1951. № 1. С. 7—21.

4.155. Косвен М. О. Очерки этнографии Кавказа // СЭ. М.: Л., 1946. № 2. С. 109—144.

4.156. Костемеровский. Салатавия // Кавказ. 1878. № 1.

4.157. Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 5—56.

4.158. Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и

скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 279—297.

4.159. Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана // СА. М., 1965. № 3. С. 5—13.

4.160. Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 252—264.

4.161. Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 335—336.

4.162. Кузнецов. В дёбрях Дагестана // ИИРГО. СПб., 1913. Т. XLIX. Вып. 1. С. 1—251.

4.163. Кумыков Т. Х., Азаматов К. Г. Особенности земельных отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Социально-экономические проблемы Российской деревни: Материалы XVII сес. симпози. по изучению проблемы аграрной истории. Ростов н/Д, 1978. Ростов, 1980. С. 157—169.

4.164. Лавров Л. И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 6—18.

4.165. Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Сб. 1. С. 179—225.

4.166. Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и в настоящем // КЭС. М.: Л., 1962. С. 100—157.

4.167. Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 1—58.

4.168. Линден В. Краткий очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 249—315.

4.169. Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. Отд. 1. С. 1—54.

4.170. Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 6—59.

4.171. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. 3. С. 1—32.

4.172. Любимова Г. Н. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана // Памятники культуры: Исследования и реставрации. М., 1956. Т. 3. С. 7—36.

4.173. Магомедов А. Р. Горская средневековая община (к методологии изучения) // ИСКНЦ ВШ. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1984. № 4. С. 29—34.

4.174. Магомедов А. Р. Исследование общинного землевладения в горных обществах средневекового Дагестана // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 192—195.

4.175. Магомедов Д. М. Занятия населения Дидо в XVIII—XIX вв. // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 215—242.

4.176. Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII—начале XIX вв. // ВИЭД. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 169—184.

4.177. Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах // ВИД (досов. период). Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 95—110.

4.178. Магомедов Д. М. История заселения Алазанской долины народами Дагестана // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географ. исслед. в Дагестане. (Окт. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 127—128.

4.179. Магомедов Д. М. К вопросу изучения средневековых поселений и их социального строя (горный Дагестан) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 133—145.

4.180. Магомедов Д. М. К вопросу об образовании союзов сельских общин Дагестана // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. (27—28 апр. 1984 г.). Махачкала, 1984. С. 27—28.

4.181. Магомедов Д. М. К вопросу о локализации дидойцев в раннем средневековье // Тез. докл. конф., посвящ. итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1981. Вып. 3. С. 78—79.

4.182. Магомедов Д. М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XX в. Махачкала, 1981. С. 26—43.

4.183. Магомедов Д. М. Некоторые результаты историко-этнографического исследования Дидо (Цунта) // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1971—1972 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1973. С. 23—25.

4.184. Магомедов Д. М. Развитие феодализма в Западном Дагестане в XVIII—нач. XIX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 53—54.

4.185. Магомедов Д. М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 92—116.

4.186. Магомедов Д. М. Социальный строй средневековых поселений горного Дагестана (X—XV вв.) (по полевым материа-

лам // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 34—36.

4.187. Магомедов Д. М., Магомедов Н. А. Положение зависимого сословия в общинах Западного Дагестана // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. (28—29 апр. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 31—32.

4.188. Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды второй науч. сес. Даг. Базы АН СССР. Махачкала, 1949. С. 81—94.

4.189. Магомедов Р. М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 7—9.

4.190. Магомедов Р. М. О типах генезиса феодализма в Дагестане (историографические наблюдения) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 33—35.

4.191. Мансуров Ш. М. Об образовании Салатавского союза сельских общин // III конф. молодых ученых: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 34.

4.192. Мансуров Ш. М. О социальных конфликтах в Салатавском союзе сельских общин // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 57—64.

4.193. Мансуров Ш. М. Формы землевладения в Салатавском союзе сельских общин (по полевым материалам) // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 37.

4.194. Мансурова А. Г. Историко-этнографический материал об административном управлении Цудахарского союза сельских обществ // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982. С. 26—27.

4.195. Мансурова А. Г. Развитие промыслов в Цудахарском союзе сельских общин в I половине XIX в. // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. (28—29 апр. 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 35.

4.196. Маретина С. А. Роль географического фактора в общественном развитии горских народов Индии // Роль географического фактора в развитии докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С. 199—217.

4.197. Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 106—121.

- 4.227. Османов М. О. Даргинские пословицы и поговорки // Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961. С. 207—213.
- 4.228. Османов М. О. К вопросу о формах скотоводства в Дагестане // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1973—1974 гг.: тез. докл. Махачкала, 1976. С. 15—17.
- 4.229. Османов М. О. Некоторые вопросы даргинской топонимики (материалы по названиям селений) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 14. С. 283—307.
- 4.230. Османов М. О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. (Серия обществ. наук). Махачкала, 1970. Т. 20. С. 283—302.
- 4.231. Османов М. О. О некоторых видах феодальной эксплуатации, связанных с формами скотоводства // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: тез. докл. Махачкала, 1980. С. 50—52.
- 4.232. Османов М. О. Поселения даргинцев в XIX—XX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. 10. С. 214—238.
- 4.233. Османов М. О. Формы скотоводства даргинцев в XIX—XX вв. (в связи с регионами видовой содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 39—55.
- 4.234. Османов М. О. Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX—начале XX в. // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 21—38.
- 4.235. Отношение гр. Канкрин к барону Розену от 29-го августа 1833 года // АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 135.
- 4.236. Отношение гр. Паскевича к гр. Несельроде, 18 февраля 1830 г. № 115 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 530—531.
- 4.237. Отношение гр. Паскевича к гр. Несельроде, 13 сентября 1828 г. № 683 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 507—511.
- 4.238. Пастухов А. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-Даг // Кавказ. 1893. № 73, 74.
- 4.239. Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. Кн. 1. С. 191—228.
- 4.240. Петухов П. Очерк К.-Табасаранского округа. (В Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.
- 4.241. Пигулевская Н. В. К вопросу об азиатском способе производства // ВДИ. М., 1965. № 3. С. 83—89.

- 4.242. Письмо Анцухского кадия Халила // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 862.
- 4.243. Письмо ген. Ермолова к ген.-л. Дельпоцо, 18 ноября 1816 г. № 15 // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 30—31.
- 4.244. Письмо ген.-л. Кнорринга к Анцухскому обществу, 13 мая 1802 г. // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 657.
- 4.245. Письмо ген.-л. Кнорринга к кн. П. Д. Цицианову, 4 декабря 1802 г. № 361 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 406—411.
- 4.246. Письмо гр. Гудовича к Аварскому Султан-Ахмед-хану, 2 октября 1807 г. № 517 // АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 367.
- 4.247. Письмо ген. Ртищева к Ансальдинскому обществу, 30 июня 1812 г. № 212 // АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 614.
- 4.248. Письмо ген. Торماسова к Болхолскому обществу, 24 октября 1809 г. № 554 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 600—601.
- 4.249. Письмо ген. Торماسова к обществу Шюдротскому, 20 мая 1809 г. № 117 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 599.
- 4.250. Письмо Курбана Каратинского к ген. Ртищеву // АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 612.
- 4.251. Письмо Лезгинского владельца Алисканди к кн. Цицианову // АКАК. Тифлис, 1867. Т. 2. С. 755.
- 4.252. Письмо Мегди-шамхала к ген. Ермолову, 7 джемади-ус-сани 1234 (1818) г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 92—93.
- 4.243. Письмо общества Анцух к главнокомандующему // АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 611—612.
- 4.254. Письмо сендов и кадиев общества Хаждоды, составляющих народонаселение Баколала, к ген. Ртищеву // АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 613.
- 4.255. Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову, 13 джемади-ус-сана 1224 (1809) г. // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 607—609.
- 4.256. Полемика дагестанских ученых по вопросу об отчуждении собственности по назру (обету) // ССКГ. Тифлис, 1971. Вып. 5. Отд. 4. С. 3—40.
- 4.257. Потанов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. М., 1954. № 6. С. 73—89.
- 4.258. Почвенная карта // Атлас Дагестанской АССР. М., 1979. С. 12.
- 4.259. Предписание ген. Ермолова ген.-м. Грекову, 19 августа 1823 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 29—30.
- 4.260. Предписание ген. Ермолова ген.-м. кн. Мадатову, 26 сентября 1822 г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 29.
- 4.261. Предписание ген. Тормасова ген.-м. Ахвердову, 11 августа 1809 г. № 367 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 599—600.

- 4.262. Предписание ген. Торماسова ген.-м. Ивеличу 3-му, 26 октября 1809 г. № 377 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 601.
- 4.263. Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. СПб., 1867. Т. 3. № 9. С. 141—192.
- 4.264. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1860. Кн. 4. Т. 12. С. 269—318.
- 4.265. Пронштейн А. П. Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 5—7.
- 4.266. Пункты, предложенные ген.-м. кн. Орбелиани Гудовичу, 16 октября 1809 г. № 520 // АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 370.
- 4.267. Раджабов Г. А. О системе управления сельской общиной в Ширване // Вопросы истории Азербайджана: Сб. статей аспирантов. Баку, 1966. С. 131—143.
- 4.268. Рапорт ген.-л. Репина ген. Торماسову, 13 мая 1809 г. № 550 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 674.
- 4.269. Рапорт ген.-м. Гулякова кн. Цицианову, 20 февраля 1803 г. № 40 // АКАК. Тифлис, 1867. Т. 2. С. 154—155.
- 4.270. Рапорт ген.-м. фон-Краббе ген. Ермолову, 19 января 1825 г. № 61 // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 69.
- 4.271. Рапорт ген.-м. фон-Краббе ген. Ермолову, 4 августа 1824 г. № 1220 // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 68.
- 4.272. Рапорт ген. Паскевича начальнику Главного Штаба Е. И. В., 23 апреля 1827 г. № 218 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 505—506.
- 4.273. Рапорт д. с. с. Ковалевского ген.-л. Кноррингу, 13 июля 1802 г. № 702 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 660.
- 4.274. Рапорт подполк. Меддокса гр. Паскевичу, 18 февраля 1831 г. № 19 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 517—518.
- 4.275. Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. 6. С. 221—477.
- 4.276. Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. М., 1978. № 2. С. 15—24.
- 4.277. Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов Горного Кавказа // СЭ. М., 1968. № 1. С. 93—104.
- 4.278. Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 281—292.
- 4.279. Россиков К. Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан в 1882 г. // ЗКОРГО. Тифлис, 1883. Т. 13. Вып. 1. С. 278—306.

- 4.280. Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1862. № 8. С. 373—404.
- 4.281. Рупрехт Ф. И. Верхний предел различных культурных растений на главном Кавказском хребте: Оттиск из «Зап. имп. АН», 1860. Т. 5. С. 177—191.
- 4.282. Ртищев Н. Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 247—251.
- 4.283. Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968. С. 250—290.
- 4.284. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 7—86.
- 4.285. Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 197—199.
- 4.286. Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 138—156.
- 4.287. Скалон Ф. П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 276—278.
- 4.288. Собственноручное письмо Г. И. Николая Павловича к ген. Нейдгардту от 2 февраля 1844 г. // АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. С. 748—749.
- 4.289. Собственноручное предписание ген. Ермолова ген.-л. Вельяминову, 11 января 1819 г. Андрей // АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 38.
- 4.290. Сокольский В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // ЖМНП. СПб., 1881. Ч. ССXVIII. С. 39—50.
- 4.291. Статистика и другие сведения // АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 293—254.
- 4.292. Стебницкий У. И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // ЗКОРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 139—151.
- 4.293. Стродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М.: Наука, 1977. С. 42—55.
- 4.294. Струве В. В. Марксово определение раннеклассового общества // СЭ. М.: Л., 1940. № 3. С. 5—22.
- 4.295. Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. М., 1935. № 5. С. 116—137.
- 4.296. Тихвинский С. Л. Задачи координации в области исторической науки // История СССР. М., 1988. № 1. С. 118—130.

- 4.297. Тихвинский С. Л. Советская историческая наука в предверии XXVII съезда КПСС // Коммунист. М., 1986. № 1. С. 95—107.
- 4.298. Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 125—137.
- 4.299. Ткавашвили М. Г. Торговля и обмен между Грузией и Дагестаном в первой трети XIX века // Вопросы истории народов Кавказа: Сб. статей, посвященный памяти З. В. Анчабадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 266—273.
- 4.300. Тогошвили Г. Д. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 15—16.
- 4.301. Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 137—138.
- 4.302. Удальцова З. В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых // ВИ. М., 1965. № 12. С. 143—151.
- 4.303. Умаров С. Ц. О некоторых особенностях классовообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI—XX вв.). Грозный, 1980. С. 7—26.
- 4.304. Умаханов М.-С. К. К вопросу о социальной борьбе в союзах сельских обществ Дагестана в XVII веке // ВИД (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 198—228.
- 4.305. Умаханов М.-С. К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ в Дагестане в XVII—XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 63—82.
- 4.306. Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в новейших работах советских историков // ВИ. М., 1958. № 5. С. 130—137.
- 4.307. Федосеев П. Общественные науки — на уровень новых требований жизни // Коммунист. М., 1986. № 18. С. 64—75.
- 4.308. Френ. О народе Кавказском Кубачи // ЖМНП. М., 1840. Т. 8. Ч. 27. С. 87—107.
- 4.309. Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 88—139.
- 4.310. Хамраев А. Х. Несколько образцов наследственного

- вакфа // Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та. Ташкент, 1947. Вып. 25. С. 205—217.
- 4.311. Хаников Н. Очерки ученой деятельности на Кавказе // Кавказ. 1851. № 25.
- 4.312. Хасиев С. Х. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX—начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII—начало XX века). Грозный, 1986. С. 69—77.
- 4.313. Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Т. 1. С. 42—78.
- 4.314. Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 265—275.
- 4.315. Черепнин Л. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. М., 1985. № 1. С. 63—73.
- 4.316. Чистов К. В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 3—24.
- 4.317. Чурсин Г. Ф. Праздник «Выхода плуга» у горских народов Дагестана // Изв. Кавк. ист.-археолог. ин-та. Тифлис, 1927. Т. 5. С. 43—60.
- 4.318. Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13. Сер. ист. С. 104—134.
- 4.319. Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии Дагестана X—XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей и материалов. Махачкала, 1980. С. 65—81.
- 4.320. Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих-Дагестан» Мухаммеда-Рафи. (К вопросу изучения) // Письменные памятники востока (ист.-филол. исслед.). Ежегодник, 1972. М., 1977. С. 90—113.
- 4.321. Шихсаидов А. Р. К вопросу о локализации Филана // Онамастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 78—87.
- 4.322. Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 329—334.
- 4.323. Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Соч. и перев., к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, ноябрь. С. 387—405.
- 4.324. Штаерман Е. М. О повторяемости в истории // ВИ. М., 1965. № 7. С. 3—20.
- 4.325. Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 298—299.

- 4.326. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. № 1. С. 124—165.
- 4.327. Юров А. Три года на Кавказе. 1837—1839 // КС. Тифлис, 1884. Т. 8. С. 1—240.
- 4.328. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 225—404.
- 4.329. Юров А. 1843 год на Кавказе // КС. Тифлис. 1882. Т. 6. С. 1—220.
- 4.330. Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. (Исторический). Свердловск, 1938. Вып. 1. С. 65—86.
- 4.331. Юшков С. В. К вопросу о границах древней Кавказской Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 129—148.
- 4.332. Юшков С. В. К вопросу о феодальном («варварском») государстве // ВИ. М., 1946. № 7. С. 45—65.
- 4.333. Яишников Т. Н. Выдержки из описания лезгиноджарских вольных обществ. 1830 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 300—303.
- 4.334. Яишников Т. Н. Описание владения илисуйского султана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 304—305.
- 4.335. Якут. Алфавитный реестр стран / Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 11—17.

5. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- 5.1. Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, Verlag der Deskerschen Gieheimen oder Hofbuchdruckerei, 1855. 388 S.
- 5.2. Cunynghame A. Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seas, especially in Daghestan, and on the frontiers of Persia and Turkev, during the summer of 1871. London: Jahn Murray, Albemarle street, 1872. XVI—367 p.
- 5.3. Deshy von Moris. Kaukasus Reisen und Forschungen im kaukasischen Hochgebirge. Berlin: Dietrich Reimer (Ernst Vohsen), 1906. Bd. 2. XVI—396 S.
- 5.4. Ellis G. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian; with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London: Edwards. 1788. 80 p. 1 map 26 cm.
- 5.5. Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig. Verlag von Frihberg, 1887. VII.—385 S. Mit Textbild und Tabeln.
- 5.6. Güldenstädt I. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St. Pbg., 1787. Bd. 1. 535 S., 1791. Bd. 2. 552 S.

- 5.7. Klaproth J. Beschreibung des russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814. 1 map.
- 5.8. Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen dem Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, Lauges Industrie-Comptoir, 1814. 218 S. 21 cm.
- 5.9. Klaproth J. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris: Leipzig, 1827. 187 P. 22 cm.
- 5.10. Neue Allgemeine Geographische und Statistische Ephemeriden. Bd. 12. Weimar, 1825.
- 5.11. Reineggs J. Allgemeine historisch-geographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha: St. Pbg., 1796. 432 S.
- 5.12. Wahl G. Altes und neues Vorder und Mittel-Asien, oder pragmatisch-geographische, physische und statistische Schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. Leipzig, 1795. 462 S.

6. АВТОРЕФЕРАТЫ

- 6.1. Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 304 с.
- 6.2. Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1941. 225 с.
- 6.3. Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России и его историческое прогрессивное значение: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 407 с.
- 6.4. Каждан А. П. Крестьянская собственность и формы феодальной зависимости в поздней Византии (преимущественно в XIII—XIV вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947. 355 с.
- 6.5. Сандова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947. 300 с.
- 6.6. Соболева О. В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII—начале XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 295 с.
- 6.7. Эфендиев М. М. Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1958. 650 с.

7. АВТОРЕФЕРАТЫ

7.1. Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—начале XX вв.: Историко-этнографические очерки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 17 с.

7.2. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—нач. XIX вв.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. 34 с.

7.3. Асиятилов С. Х. Социалистические преобразования в хозяйстве аварцев (историко-этнографические очерки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 26 с.

7.4. Ахмедов Ш. М. Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V—XI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971. 21 с.

7.5. Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972. 46 с.

7.6. Гасвиани Г. А. Из истории горцев Западной Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1974. 85 с.

7.7. Карпов Ю. Ю. «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII—первой половине XIX веков.: К вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 18 с.

7.8. Киласов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII—первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 37 с.

7.9. Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. 13 с.

7.10. Магомедов Н. А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло. Торговля. Налогово-финансовая система): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1985. 13 с.

7.11. Мансуров Ш. М. Социально-экономическое и политическое положение Салатавского союза сельских общин в конце XVIII—первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1986. 17 с.

7.12. Рагимова Б. Г. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 20 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	10
1. История изучения вопроса	10
а) Обзор литературы дооктябрьского периода	10
б) Союзы сельских общин в трудах отечественных исследователей советского периода	17
2. Характеристика письменных источников	30
3. Обзор литературных источников	36
4. Материал эпиграфики, топонимики, этнографии	38
Глава II К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН	50
1. Решающие социально-экономические и политические факторы образования союзов сельских общин. Пути и формы объединений	51
Глава III ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	77
1. Земледелие. Соотношение с другими видами хозяйственной деятельности	77
2. Садоводство и огородничество	81
3. Животноводство (вопросы классификации, развитие отдельных видов)	84
4. Ремесла и кустарная промышленность. Ремесленные центры, их роль в судьбах общины. Отходничество и его роль в ломке замкнутости общины	89
5. Торговля и торговые пути	98
Глава IV ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ. ПУТИ ИХ ЭВОЛЮЦИИ	125
1. Частное (мюльковое) землевладение (сущность, формы, пути формирования и развития)	125

2. Мечетское землевладение. Источники формирования, особенности форм и пользования	134
3. Общинное землевладение (виды, категории угодий, формы пользования), роль в сохранности общинных отношений	140
4. Тухумное землевладение как пережиток коллективной собственности на землю	149
Глава V СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН	162
1. Классификация союзов сельских общин	162
2. Социальное развитие союзов сельских общин, входивших в состав феодальных владений и подпавших под их зависимость. Формы зависимости и эксплуатации	164
3. Особенности социальной стратификации, форм зависимости и эксплуатации в самостоятельных союзах сельских общин. Тенденция развития	183
Глава VI. СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ	228
1. Названия, количество, состав и численность населения союзов сельских общин и их объединений	228
2. Структура тухума и джамаата	231
3. Административно-политическое управление сельских общин	235
4. Структура административно-политического управления союзов сельских общин	249
5. Политическая система объединений (федераций) союзов сельских общин	256
6. Военная организация (система формирования, численность)	261
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	289
БИБЛИОГРАФИЯ	291

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Багомед Гадаевич АЛИЕВ

СОЮЗЫ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА
В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Сдано в набор 16.04.99. Подписано в печать 28.09.99.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага Писчая. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Уч.-изд. л. 21. Усл. печ. л. 19,8. Тираж 500.
Заказ 162.

ЛР № 040945

Издательство типографии
Дагестанского научного центра РАН

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

502

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru